

ОРДИН-НАЩОКИН

Виктор
Лопатников

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Герой книги — боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, государственный деятель и дипломат XVII века. Являясь одним из просвещеннейших русских людей своей эпохи, он играл важную роль в выстраивании отношений России и Европы, в попытках обновления страны. Сопротивление врагов нового, нежелание царя Алексея Михайловича защитить своего ближнего боярина привели к отставке Ордина-Нащокина с должности главы Посольского приказа. Последние годы он провел в монастыре на родной Псковщине, а его реформаторские планы были реализованы только в правление Петра Великого, многие соратники которого были учениками Ордина-Нащокина. Жизнь выдающегося политика, просветителя, патриота на фоне его эпохи — тема исследования историка и дипломата Виктора Алексеевича Лопатникова, находящего удивительное сходство между событиями XVII столетия и наших дней.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Виктор Лопатников](#)
 -
 -
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)

- [illegible]

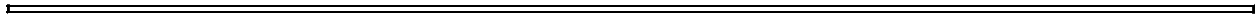
- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [INFO](#)
- [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)

- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1875

(1675)

Виктор Лопатников

ОРДИН-НАЩОКИН ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

*Автор благодарит за помощь в работе
Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ),
Российский государственный архив древних актов (РГАДА),
Санкт-Петербургский филиал Института российской
истории РАН,
Российскую государственную библиотеку,
Российскую национальную библиотеку,
администрацию Псковской области,
а также:
Р В. Бирюкова, Е. А. Борисову, А. В. Лихоманова,
С. Ф. Лукина, А. В. Максимова, В. Г. Михайлова,
Н. В. Филичкину, Р Р Хаджибагиянца, Н. Б. Шумайлову.*

Лопатников В. А., 2017
Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2017

*И русская душа безбрежней,
Чем это кажется во сне,
И вечно остается прежней
При небывалой новизне.*

Борис Пастернак

ОТ АВТОРА

Писать книгу о боярине Афанасии Лаврентьевиче Ордине-Нащокине непросто. Слишком многое из тех сведений о нем, что сохранились до наших дней, разрозненно, фрагментарно, изложено предвзято. Пространство второй половины XVII века заполнено фигурами, казалось бы, более значительными, влиятельными и яркими. Харизматичными, крупными по своему масштабу выглядят личности священнослужителей: патриарха Никона и его непримиримого противника, протопопа Аввакума. Глубокий след в национальной истории оставило восстание под предводительством крестьянского вождя Степана Разина. В когорте тех, кто играл важную роль в государственных делах, на первых ролях выступали такие фигуры, как Н. И. Одоевский, Ю. А. Долгоруков, Ф. М. Ртищев, А. С. Матвеев.

Наконец, саму эпоху олицетворяет Алексей Михайлович — самодержец всея Руси, второй царь из династии Романовых, правление которого протекало весьма бурно и имело важные для страны последствия. Исторический парадокс заключается в том, что самодержец, закрепивший за собой в веках определение «тишайший», изумлявший современников своей кротостью, истовой набожностью, своим правлением взбаламутил Россию. Церковный раскол, внесший разлад в многовековой жизненный уклад, отозвался долгим эхом в судьбах православных верующих. «Если бы не раскол русской церкви XVII века, не было бы революции 1917 года», — утверждал Александр Солженицын. Кровавые войны, народные восстания, казни бунтовщиков и раскольников сопровождали годы царствования Алексея Михайловича. Происходившее в стране непосредственно сказывалось на судьбах государевых людей, к каким принадлежал и Ордин-Нащокин. Его служение, как и карьеры других людей, вовлеченных в дела царствования, неотделимо от событий времени, в которое они жили.

Правление Алексея Михайловича, длившееся на протяжении более трех десятилетий, с 1645 по 1676 год, отстоит от нас почти на четыре века. Далеко ли это? С одной стороны, далековато, а с другой — не настолько, чтобы оставаться безвестным, непознанным. Об эпохе, как и о самом самодержце, написано и опубликовано немало научных трудов, книг, монографий, статей. Казалось бы, исследовано уже все из доступного архивистам, историкам, публицистам. XVII век оставил потомкам многочисленные документы, мемуарные свидетельства, обширное

эпистолярное наследие. Сохранились путевые заметки и дневники тех иностранцев, кто, побывав в гуще российской действительности, оставил наблюдения из Московии, впечатления о ее повседневности. Однако вопрос о том, какова была тогдашняя Русь, как соотносилась ее жизнь с жизнью окрестных государств и народов, по-прежнему остается открытым. В силу каких причин и обстоятельств выстраивался ее самобытный путь? Что и кто предопределяли ее движение во времени? Все ли здесь так стройно и просто, как утверждается в иных историко-публицистических творениях?

Исследователи и прежнего, и новейшего времени, ссылаясь на одни и те же источники, по-разному определяют свой подход к освещению времени и его творцов. Выстраиваемая ими картина, в силу разных причин, не всегда правдива и объективна. Суждения и оценки историков определялись состоянием общества, условиями, которые выдвигала та или иная эпоха. Два периода отечественной исторической науки, — монархический, имперский и советский, тоталитарный, — обуславливали соответствующие исторические интерпретации. Крайности, присущие национальному самосознанию россиян, особенно ярко проявляются в отношении к своему прошлому. Один из самых явных примеров этого — полярность в трактовке имперского периода в истории России и роли в нем монархии Романовых.

2013 год — год 400-летия окончания Смуты и воцарения на российском престоле династии Романовых — привнес немало нового в процесс познания и осмысления исторического пути России. Сложились обстоятельства, благоприятствующие углубленному анализу прошлого российской государственности, роли тех, кто стоял во главе Московского княжества, Русского царства, Российской империи. В своем интервью глава Российского императорского дома великая княгиня Мария Владимировна Романова сказала: «Нам есть, чем гордиться, и есть, в чем каяться... Те, кто критикует Императорский дом, зачастую приносят ему больше пользы, чем те, кто пытается, пусть и из самых лучших побуждений, создать лакированный, но далекий от действительности образ»^[1]. Это суждение, высказанное спустя четыре столетия, весьма показательное. Юбилейная годовщина вызвала прилив интереса к истории династии, к судьбам ее многочисленных представителей.

Дом Романовых для непосвященных по-прежнему окружен ореолом чуть ли не святости, нерушимого величия, свойственным российской дореволюционной историографии. Разрушение Советского Союза, отказ от идей социализма воскресили эти представления столетней давности, снова возвели на пьедестал царей и их приближенных. Были, однако, ученые и

публицисты, не стремившиеся превозносить роль династии Романовых в нашей истории. По их мнению, монархическая идея могла бы быть куда работоспособнее, а исторический путь России сложился бы куда более благоприятно, окажись на русском престоле другие люди. Подобные «несвоевременные мысли» было бы легко отбросить, если бы перед нашим историческим взором не стояла драматическая судьба Отечества.

Царствование Алексея Михайловича Романова в этом смысле выступает историческим подтверждением тому, в какой мере монарх и его правление воплощали в себе идею российской государственности. Если были ошибки, что стало их причиной? А если что-то удалось, то как, в силу каких обстоятельств и благодаря кому? Только ли царь, который вступил на престол подростком, единолично отвечает за все хорошее и плохое, что связано с его правлением?

В самом деле, все ли русские цари и императоры являли собой воплощение мудрости, воли, государственных способностей? Так ли безукоризненны были их решения, предопределявшие исторические пути России? Совершались ли они по одной лишь воле самодержцев? Не вопреки ли ей порой выстраивалась будущность страны? Размышления подобного рода дают повод обратиться к системе государственной власти, которая долгое время существовала в России, пока не рухнула в начале XX века — трагически и для многих внезапно. Изучение того, как строилось монархическое правление, помогает нам понять, когда, на каких этапах, в силу каких обстоятельств монархическая идея работала на благо страны, а когда становилась препятствием на пути исторического прогресса.

В ходе смены эпох в рамках самой монархической идеи нередко происходило такое, что противоречило логике ее воплощения в реальных государственных делах. Случалось так, что сам носитель, оберегатель устоев, своими деяниями опровергал ценностный смысл самодержавия, ставил под угрозу само существование государства. Это и привело к революции 1917 года, к крушению монархического абсолютизма. Главное событие начала XX века обернулось неисчислимыми бедствиями, очередной смутой, а в итоге вывело Россию на либеральный путь, к возрождению капитализма.

90-е годы XX века положили начало этапу новейшей истории России, отмеченному отменой цензуры и безбрежным плюрализмом мнений. Время вынесло на поверхность суждения, опровергающие прежние подходы. Пересмотр, казалось бы, навсегда устоявшихся взглядов на предшествующую историю сопровождался ниспровержением авторитетов, появлением иных, прямо противоположных устоявшимся, теорий и оценок.

При этом обвинительный уклон, свойственный в то время многим авторам, рисовал прошлое Отечества в весьма мрачных тонах. Привлекательность такому подходу придавало привлечение ранее неизвестных, забытых, а порой и скрытых завесой секретности, замалчиваемых источников. Появление новых фактов и концепций повергало ученый мир в растерянность. Тем не менее познавательный процесс, отбрасывая крайние суждения, во всё большей мере выявляет тенденции к тому, чтобы определить сущность, обозначить смысл того, какие ценности остаются незыблемыми, нетленными, на что далее следует опираться, во имя какого будущего создается настоящее. Все больше людей задается вопросом: какой должна быть идея, указывающая путь России в будущее? Это, как и отрицание потребности в такой идее, вызывает к жизни многочисленные дискуссии. Они ведутся на разных уровнях и в разных кругах — научных и околонаучных.

Тем, кто посвятил себя историко-философскому знанию, известна великая сила идей, создававших и двигавших сообщества в пространстве и времени. Эти идеи — революционные, радикальные, либеральные, религиозные, утопические, эволюционные — произрастали и на русской почве. «Новейшая Россия, ее общественная мысль, неизбежно вынуждена будет решать идейные вопросы, искать и находить нужные ответы, тем самым выстраивая свой путь в будущее», — написал президент Финляндии Мауно Койвисто, находясь под впечатлением от крушения Советского Союза и вызванных этим потрясений. Исходя из исторического опыта прошлого Руси, Российской империи, Советского Союза, он обосновал свои взгляды в книге «Русская идея»^[2]. Наделенный глубокими познаниями политик прослеживает трансформацию духовных ценностей, питавших российскую государственность на различных этапах ее исторического пути. Мауно Койвисто отнюдь не одинок в своих историко-философских изысканиях. Изучением исторических процессов, их генезиса под воздействием разного рода идей, заблуждений, ошибок и вызванных этим последствий увлечены многие мыслящие люди, как в России, так и за ее пределами.

При этом в истории еще остается немало непознанного, непроясненного. Масштабная исследовательская работа не терпит поспешности, предполагая сопоставление взглядов, оценок, суждений на основе объективности и профессионализма. Обращаясь к исследованию судеб таких выдающихся исторических личностей, как А. М. Горчаков, Н. П. Румянцев, А. Л. Ордин-Нащокин и других, внесших несомненный вклад в строительство российской государственности, испытывая глубокое

уважение к истории, автор исходит из того, что не следует обходить ее острые углы, стыдливо маскируя просчеты и провалы. «Я люблю Россию больше жизни, — говорил Петр Чаадаев, — но истину я люблю еще больше». Приходится исходить из того, что исторические факты — упрямая вещь, а попытки их облагораживать, интерпретировать в желаемом духе деформируют и искажают представление об историческом пути поколений. Это, в свою очередь, обрекало и будет обречать нас на ошибки, на которые указывает предшествующий, не осознанный как положено исторический опыт.

По мере того как массовое сознание освобождается от культового восприятия царей, императоров, вождей, из глубин прошлого все больше проступают личности, благодаря которым Россия проследовала сквозь время, сохраняя и возвышая себя в сообществе других стран и народов. Появляется возможность осознать разницу между теми, кто искренне, не щадя сил, заботился о государственных интересах, и теми, кто, злоупотребляя властью, движимый честолюбием и жаждой славы, вел государство в тупик. Исключительно важная задача состоит именно в том, чтобы выводить из тени имена и деяния подлинных строителей России.

*

В историческом центре Великого Новгорода вот уже более полутора столетий возвышается грандиозный памятник «Тысячелетие России»^[3]. Он был воздвигнут в 1862 году к тысячелетнему юбилею начала княжения на Руси варяжского князя Рюрика. Тем самым были созданы предпосылки к консолидации разделенных усобицами восточнославянских земель в единое государство. Создатели монумента постарались вместить в его пространство образы выдающихся соотечественников, внесших исключительный вклад в многовековую историю России.

Наше внимание к памятнику обусловлено тем, что среди многих видных деятелей разных эпох и царствований на нем представлен и Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. В этом факте скрыта определенная загадка. В силу каких заслуг боярин времен Алексея Михайловича оказался в ряду выдающихся соотечественников и был уравнен с ними? Уже одно это обстоятельство побуждает к тому, чтобы попытаться понять смысл того, что связано с именем и служением Ордина-Нащокина. Это знание должно быть настолько глубоким, чтобы по возможности полно представить масштаб его личности, осознать то, что

позволило потомкам отвести Ордину-Нащокину столь почетное место на пьедестале отечественной истории. Прояснить истинное значение этого деятеля далекого прошлого Руси совсем не просто. Афанасий Лаврентьевич не принадлежал к числу тех государственных деятелей, кто в царствование Алексея Михайловича предопределял ход событий и, тем более, был их творцом. Многие из того хорошего и плохого, что происходило на авансцене государственной жизни, не было связано с его участием. Люди, оказавшиеся на острие событий той эпохи, затмили собой то существенное, что нам хотелось бы знать о их современнике — Ордине-Нащокине. Несомненно, однако, что после его ухода из жизни новаторские проекты, которые он вынашивал и стремился продвигать, оказались востребованы, введены Петром I в оборот государственной политики.

Большую часть государственной службы, охватившей пять десятилетий жизни Ордина-Нащокина, его держали в отдалении, в лучшем случае на вторых ролях. При жизни ему мало в чем довелось проявить себя в роли «первой скрипки». И если какое-то время ему удалось служить на первых государственных должностях, то время это было недолгим. При этом он неизменно испытывал на себе давление со стороны вельможного окружения государя. «Они службишке нашей мало доверяют», — говорил он в таких случаях. Такова была общепринятая практика того времени — судить о человеке не по его делам, а по сословной принадлежности, в чем он, как известно, «отечеством не вышел». Он оказывался востребован лишь там и тогда, где требовались дипломатическое искусство и государственная мудрость, где никто другой не мог справиться с нагромождением обстоятельств. При этом в источниках его участие обозначается буквально одной-двумя строками, а если он и присутствует, то где-то там, где должен занимать место по его рангу и сословию. При том что пространство царствования Алексея Михайловича плотно заселено сонмом ярких, состоявшихся личностей, остаются до конца непроясненными причины и обстоятельства, по которым о Нащокине заговорили лишь потом, когда, как водится, настало время «остановиться, оглянуться».

Это время пришло в середине XIX века. Именно тогда постепенно начали приоткрываться масштаб этой выдающейся личности и ее заметная роль в судьбе российской государственности. Исторические документы из архивных хранилищ приоткрывали свидетельства о служении россиянина, представление о котором, казалось, навсегда кануло в бездну времени. Были выявлены источники, из которых видно, сколь сложны были окружающие его судьбу обстоятельства, как неблагоприятно относились к нему соотечественники, насколько неординарна личность их

современника. Нашлись и другие — те, в которых Ордин-Нащокин говорит о себе сам. Это его личные письма, записки, донесения царю.

Тогда на российском престоле воцарился Александр II, император, с чьим именем связаны глубокие структурные преобразования, охватившие все стороны жизни государства. Он окружил себя когортой мыслящих, глубоко образованных людей, предложивших радикальные меры, целью которых было решительное преодоление отставания России от европейских государств. Ключевое место в новаторских планах заняла крестьянская реформа, главный смысл которой состоял в преобразовании на новых основаниях рабовладельческо-крепостнической системы хозяйствования. Возможность осуществления этой грандиозной программы виделась в консолидации всех здоровых сил общества, социальных слоев и классов, готовых включиться в преодоление болезненных пережитков прежних времен. На фоне перестройки в системе государственного и местного самоуправления, реформ в землевладении, юстиции, военном деле в научных кругах усилилась тяга к осмыслению исторического пути, пройденного российской государственностью, к осмыслению исторического пути, пройденного ее создателями. Наступил уникальный, неведомый ранее период, когда вырос спрос на подлинную историю Отечества. Из забвения извлекались объективные сведения об уроках прошлого, об истинных устроителях русской государственности.

В этих условиях и созрело предложение соорудить памятник в честь подроспевшей к тому времени исторической даты — 1000-летия Русского государства. Идея всколыхнула здоровые слои общества, превратившись в широкое общественное движение. В его основе лежали познание пройденного Россией пути, стремление воздать должное тем россиянам, кто оставил яркий след в истории страны. Идейно-художественный замысел состоял в том, чтобы в образной форме открыть миру сберегателей, устроителей, творцов, тех, кто сыграл ключевую роль на крутых перевалах истории, на этапах становления и возвышения Российского государства.

Концепция памятника широко обсуждалась не только в кругах правящей элиты и художественной интеллигенции, но и в широкой разночинной среде. В результате тайного голосования членов оргкомитета из более чем пятидесяти представленных на конкурсе проектов победу одержало предложение 24-летнего скульптора Михаила Микешина и архитектора Ивана Шредера. Их подход к монументальному произведению основывался на идее объединения всех устроителей России: государственных людей, просветителей, военных деятелей и героев,

выдающихся представителей искусства и литературы.

Монумент, по форме напоминающий колокол, установленный на гранитном основании, опоясывает горельеф, на котором размещены изваяния ста десяти выдающихся деятелей, оставивших глубокий след в тысячелетней летописи России. Их деяния отмечены в летописных сводах, в названиях памятных мест, в произведениях искусства и литературы. Они — вечные символы России, без обращения к которым немислимы движение ее духовной жизни, ее колорит и полнота. Прославленные, менее известные и незаслуженно забытые, — каждый своим служением на деле обогащал и олицетворял идею российской государственности, вносил вклад в ее обустройство и возвышение. Далеко не каждому из персонажей горельефа, опоясывающего памятник «Тысячелетие России», при жизни было уготовано признание. Что-то с течением времени утрачивало былой смысл и ценность, меркло, погружаясь в пучину времени. Однако правда истории не умирает. Долг современников состоит в том, чтобы хранить и пополнять сокровищницу исторических знаний, позволяя ей стать ценностным ориентиром для будущих поколений.

Национальная идея, воплощенная в триаде «православие, самодержавие, народность», отображена в трехъярусной композиции, где представлен сословный состав русского общества. Шар-державу, символ власти, венчает высокий крест в единении с образом ангела и коленопреклоненной фигурой женщины — символом России. Торжественная закладка памятника состоялась в мае 1861 года и уже спустя год решение сложнейшей для того времени задачи было близко к завершению. Работа скульпторов-монументалистов под руководством Микешина была торжественно освящена и открыта для обозрения в Великом Новгороде 8 сентября 1862 года. Среди многочисленных гостей церемонии был сам император Александр II.

Сколь бы значительными, историческими по своему значению ни становились иные события, в сведениях о подлинных устроителях российской государственности остается немало пробелов, непроясненных мест. Выдающийся ученый XX века Дмитрий Сергеевич Лихачев, затрагивая положение дел в гуманитарных науках, отмечал оскудение одной из главных — исторической. Существенное место в ней должно принадлежать изучению человека, личности, а история с некоторых пор, по мнению академика, осталась «без человека». Он имел в виду тот период исторической науки, когда придавалось особое значение роли народных масс, общественных движений, классов, на фоне которых терялась отдельная личность. В силу своей обезличенности исторические работы

утрачивали значение, подлинную ценность.

Академик Лихачев считал, что потомки должны знать и чтить тех своих сограждан, кто в веках верно и преданно служил Отечеству, всего себя отдавая своему делу, предназначению, долгу. Их жизненный опыт, где бы и как он ни проявлял себя, — пример для поколений, идущих им на смену. Именно они — те самые харизматичные герои, национальные символы, немеркнущие ориентиры. Их жизнь и сегодня, столетия спустя, служит нам источником вдохновения в жизни, творчестве, служении высокой цели.

*

Опыт государственного служения Ордина-Нащокина важен для нас еще и тем, что многие из вызовов, с которыми сталкивалась тогда Россия, актуальны и поныне. Нельзя не видеть сходство в том, что произошло на волне кризисных явлений, охвативших российскую государственность в середине XVII и конце XX века. Тогда ошибки руководителей страны в предшествующие годы, наложившись на просчеты тех, кто пришел им на смену, создали в стране атмосферу, близкую к точке кипения. На поверхность всплыли проблемы, откладывать рассмотрение которых дальше было бы губительно. Государство оказалось в тисках системного кризиса, его стабильность была поставлена под угрозу.

Схожей была и обстановка стихийных протестов, в ходе которых гибли люди. Лишь после осознания властью неспособности силой остановить протестующих наступила пора диалога с народом. На этой основе создались условия для привлечения свежих сил к участию в законотворческой работе. Мыслящие круги смогли реализовать потребность общества в том, чтобы пересмотреть прежний уклад, отказаться от изживших себя норм и принципов организации жизни народа. В ходе Земского собора (1648) представителей власти и сословий, как и в ходе Конституционного совещания (1993), где тон задавали народные депутаты, наступил момент истины. Уполномоченные широких слоев общества приступили к формированию основополагающих нормативно-правовых актов. Результатом их усилий стала радикальная реформа государственного законодательства: были одобрены и провозглашены Соборное уложение (1649) и Конституция Российской Федерации (1993).

И в XVII веке, и в XX государствообразующие документы, подготовленные в сжатые сроки, под давлением обстоятельств, оказались

далеки от совершенства. Это требовало внесения дополнений и изменений в уже действующее законодательство. Восполнение пробелов, проведение назревших законодательных инициатив позволило элите продвигать вопросы государственной жизни келейно, «в рабочем порядке». Происходило это в годы, когда страна с большим трудом и множеством издержек восстанавливала силы после Смуты. Развал хозяйства, междоусобная борьба в центре и на местах, сепаратизм окраин, притязания соседних держав на российскую территорию — признаки, характерные не только для 40—50-х годов XVII века, но и для периода, который сегодня принято называть «лихими девяностыми».

Одним из главных во все времена оставался вопрос о судьбе госсобственности, о ее эффективном использовании в интересах общества и государства. Распределение, передел, приватизация собственности — в средневековье и в новейшее время этот процесс в силу разных исторических обстоятельств протекал по-разному, но был в одинаковой мере далек от норм и требований закона, совершаясь по произволу находившихся на вершине власти «сильных людей». На арену политической и хозяйственно-экономической жизни выдвинулась новая элита, обладающая немалым богатством, претендующая на участие в государственных делах. В XVII веке ее обогащение стало результатом «дарения», царской награды за заслуги. В XX веке оно происходило путем «залоговых аукционов», в ходе которых наиболее весомая часть госсобственности оказалась в руках определенной группы так называемых «эффективных собственников».

Процесс передачи в частные руки «ничейной», оставшейся в Смутное время без владельцев собственности в XVII веке, как и госсобственности в XX веке, сопровождался рейдерством — силовым захватом недвижимости, уже переданной властью другим владельцам. В XVII столетии это выразилось во всевластии знатных боярских семейств, перетянувших на себя и многие властные функции. Трудно не увидеть их сходство с олигархическими кланами, хоть и лишенными политической власти, но сохранившими экономические рычаги воздействия на государственную политику. Никуда не делось и засилье бюрократии, по-настоящему окрепшей в России именно в XVII веке, когда ловкие чиновники, выступая посредниками между царской властью и народом, использовали государеву службу для безмерного обогащения. Официально принятая тогда практика «кормления» воевод с подвластного им населения ныне проявляется скрытно в виде взяток и явно — в виде всевозможных даров и подношений. Эта уходящая в древность практика наносит вред как авторитету власти,

так и эффективности управления, когда решение необходимых, важных для государства задач увязает в чиновничьем болоте.

Как в XVII веке, так и в новейшее время общество испытывало острую потребность в людях, наделенных новым мышлением, готовых решать проблемы, сообразуясь с вызовами, которые жизнь ставила перед властью. Испытывая острую потребность в дельных, способных, преданных делу людях, царская власть попыталась пойти по пути составления резерва из молодых дворян, надеясь на укрепление властных структур — приказов. Тем же путем вынуждена была пойти в 1996 году президентская администрация. Однако тогда, как и прежде, властные директивы не дали ожидаемого результата. Близость к Кремлю, как когда-то к царскому престолу, не всегда обнаруживала как в отцах, так и в детях, главного — способности вести дело, находить оптимальные решения острых экономических, социальных, военно-технических проблем. Назначаемые на высокие должности лица далеко не всегда оказывались «на своем месте», злоупотребляли высоким доверием, направляя полномочия и связи в сторону узкокорыстных интересов. Многим из них были свойственны эгоизм, небрежное отношение к своим обязанностям, тяга к личному обогащению, прикрываемые — и в XVII веке, и в наше время — патриотической риторикой.

Сегодня Россия открыта миру, тесно связана с другими странами, но это не заставило исчезнуть теорию ее обособленности, исключительности, объявляющую влияние на нее других культур и традиций безусловным злом. Эта теория, основанная на представлении о Руси как Третьем Риме, последнем оплоте и защите «истинной веры», расцвела пышным цветом именно в XVII веке, что привело к изоляции страны, ее угрожающему отставанию от передовых государств Европы. Узость мысли, ограниченность представлений об окружающем мире, характерную даже для лучших представителей тогдашней элиты, кое-кто сегодня пытается выдать за благо, сводя всю историю России к противодействию экспансии вечно враждебных иноземцев. Аргументы нынешних изоляционистов выглядят ничуть не более обоснованными, чем у их идейных предшественников — и могут оказаться столь же пагубными для будущего страны.

Не раз отмечалось, что после распада СССР Россия вернулась к границам XVII века — это еще одно обстоятельство, сближающее нас с эпохой Алексея Михайловича. Снова, как и тогда, наша страна оказалась окруженной враждебно настроенными державами, пытающимися свести ее к роли поставщика сырья, заставить отказаться от своих законных прав и

интересов в мировой политике. Снова, как и тогда, ареной противоборства России и Запада стала Украина. Ее, связанную с нами общим прошлым, культурой, религией, пытаются насильно лишить идентичности, превратить в орудие антироссийских действий. Четыре века назад это делалось при помощи католической церкви, сегодня — посредством распространения националистических и русофобских идей. Гражданская война на территории Украины вновь угрожает стабильности России, втягивая в свою орбиту соседние страны.

Познание судьбы государственного человека немислимо без ретроспективного взгляда на время, в котором он жил, на обстоятельства, сопровождавшие его жизненный путь. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин относится к тем немногим наделенным умом и талантом деятелям XVII века, чьи судьба и искания проясняют особенности эпохи, которая его окружала. Более того, опыт восхождения к властным высотам псковского дворянина позволяет по-особому взглянуть на важнейший период российской истории, выявить причины живучести недугов, которые, проследовав сквозь время, и теперь дают о себе знать. Это позволяет понять, в силу каких причин карьера Ордина-Нащокина могла сложиться иначе, а результаты его деятельности стали бы более плодотворными, не окажись он в эпицентре переходного периода. Он, один из немногих носителей нового мышления, вынужден был уступить натиску консервативного большинства, лишь обозначив подходы к решению проблем, начатому другим поколением реформаторов во главе с Петром I.

Тем не менее взгляды и суждения, которые вынашивал Ордин-Нащокин, сохраняют актуальность и сегодня. Его государственный ум и опыт, его подходы к решению стоявших перед страной проблем выявляют и подчеркивают отмеченное нами сходство между событиями XVII века и недавних лет. Из глубины веков проступает образ времени, характерные черты, достоинства и недостатки которого находят воплощение в современности и в современниках.

*

Библиография, посвященная Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину, не столь обширна, хотя к истории его жизни и служения в XVIII–XIX веках обращались многие именитые ученые, исследователи прошлого: Н. Бантыш-Каменский, В. Берх, В. Иконников, А. Терещенко, В. Малиновский, С. Соловьев, В. Ключевский, С. Платонов. По преимуществу

это были публикации в исторических журналах, главы в многотомных собраниях трудов, публичные лекции, выходившие затем в сборниках. Видный отечественный историк, академик Василий Николаевич Берх (1781–1834) положил начало углубленному исследованию наследия Ордина-Нащокина, отнеся его к «величайшим мужам России». Берх отмечает трудную судьбу ближнего боярина XVII века, чьи жизнь и служение были подвержены «отливам и приливам страстей человеческих, какие во всех веках были одинаковы»^[4]. Ученому удалось изыскать немало свидетельств о своем герое, в том числе и в зарубежных архивах. В открытых им лифляндских источниках Ордин-Нащокин фигурировал как «весьма умный и хитрый человек. Он управлял так мудро, что снискал уважение граждан и поселян».

Работу в этом направлении продолжил историк Владимир Степанович Иконников (1841–1923), напечатавший в двух номерах «Русской старины» обширную биографию боярина. В отличие от предыдущих исследователей он не просто изложил факты, касающиеся жизни и деятельности Ордина-Нащокина, но и попытался охарактеризовать комплекс его идей, позволяющий считать его реформатором, прямым предшественником Петра Великого. На работе Иконникова, как и на других исторических трудах, базировался Василий Осипович Ключевский (1841–1911), уделивший Ордину-Нащокину существенное внимание в «Курсе русской истории» и оставивший, в частности, его яркий психологический портрет. В послереволюционный период Ордин-Нащокин оказался забыт вместе со всеми прочими государственными деятелями его времени, скопом зачисленными в «реакционное боярство». Его имя отсутствует и в «Русской истории» академика М. Н. Покровского, и даже в трехтомной «Истории дипломатии», изданной в 1940-е годы под редакцией В. П. Потемкина.

С началом «оттепели», в 1950—1960-е годы увеличилось внимание к изучению забытых страниц российской истории. Вместе с этим вырос и интерес к судьбе Ордина-Нащокина, к изучению его жизненного пути, к выдвинутым им идеям переустройства Руси. Формированию целостного взгляда на его личность и деятельность служат труды И. В. Галактионова и Е. В. Чистяковой^[5]. Особое место занимает изучение внешнеполитических взглядов и инициатив выдающегося дипломата, которому были посвящены отдельные труды и темы научных конференций. На этом фоне особо выделяется монография видного историка Бориса Николаевича Флори «Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления» (М., 2013). Большое внимание деятельности ближнего

боярина уделено и в другой книге Б. Н. Флори — «Русское государство и его западные соседи» (М., 2010). Интерес к личности Ордина-Нащокина велик в Пскове, с которым связана большая часть его жизни; в 2010 году в этом городе издана книга местного историка А. Б. Постникова «Добрый человек старой Руси», посвященная биографии выдающегося земляка.

Растущий интерес к истории России в целом и бурному XVII столетию в частности позволяет надеяться на привлечение более широкого общественного внимания к личности выдающегося россиянина. Предстоит вновь обратиться к памяти о замечательном человеке, который в непростое для России время много лет самоотверженно защищал ее интересы, оставаясь честным, бескорыстным, последовательным и принципиальным государственным деятелем. В воскрешении и укреплении этой памяти заключается долг благодарных потомков.

Глава первая

РУСЬ НА ПЕРЕПУТЬЕ

«По правую сторону от царя, на всем виду у него, отчасти даже и влево, сидели с открытыми головами, в большом числе Бояре, Окольничие и Думные Дворяне из тайного Великокняжеского Совета, совсем не удостоившие нас поклоном ни при входе нашем, ни при выходе. Сам царь сидел на серебряном позолоченном престоле, поставленном не посередине, а в левом углу покоя, между двумя окнами и казался в тени... По середине его, над головою Царя, висел образ Богородицы Девы... Выше к своду висели на стене еще два светлых образа, выставленные для поклонения. На краю лавки, вправо от царя стоял серебряный рукомойник с подливальником и полотенцем, которые после того, как мы, по обычаю, поцелуем его правую руку, должны были послужить ему для омывания и обтирания ея, оскверненной нечистыми устами поганных, как называют москвитяне всех приверженцев латинской церкви»^[6]. Так описывает начало аудиенции у царя Алексея Михайловича барон Августин фон Мейерберг — посол германского императора Леопольда I, прибывший в Москву в 1661 году.

На иностранцев Московия XVII века, по мере того как они сталкивались с ее повседневностью, производила удручающее впечатление. Это особенно бросалось в глаза при сопоставлении с реальностями другой жизни, оставленной ими за пределами русских границ. Их представления не ограничивались одной лишь Москвой. Многодневные утомительные переходы по бездорожью от границ до столицы, от одного селения к другому рождали впечатления отнюдь не благодные.

Получившие известность мемуары, дневники, путевые заметки иностранцев, посещавших в ту пору Московию, приоткрывают своеобразие быта, нравов, поведения. Многие из того, что составляло реальности русской жизни, вызывало недоумение, ощущение ущербности, казалось нелепым. Неприглядное впечатление на иностранцев производили настороженность, закрытость, угрюмость москвитов. Особо отмечали они распространенное в народе пьянство, от которого, по словам итальянца Александра Гваньини в его «Описании Московии», «происходит много соблазна, зажигательство домов... По домам по улицам только и встречаются пьяные от водки».

Выстраданная в ходе преодоления последствий Смуты русская

государственность не могла сгладить унаследованные от Древней Руси углы и зазубрины. Религиозные установки, ценности, догматы на долгие времена предопределили отчуждение русских от других народов. «Латиняне»-католики, «басурмане»-мусульмане несли враждебное всему православному. Отношение к «чужебесию», его вредоносной сущности переносилось на повседневность, на быт, определяя духовную атмосферу, стиль жизни. Религиозный фанатизм непроницаемой стеной стоял на пути просвещения. Учебных заведений в традиционном, светском понимании на Руси не существовало. Всего лишь один человек на сотню умел читать и писать. Книгопечатание, ориентированное на издание религиозных текстов, находилось в зачаточном состоянии. Единственной светской книгой, по которой москвиты сверяли жизнь, был «Домострой». Общественное сознание направлялось в сторону теологического, церковного начала. Стойкость, упорство, жертвенность в защите веры стали едва ли не определяющей чертой национальной самобытности, оборачиваясь тенденцией к самоизоляции, отгораживанию от внешнего мира, от его «тлетворного влияния». Ритуал с омыванием рук великого князя в ходе представления ему иностранных послов как раз и являлся «самобытной» формой демонстрации отношения властителя к «нечистым» иноверцам.

Элита, на плечи которой ложилось бремя государственного управления, кроме унаследованных от предков привилегий и природных качеств, не обладала ничем другим — ни знаниями, ни внутренней культурой, ни пониманием интересов страны. Русь оставалась невежественной, отсталой страной, чье население по части грамотности, образованности, просвещенности мало чем отличалось от тех, кто им управлял. Из глубины того времени доносятся до нас отнюдь не самые благожелательные суждения о Московской Руси и о людях, живущих в ней. Москвитяне — народ «грубый, бесчувственный, жестокий». Они «лукавы, упрямы, необузданны, недружелюбны, извращены, бесстыдны, склонны ко всему дурному». «В Москве-де все люд глупый, жить не с кем, сеют землю рожью, а живут ложью». «Люди они хитроумные и непостоянные», обитают в «жалком рабстве нечестного государства». «Московитяне без всякой науки и образования, все одноклетки в этом отношении». «Москвиты хвалятся, что только они христиане, а нас они осуждают, как отступников от первобытной церкви и древних святых установлений», — отмечал Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о московских делах» (1549). Можно, конечно, списать подобные утверждения на некую «исконную неприязнь» иноземцев к России. Но скорее речь идет о глубинном непонимании: Европа и Русь в то время поистине

представляли собой две разные цивилизации.

Для россиян издревле, в обыденной жизни, все иностранцы, из какой бы страны они ни прибывали, оставались «немцами», поскольку «они не мы», не такие, как мы. И речь их воспринималась как поток бессвязных звуков, издаваемых глухонемыми. Их сторонились, общение с ними официально осуждалось. Но и просвещенные, казалось бы, европейцы проявляли в отношении русских ничуть не большую терпимость. Им было свойственно абсолютизировать поверхностные впечатления, отмечающие «несуразные» черты образа жизни и поведения москвитов. Иностранцев раздражало в Московии буквально все: устройство быта, церковные обряды, внешний вид людей. У мужчин невероятной длины бороды, женщины, непременно укутанные шальями и платками, с густо набеленными и нарумяненными лицами. Долгополая одежда, украшения, головные уборы — все это также производило негативное впечатление. Такая предубежденность, ироничное восприятие, в свою очередь, вызывали отчужденное, настороженное отношение к чужестранцам со стороны как представителей русской власти, светской и церковной, так и широких слоев населения. Они знали или, по крайней мере, чувствовали, что европейцы относятся к ним примерно так же, как к «дикарям» Азии и Африки, без внимания к подлинным причинам, в силу которых Русь оставалась именно такой, какой была.

Размер территории, суровый континентальный климат — особая данность, какая издревле определяла судьбу России, влияла на обустройство жизни ее народа. Именно природно-климатические условия послужили причиной гораздо более позднего, по отношению к другим территориям, цивилизационного освоения пространства на северо-востоке Европы. Резкий перепад температур от зимы к лету, непроходимые леса и болота, снег, покрывающий территорию страны на протяжении более половины календарного года, — преграды, стоявшие на пути комфортного обустройства и проживания заселявших эти края людей. Условия возделывания почвы, вызревания и сбора урожая определялись жесткими сроками проведения сельхозработ. Пригодными для этого были всего 130 суток, тогда как обработка полей требовала немалых затрат труда и времени.

Многовековое обитание в суровых климатических условиях Нечерноземья с его низким плодородием почв, рискованным земледелием, непредвиденными погодными катаклизмами ставило население перед необходимостью любой ценой избегать угрозы голода. Уходящие в глубь веков богослужebные, очерченные церковью предписания,

предопределялись потребностями экономии, рационального использования продовольственных запасов. Английский врач Сэмюел Коллинз объяснял аскетичную, суровую церковную традицию природно-климатическими условиями, угрозой нехватки продовольственных ресурсов на протяжении длительного межсезонья: *«Множество постов и распространение употребления рыбы, чтобы сохранить мясо, которое без того бы истребилось, потому что русские не могут выпускать скотины в поле в течение зимы, продолжающейся иногда пять месяцев»*. Пренебрежение к посту, игнорирование его требований карались публичным наказанием вплоть до отлучения от церкви, а попытки проживающих в Москве «латинян» кормить в пост мясом изголодавшихся от тяжелой работы русских оборачивались для иноверцев высылкой за пределы Москвы.

Подобного образа жизни, предписываемого церковной традицией, придерживалась подавляющая часть набожного населения Московии, поскольку угроза голода из столетия в столетие неотступно преследовала русских. Непредсказуемые погодные аномалии приводили к потере урожая, обрекали на бескормицу скот, вызывали массовую гибель населения. В 1601–1602 годах преждевременные морозы, ударившие в августе, до наступления осени, и весной, когда посадки были в цвету, вызвали подлинную аграрную катастрофу. Хлеб на полях не созревал, а зерновые всходы гибли на корню. Наступил голод, предотвратить который власть Бориса Годунова, как ни старалась, не могла. Попытки ввести государственное регулирование цен, изъятие товаров у спекулянтов, раздача бедствующим хлеба и денег на площадях Москвы результата не давали. Не располагая ни достаточными продовольственными запасами, ни денежными средствами, казна была не в состоянии прокормить миллионы голодающих. От голода, по сведениям ряда источников, умерло до трети населения Руси. Страна оказалась на пороге глубоких потрясений, связанных с падением Бориса Годунова и трагедией Смуты.

Древесина была на Руси наиболее дешевым и доступным строительным материалом. К тому же стены деревянных построек позволяли наиболее быстро накапливать и хранить тепло. Однако деревянные строения оставались наиболее уязвимыми для огня. Москва, как и другие города и селения, регулярно подвергалась испепеляющей силе стихии. Налетавший шквалистый ветер, раздувая пламя, перебрасывал его с одного строения на другое. На протяжении веков Русь постоянно с интервалами 20–40 лет подвергалась пожарам катастрофических масштабов. Таким пожаром Москвы отмечен 1625 год, когда лишь Кремль и Китай-город, их каменные строения остались не затронутыми огнем.

Природу, климат, географическое положение принято считать едва ли не главными факторами, лежащими в основе исторического пути, предопределившего судьбу России. Подобные взгляды справедливы лишь отчасти, поскольку имелся и другой, не менее существенный фактор продвижения Руси во времени и в пространстве. Вызовы иного порядка, связанные с непрерывными попытками физического и духовного порабощения, преследовали страну, не позволяя ей встать на устойчивый путь цивилизационного развития. Помимо этого, вокруг России с давних пор образовывалась особая внешняя среда, под воздействием которой выстраивались пути становления и развития государственности. Христианизация по византийской церковной традиции, наложившись на традиции, по которым жила страна в своей предыдущей языческой истории, послужила основой всего того, что сформировало и обустроивало русский мир, стало основой его мировоззрения, национального характера, легло в основу традиций, норм и правил жизнеобитания. Этот самобытный путь, по какому Русь прокладывала свое движение в будущее, оказался и жертвенным, и трудным. Русь одной из последних среди европейских стран приняла христианство. Этот болезненный процесс, начало которому положил князь Владимир в 988 году, длился довольно долго, давая повод к родоплеменному разладу и кровопролитным усобицам, разъедавшим русское общество изнутри. Обустройство централизованного государства затянулось на века, несмотря на попытки отдельных князей объединить страну и призывы церковных иерархов к миру и согласию.

Русская православная церковь с первых веков своего существования стала силой, выступавшей за объединение, преодоление раздробленности восточнославянских княжеств. Этот сложный, противоречивый процесс растянулся на столетия, продвигался с немалыми трудностями, наталкиваясь на невежество и политическую незрелость людей, наделенных властью. Первые века христианской истории Руси были отданы борьбе за выживание. Пожалуй, только начало XI века было временем благоприятствования для обновляемого государства, трансформации его из языческой ипостаси в христианскую. Особенно успешным стало княжение Ярослава Мудрого, сына крестителя Руси Владимира. Он положил начало государственному и церковному строительству, приступил к составлению первых законодательных актов, известных под названием «Русская Правда».

Однако в процесс обустройства нового христианского государства стали вмешиваться враждебные внешние силы. С первых веков христианства церковное устройство в разных странах подвергалось трансформации, разделению на противоречащие друг другу течения. Подход к трактовке догм и богослужебной практики, дискуссия о том, что истинно, а что ложно, все более разделяли священнослужителей, а следом и верующих. Главной причиной глубокого раскола в христианстве стали непреодолимые амбиции церковных иерархов, их борьба за верховенство, за лидерство. После окончательного разрыва западной и восточной церквей в 1054 году была развязана многовековая кровавая распря, у истоков которой стоял Ватикан. Папа римский Григорий VII (1073–1085), провозгласив власть духовную выше светской, вознамерился создать вселенское христианское государство, которое должно было поглотить и мир православия. Христианизация по восточному, византийскому канону сделала Русь целью и объектом экспансии с Запада, страна то и дело подвергалась разрушительным атакам «братьев по вере». Делалось все для того, чтобы православного христианского государства на Руси не сложилось, а когда достичь этого не удалось — всеми доступными средствами принудить народ к перемене вероисповедания, а упорствующих в своей вере истребить.

Все страны и народы, которые исповедовали веру, отличную от католической, среди них и Русь, объявлялись неверными. Начатые в XI веке крестовые походы направлялись не только в Палестину, но и в Византию, центр православного христианства. «Святые» устремления европейских феодалов служили лишь прикрытием для захватнических колониальных войн. Один из походов, четвертый (1202–1204), завершился захватом «второго Рима» — Константинополя, который подвергся тотальному разграблению и надолго пришел в упадок. Тот же XIII век стал едва ли не самым трагическим в судьбе Древней Руси, когда страна стала подвергаться агрессии с разных сторон. Русская государственность находилась в тяжелейших условиях, когда думать о перспективах, выстраивать планы на будущее казалось безрассудным, поскольку собирание ресурсов происходило на пределе сил и возможностей. Это была пора внутреннего неустройства, разлада, осложняемого междоусобной борьбой князей за лидерство.

В Древнюю Русь, как и в другие славянские земли, стали направляться отряды крестоносцев. Летом 1240 года произошло вторжение в Новгородскую землю шведского войска под предводительством ярла Биргера. Весной 1242 года туда же выдвинулся отряд рыцарей Ливонского

ордена. Чем были движимы шведы и немцы? На словах ими двигала забота об обращении русских «еретиков» в истинную католическую веру, на деле — стремление прибрать к рукам богатые торговые центры Новгород и Псков, пока остальная Русь истекала кровью в единоборстве с монгольскими завоевателями. И шведы, и немцы были поочередно разгромлены силами ополчения новгородского князя Александра Ярославича, получившего за победу на Неве прозвище «Невский». Особенно впечатляющей была победа в битве на Чудском озере, вошедшая в историю как Ледовое побоище. События эти на протяжении веков оставались символами воинской доблести и славы, питали дух народного сопротивления.

Тем временем с Востока в сторону Европы разворачивалось победное шествие полчищ Чингисхана. В 1237 году крупное монгольское войско под предводительством его внука Батыя сожгло Рязань, Коломну, Москву. В 1238 году пал Владимир, в 1240-м — Киев. Между этими событиями и вошедшим в историю «стоянием» на реке Угре пролегли три столетия колониальной зависимости русских княжеств от Золотой Орды, — могущественного, основанного Батием монгольского государства. По поводу этого тяжелейшего периода русской истории А. Пушкин писал: «России определено было высокое предназначение. Ее невообразимые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы, варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь, а возвратились в степи Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией».

Гений поэта воссоздает правдивую историческую картину: пока Россия, отброшенная нашествием степняков на века назад, переживала длительный упадок, Западная Европа ушла далеко вперед не только в экономическом отношении. За эпохой Возрождения, совершившей грандиозный прорыв в искусстве и мировоззрении, наступила в XV веке эпоха великих открытий, многократно умножившая не только богатства европейцев, но и их познания. Тем временем Русь только в конце того же столетия перестала платить дань Золотой Орде, но угроза внешней агрессии еще долгое время довлела над страной. Москва по-прежнему оставалась беззащитной перед угрозой набегов. Не случайно в названиях московских улиц и проспектов присутствует слово «вал». Система укреплений-валов, выстраиваемых на пути вражеской конницы, служила едва ли не единственной возможностью отбиться от внезапно налетающего хищного врага.

В 1792 году в Сергиевом Посаде, на территории Троице-Сергиевой лавры был открыт необычный памятник. Он посвящен «несчастливым для России временам», когда обитель к «сохранению Отечества содействовала и воспомоществовала». В один из четырех нанесенных на памятник овалов вписаны такие слова: «Злоключение было от поляков. По злокозненному коварству Римского Папы с иезуитами, вымыслив они Лжедмитрия и под его именем довели было Россию до края бедствий. Сия обитель помогла избавлению от сих зол не только молитвами, но и хлебом, и деньгами, и даже жертвовала драгоценную церковную утварь». Витиеватая надпись на памятнике лишь отчасти проясняет смысл того, что произошло. Речь идет об очередном крестовом походе, предпринятом в начале XVII века, о попытке католицизма, воспользовавшись затянувшейся русской Смутой, решить вероисповедальный вопрос в свою пользу. Выполнение этой задачи Ватикан возложил на Польшу.

В 1610 году Москва была захвачена войском Речи Посполитой. После безуспешных попыток возвести на престол своих русских ставленников-самозванцев польский король Сигизмунд III решился на прямое военное вторжение. Поляки два года оставались безраздельными хозяевами в столице, пытаясь навсегда аннексировать Русь, сделать ее частью своей империи, приступив заодно и к решению вероисповедальной проблемы. Русь в ту пору из-за династического кризиса, разброда в верховной элите, осложненного неурожаем и голодом, оказалась как никогда ослабленной. Противостоять агрессии не было ни сил, ни возможностей, поскольку центр власти был разрушен. Под давлением оккупантов недолго про заседавший собор московских бояр с рядом оговорок и неопременных условий, одно из которых состояло в том, чтобы королевич принял православную веру, провозгласил русским царем сына Сигизмунда — Владислава...

История русской Смуты конца XVI — начала XVII века подробно исследована и описана во многих исторических трудах. Изгнание поляков из Москвы силами народного ополчения во главе с Мининым и Пожарским и весь последующий ход событий, связанный с избранием Михаила Романова на русский престол, — важные события российской истории. Но приход новой династии, возрождение монархического правления не решили единовременно всех накопившихся проблем. Десятилетия ушли на преодоление последствий Смуты и иноземного нашествия. Одним из таких

последствий была оккупация Польшей русских земель, включая Смоленск — важнейшую крепость, находившуюся в трех днях пути от Москвы. Нужно отметить, что еще во времена ордынского ига Литва, позже объединившаяся с Польшей, завладела обширными территориями будущих Украины и Белоруссии, где в XVI веке началось усиленное насаждение польско-католического влияния. Попытки отвоевать у Польско-Литовского государства исконные русские земли, предпринятые в ходе кровопролитных войн 1618 и 1632–1634 годов, оказались неудачными. На возрождение Российского государства потребовалось немало времени, людских и материальных ресурсов.

*

В канун третьего тысячелетия христианской истории человечества, в марте 2000 года папа Иоанн Павел II в ходе торжественной мессы в церкви Святого Петра в Ватикане произнес историческую речь. В ней он перед всем миром признал вину католической церкви, покался и попросил прощения. Тогда первосвященник всех католиков мира призвал к «очищению памяти», к покаянию за оставшиеся в веках грехи церкви «в нетерпимости и насилии, совершенных в отношении инакомыслящих; покаяние в организации религиозных войн и крестовых походов; в насилии и жестокости, использованных инквизицией; покаяние в грехах, нарушивших единство христиан». Этот акт главы Ватикана ценен как подтверждение того, что историческая правда о преступлениях католицизма вышла, наконец, на свет. Стало ясно, что человечество долгое время направлялось западной церковью по ошибочному пути, который устроители мирового порядка считали в то время единственно верным.

По истечении шести веков христианской истории Руси к середине XVII века населявшему ее народу пришлось пройти через немалые испытания. Процесс государствообразования существенно отставал от других стран Европы, выстраиваясь в ходе тяжелейшей борьбы, когда мужество, выносливость, упорство выступали важнейшим фактором самосохранения. Выживаемость, способность противостоять как природным катаклизмам, так и агрессии извне, давались ценой неисчислимых жертв и лишений. В ходе отражения вражеских нашествий, преодоления усобиц, брожений и смут, то и дело будораживших народ, выстраивались жизнеустройство, традиции, формы хозяйствования и самоуправления. В изумляющей мир способности к вековому

противостоянию природе и врагам русским людям удалось не только сохранить и обустроить свой государственный очаг, но и выковать национальный характер. Это феноменальное возрождение, возвышение русской цивилизации над суровым пространством, преодоление губительных обстоятельств в ходе многовекового существования позволили мыслителям говорить о некоей особой идее, которая питала дух и волю Руси, умножала силы ее народа, крепила государственность.

Со времен царствования Владимира Святого, крестителя Руси, до середины XVII века Русским государством, сменяя друг друга, правили 25 самодержцев — великих князей Киева, Владимира, Москвы и царей всея Руси. Не каждому из них довелось оставить достойный след в национальной истории. Их правление в силу индивидуальных способностей и черт накладывало свой отпечаток на обустройство жизни, однако более всего зависело от внешних обстоятельств, предотвратить которые часто было не под силу. Отражение враждебного натиска, преодоление стихийных бедствий и внутренних усобиц подвергали испытанию на прочность как мощь государства, так и способности правителей владеть ситуацией в критических обстоятельствах.

Трудным и извилистым был исторический путь Руси, однако цивилизация и сюда пробивала дорогу. Какой бы архаичной, патриархальной ни считали средневековую Русь заезжие гости-иностранцы, внимание международного сообщества к загадочному государству на окраине европейского мира все больше давало о себе знать. Сюда приезжали преимущественно из Европы люди, движимые всевозможными интересами. Торговцы, солдаты удачи, наемные специалисты — мастера своего дела, да и авантюристы из тех, у кого не сложились отношения с властью в своих краях... Особую статью составляли умельцы в военном деле, мастера в том, в чем Русь не смогла преуспеть. Речь идет о средствах ведения войны, способах разработки минеральных ресурсов, производства из них товаров, о технологических новшествах, о более совершенных орудиях труда, предметах быта и роскоши.

Закончившаяся в 1648 году Тридцатилетняя война, долго терзавшая страны Западной Европы, оставила не у дел целую армию людей, не владеющих ничем, кроме военного ремесла. Они потянулись на Русь, где приступили к созданию регулярной армии, возглавили так называемые «полки нового строя». Московия, в свою очередь, восполняла торгово-промышленные запросы Европы не только такими экзотическими товарами, как меха, икра, рыба, но и тем, что имелось на Западе, но было

там куда дороже: чугун, лес, пенька и пр. При этом обеспечивать торгово-экономические связи было весьма непросто. Главным средством доставки, перемещения товаров по суше выступала конная подвода, по воде — лодка-плоскодонка. Сухопутной торговле препятствовали частые войны, нападения разбойников, а главное — бездорожье, делавшее замерзавшие зимой реки самым удобным маршрутом доставки товаров. Северный Архангельский порт служил важнейшим звеном в экономических отношениях с Западом: от черноморских и балтийских портов Русь по-прежнему была отрезана.

*

1613 год стал этапным в воссоздании российской монархии, открыл путь к возрождению российской государственности. Именно в личности царя как некоей сакральной фигуры, обладающей особыми правами, обязанностями, наконец, даром, виделась основа, фундамент государственной жизни. Абсолютная и непререкаемая власть монарха, обожествляемая церковью, несла в себе истинную ценность, подлинную правоту, незыблемость решений и действий. Так воспринимали и трактовали монархическую идею идеологи той далекой поры. На самом деле реальная картина жизни монархов, их роль в государственном управлении далеко отстояли от того идеала, какой провозглашался официально.

Истории царствований запечатлевались летописцами-современниками с разной степенью глубины и достоверности в зависимости от того, насколько доводилось им быть приближенными к коридорам власти, насколько они могли улавливать подлинный смысл происходящего. По тому, как они это воспроизводили, потомкам представлялась возможность судить о том, например, насколько далеко распространялась власть государя, каким он был в реальной жизни, в какой мере роль самодержца имела ключевое значение в судьбах государства и народа. Кое-что существенное, относимое к исторической правде, касающейся дома Романовых, не подлежит сомнению. Воплощенная в этом клане монархическая идея, по мнению непредвзятых исследователей, могла бы быть гораздо работоспособней, окажись изначально на московском троне другой человек. Но им оказался подросток с подорванным здоровьем — Михаил Романов. Наследственный недуг, последствия некогда перенесенной предками цинги, преследовал Романовых, сказываясь на

состоянии их здоровья и продолжительности жизни. Из детей Алексея Михайловича, наследников по мужской линии, одни умирали в младенчестве, другие едва доживали до совершеннолетия. Исключение составил Петр, что заставило современников сомневаться в законном происхождении будущего императора.

Теперь уже кажется бессмысленным ответ на вопрос: почему выбор правящей династии оказался столь неудачным? Сохранились свидетельства тех лет, подробности того, чем руководствовались в 1613 году некоторые влиятельные бояре, избирая на русский трон шестнадцатилетнего Михайла Романова. В основе их выбора лежала отнюдь не забота о будущем государства. Думали о своих вольностях, привилегиях, о том, как бы не утратить позиций во власти. Известна фраза из письма боярина Федора Шереметева, убеждавшего тогда князя Долгорукова не чинить препятствия избранию Михаила Романова: *«Он молод и разумом еще не дошел и нам будет поваден»*.

Для других знатных бояр предостережением выступало недалекое историческое прошлое. Их память хранила свидетельства об ужасах и зверствах, сопровождавших царствование Ивана IV Грозного, и о том, какими последствиями это отразилось на положении знатных родов. Однако и те и другие бояре исходили из того, что идея монархии, воплощенная пусть даже в не очень сильной фигуре царя — единственно возможный путь к тому, чтобы оградить российскую общность от разлада, а государственность от окончательного разрушения. Именно в этот начальный период становления династии Романовых возрожденная русская государственность особенно нуждалась в деятельной, консолидирующей самодержавной воле монарха.

«Великое московское разорение», его последствия давали о себе знать повсеместно. Восстановление хозяйственной жизни сопровождалось множеством проблем. Около половины пахотных земель были заброшены, численность населения страны сократилась более чем на треть. Пытаясь поскорее наполнить опустевшую казну, власть вводила новые налоги, которые разоренные жители не могли уплатить. Многие из них бежали на Дон, за Волгу и еще дальше, за Урал, обживая необозримые пространства Сибири. Торговые связи как с регионами России, так и с иноземными державами восстанавливались с большим трудом — не только на окраинах, но и в центре страны бесчинствовали разбойники, расплодившиеся в период Смуты.

Неустойчивость власти, затяжные дискуссии в Боярской думе, лишавшие общество устойчивого централизованного управления,

сказывались на положении дел как в Москве, так и в провинции. Власть не могла сосредоточиться на главном, определить приоритеты.

Настроить государственный организм, направить силы и ресурсы страны в сторону позитивного развития мешали непреодолимые обстоятельства. Под вопросом оставалась безопасность государства. Внешние угрозы усугублялись внутренним неустройством государственной жизни. Местничество, борьба именитых бояр за высоту положения у престола, противоречия в сословной иерархии усугубляли разлад в управлении. Путаная налоговая политика, расстройство денежного обращения, непомерный налоговый гнет, нещадная эксплуатация основной части населения — крестьянства, — несли в себе угрозу социального взрыва. Вмешательство в управленческий процесс влиятельных, но малокомпетентных сил уводило скудные ресурсы общества в сторону от продуманного подхода к насущным преобразованиям. Попытки нововведений, спонтанные, недоступные пониманию людской массы, наталкивались на противодействие, возбуждая в народе «бунташные» настроения.

Власти не хватало мудрости в том, чтобы выстраивать приоритеты, просчитывать последствия тех или иных действий. Невежество, усугубляемое церковными ограничениями и предписаниями, подавляло многое из того, что содержало в себе рациональное, разумное. Сословные барьеры, бремя отсталых традиций и предрассудков сказывались на характере управленческой деятельности, обрекали на неудачу многие начинания власти. Отчуждение, недоверие к ней давали о себе знать как в верхах, так и в народных низах. От самодержавной власти не исходило целеустремленного, волевого управляющего начала, побуждающего народ к деятельной жизни, единству, сплоченности. Оттого и дела в государстве шли все хуже и хуже.

В ту пору родовитые, именитые бояре считали себя едва ли не равными царю. Обладая практически полным суверенитетом в своих вотчинах, они дерзко, даже демонстративно ставили пределы царской власти, беря реванш за страх и унижения времен Ивана Грозного. Собственная корысть у них преобладала над заботой о государственной пользе. Высшие сословия не хотели служить нуждам государства, а простой народ, глядя на них, как мог, уклонялся от повинностей, уплаты податей. Государственность утопала в трясине неповиновения. Бремя проблем нарастало, тогда как состояние государственных финансов оставляло желать лучшего. Феодалная обособленность стеной стояла на пути монархической идеи — основы сильного централизованного

государства. Там, где требовался диктат, вызываемый государственной необходимостью, власти уступали, не чувствуя под собой твердой опоры. В этом отношении царствование Михаила Федоровича оставило преемнику тяжелое наследие. С представителями высших сословий он, «царь наполовину», предпочитал не портить отношения, считая их равными себе по родословным, сословно-статейным признакам. Всякий раз самодержец шел на поводу у бояр, уступал им в любом конфликте, что, по мнению иностранных наблюдателей, означало лишь «тушить огонь маслом». Эгоизм индивидуальный, корпоративный, замешанный на стяжательстве, жажде наживы, пронизывал все слои общества. Законность и порядок трактовали «всяк на свой лад», особенно там, где дело касалось исполнения обязанностей перед государством.

Не менее тревожные явления давали о себе знать в церковной среде, в «остужении» к православной вере. Подвластные епархиальному управлению структуры во многом по-своему стали выполнять свой пастырский долг, что ставило под вопрос влияние духовенства на состояние религиозных чувств верующих. В грамоте, разосланной по городам, отмечалось, что народ *«к церквам Божьим не ходит и умножилось в людях во всяких пьянство и всякое мятежное бесовское действо, глумление и скоморошество... в православных хрестьянах учинилось многое неистовство»*. «Ревнители благочестия» стали возвышать голос в пользу христианского воспитания и образования народа, искоренения из среды священнослужителей греховных пороков, стяжательства, отступления от исполнения церковных обрядов и служб. Постепенно формировались взгляды, настраивающие на необходимость решительного отмежевания от застойного прошлого, повсеместного наведения порядка и дисциплины. Государству, столкнувшемуся с обилием проблем, без решительных, мобилизационных усилий было уже нельзя продолжать жить и действовать по старинке. Это означало бы только одно — утрату всяческих перспектив на возрождение, на способность противостоять экспансии извне.

*

К началу царствования Алексея Михайловича сполна обнажились проблемы, откладывать далее решение которых было бы губительно для российского престола. Вызовы и угрозы проистекали как из недавнего, так и из более отдаленного исторического прошлого, однако поиски ответа на

них утопали в насущном, в неспособности решать задачи самоуправления и жизнеобеспечения. Молодому царю предстояло принять на себя решение унаследованных проблем, тяжким грузом громоздящихся у порога российского престола. Необходимо было обезопасить столицу и государственные границы с юга от «татарских загонов», вернуть в лоно Русского государства исконные земли с православными святынями Киева, освободить от шведской оккупации балтийское побережье, открыв торговые пути в Европу. Вокруг этих программных задач давно велись дискуссии, однако подступиться к их решению было далеко не просто. С чего начать, какими ресурсами обеспечить их выполнение и, наконец, каковы будут результаты, будет ли достигнут успех?

Забегая вперед следует отметить: именно эти краеугольные задачи предопределяли политику власти на протяжении всего царствования Алексея Михайловича. На их решение ушли долгие годы. Попытки преодоления возникающих проблем сопровождались огромными трудностями, стоили немалых жертв. Надежды оправдались лишь отчасти. Тому было немало причин и объяснений. Как бы то ни было, власть вынуждена была действовать, не имея ясного представления ни о способах решения стоявших перед ней задач, ни о необходимых для этого силах.

Среди наследников родовитых фамилий было немало тех, кто в свое время выжил, выстоял в Смуту, кто пошел на компромисс, избрав на царство Михаила Романова. Им было далеко не безразлично, как пойдут дела в возрождаемом государстве. Угодны или неуютны будут они новому царю, приглянулись или нет, но эти люди в своих помыслах руководствовались стойким гражданским, патриотическим чувством. К тому же они по завету предков призваны были служить державе, оберегать ее, а когда это требовалось — жертвовать собой. В критических для Отечества эпизодах они оказывались в нужное время в нужном месте, спасая ситуацию, выравнивая крен государственного корабля.

В среде высшего боярства, как и духовенства, вызревало поколение, для которого гнетущее обитание в сообществе, погруженном в стяжательство, своеволие, пьянство, становилось невыносимым. Приходило понимание того, насколько дальнейшее сползание общества в безвременье подтачивает устой государства, ведет к утрате того немногого, что удалось отстоять в годы Смуты. И в светской власти, и в среде церковников пробуждались мысли, зовущие к действию, прежде всего к тому, чтобы воссоздать прочную власть в центре, в Москве. Наиболее уязвимым местом выступали расхлябанность в аппарате государственного управления, отсутствие согласованности в функциях управленческих

структур — приказов, в их взаимодействии с органами власти на местах.

Проблемы проистекали из слабости власти, главной причиной которой была нехватка людей, знающих дело и болеющих об интересах государства. Монархическая власть заявляла о себе весьма робко, казна была наполовину пуста, должностные лица несли службу «спустя рукава». Возможность консолидации, вовлечение в оборот необходимых ресурсов верхушке общества виделись на основе всемерного повышения ответственности и дисциплины, наведения порядка путем применения суровых мер принуждения и наказания. Необходимы были решительные действия, чтобы сдвинуть с мертвой точки, придать обществу движение в сторону государственного и правового устройства. Для реформаторов «первой волны» во главе с Морозовым таким направлением стало укрепление налоговой дисциплины и на этой основе пополнение пустующей государственной казны.

Мыслящих людей не оставляли раздумья о том, насколько ущербным на фоне окрестных стран выглядело Русское государство. К пятому десятилетию XVII века ее геополитическое положение было удручающим в сопоставлении с тем, какой была и чем располагала Русь всего столетие назад. Речь Посполитая завладела большей частью территории древней Киевской Руси, стояла буквально у московского порога. В ответ на попытки москвитов военным путем потеснить врага поляки по Поляновскому миру (1634) выставили свои форпосты в 18 километрах от Москвы. Балтикой с ее побережьем целиком владела Швеция, переименовавшая это водное пространство в «Шведское озеро». С юга Москва, как и соседние с ней местности, находилась под непрестанной угрозой губительных рейдов крымско-татарской конницы, разорявшей города и селения, уводившей в рабство тысячи людей. За Крымом стояла еще более грозная опасность — Османская империя, не скрывавшая намерений подчинить все христианские земли Запада и Востока и поднять над ними зеленое знамя ислама.

*

Исторические обстоятельства, в каких оказалась Русь к середине XVII века, масштаб проблем, что стояли перед ней, требовали немалых материальных ресурсов, которыми государство не обладало. У управляющего центра не хватало средств на решение даже первоочередных задач. Привходящие обстоятельства, вторгаясь в повседневный обиход

властной жизни, разрушали, вносили сумятицу во многое из того, что диктовалось здравым смыслом, логикой пути выхода из тупика. Однако эмоции, страсти опережали, оставляя все меньше места доводам рассудка, вынуждая на поспешные решения, не учитывающие всех последствий.

Имелся и другой фактор, тормозивший поступательное развитие Руси, обрекавший ее на стагнацию, на дальнейшее отставание от соседей по Европе. В насущных сферах общественного бытия давало о себе знать небрежное отношение людей всех сословий к своему гражданскому долгу, в первую очередь к обязанности платить налоги. Казна испытывала нарастающий недобор средств, что еще более ослабляло устои центральной власти. Стрельцы, опорная сила самодержавия, на протяжении нескольких лет не получали жалованья. Денег на содержание государственного аппарата не отпускалось. Услуги чиновников, их «кормление» оплачивались за счет подношений просителей. От этого в приказах и повытьях, органах государственного управления, процветали взяточничество и произвол чиновников. Оставляли желать лучшего знания и способности правящей элиты, в недрах которой вызревали и продвигались те или иные управленческие идеи. Необразованность, упование на Всевышнего, спонтанные, слабомотивированные решения уводили власть в сторону от достижения желаемых результатов. Предлагаемые новации переиначивались, искажались или отвергались с порога. В. О. Ключевский справедливо отмечал: «Само государство носило еще во многом прапрадедовский кафтан, доставшийся в наследство от родителей».

При этом особую роль в государстве выполняла православная церковь. В Московии, находящейся на периферии христианского мира, вероучительная практика также определялась судьбоносными обстоятельствами. Вера обрела исключительное значение в судьбе страны, подвергаемой постоянному риску разрушения государственности. Она оказывалась особенно востребованной в ходе отражения вражеских нашествий, усобиц, народных выступлений. Стойкость в суровых природных условиях, противостояние стихии, способность к выживанию предопределили влияние церкви не только на духовную, но и на материальную сторону жизни. Богослужебные нормы и обряды направлялись на обуздание человеческих слабостей и инстинктов, на обеспечение рационального образа жизни во имя торжества идеи, ведущей человека к высшей цели — к Богу. Достижение горних высот требовало от человека не только молитвенного поклонения, но и исполнения обязательного «послушания», предполагающего реальное служение

нуждам христианского сообщества. Выживание народа, по убеждению церковных иерархов, было возможно только благодаря преданности, правильности в вере. Отсюда проистекало убеждение, что именно Русская православная церковь, оставаясь незапятнанной хранительницей истинной веры, рано или поздно возьмет на себя вселенскую, мессианскую роль очищения догматов и святынь христианства от скверны.

*

Религия на территории Древней Руси тесно вплеталась в судьбу восточнославянской государственности. Миротворческие, объединительные усилия православной церкви в преодолении феодальной раздробленности, междоусобной вражды способствовали выживанию ее народа, обеспечили сохранение Руси. От прочности устоев власти в немалой степени зависела защищенность церкви, в ходе нашествий подвергаемой немалым испытаниям. Она проделала исторический путь от укрытий в лесных чащобах, в малодоступных скитах и пустынях до величественных храмов, богатых монастырей, строившихся в те времена, когда русская государственность крепла. Тот факт, что вера выстояла, выжила, стала опорой жизненного уклада восточных славян, оснастил православное духовенство осознанием своей особой богоизбранной роли.

Постепенно церковь взяла на себя роль не только духовного пастыря, но и, по сути дела, прораба, обеспечивающего включенность верующего населения в материальную жизнь общества. Духовная сторона жизни в ходе исторического процесса постепенно обрала возрастающим число обязательств не только в хождениях на молебны, участии в вероисповедальных службах, соблюдении церковных предписаний. От верующих требовались и добровольные трудовые, денежные вложения на пополнение нужд церковных учреждений и их служителей. К началу XVII века православной церковью был пройден длительный, диалектически сложный путь. Он сопровождался не только взлетами человеческого духа, подвигами самопожертвования, но и преследованиями, наказаниями, актами беспрецедентной жестокости по отношению к вероотступникам. Умножалась материальная собственность церкви, возрастало число культовых зданий — монастырей, соборов, храмов. На их строительство и содержание, на воссоздание художественного убранства, церковной утвари уходила всё большая часть национального достояния.

Эгоистические устремления церковников, их стремление

доминировать во всем, особенно ярко проявившееся в фигуре патриарха Никона, все более вступали в противоречие с задачами цивилизационного развития общества. Не только стремление монастырей увеличивать свои угодья и перетягивать туда недовольных жизнью крестьян, но и сама вероисповедная практика, поглощавшая значительную часть времени в ущерб производительному труду, вызывали недовольство и в правящих кругах, и в народе.

Обеспечить баланс целей и интересов светской и церковной власти становилось все труднее. Попытки ввести в законодательные рамки, упорядочить местоположение церкви в системе власти были предприняты на Земском соборе 1649 года. Однако удержать избранный курс при глубоко религиозном Алексее Михайловиче не удалось: вскоре по настоянию Никона он вернул церкви прежние привилегии. За попытками церковников овладеть сознанием молодого, неискушенного, набожного царя крылись вполне определенные цели. Им, ведомым византийскими наставниками, грезилась идея доминирования Русской церкви над христианами Востока, лишившимися своего духовного центра — Константинополя. Их стремление увлечь Алексея Михайловича заманчивой перспективой в конечном счете увенчалось успехом. Однако умозрительные построения церковных иерархов Востока, продвигавшиеся ими в правящие круги Московии, никак не учитывали реальность, за века сложившуюся в вероучительной и вероисповедальной практике Русской церкви. Не знал этого и не мог знать Алексей Михайлович, отгороженный от общения со своим народом.

Между тем, накладываясь на патриархальные народные традиции, христианство на Руси по-своему адаптировалось к исконным, древним верованиям. Язычество существенно трансформировало трактовку обрядов, церковные праздники, поклонение святым. Вероучительные тексты в ходе многократных переписываний подстраивались к местному речевому обиходу. Греческие и восточные иерархи, время от времени посещая Русь, указывали на неточности в богослужебных текстах, на обрядовые расхождения, которые они открывали для себя в Московии. На это Иван Грозный как-то заметил: *«Греки нам не Евангелие. У нас не греческая, русская вера»*. И в самом деле, историческое прошлое, на которое опирались национальные, духовные традиции Древней Руси, оказало влияние на церковные обряды. И после Ивана IV христианская Русь продолжала жить по-своему, отметая попытки отдельных пришлых церковников вмешиваться в вероисповедную практику, исправлять обряды, критиковать тексты, по которым велось богослужение. Отстоять принципы,

следовать далее унаследованной от предков традиции представителям новой династии Романовых не довелось.

Тем временем антагонизм христианских церквей — католичества и православия, принявший особую остроту к XIII веку, предопределил самоизоляцию, на который Московия надолго оказалась обречена. Русская православная церковь, вслед за византийской, определяла весь окружающий мир как враждебный, несущий зло, обреченный на адские муки. Его влияния следовало всячески избегать, отказываясь от всякого общения с иноверцами. Источником зла, идущим от дьявола, признавались любое светское знание, образование, бытовая культура. Теснимое исламом с юга и католицизмом с запада православие на Руси всеми средствами старалось оберегать чистоту веры. Стремление оградить святую Русь от иноверцев долгое время оставляло общество восточных славян в стороне от цивилизационных путей, какими следовали страны Западной Европы. Между тем Русь оставалась единственной обетованной землей, где православные Востока, оказавшиеся под османским игмом, находили понимание, сочувствие, поддержку. Только здесь христианская вера греческого закона оказалась под защитой государства, а русский царь выступал ее стойким поборником.

Начиная с XIII–XIV веков христианское население, не поддавшееся насильственной исламизации, как и гонимое священство Греции, Болгарии, Сербии, искало спасения и заступничества на Руси. В этой братии, отторженной от родного очага, от намоленных святынь, особенно стойко давали о себе знать боль и горечь поражения. Они несли с собой не только ненависть к врагам православия, но и стойкую приверженность к своей вероисповедной практике, которая во многом противоречила русской церковной традиции. Постепенно вокруг этого стала завязываться дискуссия, повлекшая за собой далеко идущие последствия.

*

В Нижегородской области современной России, некогда входившей в пространство Древней Руси, есть место, именующееся «родиной антагонистов». Две деревни Вельдеманово и Григорово, отстоящие друг от друга на десяток километров, примечательны тем, что в них родились выдающиеся церковные деятели XVII века — патриарх Никон (1605–1681) и протопоп Аввакум (1620–1682). Этих выходцев из глубинки, непримиримых в своей трактовке канонов православной веры, называют

творцами раскола, провозвестниками того, что на века разделило русских христиан.

Богослужебная деятельность с ранних лет определила суть земной жизни и того и другого. Постигание основ вероучения и дальнейшее церковное служение давались Никону и Аввакуму ценой немалых испытаний. Их твердость в вере, неотступное следование церковным предписаниям не всегда находили отклик у окружающих. Многочисленные ограничения, налагаемые религией, отвращали от церкви тех, для кого главным была мирская жизнь, кто в условиях постоянной борьбы за существование не находил времени или сил для выполнения предписанных постов и молитв. К тому же церковный календарь, заимствованный из южных стран с мягким климатом, с трудом вписывался в погодные условия Руси, обрекая верующих на суровые испытания. Далеко не каждый организм, даже у закаленных русских, способен был их выдержать. Долгие службы в холодных, неотапливаемых церквях, купание в проруби в крещенские морозы, скудный постный рацион — все это так или иначе сказывалось на здоровье людей. Великий Михайло Ломоносов не случайно отвергал бездумное следование церковным обрядам, особенно ритуалу крещения младенцев. Именно в этом, помимо неправильного образа жизни, ученый видел причины высокой смертности населения — продолжительность жизни в России тогда не превышала сорока лет.

И Никон, и Аввакум, начинавшие карьеру в русской глубинке, не раз были биты и гонимы верующими, не приемлющими строгий порядок, который навязывали эти пастыри. Особенно это касалось осуждения ими пьянства и блуда, сопровождавших в то время и праздники, и будни. Будучи новгородским митрополитом, Никон был сильно избит бунтовщиками во время «ПСКОВСКОГО ГИЛЯ», о котором речь пойдет далее — его «отблагодарили» за закрытие в городе питейных заведений. Похожая история произошла и с Аввакумом: будучи священником в селе Лопатицы, он своими обличительными речами восстановил против себя местных «сильных людей». Строгость и неуступчивость едва не стоили ему жизни. Переведясь в Юрьевец-Повольский, он и там настроил против себя население, от которого требовал строгого следования церковным предписаниям. В скором времени *«попы и бабы, которых он унимал от блудни, среди улицы били ботажьем и топтали его и грозились совсем убить вора, блядина сына да и тело собакам в ров бросить»*.

Вынужденный бежать в Москву, Аввакум нашел единомышленников в обществе «ревнителей благочестия», где задавал тон духовник молодого царя Стефан Вонифатьев. Там он встретился с Никоном, с которым у него

установились дружеские отношения, несмотря на разницу в возрасте. Для них обоих вера, ее первозданная чистота стала целью и смыслом существования. Каждый при этом думал и хотел «как лучше» обустроить боговерческую практику истинно православной вероисповедальной традиции. Поначалу деятелей кружка занимала «книжная справа» — редактирование вероучительной литературы. Исправление ошибок не по древнерусским рукописным текстам, а по греческим книгам разделило прежних единомышленников, особенно когда Никон стал патриархом.

Используя набожность Алексея Михайловича и его душевную расположенность к себе, Никон сумел навязать ему идею церковной реформы. Верующие оказались перед необходимостью изменить порядок богослужебной церемонии, предварительно исправив ошибочные, унаследованные от времени наслоения, появившиеся в ходе многократной переписки древних текстов. Отныне вести богослужение требовалось не по устоявшемуся древнеславянскому канону, а по древнегреческому. Никон, а за ним и Алексей Михайлович сочли, что так будет ближе к традиции, идущей от самого Христа. Новации, надобность которых была неочевидна даже ведущим богословам, вызвали решительное неприятие многих церковнослужителей и простых верующих. Упорство отвергавших нововведения христиан стало камнем преткновения. У государственной и церковной власти такая реакция вызвала сначала недоумение, а потом и гнев.

Был ли Аввакум посвящен в далеко идущие планы Никона, мы не знаем. Не можем и доподлинно узнать, что стояло за их разрывом — только ли верность принципам или упрямое противостояние земляков-соперников, их нежелание уступать друг другу даже в самом малом? Больше трех веков потребовалось Русской православной церкви, чтобы осмыслить ничтожность распри, затеянной Никоном и Аввакумом. Поместные сборы РПЦ 1966–1967 и 1975 годов признали, наконец, «равночестность» старого и нового обрядов, отменили проклятия и анафемы в адрес ревнителей «старой веры».

Когда патриарх и вдохновленный им царь приступили к «книжной справа» по греческим образцам, протопоп занял непримиримую позицию, начав повсеместно предавать анафеме «церковную затейку». Эта протестная деятельность встретила поддержку в рядах как церковников, так и многих верующих. Возмущение ширилось, что ставило под угрозу весь проект реформы. Власть приступила к репрессиям, и первым из тех, кто им подвергся, был не поддающийся угрозам и уговорам Аввакум. Но главное — никому из зачинателей раскола, ни «тишайшему» царю, ни

Никону, ни Аввакуму, не пришло в голову осмыслить, к чему приведет, какие последствия повлечет за собой этот, по сути дела, внутрицерковный, корпоративный спор. Нехватка здравого смысла, гордыня, честолюбие невежественных, одержимых своей правотой лидеров обрекли россиян на долгий непримиримый «спор славян между собою».

*

Конечная цель авторов церковной реформы состояла в том, чтобы православная Русь, преодолев «ошибки» в богослужебной практике, взяла на себя главенство над всей восточной частью христианского мира, где сохранились, не подвергшись поруганию, первоначальные каноны христианства. Авторство идеи приписывают псковскому старцу Филофею: это он якобы первым обосновал теорию о Москве как Третьем Риме. Честолюбивая, облаченная в благочестивые одеяния «затейка» уже тогда стала оборачиваться неисчислимыми проблемами. Никон не знал или не хотел знать, что помимо христианских догматов и евангельских текстов существовала передаваемая от поколения к поколению память духа, питавшая силы гонимого, но непокорного народа. С течением веков это стало особым свойством национального характера, упрямого в своих достоинствах и заблуждениях. Именно вера во всех ее исповедальных канонах стала неколебимой данностью, высшей ценностью непримиримых, пошедших наперекор и царю, и патриарху, россиян. Противники называли их раскольниками, а сами они — старообрядцами.

Устроителям реформы — Никону и Алексею Михайловичу — было не дано понять, что на Руси за годы нашествий и междоусобиц выстроилась хоть и христианская, но особая церковь. Вера в Бога, в учение Христа оставалась незыблемой, однако в нее проник дух особой боговерческой традиции. Она настолько выросла в сознание, в плоть и кровь верующего народа, что перемены даже в самом малом воспринимались как отступничество, предательство самой веры. Подстроиться под греческий канон означало для них оказаться в одном ряду с «лукавыми» греками, которые сперва покорно приняли Флорентийскую унию с католичеством, а потом подстроились под османскую оккупацию, поступаясь основами вероучения.

Реформаторская деятельность Никона продолжалась недолго. Уже в 1658 году, не найдя общего языка с царем, он удалился из Москвы в основанный им Ново-Иерусалимский монастырь, а восемь лет спустя был

лишен церковным собором патриаршего достоинства и сослан в северный монастырь. Разочаровавшись в «собином друге», Алексей Михайлович и не думал отказываться от задуманной Никоном церковной реформы. Наоборот, он еще с большим рвением, несмотря на протесты не только верующих, но и церковных иерархов, решил продвигать идеи церковного обновления. Именно в те годы в глубоко религиозном христианском обществе Руси было положено начало разделению на последователей обряда старого и обновленного. Редактирование богослужебных книг, перемены в богослужебном каноне вызвали неодолимый народный протест. Подавить его не удавалось на протяжении двух веков, несмотря на настойчивые усилия со стороны официальной церкви и государственной власти.

Первые вписанные в историю жертвы раскола — боярыня Морозова и протопоп Аввакум. Далее последовало «Соловецкое возмущение»: восставший против церковных нововведений монастырь подвергся восьмилетней осаде. Сломленные в конце концов соловецкие «раскольники» были жесточайшим образом истреблены. Избегая той же участи, тысячи приверженцев старой веры устремились в необжитые леса Заволжья и Северной Руси. Но и там их находили, заставляя отречься от «старого обряда», результатом чего нередко становились «гари» — массовые самосожжения. Обе стороны в многолетнем конфликте питала упрямая, неутихающая ненависть друг к другу. Результаты этой религиозной войны против собственного народа и теперь хранит земная твердь, все ее континенты и страны. Общины русских старообрядцев и ныне компактно проживают в Турции, Китае, странах Северной и Южной Америки, сохраняя при этом язык, веру, традиции и образ жизни. Их предки, преследуемые, уничтожаемые у себя на родине, искали спасения, где только возможно. А ведь такие, как они — трудолюбивые, непьющие, безукоризненно честные, — и тогда, и теперь оченьгодились бы России...

Суд истории вправе предъявить обвинения патриарху Никону и царю Алексею Михайловичу, спровоцировавшим в русском обществе глубокий духовный раскол. Романтическая мечта о «Третьем Риме», о вселенском православном царстве, захватившая воображение Алексея Михайловича, вывела государственную власть России на многовековой путь борьбы с собственным народом. Остановить это трагическое противостояние не посчитал нужным никто из российских царей, императоров, сменяющих друг друга церковных иерархов.

Внутрицерковное нестроение отвлекало власть от стоящих перед нею проблем, которые требовали слаженного управления, сосредоточения сил и ресурсов на наиболее важных для государства направлениях. Из вызовов и угроз, какие унаследовала Русь из прошлого, одними из главных были последствия разорительных набегов степных орд, выбивавших жизнь и Киевской, и Московской Руси из мирной колеи, оборачивая вспять достигнутое неокрепшим государством в ходе мирных передышек.

Бескрайняя пограничная степь от Дона до Днепра оставляла Московию особенно уязвимой. В XVI–XVII веках отряды татар по проторенным Муравскому, Изюмскому, Кальмиусскому, Ногайскому шляхам приходили к Брянску, Ельцу, Туле, достигая и окрестностей Москвы. Целью набегов были ограбление и захват в плен местного беззащитного населения. Татары были вооружены саблями, пиками и самым страшным своим оружием — луками. Выпущенные умелой рукой стрелы летели вдвое дальше ружейной пули. Противостоять внезапным летучим набегам небольшие гарнизоны городов-крепостей могли далеко не всегда. Только в первой половине XVII века, по самым минимальным оценкам, татары увели в Крым на невольничьи рынки 150–200 тысяч русских людей. За их возвращение требовалось выплачивать немалые «полонячьи деньги». Кампании по выкупу из плена всем миром — от царя и далее — захваченных в прежние набеги православных христиан осуществлялись введением налога «общей милостыни».

Необходимо было обезопасить южные границы государства от внешнего врага, который, беспрепятственно вторгаясь на территорию России, не раз срывал планы боевых действий на Западе. Немаловажным обстоятельством было также и то, что в первой трети XVII века районы так называемого Дикого поля стали активно заселяться покидающими Нечерноземье вольными переселенцами, а также служилыми людьми, получавшими за службу земельные наделы. Возможность уберечься от внезапных атак виделась тогда в построении защитных фортификационных сооружений, способных сдержать первый натиск врага, давая тем самым возможность Москве выиграть время, необходимое для сбора войскового ополчения. В 1636 году было положено начало масштабному национальному проекту. Появился план создания эшелонированной системы укреплений, который, претерпев ряд существенных изменений и дополнений, только к 1658 году принял относительно законченные

очертания.

Строительство «засечных черт» — сооружений для защиты от вражеских нашествий — особая, малоизвестная глава исторической летописи Руси. Масштабы, протяженность конструкций, сложность систем перехвата противника с использованием как рельефа местности, так и создаваемых искусственно рубежей до сих пор поражают воображение. Их возведение велось ценой отвлечения немалых ресурсов, со временем усложняясь и модифицируясь, образуя многоуровневую систему обороны на южной и восточной границах государства. Не только сами по себе сооружения, но их содержание и охрана требовали огромных затрат. «Засечные деньги» — дополнительный налог, который взимался с населения на эти же цели. В «засечные черты» входили города-крепости с постоянным гарнизоном, выступавшие главными узлами обороны на важных стратегических направлениях. Гарнизоны городов-крепостей не только защищали окрестные поселения и подчиненные им участки оборонительной линии, но и осуществляли надзор за их состоянием, отражали нападения татар, высылали в поле отряды для наблюдения за передвижением противника.

С запада на восток проходил важнейший для обороны южных границ участок Белгородской засечной черты протяженностью 400 километров. Он перекрывал три из четырех главных направлений татарских набегов: Муравский, Изюмский и Кальмиусский шляхи. В состав черты входили 27 городов-крепостей, земляные валы и естественные преграды — реки, леса, болота. Белгород, к тому времени ключевой военно-административный центр, в ходе сооружения оборонительной черты был перенесен на новое место. Там выстроили деревянный острог, имеющий 11 сторожевых башен. Одной из самых мощных в Белгородской черте была крепость Яблонов, перекрывавшая Изюмский шлях. Внешняя линия ее обороны была образована кольцевым валом, укрепленным дубовыми бревнами. На ней стояли 13 башен, четыре из которых были проезжими, внутри земляного укрепления был сооружен рубленый деревянный город.

Для поколений, населявших Русь в XVII веке, строительство укреплений, обустройство там городов-крепостей с сопутствующей инфраструктурой стало делом всей их жизни. Здесь проходили стажировку, набирались опыта выходцы из боярской знати, впоследствии оказавшиеся у вершин государственного руководства. Имена Долгоруковых, Барятинских, Бутурлиных, Волконских, Куракиных, Ромодановских вписаны в летопись этой грандиозной по масштабам и невероятно трудоемкой строительно-инженерной эпопеи. Там открывались способности и таланты многих

выходцев из низших сословий. Оттуда происходила подпитка правящей элиты толковыми людьми, в каких Русь особенно нуждалась.

*

Обустройство южных пограничных рубежей — далеко не единственное направление, предопределявшее потребность в консолидации государственных сил и ресурсов. К этому теснейшим образом примыкала другая проблема, которая особенно будоражила общественное сознание — угроза польско-литовского вторжения. На древнерусской территории, из столетия в столетия терзаемой нашествиями, грабежами, территориальными захватами, с давних времен стал образовываться особый народ — казачество. Поначалу разнородное по происхождению и составу казачье сообщество не имело ярко выраженных национальных черт. Пополнялось оно за счет исхода христианского населения Византии, Греции, Балкан, а также беглых крестьян Руси, приток которых сюда рос по мере усиления помещичьей эксплуатации на малопродуктивных нивах Нечерноземья. К ним примыкали и недовольные, гонимые преследователями иноверцы из Крыма, Турции, Персии. Складываясь из многочисленных беглецов-переселенцев, прибывавших с разных краев: с Севера, Юга, Востока, казачество постепенно структурировалось, образуя вместе с остатками оседлого населения основу населения огромного степного края.

Казацкая вольница поначалу представляла собой сбитых в сообщества степных пиратов, которые, подобно их морским собратьям, промышляли грабежами путников и набегами на окрестные территории: берега Дона и Кубани, предгорья Северного Кавказа, Крым, Причерноморье. Рейды казаков не всегда проходили удачно, наталкиваясь на яростный отпор оседлых соседей, вынужденных противостоять агрессии буйной казацкой массы. С некоторых пор в окрестных странах возобладала тенденция к освоению казацких территорий, «замирению» их беспокойных жителей и использованию их в своих интересах. К XVII веку этот процесс заставил донских казаков принести присягу русскому царю, а запорожских (днепровских) привел под власть Речи Посполитой. Туда направила стопы католическая церковь, пытавшаяся теснить исконное для местных жителей православие. В результате религиозный мотив стал доминировать в межобщинных конфликтах, а затем наложился и на межгосударственные отношения. В таких противоречивых условиях формировалась народность,

легко поддающаяся агитации своих вождей-атаманов, движимых не столько национально-религиозными инстинктами, сколько жадой наживы. Каждый из них, по-разному одаренный, малограмотный, но амбициозный, вселял в местное население иллюзии, в основе которых лежала надежда не только на себя, но и на поддержку внешних сил.

Тем временем в недрах казачества постепенно происходило расслоение по имущественным признакам. Зажиточная часть в свою очередь структурировалась, создавая центры оседлого проживания, органы местного самоуправления. При этом имущие казаки постоянно вступали в конфликты с неимущими, вызывая бесконечные кровопролитные конфликты. Пробивающиеся то тут, то там к власти претенденты в атаманы или гетманы, опираясь на поддержку одной части населения, были не в состоянии добиться общего доверия. Вмешательство извне становилось неизбежностью, что, в свою очередь, провоцировало раздоры, обостряло конфликты внутри казачьего сообщества.

Территория от Дона до Днепра и далее с некоторых пор стала мыслиться в Москве как буферная зона, способная сдерживать атаки крымских татар, делая их не столь внезапными и разорительными. Дело дошло до того, что на каком-то этапе у московских властей возобладало мнение о необходимости отказаться от насильственного возвращения с Дона беглых крепостных крестьян. Таким образом, заселяемый русскими людьми степной край становился близким Московии по духу, вероисповеданию, образу жизни. К тому же его население все больше тяготело к оседлости, что вынуждало атаманов устанавливать более стабильные отношения с сопредельными территориями. Другие государства, прежде всего Речь Посполитая, преследуя свои цели и интересы, формировали в среде казачества своих сторонников. Их лидеры, руководствуясь своими представлениями и интересами, оказывались под влиянием заигрывающих с ними внешних сил, наделявших их благами и привилегиями. Переменчивая обстановка породила в среде казацких лидеров особое явление — «шатость», непостоянство, сопровождаемое отказом от выполнения ранее взятых на себя обязательств.

Для православной части казачества, особенно на левобережье Днепра, наиболее приемлемым из возможных покровителей с некоторых пор стал видеться русский царь. К нему начиная с 40-х годов XVII века зачастили казацкие эмиссары, однако надежды на стабильную защиту и поддержку со стороны Московии оставались призрачными. Такая защита была сопряжена с риском военного конфликта, что означало расторжение мира с поляками и начало новой войны. Речи Посполитой в XV–XVI веках удалось установить

свой военно-административный контроль по обе стороны Днепра, однако насаждение здесь католицизма встретило решительный отпор местного населения, особенно оплота православия — Киева. То в одной, то в другой части Украины на религиозной почве возникали кровавые конфликты, провоцируемые извне. Результатом стало вековое, перманентно обостряющееся противостояние католицизма и православия, возбудителем которого выступала католическая церковная элита. Заставить местных русских (еще не называвших себя украинцами) отказаться от веры, в которой искали спасение их предки, оказалось делом бесперспективным. Православное население, ведомое своими священниками, несмотря на все притеснения, продолжало стойко следовать своей вере, обращая при этом взоры в сторону Московии. Однако Московская Русь, погруженная в решение своих острых проблем, поддержки единоверцам оказать тогда не могла.

Но наступил 1654 год, когда в Переяславе собралась рада (съезд) казаков, восставших против польской власти. Гетман Богдан Хмельницкий и казацкие старшины просили русского царя «навечно» взять запорожских казаков под покровительство русской короны. Как и ожидалось, вслед за решением русского правительства вторгнуться в Украину с целью защиты ее православного населения туда были направлены польские карательные отряды с целью восстановления нарушенного статус-кво. Из локального конфликт принял международный характер с участием всех сопредельных стран. Сам Богдан Хмельницкий спустя год, оценив обстановку, решил аннулировать свое обращение к русскому царю. В этом нашло свое подтверждение непостоянство, свойственное не только ему, но и другим казачьим гетманам. «Шатость» недолговечных, свергавших один другого вожakov разделяла украинский народ, ставила под сомнение способность втянутых в противостояние государств отстаивать стабильность на охваченных гражданской войной землях.

С 1653 по 1667 год Московия оказалась втянутой в кровопролитную войну, которая не закончилась возвращением Левобережной Украины, а продолжалась с короткими передышками полтора столетия — до присоединения к России всех бывших земель Древней Руси. Эта война не только погубила Речь Посполитую и Крымское ханство, но и Русскому государству стоила громадных жертв. Особенно трудной она была на первом этапе, когда военное противостояние с Польшей наложилось на острые внутренние проблемы, преодолеть которые в царствование Алексея Михайловича так и не удалось. Управленческие решения, принятые на государственном уровне в экономической, духовной, военной сфере, во

многим оказались ошибочными, погрузив Русь в бездну проблем и противоречий.

Глава вторая

«ДОБРЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК, СЛАВНАЯ РУССКАЯ ДУША»

Именно таким от природы, по мнению выдающегося историка Василия Осиповича Ключевского, был русский царь Алексей Михайлович, второй из династии Романовых. Этими словами ученый посчитал нужным выделить наиболее примечательные черты самодержца всея Руси, который «представлял в высшей степени привлекательное сочетание добрых свойств верного старине древнерусского человека с склонностью к полезным и приятным новшествам».

Автор глубоких суждений, относимых как к прошлому, так и к современной ему общественной жизни, Ключевский не решился столь же подробно осветить другое, особенно важное — то, как Алексей Михайлович «государил». Подробно рассматривая достоинства личности Алексея Михайловича, он сознательно задерживает свое внимание на житейской стороне царского бытия. Он отмечает ряд черт, свидетельствующих о его добросердечии, человеколюбии, исключительной честности — качествах, позволяющих видеть в нем «едва ли не лучшего человека» Древней Руси. «По крайней мере, не знаю другого древнерусского человека, который производил бы более приятное впечатление... но только не на престоле», — добавляет ученый.

Ключевский уклонился от того, чтобы подробно осветить государственную деятельность второго Романова, не стал анализировать события его царствования в их хронологической последовательности. Он лишь обратил внимание на то, в какой мере присущие царю свойства характера вносили разлад в его деятельность, не позволяли ему сполна реализовывать свое самодержавное право властвовать, управлять. Для историка слишком болезненной казалась правда о том, к чему приводил присущий царю образ правления, каковы были последствия принимаемых им решений. Представление о добром, благородном, набожном царе никак не укладывалось в реалии, сопровождавшие его царствование. Причиной тому пассивный характер самодержца, его добродушно-нерешительное отношение к любой активности: «Он был мало способен и мало расположен что-нибудь отстаивать или проводить, как и с чем-либо бороться». Оттого многое, к чему был причастен царь, приобретало

вялотекущий характер, сопровождалось потерей инициативы и времени, не получая своего позитивного развития.

Видные историки XIX — начала XX века Берх, Соловьев, Костомаров, Платонов во многом схожи с Ключевским во взглядах на личность Алексея Михайловича. Подход каждого из них к освещению фигуры монарха, остававшегося на русском престоле более тридцати лет, нельзя назвать сбалансированным. Раскрывая глубоко и подробно его человеческие достоинства, в том, каким он был государем, они проявляют уклончивость, поразительную сдержанность, отделяясь общими фразами. К примеру, С. Ф. Платонов видел в Алексее Михайловиче личность «богаче одаренную сердцем, — беднее твердою волей», «любопытный и приятный, но более благородный, чем практически полезный правитель». Он «из неопытного юноши стал очень определенным человеком с оригинальной умственной и нравственной физиономией». Ученый, чья жизнь и научная деятельность пролегла через два исторических периода, — имперский и советский, — открывает в самодержце такие качества, как «нравственная чуткость», «деликатность», «совестливость», «трезвость и умеренность», «живость духа», «общительность». Он «чужд ханжества», проявляет «способность анализировать», «склонность к размышлению и наблюдению», «умеет говорить, думать и чувствовать очень тонко». С другой стороны, Алексей Михайлович у Платонова — «безвольный и малодушный человек», «не умел и не думал работать», «бесхитростен», «простоват», «благодарен» и даже «не способен к управлению».

Другие исследователи, отмечая нерешительность, противоречивость, не свойственные роли государя-самодержца, терялись в догадках, пытаясь понять, носило ли то или иное царское решение признаки государственной мудрости, или же, напротив, являлось свидетельством недалекости, посредственности. Вероятно, с оглядкой на строгости имперской цензуры тем или иным не самым удачным поступкам царя придавался смысл весьма значительный. Другие недостатки относились на счет окружения, не способного уловить подлинный смысл царских предложений.

Желанием облагородить историю царствования Романовых, смягчить впечатление потомков о том трагическом, ошибочном, несуразном, что сопровождало их правление, объясняется снисходительно-умиротворяющая интонация, свойственная некоторым историческим работам на эти темы. Угол зрения, ракурс, под которым рассматриваются этапные события, решения и поступки сильных мира, выстраивает в представлениях читателя позитивный взгляд на прошлое, каким бы оно ни было на самом деле. Далеко не многим мыслителям удавалось называть вещи своими именами,

справедливо оценивать прошлое и его творцов, как об этом сказано у Н. И. Костомарова: «Несмотря на превосходные качества этого государя, как человека, он был неспособен к управлению... Для этих целей не мог ничего вымыслить иного, как только положиться во всем на механизм приказного управления... Он всегда был под влиянием то тех, то других; но безукоризненно честных людей около него было мало, а просвещенных и дальновидных еще менее. И оттого царствование его представляет в истории печальный пример, когда под властью вполне хорошей личности строй государственных дел шел во всех отношениях как нельзя хуже»^[7].

Жесткий приговор, вынесенный Костомаровым итогам царствования Алексея Михайловича, тем не менее не выходит за рамки «охранительности», свойственной исторической науке имперского времени, не идет далее известной формулы «хороший царь, плохие помощники». Между тем сопоставление отстоящих друг от друга всего на четверть века царствований Алексея Михайловича и Петра Алексеевича обнажает сущность того, что может при прочих равных условиях привнести в государственную жизнь личность монарха, наделенная необходимыми лидерскими качествами.

Тем не менее суждения и взгляды столпов науки XIX века на то, каким был русский царь Алексей Михайлович, какой след он оставил в национальной истории, глубоко укоренились в отечественной историографии. Все последующие работы советского и постсоветского периода лежат в фарватере уже сложившейся концепции, несмотря на ее незавершенность. Историкам действительно трудно написать полноценную правдивую картину царствования Алексея Михайловича, в которой немало такого, что и теперь болезненно отзывается в русском национальном самосознании. Тем не менее необходимо познавать, восполнять историческую правду об обстоятельствах устройства государственной жизни во всей возможной полноте. Актуальность этому придает известная цикличность, диалектическая закономерность, открывающая повторяемость явлений и событий прошлого, дающих о себе знать в событиях современности. Да только ли это? Имеется немало другого такого, что необходимо современной личности в самопознании и самосовершенствовании, для понимания того, почему мы, русские, именно такие, а не какие-либо другие...

Даже признавая пассивность и неспособность Алексея Михайловича, историки прошлого особенно не преуспели в том, чтобы находить, открывать, выводить из тени тех исторических деятелей, кто реально вершил дела, укреплял государство, обеспечивал его выживание под

ударами драматических обстоятельств внешнего и внутреннего порядка. Для тех, кто на себе выносил бремя борьбы и тревог, поражений и лишений, едва находилось несколько строк. О них говорилось скороговоркой, вскользь. Между тем вдумчивый, беспристрастный анализ открывает много такого, что позволяет говорить: не благодаря тому, что во главе Руси оказалась такая личность, как Алексей Михайлович, а, скорее, вопреки этому государству удалось выстоять, сохранить себя для будущего. Только преданное, беззаветное, жертвенное служение людей, личностей, находившихся в нужное время в нужном месте, спасало положение.

Самодержец Алексей Михайлович — одна из противоречивых фигур российской истории и оттого с трудом поддается осмыслению во всей своей полноте. Царственное, державное в нем уживалось с низменными проявлениями натуры, отнести которые возможно лишь к самому мелкому, обыденному, если не сказать, глупому. В том, как он жил и правил, проявляются признаки «от великого до смешного». Многие не укладываются в прокрустово ложе стереотипов, присущих жизнеописаниям самодержцев разных эпох. Приписываемая ему житейская формула «делу время, потехе час» как нельзя лучше проясняет картину его жизни, в которой важные государственные дела на равных уживались с не стоящими даже упоминания пустяками. В ту пору на Руси ходила такая притча: «Думного дьяка спросили — умен ли царь Берендей? Думный дьяк ответил: царь Берендей очень добрый человек».

*

Патриарх Филарет (1553–1633), проложивший дорогу династическому правлению Романовых, — знаковая фигура своей эпохи, отец и дед двух русских царей, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. В 1601 году он, в миру Федор Никитич Романов, под давлением царя Бориса Годунова вынужден был принять монашеский сан под именем Филарет и оказался в северной ссылке. В годы польской интервенции едва не стал разменной фигурой в соперничестве самозванных ставленников за русский престол, а когда представилась возможность, возглавил силы сопротивления польским интервентам. Отправившись в 1610 году с Великим посольством на переговоры в Польшу, подвергся аресту, оказался в заложниках. Восемь лет провел в польском плену, сохраняя непреклонность в вере, проявляя лучшие черты национального характера. Его возвращение в Москву в 1619 году, ставшее результатом обмена пленными в ходе послевоенного

урегулирования, было по-особому торжественным и трогательным. У стен Кремля его встретил сын Михаил, к тому времени уже пять лет царствующий на русском троне. Отец и сын, обняв друг друга, долго простояли в молчании...

Тогда Филарет подтвердил на церковном соборе свой патриарший сан, а Земским собором был провозглашен еще и «великим государем» при живом царе. Тем самым в Филарете ненадолго воплотилась византийская идея единения светской и церковной власти в одном лице. Подобно первым константинопольским властителям, Филарет де-факто правил государством и церковью до своей кончины. Все это время царь Михаил оставался в тени своего отца, к тому же его здоровье оставляло желать лучшего.

Возвращение из польского плена Филарета сыграло важную роль в консолидации общества, все еще пребывающего в состоянии растерянности, не находящего в себе сил сосредоточиться на целенаправленном пути развития. Наследие Смуты давало о себе знать в раздорах, местнических спорах элиты в ходе заседаний Боярской думы. Филарет «будучи един во всех лицах», сосредоточив в своих опытных руках власть светскую и церковную, привнес в общество мобилизующее начало. Он видел целью собирание сил, движение в сторону реванша, возмездия за потери, какие в годы Смуты понесла Русь, уступив иноземцам свои исконные территории. Именно он, воплотивший в себе волю и дух, своим примером пробуждал в обществе национальные чаяния, веру в способность преподать урок своим недавним врагам. Его вдохновляющая роль несомненна в том, чтобы предпринять военный поход с целью оттеснить Речь Посполитую подальше от Москвы, освободить смоленско-северские земли. Неудачный ход войны 1632–1634 годов подорвал дух, истощил последние жизненные силы Филарета. Он сошел в могилу восьмидесятилетним в 1633 году.

В ту пору только начиналась жизнь его внука Алексея, родившегося в 1629 году. Патриарх Филарет не мог не оставить следа в детском сознании его потомка. Именно он заложил в душу Алексея вероучительное, церковное начало. Нет сомнения в том, насколько молитвенная атмосфера служб, обрядовость, таинства, церковное пение — все, что сопровождало бесконечные богослужения, впечатляло, проникало в самую глубину души впечатлительного мальчика. Особый след оставили, начиная с двухлетнего возраста, паломнические хождения на богомолье с родителями по подмосковным церквям и монастырям. Эту традицию Алексей Михайлович продолжал и позже, любил не только ближние, но и дальние поездки к святым местам, продолжавшиеся порой несколько недель.

Наследника престола старательно учили, привлекали лучших наставников из тех, что были. Однако и объем знаний, и их познавательное, образовательное качество иначе как скудным не назовешь. Содержание обучения определялось уровнем житейских представлений, основанной на церковных канонах системой ценностей. Судя по тому, чему и как учили юного царевича, создается впечатление, что готовили его не столько к государеву, сколько к церковному служению. Среди предметов обучения, книг, которые были под рукой — по-преимуществу историко-религиозные, богословские тексты. К двенадцати годам библиотека царевича Алексея насчитывала всего 13 томов, в основном церковного содержания. Из светской литературы там было три «Грамматики», «Лексикон», «Космография». Вся направленность обучения царевича носила церковный характер. Его круг чтения составляли псалтыри, часовик, деяния апостолов. «Октоих» — нотная богослужебная книга — была положена в основу обучения музыке.

В целом же образование наследника престола остановилось на этапе освоения основ грамотности и элементарных обыденных представлений. Это было «простое, приноровленное к жизни воспитание», какое давали «благочестивые русские грамотеи». Такой подход вполне устраивал царского воспитателя и наставника Бориса Ивановича Морозова, стремившегося минимизировать объем знаний своего подопечного, удержать его в состоянии, не позволяющем «государить» в полную силу. В том объеме знаний, какой давался будущему самодержцу, не хватало того, что развивало способности и кругозор, формировало самостоятельность, зрелость мышления. Эти познания восполнял Закон Божий — единственный на Руси неперенный предмет обучения и воспитания. Церковь объявляла анафему всему, что исходило от иноверцев, католиков-латинян, ее запреты становились непроницаемой стеной на пути просвещения, реалистического познания действительности.

Между тем уровень образованности, кругозор наследника русского престола несравнимо уступал его европейским сверстникам. При сопоставлении достоинств наследников монархических домов Европы часто упоминают шведскую принцессу Кристину, отмечая ее выдающиеся способности, проявленные уже в детском возрасте. Ровесница Алексея Михайловича, родившаяся в 1626 году Кристина к двенадцати годам владела семью иностранными языками, обучалась алгебре и геометрии. Любимым ее предметом была астрономия, она с увлечением (причем в оригинале) читала Эзопа, Тита Ливия, Вергилия, Цезаря. В ее обучении принимал участие великий философ Рене Декарт. Уже в детские годы

Кристина обладала настолько широким кругозором, что могла вести на равных разговор с известными учеными.

Становление личности царевича Алексея, напротив, затянулось. Окружению казалось, что время властвовать наследнику престола придет не скоро, да и сам царевич не проявлял должных признаков превращения в самостоятельного, цельного, с определенным характером, юношу. К тому же не было *«робятки, с кем Алексей мог тешиться»*, в сообществе с которыми выстраиваются характер, привязанности, проявляются лидерские качества — все то, что впоследствии уже в раннем возрасте сформировало личность его сына Петра. Царевич не знал и не видел подлинной русской жизни с ее неизменно острыми углами и зазубринами. Людские страсти и пороки обходили его стороной. Под зорким оком служилого люда протекало его благочестивое, уравновешенное существование. Оттого в последующем его так тяготило столкновение с жизненными реальностями, за которыми обнаруживались ложь, обман, нерадивость. Замкнутость в «коконе» дворцово-церковной жизни лишила его возможности общения с ровесниками, из которых затем выросло бы взрослое доверенное окружение. Тех, с кем у него сложились доверительные отношения, было немного: Ртищев, Стрешнев, Матвеев, Ордин-Нащокин — и все они рано или поздно попадали к царю в немилость. Обратной стороной его доверчивости была «приклонность» к наветам, готовность поверить клевете в адрес даже самых близких людей.

По заведенному с византийских времен порядку, во избежание порчи, сглаза наследник престола мог быть представлен народу только после того, как ему исполнится 14 лет. Дефицит общения в детстве и юности, наряду с наследственными чертами характера, впоследствии сказывался на отношениях с людьми, подходе к ведению дел, методах правления самодержца. Алексею Михайловичу были не по душе многолюдные собрания, заседания, их он старался избегать. Чувствуя себя «не в своей тарелке», он предпочитал, когда это возможно, поручать участие в подобных действиях кому-либо из приближенных. Еще он старался до последнего оттягивать принятие важных, судьбоносных для страны решений, из-за чего они часто затягивались, что в критических ситуациях — особенно во время войны — грозило серьезными проблемами.

*

Год 1645-й для Алексея Михайловича был отмечен тяжелыми

испытаниями. Из жизни ушел отец, а спустя два месяца — мать, Евдокия Стрешнева. Еще не оправившись от потрясений, шестнадцатилетний Алексей был провозглашен царем. Юному самодержцу, бдительно опекаемому воспитателем, «дядькой» Борисом Морозовым, предстояло превращение в личность самостоятельную, способную принимать решения. «Кухня» управления, методы решения государственных дел целиком зависели от Морозова и того узкого круга «сильных людей», который он подпускал к царевичу. Учитывая неготовность Алексея к самостоятельному, зрелому общению, особенно в тех случаях, когда требовалось решение неотложных проблем, его старались избавлять от непредвиденных ситуаций, от лишних усилий, возможных ошибок. Таков был мотив, который выдвигал Морозов, изолируя царя от общения с правящим боярским окружением. По существу, Морозов был движим иным интересом — тем, чтобы как можно дольше продлить состояние собственной незаменимости. Эта ситуация лишь отдаляла Алексея от реального управления страной, от вызревания самостоятельных взглядов и представлений.

Было и другое, что также осложняло вхождение Алексея в государственные дела, чему особенно потворствовали церковники. И подданных, и иностранцев изумляла набожность молодого царя, его погруженность в богослужебную повседневность. О том, какого образа жизни придерживался Алексей Михайлович, свидетельствует его придворный лекарь Сэмюел Коллинс, на протяжении девяти лет проживавший при московском дворе:

«Царь исповедует греческую веру и очень строго исполняет обряды. Он всегда во время богослужения бывает в церкви, когда здоров, а когда болен, служение проходит в его комнате; в пост он посещает всенощные, стоит по пяти или шести часов кряду, кладет иногда по тысяче земных поклонов, а в большие праздники по полутора тысячи. Великим постом он обедает только по три раза в неделю... А все остальные же дни ест по куску черного хлеба с солью, по соленому грибу или огурцу и пьет по стакану полпива. Рыбу он ест только два раза в Великий пост и соблюдает все семь недель поста, кроме масленицы или недели очищения, когда позволено есть яйца и молоко. Кроме постов он ничего мясного не ест по понедельникам, средам и пятницам; одним словом, ни один монах не превзойдет его по строгости постничества. Можно считать, что он постится восемь месяцев в год, включая шесть недель Рождественского поста и две недели других постов»^[8].

Церковный, богомольный дух наполняет, обрамляет, оснащает всю

жизнь и царствование Алексея Михайловича. Атмосфера «благочестивой старины» сопровождала его не только в молитвенные часы, в многодневные походы на богомолье, в церковные праздники. Богослужбное начало давало о себе знать и в повседневной управленческой деятельности, в издаваемых им распоряжениях, в эпистолярном творчестве, словно вышедшем из-под пера ученого богослова.

Характерна в этом отношении реакция Алексея Михайловича на постатейные предложения к договору с польской стороной, который, находясь на месте переговоров в Андрусове, готовил Ордин-Нащокин: *«Статьи прочтены и зело благополучны и угодны Богу на небесах... Однако статья 33-я не угодна Богу и нам грешным... Ее надобно вынять»*. Огрехи командующего армией, князя Григория Ромодановского, влекут угрозу *«Божьей кары за твою к нам, великому государю, прямую сатанинскую службу»*. Царь приравнивает поведение князя к тому, как Иуда предал Христа. Далее следует целый каскад изощренных проклятий: *«Сам ты троеокаянный и безсловный ненавистник рода христианского... и самого истинного сатаны сын и друг дьяволов, впадаешь в бездну преисподнюю, из нее же никто не возвращался»*. Характерно, однако, что после всех этих угроз князь Ромодановский никаким репрессиям не подвергся и продолжал занимать высокие должности, пока не был убит стрельцами в ходе восстания 1682 года.

Кое-что из качеств, какими был наделен самодержец, было подмечено уже в начале его правления. Обременительный процесс приобщения к государственным делам тяготил Алексея Михайловича. К каждодневному труду, к упорной черновой работе он был не склонен. Царь всю свою жизнь оставался сибаритом, для которого повседневная жизнь устраивалась так, чтобы в ней доминировали приятные ощущения и впечатления. Ему не по душе было осмысление серьезных вопросов, принятие трудных решений, какие он под любыми предлогами отдалял от себя. Он позволял назойливым царедворцам переубеждать себя, соглашался с важными предложениями, только было бы кому браться за их исполнение. В этом отношении самодержец особенно нуждался в советах людей, кому он мог доверять, таких, кто в состоянии обосновать, предложить правильное решение. Но как раз в этом была проблема. Вокруг него вилось немало искателей милости, но таких, кто мыслил и действовал безошибочно, с пониманием государственных интересов, всегда не хватало. Впрочем, это свойственно любой самодержавной власти, когда такого понимания и сопряженной с ним решительности действий не проявляет сам государь...

Церковное окружение пыталось укрепить в Алексее Михайловиче стремление не столько править, сколько царствовать, напоминая о том, что он, «помазанник божий», в мирской жизни выступает «глашатаем божественной воли». Особенно усердствовал в этом его духовник Стефан Вонифатьев: *«Если поискать в нынешнее время благоверного царя, — то нет во всех народах, кроме русского народа, право верующего царя. И если царь наш верую прав, то он должен неленно изыскивать и рассматривать все, что относится к общему благополучию всех его подданных. Но не о благе одних вельмож пещись, но и всех до самого последнего. Ибо вельможи никогда не удовольствуются одними своими трудами»*. Главной целью Вонифатьева было внушить царю идею мирового величия Русского царства, а он, царь, *«тем велик, что и верую прав»*. Вонифатьев был не одинок в этой своей уверенности. Теория Москвы — Третьего Рима — в изложении инок Филофея утверждала: *«Во всей поднебесной — единый христианский царь и браздодержатель и божьих святых. Единая святая вселенская апостольская церковь вместо Римской и Константинопольской находится в богоспасенном граде Москве»*. Усилиями близких к царю церковных деятелей, а затем и представителей христианских церквей Востока эта грандиозная цель постепенно захватывала воображение Алексея Михайловича, подчиняя все его помыслы и деяния.

Одним из препятствий ее осуществлению, по мнению церковников, выступали представители светской власти, особенно те из них, кто уводил мысль царя в сторону земных, обыденных проблем. В данном случае обращает на себя внимание весьма определенное отношение царского духовника к вельможам, знати. Они, по его мнению, — «помешка» царю в свершении богоугодных дел. Вонифатьеву вторит его современник, монах Иван Пересветов. *«Вельможи, — пишет он в своем «Сказании о царе Константине», — се яко змеи, много, но пользы мало. Таких подобает огнем жесть и иным лютые смерти давати, чтобы зло не множилось»*. Чем руководствовались эти двое, как, впрочем, и другие церковники? Что стояло за этими поношениями «вельмож», а по сути, представителей государственной власти? На поверхность выступает не что иное, как исторически уходящее в византийское прошлое стремление церковников если не подменить светскую власть, то оттеснить ее от престола, быть единственными и незаменимыми для самодержца во всех его помыслах и делах.

Алексей и по природе своей, и в силу «тепличного», далекого от реальной жизни воспитания был доверчив. Он принимал на веру, особенно в начале своего царственного пути, буквально все, что ему преподносили. Происходящее вокруг было разумно, правильно, делалось так, как надо. В этой атмосфере прошли первые годы его царствования. Порядок вещей, при котором начинающий самодержец был ограничен в возможностях выстраивать собственное мнение о людях и событиях, мог сохраняться еще долго. Привязанность царя к Морозову, безграничное доверие к своему воспитателю позволили тому по сути дела править делами государства. Манипулируя сознанием Алексея Михайловича, Морозов и его окружение имели возможность продвигать свои, нигде и никем не обсуждаемые и не согласуемые решения. Тех, кто мог посоперничать или составить оппозицию Морозову, старались отправить куда-нибудь в отдаленные регионы или опорочить в глазах царя. Вседозволенность развязала руки тем, кто ощутил себя реальной силой во власти. «Правеж», выколачивание недоимок у населения стал в их руках ходовым средством. На этот счет у новой власти имелись и объективные причины: плачевное состояние дел в экономике, в финансах. Таким был итог предшествующего царствования. Как и в иные времена, это ущербное состояние определялось словом «застой». Однако в стремлении наверстать упущенное, преодолеть застойные тенденции власть перешла все разумные пределы. Бесконтрольное увеличение налогов, жесткие меры взимания недоимок привели к гневным протестам, выросшим в Соляной бунт.

Трагические события, в ходе которых и самому Алексею Михайловичу довелось пережить немало, произвели поворот в его сознании. Главный урок, который был преподан начинающему самодержцу, состоял в том, что боярин Морозов, — человек, которому он бесконечно доверял, в правильность действий которого безоглядно верил, — едва не довел до гибели и себя, и царя, и все царство. Отрезвление, остужение страстей последовало за кровавыми, «бунташными» событиями. Атмосфера согласия, тяга к здравомыслию предопределили проведение Земского собора 1649 года и утверждение на нем Соборного уложения — свода законов, призванных умерить межсословные противоречия, укрепить роль самодержавной власти, утвердить «суд праведный равным для всех». Участие Алексея в соборных заседаниях свидетельствовало о его растущей включенности в государственные дела. Правда, роль его по-прежнему

оставалась символической, от него требовалось всего лишь представлять. Тогда главенствующее положение во власти стал занимать ближний боярин Никита Одоевский, для которого присутствие царя при решении государственных дел было весьма важно.

Тем временем на Украине складывались обстоятельства, чреватые возникновением гражданской войны. Необходимость оказывать всемерную помощь новому союзнику довольно скоро потребовала военного вмешательства Московии в украинские дела. Усобицы между гетманами принимали все более острые формы, побуждая некоторых из них искать поддержки на стороне. В пространство Украины, разделяемое внутренними противоречиями, непримиримыми амбициями казацких вождей, все более втягивались Речь Посполитая, Крымское ханство, Швеция, Московия. Гетман Богдан Хмельницкий вышел из-под покровительства польской короны и решил принести присягу на верность русскому престолу. Это решение было подтверждено заседанием Переяславской рады, после чего русская армия выступила на помощь украинцам.

В мае 1654 года «любопытный и приятный, но более благородный, чем практически полезный правитель» Алексей Михайлович во главе войска отправился на войну. Для него эта пора стала по-своему этапной и в формировании личности, и в открытии новых представлений о реальностях другого, неведомого для него мира. Он узнал мир, «где больше знали и умели, привольней и веселее жили». Общение с военачальниками «развивающим образом» подействовало на самодержца, изменился его взгляд на самого себя. Он обрел новый опыт, и это побудило в нем потребность, тягу к самообразованию. С тех пор он стал внимательнее относиться к своему окружению, более пристально вглядываться в то, как ведутся дела в подвластном ему царстве. Алексей хоть и медленно, но прозревал, открывая пробелы в самом себе, как и в том, чем оборачиваются и к чему ведут «злостренные московские обычаи». Царские распоряжения исполнялись плохо, постоянно давали о себе знать волокита, стремление уклониться, где только можно, от своих обязанностей, обман и лицемерие. Самодержца все больше одолевали размышления о смысле своего нахождения на вершине власти, о том, как добиваться добросовестности, ответственности за порученное дело.

Тогда и было положено начало идее создания приказа Тайных дел — структуры, наделенной функциями контроля за исполнением государственных функций и обязанностей. Первой из задач стало установление подлинной картины событий, последствий поступков и решений государевых людей, сведения о которых приходили в Москву в

искаженном виде. Постепенно негласный надзор распространялся все шире, оказывая влияние не только на характер и ход государственных дел, но и на другие сферы, в том числе придворные, касающиеся царствующей особы. Таким образом, обычное ведомство превратилось в средство устрашения, возвысившись над всеми другими структурами исполнительной власти.

Однако к тому времени, когда приказ Тайных дел обрел влиятельность, а самодержец почувствовал вкус к управленческой деятельности, вектор движению царствования Алексея Михайловича был уже задан. Ничто не могло изменить смысл и характер того, что далее будет предопределять ход событий. Во многом судьбу царствования Алексея Михайловича определили две фигуры — Борис Иванович Морозов и патриарх Никон. Именно ими был заложен и стал осуществляться курс, по которому на протяжении второй половины XVII века следовала Русь. Завладев доверием неискушенного в жизни царя-подростка, и Морозов, и Никон, каждый по-своему, долгое время уводили его интересы в сторону от государственных дел. Один — потакая его обыденным житейским утехам, другой — оставляя его в религиозном оцепенении. И тот и другой, не располагая ни знаниями, ни государственным мышлением, навязывали царю свои представления, оказывали влияние на ход государственных дел. Последствия шагов, предпринятых или вдохновленных ими, с течением времени приняли необратимый характер.

*

Долгое время Алексей Михайлович находился под обаянием личности Никона. Энергичный и властный священнослужитель прочно обосновался в душе молодого царя, всячески замыкая на себе его внимание, тем самым вытесняя всё другое, отвлекая от необходимости вникать в неотложные государственные дела. Постепенно Никон оказался незаменимым наставником, стал советником царя не только в богослужебных, но и в светских делах. Одна из главных тем, к которой собеседники обращались, — превосходство церковной власти над светской. «Священство выше царства», — утверждал патриарх. При этом Алексей проявлял удивительную сговорчивость, едва ли не покорность. Так было до тех пор, пока властолюбие Никона стало чрезмерным даже для «тишайшего» царя, вынудив его отказаться от поддержки «собиного друга» и отправить последнего в ссылку. Но это не сопровождалось отказом от взлелеянной

Никоном идеи — подчинения христианских церквей Востока Московскому патриархату. Несмотря на массовое неповиновение, царь продолжил церковную реформу, возводя ее продвижение на государственный уровень. Постепенно нарастала волна репрессий, продолжилось тотальное искоренение староверческих общин. «Церковная затейка» положила начало кровавой общенациональной расправе, наложившей отпечаток на весь последующий ход российской истории.

По мере того как скапливались, нарастая лавиной, проблемы, в самодержце все реже пробуждалось желание заниматься их разрешением. Уже не было речи о его участии в военных походах: прежние подобные попытки привели и его самого, и окружение к мысли, «насколько мало было пользы от его присутствия там». Особенно убедительным оказался безуспешный поход русского войска против Швеции в 1656–1658 годах, который поначалу возглавил сам царь. Внимание Алексея Михайловича с тех пор все больше стали занимать обустройство церемониальных шествий, торжественные выходы на престольные праздники, паломничества, раздача милостыни, масштабы которой изумляли иностранцев. В то время, когда русское войско, истекая кровью, гибло на Украине, самодержец, поглощенный соколиной охотой, обобщал свой опыт в написании труда «Соколиный урядник». Осознание величия, исключительности своей роли пробудило в нем стремление к самовозвышению, укрепило в той мысли, что он, многогрешный царь Алексей, движим *«повелением всесильным, и великого, и бессмертного, и милостивого Царя царям и Государя государем и всех всяких великих сил повелителя Господа нашего Иисуса»*.

Характер самодержца и усвоенные им традиции придворной жизни вели к бесконечному затягиванию самых насущных вопросов. Многолетней тяжбой обернулся вопрос о лишении Никона патриаршего сана. Как обустроить церковную процедуру, придав ей легитимный характер — эта проблема, которая неотступно преследовала царя. Как добиться консенсуса среди иерархов, как и какую поддержку следует получить извне от православных церквей Востока — на это уходило время, направлялись немалые средства и усилия царского окружения. Заочное противостояние царя и патриарха продлилось до 1666 года, когда на церковном соборе произошло низложение Никона, однако внутрицерковные противоречия сохраняли свою остроту, оставляя все меньше времени на решения государственных дел.

Удаление Никона из Москвы в 1658 году и уход из жизни в 1661 году боярина Морозова окончательно избавили Алексея Михайловича от

прежних опекунов и наставников. К тому времени вокруг обретающего уверенность в себе самодержца собралась команда из высокородных управленцев, уверенно занимавших командные высоты. В основном это были выдвинутые Морозовым родственники или выходцы из дружественно настроенного к нему круга наследственной элиты. Именно этим людям предстояло и далее вести дела, выполнять государственную работу. Они делали ее так, как это у них получалось, насколько хватало унаследованных природных качеств, ума, таланта. Традиции сословно-представительной системы власти не позволяли никому другому находиться рядом с престолом.

Судьбам тех, кто доминировал в летописях того времени, кто оказывался на острие важнейших событий, трудно позавидовать. Их усилий и способностей едва хватало на борьбу за сбережение, за выживание государства. Каскад событий, исход которых решался в жестком, кровопролитном противостоянии с врагом внешним и внутренним, не оставлял им ни времени, ни сил для мирной созидательной работы. Круг тех, кто был вовлечен Алексеем Михайловичем в реальное государственное управление, оказался не столь велик, как этого требовали обстоятельства. Среди них не хватало даровитых людей, обладавших исключительными достоинствами, которые могли бы возвыситься над всеми остальными. Те же, кто находился «под рукой», не всегда умели решать проблемы так, как это от них требовалось, не всегда оказывались на должной высоте. Элита, отмеченная заслугами предков, за редкими исключениями, не в состоянии была выдвинуть из своей среды годных к делу людей, способных предложить единственно правильное решение — «в нужный момент в нужном месте». Выходцам из других сословий, таким как Ордин-Нащокин, не будь он вовремя замечен и поддержан самим царем, выбиться наверх удавалось лишь в исключительных случаях.

В эту пору Русь вступила в самый тяжелый, небывалый по своему драматизму период. Военный поход против Швеции был остановлен под Ригой. В ходе трудных переговоров в Валиесари Ордину-Нащокину в 1658 году удалось завершить неудачную войну трехлетним перемирием. Тем временем Речь Посполитая и союзные ей силы с еще большим ожесточением возобновили военные действия на Украине. Одно поражение за другим с угрозой вести войну на два фронта вынудили Алексея Михайловича уступить все прежние завоевания на прилегающих к Балтике пространствах и вернуться к признанию условий Столбовского договора 1617 года. В Москве нарастал народный протест против церковных нововведений; ответом на денежную реформу, целью которой было

пополнение скудеющей казны путем замены полновесных серебряных монет на медные, стал Медный бунт; далее последовало мощное народное восстание под предводительством Степана Разина, которое удалось подавить с большим трудом.

В 1649 году по настоянию Алексея Михайловича произошло выдворение из Московии английских купцов. Причина, объявленная народу, состояла в том, что «русские купцы обедняли», а «английские немцы обогатели». Но главным поводом для их изгнания послужило известие о казни британского короля Карла I, вызвавшее болезненную реакцию у русского монарха. Особое впечатление на самодержца произвела не сама казнь, а стойкое поведение английского монарха, который взшел на эшафот мужественно, с достоинством. Перед тем как положить голову на плаху, король не позволил палачу остричь длинные, спадающие на шею волосы и сам заправил их под головной убор. От пережитого Алексей Михайлович даже слег в постель. Тот факт, что англичане *«короля Карлуса убили до смерти»*, не только вызвал у царя бурю эмоций, но и заставил убрать из Москвы купцов-англичан, что в итоге обернулось против своих же экономических интересов. Устранение англичан-конкурентов позволило голландцам далее господствовать на русском рынке, произвольно устанавливая цены на заморские товары.

Как ни пытался впоследствии Ордин-Нащокин доказывать, что английские купцы для Московии не менее важны, чем голландские, что их присутствие на внутреннем рынке влияет и на уровень цен, и на качество поставляемых товаров, царь остался глух к подобным доводам. Подпевалы-шептуны в лице влиятельного боярина Хитрово, для которого интересы голландских купцов составляли одну из статей его личного дохода, сделали свое дело — Алексей Михайлович оставался непреклонен. Эта мера, как и другие подобные ей, подтачивала экономику государства, сокращая и без того скудную доходную базу бюджета.

*

Постичь внутренний мир, природу жизненных проявлений человека родом из XVII века — задача не из легких. Тем более когда это касается царя Алексея Михайловича, чьи решения часто зависели от подсказки близких к престолу лиц, объяснялись далекими от политики мотивами и соображениями. Российский престол достался юному царю прежде времени, когда еще не пришла пора его превращения в полноценную

личность. Это сказывалось на самочувствии, на мировосприятии, в конечном счете на характере его общения с окружающими. Взросление царя было прервано прежде времени, оттого в его жизни возникло немало такого, что ставило его в тупик. Познание своей роли самодержца, государственного деятеля оказалось для Алексея Михайловича долгим и трудным еще и потому, что он искренне считал, что любые события происходят «не человеческим хотением, но Божьим соизволением». В этой истовой набожности его укрепляли и старательно поддерживали церковники, окружавшие царя. Науку властвовать он осваивал как придется, оттого и поступки, и поведение при взгляде на них со стороны приобретали порой шаржированные формы. Осваивать механизм власти он был вынужден по ходу жизненных обстоятельств, внимая советам не самых умных и далеко не бескорыстных царедворцев.

Эти обстоятельства формировали атмосферу, в которой самодержец не всегда проявлял способность к дальновидным взвешенным решениям. Иной раз противоречия его характера служили причиной аномального поведения, странных выходов, какие он себе позволял. Самодержец в одном мог быть «тишайшим», необъяснимо благодушным, добрым, справедливым, податливым на уговоры, ласковым к своему окружению, в другом — поражал своей узколобостью, упертостью, мстительностью, даже жестокостью, заслужив у тех, кто узнавал его поближе, представление о себе как о «эпически злобном, тихом тиране». Он сам в порыве откровения писал патриарху Никону о себе: *«А по своим злым мерзким делам недостоин и во псы, не только в цари»*. И все же... Сочувствием, сопереживанием наполнены письма царя Н. И. Одоевскому и А. Л. Ордину-Нащокину, пережившим личное горе — у одного это была внезапная смерть сына, у другого тайный побег сына за границу. Их содержание поражает человечностью, участливостью, душевной поддержкой.

Алексея Михайловича не зря называли «нищелюбивым». Правилom для него было ходить по приютам, богадельням, тюрьмам, раздавая милостыню, выкупая должников-колодников. Царь накрывал в престольные праздники столы в Кремле, угощая бродяг, нищих, бездомных. В июле 1669 года в Троицу царь «пожаловал» на Тюремном дворе 766 человек, на Земском дворе 231, в приказах 87; в монастырских богадельнях «милость» получили 1279 человек. Это не считая нищих, поджидавших царя прямо в Кремле, на выходе из дворца — тех было «бесчечно». Юродивый Василий Босой был даже царским советником. Тем временем Федору Конюхову, бригадиру ловчих, бывшему рядом с царем на каждой соколиной охоте, отсекали левую руку — за то, что стал «заводчиком»,

подбил других обратиться с жалобой на то, что им не платят жалованье. За охоту на ворон на территории Кремля юноше отсекли правую руку и левую ногу. Он и родители его были сосланы в Сибирь. Боярыню Морозову и ее родственницу, княгиню Урусову, заточенных в земляные ямы, уморили голодом и холодом. Они не пожелали отступить от старого, унаследованного от предков вероисповедального церковного порядка. Образ несломленной, сильной духом боярыни воссоздан в эпической картине Василия Сурикова. Судьба Морозовой остается вечным укором царю Алексею Михайловичу, историческим приговором его церковной реформе...

Омрачен бессмысленной жестокостью, обагрен кровью немалых жертв Медный бунт. Сотни протестующих, избиваемых стрельцами, утонули в Москве-реке. «Царь в тот же день приказал повесить до 150 человек близ Коломенского села, других подвергли пытке, а потом отсекали им руки и ноги. Менее виновных били кнутом и клеймили разжженным железом буквою «б» (т. е. бунтовщик). Последних сослали на вечное житье с семьями в Сибирь»^[9]. Еще больших масштабов достигли карательные акции, предпринятые властью при подавлении восстания под предводительством Степана Разина.

Прозвище «Тишайший», с которым царь вошел в исторические хроники, никак не вяжется с ходом государственных дел, с тем, как он к ним относился и к какому результату это приводило. Тихим он казался, когда стоял перед образами, когда внимал священнослужителям на бесконечных молебнах, в тех эпизодах, когда торжественно являл себя народу. Именно это впечатление доминировало в представлениях о нем у непосвященных. Об этой стороне повседневности царского двора сохранилось немало свидетельств. О том же, что касалось закулисной жизни, где предопределялся ход событий, принимались государственные решения, мало что известно.

Что касается частной жизни Алексея Михайловича, то вел он ее как примерный христианин: посты, молебны, паломничества, крестные ходы по церквам и монастырям. Однако не уставал и производить потомство. К концу жизни, к сорока шести годам, он был отцом шестнадцати детей. От первого брака с Марией Милославской их было тринадцать, от второго, с Натальей Нарышкиной — трое. Эта репродуктивная беспечность повлекла за собой после его ухода из жизни династический хаос, «поруху», породила новую смуту во властных верхах. Неустойчивость власти, борьба за право обладания престолом длилась два десятилетия, сопровождаясь роковыми последствиями, перетряской престолонаследников, разладом в правящем

эшелоне, трагической гибелью родных и близких Алексея Михайловича.

В том, как он государил, из чего исходил, принимая решения, просматриваются непостоянство во взглядах и суждениях, подверженность сторонним влияниям, предрассудкам, эмоциям, неспособность правильно оценивать обстоятельства, не говоря уже о том, чтобы предвидеть их последствия. Его нельзя упрекнуть в беспечности, но окружение только и делало, что играло на его слабостях и переменах настроения. *«А мне грешному здешняя честь аки прах»*. — говорил Алексей Михайлович. На деле же честолюбие, атмосфера безмерного угодничества и славословий — среда, в которую был постоянно погружен самодержец. С годами она все более и более затягивала, поглощала его, окружая вместо дельных, отстаивающих свое мнение советников «шепчущими» любимцами, готовыми во всем поддакивать царю.

Историко-публицистические работы, монографии, художественные произведения, посвященные Алексею Михайловичу, не отмечены стремлением называть вещи своими именами, заметно смягчают краски, не склонны прояснять суть, природу событий, их причины и следствия. Многие труды создавались во времена, когда преобладали взгляды на монархию как нерушимую данность, наименьшее из зол, преследовавших жизнеустройство человечества. Так уж повелось, что именно личности монарха, царя, императора придавался сакральный смысл, в ней воплощались идея государственности, ее величие, могущество. На самом деле, особенно в том, что касается правления Алексея Михайловича, это было не совсем так, не во всем подтверждалось действительностью. Его жизнеописания, составленные в разное время, утопают в изложении малозначащих, не имеющих значения эпизодов, подробностей образа жизни царственной особы. Его попытки приложить руку к перу, к бумаге трактуются как проявление литературных, писательских дарований, свидетельство выдающихся достоинств самодержца.

Взгляд, освобожденный от подобной заданности, открывает во многом посредственного человека — баловня судьбы. Свойства его натуры, — путаной, подверженной влияниям, лишенной последовательности, твердости характера, — накладываясь на дела государственные, вносили сумятицу, неразбериху, разлад. Ближайшее окружение порой терялось в догадках, когда и как будет давать о себе знать царская воля, каким путем предстоит следовать. Умозрительные представления, на основе которых вызывались к жизни не просчитанные наперед решения, сопровождались провалами, а позитивные результаты, когда они имели место, носили характер случайности, не могли иметь продолжения, размывались

наступающим на них ходом событий. Сама монархическая идея, воплощенная в лице Алексея Михайловича, выстояла лишь благодаря стойкости, самоотверженности, жертвенности людей, стоявших у нее на страже.

Такие приближенные царя, как Н. И. Одоевский, Ю. А. Долгоруков, В. Б. Шереметев, И. С. Прозоровский, А. Н. Трубецкой, Ю. Н. Барятинский, Г. Г. Ромодановский и другие, предпринимали все возможные усилия к тому, чтобы противостоять угрозам, всеми доступными им средствами оберегая государство от опасности крушения. В атмосфере едва управляемого хаоса они действовали на пределе сил и возможностей, познавая не столько радость побед, сколько горечь поражений, страдая и погибая как от рук внешних врагов, так и от своего бунтующего народа. Трагическим итогом обернулись жизнь и служение Прозоровского, Шереметева, Матвеева. Не сумели они и уберечь Отечество от бесчисленных жертв. Едва ли не половина генофонда Руси, две пятых ее народонаселения, как утверждают историки, была потеряна в войнах, восстаниях, крестьянских бунтах, погибла от голода и эпидемий.

В суровое лихолетье среди тех, кто на полях сражений нес бремя ответственности за выживаемость государства, находились и другие, такие, кто стремился к тому, чтобы вывести страну из перманентного состояния войны на истощение, кто настойчиво искал и находил пути к замирению сторон, наконец, предлагал и продвигал в тех тяжелых условиях подходы к выдвиганию государства на путь устойчивого хозяйственно-экономического развития. На мрачном фоне тех лет из глубины времени одинокой фигурой проступает Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин.

Глава третья

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

В один из дней пребывания юного царя на богомолье произошло непредвиденное. Углубившись в одиночестве в окрестный лес, он испытал невероятное потрясение. Из чащи вдруг выросла могучая фигура медведя и стала надвигаться на непрошеного пришельца. Замершему от страха Алексею казалось, что гибель неминуема. Но случилось чудо. Невесть откуда появившийся древний старец отогнал медведя и так же внезапно растворился в лесных дебрях.

Это удивительное событие повлекло за собой немало того, что впоследствии так или иначе нашло отзвук в царствовании второго Романова. Тогда первые свои переживания, бурю неостывших эмоций Алексею хотелось первым делом излить «собиному другу», митрополиту Никону, призвав его из Новгорода. К тому времени этот церковнослужитель надежно поселился в душе молодого царя. К нему, несмотря на порой разделявшие их расстояния, направлялись исповедальные обращения самодержца. Никон, в это время митрополит Новгородский, был немедленно вызван Алексеем к себе в Преображенское. За этим последовала череда молебнов во всех церквях, воздававших Богу благодарность за счастливое спасение молодого царя. Подобные эпизоды — «знамения», «видения» — и далее сопровождали самодержца, укрепляя в его сознании религиозно-мистическое восприятие реальности. Воля Божья, промысел Всевышнего стояли за всем, что, так или иначе, происходило в царстве, в судьбе, в душе Алексея Михайловича. Укреплял его в этом митрополит Никон.

К тому времени не только на Руси, но и в Европе обострилось религиозно-мистическое восприятие действительности. Разорительная Тридцатилетняя война на Западе заставила многих задавать себе вопрос о ее смысле и целях. В ее основе лежал религиозный вопрос, разрешение которого стали видеть на пути разделения светской и церковных властей, предоставления индивидуальной свободы как личности, так и религиозным течениям. На Руси стараниями Алексея Михайловича был избран иной путь, ведущий к укреплению государственной религии. Это не давало повода к снижению уровня религиозности, переключения интересов населения из духовной сферы в материальную. Упрямство, с которым

Алексей Михайлович продвигал церковную реформу, определялось утопической целью, которая целиком подчинила его сознание — объединить православные народы христианского Востока вокруг Московии.

Согласно летописным источникам, с восшествием на престол Алексея Романова Русь вступила в особую пору духовной жизни, названной церковниками «торжеством православия». Для самодержца богослужебное дело стало неотъемлемой, органической частью его обязанностей, более важной, чем все остальное, в том числе и государственные дела. В этом у него появился единомышленник и наставник — новгородский митрополит Никон. Он был старше царя на 13 лет, главное же состояло в том, что его ум, жизненный и церковный опыт намного превосходили, возвышались над духовными исканиями молодого царя. Доверчивая душа Алексея Михайловича с благоговением внимала пастырю, который излагал вероучительные наставления, касающиеся судьбы христианской веры и места в ней православия, притесняемого разного рода вероотступниками. Никон выдвигал идеи очищения молитвенной практики православия, богослужебных книг от наслоений и искажений минувших веков. Греховное наследие прежних царствований требовало покаяния за преступления власти против церкви и иерархов. В бесчисленных днях и часах, проводимых царем наедине с «собиным другом», задумывались акции по воздаянию церковной памяти пострадавшим за веру страстотерпцам, находилось время и порассуждать о судьбе православия.

Православие, оберегаемое государством, сохранялось лишь в Московии, поскольку всюду на Востоке — в Греции, Малой Азии, Палестине — истинное вероучение было теснимо, гонимо, подавляемо. Часть христиан на Западе откололась, предалась католицизму, внушая верующим иные, противостоящие истинным, догматы. Теория «Москвы — Третьего Рима» обосновывала возможность и необходимость провозгласить Москву новым Римом, правопреемницей древних столиц христианства — Рима и Константинополя. Святыни Иерусалима поруганы сарацинами, первый и второй Рим под басурманской пятой. Москва остается единственным обиталищем, где вера хранима в первоизданном виде, церковь защищена от гонений, а верующие от насилия со стороны иноверцев. Долг столицы Руси — принять на себя покровительство над всем христианским миром... Взгляды эти, как и любые другие утопии, выглядели весьма привлекательно. Старцы из древних монастырей, не владевшие никакими иными представлениями, кроме религиозных, бродяжничая по Руси, навязывали верующим свои фантазии. Так случилось, что двум

честолюбивым властителям, вознесенным на правящие вершины, эти речения старцев показались весьма интересными, а сама идея — достойной стать главным делом их жизни и служения. Вскоре дружба с самодержцем возвела митрополита Никона на патриарший престол, где ему открылись горизонты исключительного масштаба. С его подачи и царского позволения церковная власть постепенно стала распространяться и на мирские дела.

По его мысли, прежде чем направлять свои устремления в сторону вселенского лидерства, следовало обратить внимание на самих себя: на очищение богослужебной практики, молитвенных канонов, текстов русского православия от искажений и отступлений, проникших в богослужебную практику в силу изоляции, необразованности и невежества древних церковников. Наряду с этим светской власти следовало принести покаяние за преступления против церкви, за греховное наследие, довлевшее над ней.

Трагическая судьба церковных иерархов, пострадавших за веру, тяготила память их преемников. В ознаменование покаяния перед жертвами и воздания памяти их подвижническому подвигу были предприняты масштабные акции, которым был придан государственный характер. Помпезные церковные шествия одно за другим направлялись туда, где покоился прах отверженных, репрессированных прежней властью церковных иерархов. Сначала в кремлевский Успенский собор из соседнего Чудова монастыря был перенесен прах патриарха Гермогена, затем — прах патриарха Иова из Старицкого погоста. Оба они — жертвы Смутного времени, люди, чья непреклонная воля, вопреки давлению завладевших Москвой поляков, не была сломлена, они не примирились. Иов обличал разрушителей веры и государственного порядка, пытался пресечь действия Лжедмитрия. Патриарх Гермоген так и не благословил польского ставленника Владислава на русский трон, тем самым став символом национального сопротивления, вдохновителем и знаменем народного ополчения во главе с Мининым и Пожарским. Однако особый смысл Никон придавал церемонии переноса останков митрополита Филиппа с Соловков. Непримируемая позиция Филиппа в разгар опричных гонений, вызов, брошенный им Ивану Грозному, стали причиной гибели святителя. Как свидетельствует церковная летопись, он был лишен жизни опричником Малютой Скуратовым — задушен подушкой в собственной келье.

В 1652 году на Соловки направился сам Никон в сопровождении многочисленной свиты, в том числе светских сановников во главе с князем Иваном Хованским. Присутствие высокородных выходцев из княжеских родов призвано было подчеркнуть ответственность за преступные деяния

их предков, тогда бывших во власти. Смысл этого похода состоял в том, чтобы, поклоняясь месту упокоения страстотерпца, торжественно произнести над его могилой покаянное слово от имени государевой власти за прегрешения перед церковью. Необходимость этого Никон обосновал извлеченным из христианской истории примером. По преданию, византийский император Феодосий перед тем, как перенести в Константинополь останки умершего в ссылке патриарха Иоанна Златоуста, составил грамоту с покаянием за грехи власти в отношении святителя и его матери. Эту грамоту зачитали перед прахом святителя в далекой абхазской Комане, где он был похоронен.

Никону не составило труда убедить свято верившего ему Алексея Михайловича пойти на подобный шаг. Понимание последствий этого духовного жеста пришло к царю лишь потом. В прочитанном в Соловках над прахом митрополита Филиппа царском послании говорилось: *«Преклоняю сан свой царский за прадеда моего, против тебя согрешившего, да оставивши ему согрешение его своим к нам пришествием, да упразднится поношение, которое лежит на нем за твое изгнание»*^[10]. Далее в документе упоминается евангельское предсказание о последствиях, какие привели царство Грозного к крушению: *«Оправдался евангельский глагол, за который ты пострадал: Всяко царство, раздельшееся на ся, не станет»*. Выводы из трагического опыта царствования прадеда сделал его потомок, торжественно заверивший Филиппа: *«И нет более теперь у нас прекословящего твоим глаголам, благодать божия теперь в твоей пастве изобилует: нет уже в твоей пастве разделения, все единомысленно»*. Совершилось очередное действие, послужившее торжеству православия. За признанием греховности царской власти провозглашалась неизбежность ее гибели в наказание за отторжение церкви, воспевались гармония, единомыслие, поскольку не осталось больше прекословящих этому. Многомесячная экспедиция на Соловки была омрачена гибелью немалой части паломников: во время шторма на Ладоге стихия поглотила 69 человек. Осталось в памяти и другое: заносчивость митрополита, грубость, начальственный гонор. Это вызывало недовольство, протесты в светской части миссии, пополняя тем самым ряды недоброжелателей.

*

Поход на Соловки и обратно, время, разделившее Никона и Алексея

Михайловича, для самодержца оказалось особенно томительным. Он настолько прикипел к своему «любимцу и содружебнику», что с трудом переносил длительную разлуку с ним. Состояние духа царя открывается в его письмах. Испытывая тягу к общению, он стремится написать обо всем во всех подробностях, едва ли не исповедуется перед «собиным другом». Особое место отведено «лирической» части, где изъяснения Алексея переходят все мыслимые границы. В них присутствуют благочестивое и мирское, религиозное и житейское — вольный поток сознания. Это откровения отрока неискушенного, едва только осваивающего реальности жизни. Он доверчив, наивен, простодушен. Всякий раз, когда Алексей берется за перо, его переполняют эмоции. Все его мысли перемежаются церковными «всехвальными» словами «великому святителю, пастырю, богомольцу».

В его письмах Никону — не только поклонение, но и признание за ним превосходства и в религиозных, и в мирских делах. *«О крепкий воин и страдалец царя небесного и возлюбленный мой любимец и содружебник, святой владыко! Молись за меня грешного, да не покроет меня глубина грехов моих, твоих ради молитв молитв святых; надеясь на твое пренепорочное и беззлобливое и святое житие, пишу как светлосияющему в архиереях, как солнцу светящему по всей вселенной, так и тебе сияющему по всему нашему государству благими нравами и делами добрыми, великому господину и богомольцу нашему, преосвященному и пресветлому митрополиту Никону новгородскому и великолуцкому, особенному нашему другу душевному и телесному. Спрашиваем о твоём святительском спасении, как тебя, света душевного нашего, бог сохраняет; а про нас изволишь ведать, и мы, по милости божией и по вашему святительскому благословению, как есть истинный царь христианский нарицаюсь, а по своим злым мерзким делам недостойн и во псы, не только в цари, да еще и грешен, а называюсь его же Светов раб, от кого создан»*^[11].

Митрополит занимает важное место и в семейном кругу царя. С особой доверительностью тот сообщает «великому солнцу сияющему» о домашних заботах, о тревожном ожидании рождения очередного младенца, о том, насколько привязана к Никону одна из его дочерей: *«Да пожаловать бы тебе, великому святителю, помолиться, чтоб умножил лет живота дочери моей, а к тебе она святителю крепко ласкова; да за жену мою помолиться, чтобы ради твоих молитв, разнес бог с ребеночком; уже время спеет, а какой грех станется, и мне, ей, пропасть с кручины; бога ради, молись за нее»*. В некоторых местах извинительный тон писем в чем-

то напоминает отчет младшего начальствующего лица перед старшим: «А я, грешный, твоими молитвами, дал бог, здоров. Не покручинься, господа ради, что про савинское дело не писал тебе, а писал и сыск послал к келарю; ей, позабыл, а тут в один день прилунились все отпуски, а я устал, и ты меня, владыка святой, прости в том; ей без хитрости не писал к тебе»^[12].

Особый интерес вызывает та часть писем, где Никону сообщается главная новость: «Бог наш изволил взять от здешнего прелестного и лицемерного света отца нашего и пастыря Кир Иосифа, патриарха Московского и всея Руси». Он подробно описывает посещение часовни, куда был помещен покойный за день до похорон. Внезапные судорожные конвульсии мертвого тела напугали и потрясли царя, но еще большие потрясения ожидали его далее. При разборе дел умершего патриарха царю приоткрылась другая, тайная сторона жизни святого отца. В ней, как оказалось, находилось место служению не только Богу, но и золотому тельцу. Открылось огромное богатство, которое умерший патриарх не успевал вносить в опись. Его он создавал как ростовщичеством, принимая в залог ценности от терпящих трудности прихожан, так и поборами с церковнослужителей. Преодолев соблазн взять себе что-либо из редких вещей, царь принял решение раздать деньги и ценности бедным. Наблюдая, с каким подобострастием у гроба Иосифа «перервались плачуущи ближние», он погружается в раздумья о последствиях, какие могут последовать за кончиной патриарха. Здесь он узнает: умерший, оказывается, давно готовился к тому, что его ожидало, жаловался — «переменить, скинуть меня хотят, а если и не оставят, то я сам об отставке стану бить челом».

Особенно настораживала Алексея Михайловича в этой связи будущность патриаршего места, возможная инициатива церковников исподволь, помимо его воли назвать преемника. «Мать наша соборная и апостольная церковь вдовствует... не имея жениха своего, печалится; все переменилось не только в церквях, но и во всем государстве». Думая об этом, Алексей Михайлович считает нужным предостеречь «жениха» от ошибок, от недальновидного поведения. Свое послание он завершает предостережением Никону: «Иван Хованский пишет в своих грамотах, будто он пропал и пропасть свою пишет, будто ты его заставляешь с собою у правила ежедневно быть; да и у нас перешептывали на меня: никогда такого бесчестья не было, что теперь государь нас выдал митрополитам; молю я тебя, владыка святой. пожалуй. не заставляй его с собою у правила стоять... Да Василий Отяев пишет к друзьям своим:

лучше бы нам на Новой Земле за Сибирью с князем Иваном Ивановичем Лобановым пропасть, нежели с новгородским митрополитом быть, силою заставляет говеть, но никого силою не заставит Богу веровать»^[13].

Известие о кончине патриарха Иосифа заставило Никона заметно ускорить движение процессии, а на подступах к столице он не стал тратить время, покинул шествие и верхом поспешил в Москву, объяснив это необходимостью подготовки торжеств прощания с прахом Филиппа. Церемония состоялась в Успенском соборе Кремля. Мощи святого оставались открытыми для поклонения на протяжении десяти дней, сопровождаясь «безмерным плачем и стоном» стягивавшихся туда бесчисленных верующих. Царь описал это в письме Н. И. Одоевскому: «И такого народу было... ни яблоку упасть. А больных тех. лежавших и вопиющих нему... Безмерно много, и от великого плача и вопля безмерный стон был. И стоял стон десять дней без пристани... с утра до вечера звон. Как есть на Святой неделе, так и те радости были. То меньше, что человека два или три в сутки, а то пять и шесть и семь исцеляются»^[14]. Никон и Алексей Михайлович явно перестарались: действо в соборе по размаху превзошло даже пасхальные торжества. На деле церемония перезахоронения останков Филиппа служила преамбулой к главному событию — выборам нового патриарха.

*

Провести кандидатуру Никона на патриарший престол царю удалось не без тревог и душевных волнений. Приемлемых фигур в высшем епархиальном эшелоне было не так много. Упоминалось имя духовника царя Стефана Вонифатьева, но тот решительно перевел стрелки на Никона. Не желая искушать судьбу, Алексей не решился пойти по пути отца, когда после смерти Филарета вопрос о выборе патриарха из шести кандидатов решил жребий. Полагаться на случай даже при вполне определенном раскладе было недопустимо. Желая придать церемонии видимость коллегиальности, из двенадцати «духовных мужей», претендентов, выставленных церковным собором на конкурс, царю было предоставлено право назвать единственного — конечно же, им оказался митрополит Никон. В тот момент, когда вопрос, казалось, был решен, Алексея ожидало другое, еще более серьезное испытание. Неожиданно для всех, для самодержца в первую очередь, Никон стал решительно отказываться. Им на

этот счет был заготовлен свой сценарий. На протяжении нескольких дней он продолжал «мрачить и царя и людей», категорически не желая принять верховный сан. Унижения, каким подвергли себя государь и вторившие ему иерархи, носили беспрецедентный характер. Согласие, после неоднократных попыток уговорить Никона, удалось получить лишь в Успенском соборе Кремля, куда претендента привели буквально «под белые ручки», причем «все присутствующие, включая государя, пали на землю».

То, что происходившее было с его стороны инсценировкой, Никон подтвердил своей заключительной речью. Его целью было заведомо выговорить для себя особый статус, неограниченные полномочия. До того убеждавший всех в том, что он «неразумный и не могущий пасти словесных овец Христова», уверенно заявил: *«Если обещаете слушаться и меня, как главного архипастыря и отца во всем, что буду возвещать Вам о догматах Божьих и о правилах, в таком случае я по вашему желанию и прошению не стану более отрекаться от великого архиерейства»*. Таким образом, состоялся еще один акт «торжества православия» — на сей раз оно воплотилось в неограниченных властных полномочиях патриарха всея Руси.

Никон немедленно приступил к делу. Новации, которые он решил провести в жизнь, затрагивали как мирские дела, так и религиозные. Не прошло и трех недель, как патриарх объявил кабацкую реформу. Кампания стала продолжением непримиримой борьбы с пьянством, ранее объявленной им в Новгороде и окрестностях. Теперь драконовские меры, «борьба с пьянством и алкоголизмом», распространились на все государство. К сожалению, эта поучительная страница русской истории долгое время оставалась в тени общественного внимания. Должного значения ей не придавалось, как показывает опыт антиалкогольной реформы, провозглашенной в СССР в конце XX века М. Горбачевым и Е. Лигачевым. Характерно, что тогдашние действия власти фактически повторили меры, заложенные Никоном в кабацкую реформу 1652 года. Схожими оказались и последствия этих мер — спад во внутреннем потреблении, сокращение налоговых поступлений от питейных заведений и от продажи спиртного, сказавшийся на пополнении госказны, как, впрочем, и на социально-психологической атмосфере. После денежной реформы, предпринятой для покрытия дефицита бюджета, и вызванного ею Медного бунта ограничения в деле производства и торговли спиртным были отменены...

Этим вмешательство Никона в светскую жизнь не ограничилось.

Ополчаясь на все иноверческое, иностранное, он настоял на том, чтобы все проживавшие в Москве иноверцы, «немцы», как их называли всех без разбора, были выселены за черту города, в отдельную Немецкую слободу. Распорядился изымать из домов и уничтожать музыкальные инструменты иностранного происхождения. Публичному сожжению подверглись привезенные из-за границы полотна европейской школы живописи.

Восшествие на патриарший престол развязало Никону руки в наведении «порядка» и в церковных делах. Когда московские иерархи прознали о реформировании устоявшихся церковных традиций и канонов, открыто поддержать патриарха в этом намерении не решился никто. И это при том, что за спиной его стоял сам царь. Была затеяна нудная церковно-бюрократическая процедура обработки иерархов, «промывания мозгов», однако рвения в реформаторских устремлениях все равно не наблюдалось. «Перестройка», на которую хитроумный Никон подбил легко поддающегося влиянию царя, дорого обошлась русскому народу. Уже через полгода после восшествия на патриарший престол он приказал начать повсеместное исправление богослужебных книг и заменить привычное на Руси — да и в Европе — двоеперстие принятым в Византии только в XIII веке троеперстием. Характерно, что константинопольский патриарх Паисий, к которому Никон обратился за советом, усомнился в необходимости ломать сложившиеся формы обрядности — разные в разных христианских странах. Однако на соборе 1656 года все, кто крестился двумя перстами, были объявлены еретиками и отлучены от церкви. Епископа Коломенского Павла, выступившего против нововведений, Никон публично избил и сослал в дальний монастырь, где тот был задушен.

*

Недовольство «церковной затейкой» со стороны многих священнослужителей и простых верующих ничем не угрожало Никону, пока на его стороне были Алексей Михайлович и его приближенные. Кто по искреннему благочестию, кто из стремления угодить царю, они изо всех сил старались следовать официальному курсу. Рядом с Никоном в эти годы оказался и Ордин-Нащокин. Преодоление «псковского гиля» и его последствий связало их тесными узами сотрудничества и взаимопонимания. Этот факт в биографии того и другого не имел отношения к церковной реформе, которую проводил Никон, однако после

опалы последнего псковский эпизод Ордину-Нащокину еще припомнят...

Факты бесцеремонного вмешательства патриарха в государственные дела, очевидные для окружающих, Алексей Михайлович предпочитал не замечать, более того, шел ему навстречу. Никон, в частности, убедил царя в необходимости упразднить Монастырский приказ «за ненадобностью». Подписал царь и «несудимую грамоту», по которой монастыри освобождались от уплаты налогов. Он оставался глух ко многим фактам самоуправства, грубости, высокомерия, вызывающим не только у церковной верхушки, но и у правящего светского сообщества недоумение и скрытый протест. Сам того не замечая, Никон настраивал против себя все больше представителей правящей элиты. Кто-то с иронией, а кто-то и со злостью комментировал поведение патриарха. Боярин Роман Боборыкин в своем доме выдрессировал собачку, которая при команде «Никон» замирала на задних лапах, передние сложив крест-накрест в почтительной позе. Когда до Никона дошли слухи о подобном непочтительном отношении к себе, последовала реакция — Боборыкин был отлучен от церкви.

Тем не менее государственные дела, обстоятельства внешнего порядка отодвигали эти противоречия на задний план. В 1654 году обострилась военно-политическая обстановка на Украине и западных границах Руси. Решение Переяславской рады о воссоединении с Русью спровоцировало нападение на Украину польско-литовского войска. Московии пришлось вступить в войну. Военный поход 1654 года возглавил сам царь Алексей Михайлович, оставив на хозяйстве в столице патриарха. Благоприятный на первых порах ход военных действий побудил Алексея Михайловича предпринять второй поход, где удача оказалась уже не на стороне русского царя. В роли вдохновителя неудачного похода на Швецию, благословившего войско с триумфом дойти до Стокгольма, выступал не кто иной, как Никон. Поход захлебнулся на подступах к Риге, и Алексей Михайлович вернулся из него с затаенным желанием дистанцироваться от «собиного друга». Принято считать, что причиной тому были поступающие к царю многочисленные жалобы на произвол, самоуправство патриарха, его вмешательство в светские дела. Обиды на его заносчивость доносились и из царской семьи.

Было и такое, но подлинные побудительные мотивы, как представляется, были в другом — в уроках, полученных Алексеем Михайловичем во время военных походов 1654–1658 годов. Тогда у самодержца появилась возможность обратить свой взгляд на многое, что выходило за пределы его прежних, весьма узких представлений. Он смог увидеть своими глазами жизнь за границами Московии, а она оказалась не

такой, какой рисовалась ему невежественными церковниками и несведущими боярами. Близость к эпицентру европейских противоречий не могла оставить Алексея Михайловича в неведении о их истоках, о причинах происходивших там конфликтов. Круг его общения пополнился местной монархической знатью, представителями княжеских фамилий не только ближних, но и отдаленных соседей. Сведения о том, чем и как жили в Европе, доносили и многочисленные «солдаты удачи», устремившиеся на Русь после окончания Тридцатилетней войны. Царя посвящали в подлинные причины, породившие эту кровавую распрю, в ходе которой обнажились не только межрелигиозные противоречия, но и противостояние церковной власти и светской. События в Европе, где монархам стоило немалых жертв утвердить верховенство государства над церковью, подсказывали неизбежность пути, по которому придется следовать и российскому самодержцу.

Алексей Михайлович пускай медленно, но осознавал, что уступать самодержавную власть кому-либо недальновидно, непозволительно. Тем временем так и осталась незавершенной дискуссия с Никоном о власти, о том, что выше — «священство» или «царство», «святейшество» или «величество»? Весь ход размышлений, излагаемый патриархом, подводил неискушенного самодержца к мысли о превосходстве церковной, дарованной Богом власти над мирской, подверженной греховным деяниям правителей. Там, вдали от Москвы царем постепенно завладевала мысль о необходимости расставить властные полномочия по своим местам. Недовольство ближнего окружения Никоном создавало тот благоприятный фон, подвигая Алексея Михайловича не откладывать осуществление своих намерений. Робкий, не привыкший действовать решительно царь медлил, однако выдавать его настроение стало публичное поведение.

Неожиданно Никон сам облегчил задачу. Поводом послужили отступления от ранее заведенного правила — царь вдруг не явился на молебен в честь престольного праздника, где по заведенному порядку непременно должен был присутствовать. В другой раз Никона не пригласили на официальный обед, где ему по рангу полагалось быть. Поддавшись эмоциям, осерчав, Никон поступил опрометчиво, демонстративно объявив о снятии с себя патриаршего сана. «Отныне больше не патриарх вам!» — прилюдно заявил он, покидая кафедру Успенского собора. Довольно скоро он вынужден был убедиться в том, насколько переоценил и обстановку, и самого себя, уверовав в свою исключительность и незаменимость. Оказалось, что и царь, и церковь, и верующие вполне могут обходиться без него. Так возникло неведомое

ранее на Руси церковное безвластие. Двусмысленность состояла и в том, что выходка Никона еще не означала отлучения его от патриаршего сана, а вопрос о том, кому быть новым главой Русской церкви, не мог быть решен без официального решения церковного собора. «Сиротство» православной церкви будоражило верующих, плодило всевозможные толки. Однако внести ясность в судьбу Никона удалось лишь по прошествии десяти лет; подступиться к рассмотрению его «персонального дела» мешало немало других обстоятельств, как внутреннего, так и внешнего порядка.

Многие готовы были отвергнуть опального патриарха, а с ним и церковные новации, породившие разброд в умах и сердцах верующего народа. Как раз это и не входило в планы самодержца. По сценарию, который выстраивался в его голове, низложение Никона никак не должно было затрагивать начавшийся процесс церковного реформирования. Сосредоточиться предполагалось лишь на обвинениях Никона в отступничестве от пастырского долга, в самоуправстве и оскорбительном поведении. Собрать и систематизировать претензии к бывшему патриарху оказалось не так просто, на это требовалось немало времени и усилий. Того факта, что Никон сам добровольно сложил с себя патриаршие полномочия, было недостаточно. Требовалась более надежная доказательная база, и именно на этом сосредоточивались усилия доверенных приближенных царя. Дело в том, что и в религиозном сообществе, и в светской власти хватало людей, с кем у Никона прежде сложились хорошие отношения. Людям, наделенным и глубокой религиозностью, и чувством собственного достоинства, не свойственно по команде сверху менять свои взгляды, отношение к личности священнослужителя, какой был Никон. При взгляде на конфликт, в котором был отчасти виноват и сам царь, кое-кто исходил отнюдь не из симпатий или антипатий. Имелись такие, кто был движим заботой об авторитете верховной власти, о согласии и единстве в правящем эшелоне. Того же Ордина-Нащокина еще в начале 1650-х годов связали с Никоном события в Пскове и Новгороде, когда приходилось преодолевать тяжелые последствия «бунташных» выступлений, успокаивать народ, возвращать местное население, разбежавшееся в страхе по лесам, к местам проживания. Тогда церковная и светская власть, действуя в согласии, сообща сумела избавить край от карательных акций, от большой крови...

В силу этих и других причин не было уверенности в том, что удастся единодушным решением церковного сообщества достичь желанной цели. Сомнения на этот счет доносили царю со всех сторон. Не было и полной ясности в том, как отнесутся к происходящему в Москве восточные церковные сообщества и их лидеры, возлагавшие на Никона большие

надежды в осуществлении их планов. Отрешение от должности патриарха, избираемого пожизненно, было для церкви достаточно необычным событием. И в этом тоже было немало сомнений и поводов для споров. Несмотря на то что Никон своим норовом нанес и патриаршей власти, и авторитету церкви немалый ущерб, безоговорочно стать на сторону царя, разделить с ним ответственность за последствия конфликта готовы были далеко не все. Возникали сомнения: стоит ли доводить дело до суда? Не лучше ли достичь урегулирования, уладить конфликт, не вынося сор из избы?

Поиски компромисса, подходов к тому, как найти выход из ситуации, занимали многих. Никто, в том числе особо приближенные лица, не был допущен в тайники души самодержца. Замирение с патриархом не входило в его планы. Слухи о стараниях в направлении умиротворения вызвали у царя подозрения в надежности самых доверенных людей — Артамона Матвеева и Афанасия Ордина-Нащокина. Втайне от самодержца они, движимые благими намерениями, судя по всему, пытались зондировать обстановку, наводить мосты, в том числе и к упорствующему Никону. Тогда возникло дело окольного Никиты Зюзина. Когда сведения о его тайных контактах с находящимся под строгим надзором Никоном дошли до царя, Зюзин подвергся допросу с пристрастием. Вовлеченный в тайные маневры посредник едва избежал смерти, но под пыткой выстоял и отвел подозрения от Матвеева и Ордина-Нащокина. Имел ли Ордин-Нащокин какое-либо отношение к церковным реформаторским новациям? Таких сведений нет. Их с Никоном взгляды могли совпадать в том, что касалось положения на западных рубежах и путей восстановления силой оружия прежних позиций Руси на Балтике. Не только Никону, но и Нащокину бросали упреки за вовлечение царя в безуспешную войну со Швецией.

Учитывая тот факт, что в ходе «псковского гилья» Нащокин с Никоном успешно сотрудничали, царь решил отправить Афанасия Лаврентьевича от греха подальше воеводой в тот же Псков. Тем временем известия о поведении опального Никона лишь крепили в царя уверенность в бесполезности попыток смирить амбиции бывшего патриарха. Тот по-прежнему жил устроениями, оставшимися от прошлого, в котором его чтили как «великого государя». Время от времени он предпринимал демарши, провокационные выезды из затворничества, пытаясь отыграть ситуацию назад. Прежние симпатии царя к Никону, болезненно напоминающие о себе, понемногу угасли. Патриарх должен был быть низложен окончательно и бесповоротно. Вопрос по-прежнему состоял только в том, когда, в какое время и как это осуществить, не дав повода для

пересудов, измышлений, кривотолков.

Тем временем патриаршее место пустовало, Русская церковь «вдовствовала», но уверенности в возможности обеспечить легитимный выход из ситуации у Алексея Михайловича по-прежнему не появлялось. Было решено прибегнуть к помощи со стороны, к авторитетному мнению православных иерархов Востока. Поначалу и там не сразу поняли, чем движим русский царь и в чем состоит «дело» Никона. Им было известно, как в нарушение традиционного церковного протокола самодержец сам, своей властью вознес Никона на патриарший престол. Чтобы получить «объективную» оценку прегрешений бывшего патриарха, в Грецию направили соответствующую петицию-вопросник. От тамошних «хранителей истинного благочестия» как независимого источника надеялись получить просвещенную поддержку. Спустя немалое время обвинительный вердикт на все 25 вопросов был получен. Однако этого показалось недостаточно. Иерархов с Востока пригласили лично присутствовать на Поместном церковном соборе. В Москву, проделав длительный и сложный путь, прибыли патриархи Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий. Им предстояло подтвердить или опровергнуть объективность суда, целью которого было заклеить антицерковное поведение бывшего патриарха. Трудно представить, как бы все прошло, если бы визит восточных иерархов в Москву по каким-либо причинам не состоялся. Они оказались как нельзя кстати. Своим авторитетом, доводами греческие церковники спасали ситуацию, поддерживали обвинения против Никона. Так было не только при обсуждении «персонального дела» патриарха, но и при последующем рассмотрении еще более существенного вопроса, касающегося роли и места церкви в государственных делах.

Внешнеполитическая обстановка по-прежнему не благоприятствовала тому, чтобы решительно подступить к делу. Угроза непредвиденного развития событий по-прежнему держала власть в напряжении. Состояние войны с Речью Посполитой длилось, требуя все новых сил и ресурсов. Ставка на то, чтобы силой добиться приемлемого урегулирования, опровергалась ходом военных действий. Одно поражение следовало за другим. Только к 1665 году, когда к обеим сторонам подступило истощение сил и ресурсов, стали стихать военные столкновения, возобновились мирные переговоры. Поскольку на переговорах с поляками долгое время продвижения не наблюдалось, а саму русскую делегацию раздирали внутренние распри, царь в конечном счете вынужден был пойти на то, чтобы пересмотреть состав участников, отозвав именитых бояр, стоявших во главе миссии. За дело мирного урегулирования с Речью Посполитой

взялся Ордин-Нащокин. Ему были даны широкие полномочия и ранг «великого посла».

Вопреки пессимистическим ожиданиям Ордин-Нащокин выполнил царское поручение с честью и вовремя. Известие из Андрусова о заключении перемирия с поляками заметно освежило духовную атмосферу в столице, придав царю некоторый заряд оптимизма. Оно пришло в Москву как раз в пору, когда на церковном соборе приступили к рассмотрению наиболее болезненных вопросов. К тому времени и церковное, и светское сообщество усилиями царя и его окружения было в достаточной мере консолидировано. Заседания Поместного собора начались 1 декабря 1666 года в Столовой палате Кремля. Присутствовали 29 видных церковных архиереев, 12 из которых — иностранцы.

Драматическое действо, обставленное по всем канонам того времени, описано в подробностях в разных летописных источниках. Моральный дух самодержца находился на пределе. Объявляя свои претензии к обвиняемому, он не всегда мог совладать с собой и порой говорил сквозь слезы. Некоторые заседания проходили без его участия. Нехватка душевных сил у самодержца восполнялась грозными речами участников собора, каждый из которых старался показать себя. Весь первый день заседания Никон провел стоя на протяжении десяти часов. В тех эпизодах, когда ему предоставлялось слово, он парировал обвинения. Доводы оппонентов опровергал, иронизировал, отпуская саркастические замечания. Убедить мыслящих людей в виновности Никона так и не удалось, но выступлений в его защиту и поддержку не было.

*

Великая суббота — особо почитаемый в христианстве день, последний перед Пасхой. Согласно Священному Писанию, накануне вечером ученикам и последователям удалось снять умершего Иисуса Христа с креста, на котором он был распят. Завернутое в кусок холста — плащаницу — тело они временно поместили в пещеру неподалеку от места казни, завалив вход большим камнем. На другой день, собравшись перезахоронить останки проповедника, они обнаружили, что пещера пуста. На дне ее лежала плащаница. Встретившие их здесь ангелы поведали: Иисус воскрес и вознесен Богом-отцом на небеса. Предпасхальный молебен начиная с пятницы длится в течение всего дня. Апогеем службы становится шествие с плащаницей при стечении верующих, духовенства,

властей.

В Великую субботу 1667 года, когда в Москве происходил Поместный собор Русской церкви, в ходе службы в Богоявленском соборе Кремля произошло примечательное событие. В момент, когда молитвенная процессия с плащаницей должна была приступить к шествию вокруг амвона, возникло замешательство: одна часть духовенства, следуя старой традиции, начала движение по солнцу («посолонь»), а другая за гостями — в обратную сторону. Руководящую и направляющую роль в этом эпизоде взял на себя царь Алексей. Окриками и жестами он дал сигнал процессии следовать против солнца, за восточными иерархами. Верующему народу, церковникам стало ясно — надеждам на отмену богослужебных нововведений, виновником которых считали Никона, не суждено сбыться. Произошедшее во время предпасхального молебна Великой субботы как ничто другое подтвердило: царь не намерен отступать от курса на реформу церкви, и ожидаемая отставка ее главного идеолога никак не могла этому помешать.

Трудно предположить, как бы складывалась дальнейшая судьба Руси, если бы дуэт царя и патриарха не распался. Однако отечественной истории оказалось вполне достаточно того, что лидерство в осуществлении религиозной перестройки перехватил Алексей Михайлович. Несмотря на то что решения о церковной реформе вступили в силу, а исправление богослужебных книг и церемоний уже стало фактом, проявления протеста то тут, то там давали о себе знать. «Бесчинья и раздор» продолжались. Россиян, не пожелавших креститься тремя перстами, кланяться иконам в пояс, а не как повелось, в ноги, совершать молитвенные хождения вокруг амвона по солнцу, ожидал все тот же наработанный метод — «правеж», иначе говоря, террор, преследование граждан за их религиозные убеждения. Русские цари и императоры, вдохновляемые церковными иерархами, с поразительным упорством из века в век продолжали эту борьбу. Взаимная нетерпимость, готовность поступиться во имя узко понимаемой идеи и благом государства, и человеческими жизнями отразились во всех последующих явлениях русской истории вплоть до кровавых революций XX века.

С уходом с политической арены Никона была открыта дорога к утверждению на Руси подлинного самодержавия, воплощаемого в личности монарха. Другое дело, что религиозный процесс, в отличие от того, как это происходило на Западе, пошел вспять, не по пути разделения светской и церковной властей, а по пути утверждения системы государственного вероисповедания, основанного исключительно на

православной вере. Избавление от диктата патриарха убедило Алексея Михайловича в его возможности и даже обязанности не только руководить Русской церковью, но и управлять в качестве наследника византийских императоров церковными и даже светскими делами христианского Востока. В своих встречах с тамошними иерархами, щедро одаривая их, он обещал в скором времени избавить их от «поганных агарян» и занять древний трон в православном Константинополе. Идея эта импонировала и церковным, и светским кругам Московии, как лучезарная мечта, питая воображение одержимого религиозностью доверчивого народа. Ее с энтузиазмом встретили и на христианском Востоке, где распространилась молва о грядущей освободительной миссии русского царя.

Идея эта питала стратегические планы царской власти, направленные туда, где пролегал древний торговый путь из варяг в греки, в сторону незамерзающего Черного моря, к средиземноморским проливам. Сменявшие друг друга на престоле представители дома Романовых снаряжали Военные походы в направлении Балкан, Турции, Кавказа. Неуклонное ослабление османской Турции делало желанную цель близкой и, казалось бы, достижимой. Однако европейские державы не собирались поддерживать экспансионистские планы России. Наиболее убедительно это проявилось в период Крымской и Русско-турецкой войн, когда Россия столкнулась с консолидированным военно-дипломатическим давлением государств Запада. Что касается церковных дел, то христианские лидеры на Востоке и тогда, и впоследствии не хотели и думать о переносе в Москву «вселенской» патриаршей кафедры, что стало бы признанием духовного лидерства Руси в православном мире. Церковные иерархи, всячески поддерживаемые политическими кругами Запада, и поныне придерживаются идеи, что центр православия, его «Второй Рим» по-прежнему находится в бывшем Константинополе, ныне Стамбуле — при том что численность христиан там едва достигает двух тысяч человек.

*

Новейшее время отмечено тенденциями особого значения. Падение прежде незыблемого авторитета церкви, экспансия других религий и мистических учений с некоторых пор стали вызывать тревогу в рядах священнослужителей и простых верующих. На этой почве возникло экуменическое движение, ратующее за сближение христианских церквей, за преодоление разделявших их противоречий. В 1978 году дело дошло до

проведения в Ватикане встречи папы римского Иоанна Павла I и митрополита Ленинградского Никодима. Находясь в папских покоях, за считанные часы до встречи Никодим внезапно скончался. Событие это потрясло весь христианский мир. Выдвигались разные версии произошедшего, вплоть до конспирологических. Подлинная причина смерти митрополита до сих пор так и не установлена. Стоит напомнить, что через 22 дня внезапно умер от инфаркта и сам папа. Наметившийся диалог церквей был сорван, а экуменическое движение, лишившись своих лидеров, пошло на убыль. Идея единения христианских церквей, как показало время, пришлась не по душе церковникам и с той, и с другой стороны.

Тем не менее преодоление многовекового религиозного отчуждения народов и государств остается насущной задачей. Религиозные войны, преступления во имя веры на протяжении всей истории человечества во многом вдохновлялись церковниками, чье отношение к толкованию догматов, к вероучительной практике разделяло людей, придавая противостоянию ожесточенный, непримиримый характер. Среди тех церковных иерархов новейшего времени, кто выступал за согласие и взаимопонимание между христианскими конфессиями, был предстоятель Римской католической церкви Иоанн Павел II. Своим провидческим взглядом он сумел охватить как вызовы, перед которыми оказалось христианство, так и потрясения, ожидающие человечество в XXI веке. Уже его начало было отмечено небывалой «турбулентностью», когда мир, международное согласие, прежние тенденции к стабильности оказались под вопросом. На политическую авансцену выдвинулся так называемый «исламский фактор» с его производными — терроризмом и радикализмом. Мировые лидеры, разделенные унаследованными от прошлого предубеждениями, оказались неспособными к согласованным мерам противодействия этому злу. Христианство на Ближнем Востоке, где оно когда-то зародилось, оказалось под угрозой уничтожения.

В сентябре 2016 года произошло событие, ожидание которого у христиан Европы затянулось почти на тысячу лет — с 1054 года. На Кубе, в аэропорту Гаваны, состоялась встреча предстоятелей двух христианских церквей — католической и православной. Повестка дня этой исторической встречи, вопреки ожиданиям мировой общественности, не включала обсуждения концептуальных проблем, способных сдвинуть вековое отчуждение двух христианских цивилизаций с мертвой точки. Не были затронуты болезненные темы, над которыми размышляли веками, которые пытались разрешить поколения теологов и церковных иерархов. Впрочем,

глава Русской православной церкви патриарх Кирилл и папа римский Франциск I встретились отнюдь не для того, чтобы преодолеть межцерковные противоречия. Их цель состояла в попытке привлечь внимание всего мира к проблеме спасения христиан Востока от геноцида, чинимого радикальным исламом в Ираке, Сирии и других странах.

Сегодня, в XXI веке, религиозные споры уже не так сильно занимают даже тех людей, кто считают себя верующими христианами. Мало кто из них в состоянии объяснить, что на протяжении веков разделяло католиков и православных, чем вызваны их расхождения в подходах к христианскому вероучению. Однако последствия этих расхождений по-прежнему находят выражение в противоречиях между Западом и Востоком, в упорном нежелании «цивилизованных народов» Европы принимать православную Россию в свою семью. Преодоление этих разногласий — насущная задача нашего времени, когда человечество, сталкивающееся с множеством разноплановых проблем, как никогда нуждается в единстве.

Глава четвертая

БУНТАШНЫЙ ВЕК

1613 год стал не только рубежом в воссоздании российской монархии, в возрождении государственности, но и вехой в закреплении привилегий родовитой знати. В этом году началось ежегодное составление «Разрядных книг», ставших своего рода номенклатурными предписаниями, по которым потомственной элите отдавался приоритет при замещении «служилых мест». Смена династии мотивировала тех, кто имел свои взгляды на заслуги предков, на их уходящую в глубь времен близость к великокняжескому роду, на причастность к ключевым событиям прошлого.

Стремление пересмотреть существующую «табель о рангах», повысить статус своего семейства с особой остротой выразило такое явление, как местничество. Суть его заключалась в распределении высоких должностей в правящей верхушке между потомками знатных родов. На деле местничество оборачивалось соперничеством, погоней за «местом» вне зависимости от способности выполнять важные государственные функции. Высота положения и сопряженные с этим преимущества далеко не всегда благоприятствовали интересам дела. Толпившиеся у престола родовитые бояре, не обладая должным опытом и знаниями, ставили порой под угрозу не только свою личную судьбу, но и судьбу вверенных им людей, а нередко и наносили непоправимый ущерб интересам государства.

Среди множества причин и факторов, обуславливающих неуспех военных предприятий правления Михаила Федоровича, главная состояла именно в слабости государственного организма, в отсутствии надежности во взаимодействии его взаимозависимых звеньев. Наиболее уязвимым местом оставалось отсутствие обученной, оснащенной регулярной армии. Было и многое другое, что также тормозило позитивное развитие, обрекая Русь на стагнацию, на дальнейшее отставание от соседей по Европе. В насущных сферах общественного бытия давали о себе знать расхлябанность, потеря управляемости, утрата устойчивых хозяйственных связей с воеводствами, небрежное отношение людей во власти к своему служебному долгу. Ослабление управленческих связей сказывалось на результатах хозяйственной деятельности, вело к падению налоговой дисциплины. Финансовые ресурсы, казна испытывали нарастающий недобор средств, что еще более ослабляло устои центральной власти.

С уходом из жизни первого Романова, Михаила Федоровича, ушли и люди, которые олицетворяли его время. С воцарением Алексея Михайловича создалась ситуация, в ходе которой обрели актуальность все те же болезненные вопросы: как жить дальше, как строить Россию, кто это будет делать? Нужны были люди не только верные царю, но и наделенные знаниями, способностями, талантами. Домашнее образование в семьях бояр, дворян, купцов не могло восполнять потребности государственного управления. «Образованные» умели с грехом пополам читать и писать, но людей, способных наладить дело, таких, кто эти свои способности умел грамотно и складно «излагать в бумаги», остро не хватало. На разные лады в суждениях современников-иностранцев отмечалось одно: «У московского государя нет умных и понимающих что-нибудь советников».

В начале царствования, как уже говорилось, реальную власть сосредоточил в своих руках «дядька» царя Борис Иванович Морозов. Оставаясь, по мнению иностранных наблюдателей, «вместилищем необразованности и суеверий», он возглавил руководство важнейшими на тот момент государственными учреждениями: приказами Большой казны (финансы), Новой четверти (налоги), Иноземным (военное дело), Стрелецким (внутренняя безопасность), Аптекарским (охрана здоровья царя). В делах управления Морозов действовал во многом по наитию: с одной стороны, он руководствовался собственным опытом и жизненной практикой, с другой — сведениями, полученными от заезжих иностранцев, за что нередко подвергался упрекам. «Дядька», доселе стоявший в стороне от реальной управленческой деятельности, сосредоточил в своих руках неограниченную власть. С подачи Морозова происходили важнейшие кадровые назначения, и здесь его подход не содержал в себе ничего нового — должности получали те, кто прежде оказывал Морозову внимание, поддержку, услуги. Забвение ожидало тех именитых людей, кто ранее располагал при дворе властными полномочиями, но не сумел вписаться в новую команду.

Круг приближенных к престолу «сильных людей» первым покинул боярин Федор Иванович Шереметев — тот самый, который в 1613 году убедил князя В. В. Голицына не препятствовать выдвижению на царствование шестнадцатилетнего Михаила Романова. Этот вельможа во время царствования первого Романова во многом был вершителем государственных дел. Именно он в 1640-х годах приметил псковского дворянина Афанасия Ордина-Нащокина и проверил его способности в деле, проложив ему тем самым дорогу к государеву служению. В 1642 году Шереметев поручил Нащокину сложное дипломатическое задание,

направив в Молдавию и Валахию с целью изучения военно-политической обстановки. После отдаления Шереметева от вершин власти та же участь постигла и Ордина-Нащокина, на целое десятилетие застрявшего у себя в провинции.

Ключевые ведомства, невзирая на былой опыт и заслуги возглавлявших их лиц, переходили под управление людей Морозова. Тому, в какой мере его выдвиженцы знают дело, главенствующего значения не придавалось. Смена команды, как водится, носила спонтанный, субъективный характер. На словах Морозов действовал, выполняя волю царя, а на деле — диктовал эту волю. Никого, кроме жены, детей и священнослужителей, он к Алексею Михайловичу старался не подпускать. К тому же сам стал родственником молодого царя, женившись на сестре царицы Марии Милославской. Далеко не всем представителям правящих сословий происходившее было по душе. В оппозиции Морозову оказались близкий родственник царя, его дядя Н. И. Романов, видные представители княжеских родов А. Н. Трубецкой, Я. К. Черкасский, М. М. Темкин-Ростовский, Ф. Ф. Куракин. Эти, как и другие наделенные заслугами и опытом люди были отстранены от реального участия в делах управления.

Тем временем русская государственность, едва успевшая подняться с колен после Смуты, столкнулась с новыми серьезными проблемами — в том числе с последствиями необдуманных военных предприятий предшествовавшего царствования. Военные затраты, расходы на содержание власти тяжким бременем ложились на нищающее население. Огромных затрат сил и ресурсов требовал масштабный национальный проект строительства «засечных черт» — защитных сооружений общей протяженностью в тысячи верст, выстраиваемых на пути набегов татарской конницы. Между тем острейшие вызовы и угрозы исходили не только из-за границ государства, но и из внутреннего неустройства страны: произвола вотчинных и поместных землевладельцев, игнорировавших центральную власть, разлада в отношениях между сословиями, хозяйственной разрухи, повального несоблюдения законов.

*

Ближний боярин Борис Иванович Морозов при всех его недостатках видел перед собой объективную потребность времени, необходимость укрепления самодержавной власти. Была задумана политико-экономическая программа, целью которой было сосредоточение

материальных ресурсов государства в центре, в Москве. В ту пору родовитые боярские кланы замкнули на себе не только значительную часть функций царской власти на местах, но и немалую долю причитавшихся ей доходов. Пользуясь слабостью центрального правительства, они присваивали часть собираемых налогов и торговых пошлин, ограничивая поступление средств в государственный бюджет, не позволяя выплачивать содержание чиновникам и даже опоре власти — стрельцам. Не получая положенной платы, госслужащие от воеводы до последнего ярыжки, низшего приказного служителя, вынуждены были жить «кормлением» — поборами с населения. Даже в действующей армии жалование не платили годами, что не могло не сказаться на ее боеспособности.

Морозов и его сподвижники решили пополнить казну методами, которые впоследствии стали называть командно-административными. Взыскивать решили и с княжеских вотчин, и с монастырей, и с иностранных купцов, поскольку никаких других источников пополнения бюджета не существовало. Власть прибегла к сокращению штатов и оплаты труда аппарата управления. Такие меры были необходимы. Ограничения коснулись всех, кто так или иначе был занят на государственной службе, включая дворян и приказное начальство. Было урезано жалование стрельцам, не занятым на службе постоянно. Им предписывалось жить за счет доходов от торгово-промышленной деятельности, право на которую они имели по царскому указу.

О том, каким был Борис Иванович Морозов, осталось немало разноречивых суждений современников. Во всяком случае, и как личность, и как государственный деятель он — порождение своего времени. Образование его, как и многих ему подобных, было домашним, учебниками — азбука и псалтирь. В свое время мать молодого царя Михаила Федоровича, желая избавить сына от замкнутости и одиночества, позвала жить во дворец 25-летнего дворянина Морозова, ставшего с тех пор если не членом царской семьи, то ее другом. Воспитателем наследника Алексея он оставался целых 13 лет, да и после официальной отставки сохранял на него влияние. Живо интересуясь жизнью на Западе, тамошними методами управления, он пытался внедрить их на Руси. Но бывшие там в ходу меры трудно сопрягались с российскими реальностями, стилем, образом жизни москвитов, их отношением к власти вообще и в особенности к уплате налогов в царскую казну.

Морозов и его команда принялись наводить порядок методами, какие им были наиболее доступны. Главная ставка была сделана на силу, на принуждение. «Правеж», инструментом которого выступали батоги и кнут,

стал радикальным средством не только сбора налогов, но и взимания набежавших за годы недоимок. О том, как это происходило, сообщают документы. В Зарайске 27 октября 1647 года воевода Феокист Мотовилов за час до рассвета разослал стрельцов по дворам посадских. Сognaв их с постели, *«загнали в город и начали бить на правежи нещадно»*. Кряхтя, горожане недоимки собрали, но Мотовилову этого показалось недостаточно *«То де вы принесли песку, а не деньги де ваши лежат»*, — объявил он и пригрозил зарайцам за упорство *«ноги переломать»* на правеже. После этого посадских людей стали бить всех без разбора, закрыв предварительно ворота, чтобы не разбежались.

При том что техника возделывания земли на Руси оставалась примитивной, плодородие низким, а урожай постоянно подвергался погодным рискам, налоговая нагрузка на тягловое население превзошла все разумные пределы. Недоимки накапливались годами, однако власть попыталась взыскать их здесь и сейчас. В ряде мест, продолжая *«править нещадно»*, чиновники обнаруживали, что население, побросав насиженные места, бежало *«незнамо куда»*. Крестьянство, изнуренное непосильным трудом, не имея возможности сводить концы с концами, покидало насиженные места, заселяя недоступные для власти окраины государства. Образуя вольные ватаги казаков, они кочевали в низовьях Волги и Дона, добывая на прожитие разбоем, набегами на владения местных татарских мурз, провоцируя их ответные нашествия в сторону Московии.

Другая часть оседлого крестьянства искала пристанища во владениях церкви, в вотчинных латифундиях. Церкви и монастыри, которым принадлежало до двух третей пахотных земель, со своей стороны потворствовали миграции крестьян из помещичьих хозяйств. Вотчинные землевладения или *«белые вотчины»* также имели свой, более благоприятный налоговый статус. И в этом Морозов попытался навести порядок. Несмотря на противодействие владельцев вотчин и церковных иерархов, он приступил к изъятию налогов на основе *«посадского строения»*, уравнивая налогоплательщиков перед госказной независимо от его места жительства. Есть мнение, что и в этом он пытался проводить западный принцип равенства граждан перед законом. Но на практике это обернулось налоговым террором, в котором суровое напоминание о том, что налоги надо платить, совмещалось с вымогательством, взяточничеством, мздоимством налоговиков.

На народных бедах наживались всё те же *«сильные люди»*, первым из которых был сам Морозов. Не отставали и его шурины, глава Земского приказа Леонтий Плещеев, а также глава Пушкарского приказа Петр

Траханиотов. Все трое — каждый по-своему — воплощали в себе спектр ущербных «достоинств» средневекового управителя, жившего в атмосфере вседозволенности, не подверженной никакому контролю. Их управление, именуемое в народе «плещеевщиной», стало синонимом коррупции. Движение, служащее целям укрепления государства, дискредитировалось кучкой высших чиновников, вошедших в доверие к царю.

Характерная фигура этого переходного времени — Назарий Чистой. Он возвысился, когда новая власть поспешно устраняла прежних руководителей ведомств, назначая на их места «своих». Чистой, правда, выпадал из традиционной обоймы претендентов: не был родовит, не имел влиятельных родственников. Но он давно приглянулся воспитателю наследника престола. Выходец из ярославских торговых людей при своем «беспородном» происхождении сумел добиться многого. Судя по быстрому карьерному возвышению, он действительно обладал деловой хваткой, успешно торговал с Голландией, слыл человеком просвещенным, кое-что знал о порядках в европейских странах, о том, как там поставлено налоговое дело. Кроме того, он умел находить подход к начальствующим. Это помогало ему уверенно чувствовать себя в коридорах власти, избавляло в критический момент от ответственности за прегрешения по торговой части. Тогда получило огласку дело, связанное с исчезновением солидной суммы, выделенной голландскими купцами на получение «охранных грамот», дававших право на транзит их товаров по территории Руси в Персию. Дело замяли, оставили без последствий. Более того, с восшествием на престол Алексея Михайловича московский деловой люд стал говорить, что всеми делами при дворе заправляют боярин Морозов и дьяк Чистой.

В 1646 году Назарий Чистой был пожалован в думные дьяки и поставлен во главе важнейшего Посольского приказа. Он предложил налоговый проект, который весьма приглянулся «сильным людям» во власти. Впрочем, он мог быть и не единственным, кому пришла в голову «соляная затейка». Упоминают в этой связи Андреаса Виниуса (1605–1652), выходца из Голландии, предпринимателя, возвысившегося еще в царствование Михаила Федоровича. Начав заниматься хлебной торговлей, он перешел к более важной для государства деятельности, — организации чугунолитейного и железоделательного производства. Крупные ссуды из госказны, а также монопольное право на производство чугуна обеспечили ему успех. Был построен первый завод близ Тулы, который в 1632 году начал снабжать местный рынок и оружейное производство. При этом цена на металл оказалась существенно ниже той, что платили за поставляемый

из Швеции. Проворный иностранец делом подтвердил свою пользу. К началу царствования Алексея Михайловича его влияние вышло далеко за пределы торговли и промышленности. Народная молва стала относить Виниуса к числу «сильных людей», особо приближенных к Морозову.

Новация, предложенная населению, состояла в том, чтобы заменить косвенные налоги, так называемые «стрелецкие» и «ямские» деньги, одним-единственным налогом на соль. На первый взгляд нововведение давало преимущество и сборщикам налогов, и их плательщикам. Один налог будет легче и исчислять, и собирать, чем несколько других. К тому же потребность в соли у людей была разной. Одно дело применять ее для частных, повседневных нужд, другое — в торгово-промышленном деле. Таким образом, бремя налогов перераспределялось с обывателя на промысловиков, тех, кто занимался производством и продажей продовольствия. В некоторых странах налоги на сырьевые товары — соль, вино, табак, бумагу — передавались в казну государя, оставляя земельные и прочие сборы местным властям. Госмонополию на соль вводили европейские монархи, обустривая соляные таможни, облагая налогом солеваров, торговцев, крестьян. Подобные меры внедрялись отнюдь не безболезненно, сопровождаясь взрывами народного недовольства. *«Мытоимство разбойничества злее»*, — говорили люди, а появление сборщиков «мыта» неизменно вызывало народный ропот. Особенно частыми протестные выступления происходили во Франции XVI–XVII веков. Там соляной налог назывался словом «габель», что в переводе с арабского означало «кабала», а любые изменения в налоговой системе вызывали тревожные слухи, перераставшие в неповиновение властям. В 1543 году восстание сорока тысяч крестьян на юго-востоке Франции в ответ на повышение налога на соль приняло угрожающие масштабы, поставив под вопрос стабильность в государстве. Власть вынуждена была отступить.

Чистой и Морозов, сведущие в европейских делах, должны были знать о возможных последствиях мер подобного рода. Тем не менее 7 февраля 1646 года царским указом и боярским приговором пошлина на соль была увеличена на четверть с одновременной отменой ямских и стрелецких налоговых сборов. Увеличение пошлины едва ли не сразу привело к росту цены на нее в два раза. На волне панических слухов торговцы стали придерживать соль, цена на нее продолжала расти, пока не выросла десятикратно. Возник черный рынок с сопутствующими последствиями: спекуляцией и коррупцией. Соль на Руси была главным, незаменимым средством обеспечения длительного хранения еды, прежде всего мяса и

рыбы: соленая рыба пользовалась особым спросом во время многочисленных постов. Поэтому увеличение пошлины привело к резкому удорожанию не только соли, но и многих продуктов, к сокращению их потребления.

Не сразу, но довольно скоро стало ясно — вместо увеличения доходов казны происходил их недобор. К тому же дороговизна соли усиливала ропот населения. Когда наметился провал налогового проекта, внезапно было объявлено о его отмене. Однако тут же власть потребовала возместить недобор тех денег, какие населению следовало выплатить за три года, прошедшие с начала злосчастного эксперимента. Ярости недовольным добавило еще и требование использовать в торговых делах аршины и весы нового образца с клеймением гербовым орлом. За них также требовалось заплатить по спекулятивной цене, в пять раз дороже обычного. Беснаказанность и вседозволенность, привычка смотреть на народ как на покорное стадо притупили в «сильных людях» чувство реальности и здравого смысла.

*

28 мая 1648 года, когда царь Алексей Михайлович возвращался после молебна из Троице-Сергиевой лавры, на подступах к Кремлю его ожидало разгневанное людское море. Кое-кто из бунтовщиков, оттеснив охрану, уцепившись за поводья, вместе с всадником проследовал на кремлевскую территорию, увлекая в распахнутые ворота и всех остальных. У входа в Большой дворец образовался стихийный сход озлобленных людей, численность которых быстро возрастала. В выкриках из толпы звучали имена людей, которых толпа требовала выдать на расправу. Наиболее часто звучали фамилии Морозова, Чистого, Плещеева.

Попытка направить на разгон толпы стрельцов натолкнулась на их решительный отказ. У стрельцов были свои поводы для недовольства властью: незадолго до этого им сократили жалованье. Тогда на площадь перед дворцом с целью умиротворить бунтующих были направлены парламентарии. Однако они едва унесли ноги, укрывшись за стенами дворца. Не помогли и увещевания популярного в народе двоюродного дяди царя Н. И. Романова. Люди стояли на своем. Алексей Михайлович и его ближайшие сподвижники, запертые во дворце, оказались в безвыходном положении. Восставшие, не поддаваясь на уговоры, были близки к тому, чтобы пойти на штурм. Пришлось выдать им на расправу дьяка Плещеева

— его забили палками и камнями, не доведя до плахи. На окраине Москвы задержали пытавшегося скрыться Траханиотова, доставили на Красную площадь, где свершилась казнь. Тем временем в самой Москве происходили погромы, поджоги, разграбление жилищ «сильных людей». Обнаруженные там богатства добавили ярости разбушевавшейся толпе. Дьяка Назария Чистого выволокли из укрытия в его доме, здесь же он был убит. Этим гнев бунтующих не утолился. Требовали выдачи главного виновника — Морозова, но он тайно бежал из города в свое поместье.

«Главный страх» выпал на долю восемнадцатилетнего царя. Как все происходило, в деталях описали разные источники. Алексей вышел к толпе и, не сдерживая слез, стал умолять собравшихся пощадить Морозова, «который ему ближе и дороже родного отца». Он обещал всё исправить, а своего воспитателя «навсегда» удалить от власти. Свои речи он заверил клятвенным целованием креста. Слезы царя, его убитый горем вид, искренность, с которой он говорил, произвели на толпу впечатление. Народ утихомирился и стал расходиться. Между тем «бунташные» выступления прокатились и по другим городам Руси, где протестующие также пытались вершить самосуд над местными проводниками «соляной затейки». Постепенно бунт пошел на спад, однако его последствия получили свое продолжение в другом, гораздо более существенном. На авансцену стали выдвигаться люди, для которых исполнение обещаний, данных молодым царем, означало поддержку и укрепление авторитета монархической власти, что в тот критический момент играло большую роль в достижении общественного согласия. В ходе «бунташных» выступлений в толпе выкристаллизовывалось сообщество инициативных, конструктивно мыслящих граждан. Атмосфера растерянности в верхних эшелонах власти стимулировала их творческую энергию. Наступил особый, редкий для подобных эпизодов русской истории период, когда власть и народ стали действовать в унисон, в согласии друг с другом. Нашлись люди, которые в ходе открытых обсуждений и споров попытались суммировать все те беды, проблемы, требования, которые надо было решить.

Возникла ситуация, когда отгораживаться от идущих потоком жалоб и требований было опасно. Например, немедля было объявлено о том, что упраздняется «правеж» — насильственное взимание налоговых недоимок. Другой уступкой стало возвращение цены на соль к прежнему уровню. Поначалу была создана «согласительная комиссия». Предложения поступали из всех сословий, и никто не пытался от них отмахиваться. Из низов на свет появился документ, названный «челобитинка всемирного плача». В нем шла речь о злоупотреблениях власти, о волоките и

взяточничестве ее руководителей. Ставилась под сомнение не власть царя, а существующие порядки, беззаконие и произвол. Алексея Михайловича призывали всерьез исправить свою политику, произвести глубокие перемены в управлении.

На этом фоне было принято решение безотлагательно приступить к подготовке Земского собора. Было задумано масштабное представительное собрание, каких доселе не знала Русь. Планировалось, рассмотрев идущие отовсюду предложения, принять на их основе законодательные меры для исправления и предотвращения противоречий, нарушающих ход государственной жизни. Предполагалось также ревизовать и систематизировать законодательные акты, принятые властью в течение предшествующих десятилетий. Со времен Судебника 1550 года законодательство на протяжении ста лет дополнялось всевозможными, местами скороспелыми актами по текущим, малозначительным поводам. Таких только за время царствования Михаила и Алексея набралось более трехсот. Комиссия, которой было поручено подготовить проект основ нового Уложения, состояла из пяти человек во главе с князем Никитой Одоевским, оказавшимся в числе главных сподвижников Алексея Михайловича. Особое доверие к нему самодержца определялось не только их родством, но и достойной репутацией князя. Он был известен своей способностью браться за любое дело и, каким бы сложным оно не было, доводить его до ожидаемого результата. Одоевский оказался одним из наиболее востребованных деятелей царствования, незаменимым во многих, особенно сложных делах.

Компактным, но профессиональным составом «рабочая группа» весьма результативно организовала свою деятельность, подтвердив продуктивность выбранного подхода при распределении сложных задач (ныне этот метод мы называем методом сравнительного анализа). Все изданные ранее указы были систематизированы, поступавшие в разное время предложения учтены, а затем четко распределены по статьям и направлениям. Таким образом, постепенно выстраивалась панорама сводного законодательного документа. В короткий срок на этой основе было создано Соборное уложение, охватившее все области государственной жизни, уголовного и гражданского права, судопроизводства и исполнения наказаний. Уложение оказалось более жестоким, чем предыдущие своды законов: оно предусматривало смертную казнь за 60 видов преступлений, широко применяло членовредительство и пытки. Новые суровые законы предписывали сжигать на костре иноверцев, пытающихся обратить православных в свою веру, а женщин, убивших

мужа, закапывать живыми в землю.

К 1 сентября 1648 года в Москву в соответствии с царским указом съехались выборные от «всех чинов государства». После проработки в кругу приближенных к царю лиц проект был представлен для обсуждения в двух «рабочих группах». В одной из них были собраны высшие чины; царь, духовенство, Боярская дума. В другой — выборные люди из посадских, от Москвы и провинции. К концу января 1649 года деятельность Земского собора была завершена. Соборное уложение в виде огромного свитка длиной 190 метров содержало 967 статей, собранных в 25 глав. Его скрепили подписями все, кто принимал участие в заседаниях: думные и выборные люди, духовенство, посадские. И по сей день у исследователей вызывает изумление: как в такие исключительно сжатые сроки, всего за пять месяцев, удалось проделать столь масштабную законотворческую работу? На это подвигала необходимость срочного умиротворения страны, боязнь угроз, стоящих у порога государства.

Стоит отметить, что политическая ситуация, имевшая место в Москве в 1648–1649 годах, и ее последствия во многом схожи с событиями 1993 года. Тогда протестные выступления на улицах Москвы, в ходе которых, по официальным данным, погибли 158 человек, послужили поводом к созыву «Конституционного совещания», в результате чего в декабре 1993 года был принят новый Основной закон — Конституция Российской Федерации.

*

Сколь ни велики были государственный смысл и значение статей Уложения, на деле государственная власть продолжала жить и действовать так, как считала нужным, в духе устоявшихся традиций и неписаных правил, то есть по своему усмотрению, без оглядки на закон. В силу этих причин реакция народа на очередную «царскую затейку» не заставила себя долго ждать. Самые драматические события произошли в Пскове и Новгороде. Протестные выступления их жителей, начавшиеся в феврале 1650 года, вписаны в отечественную историю как «псковский гиль», то есть бунт. Что же послужило его поводом? По Столбовскому миру 1617 года в землях, уступленных шведам (Ингерманландии и Карелии), оставалось проживавшее там русское население. Договор обязывал царя возвращать тех беглых крестьян, кто покидал насиженные места. Таких было немало среди тех, кто противился обращению в лютеранскую веру — это были не только русские, но и карелы, ижорцы и другие местные жители, ставшие к

тому времени православными.

Исход из северо-западных областей продолжался более трех десятилетий, однако самодержцы, и Михаил, и Алексей, сочувствуя соотечественникам и исходя из их преданности вере, не спешили водворять перебежчиков на места их прежнего проживания. Проблема, нарастая, постепенно приобретала острый характер. Миграция местного населения вела к запустению территорий, к упадку хозяйственной деятельности из-за оттока сельского производителя, давала повод шведам предъявлять претензии. Нарастали угрозы нового военного конфликта с целью не столько территориальных захватов, сколько возвращения беглых крестьян. Давление шведов все более сказывалось на и без того осложненных торгово-хозяйственных связях Московии с границей, проходящих через Балтику. Шведы перехватывали суда, идущие с грузами из Европы на Русь и обратно. Об этом свидетельствует документ, обнаруженный в шведских архивах — доклад одного из эмиссаров, обеспечивавшего надзор за положением дел на захваченных Швецией русских территориях. В нем он, в частности, докладывает об эпизоде с судном, следующим из Любека с грузом для Московии. Оно было перехвачено шведской корабельной охраной. Русским представителем, добивавшимся возвращения и груза, и судна, выступал псковский уполномоченный Афанасий Ордин-Нащокин. Настойчивость и упорство русского переговорщика доставили шведу немало хлопот, о чем он не преминул упомянуть в докладе начальству.

Становилась все более очевидной неизбежность новых попыток Руси вернуть под свою юрисдикцию утраченные в ходе Смуты территории, а вместе с ними и свободу осуществления торгово-экономических связей с европейскими партнерами. Шведы, стратегически оценивая обстановку на предполагаемом театре военных действий, пришли к выводу, что исход возможной войны мог зависеть не только от численности войска, его вооружения и искусства военачальников, но и от возможности снабжения многочисленной армии на протяжении длительного времени. Восполнять нехватку провианта и фуража, особенно в условиях затяжной войны и плачевного состояния дорог, приходилось из того, что находилось на месте. Провиантские обозы, состоявшие из четырехколесных подвод, сковывали войска, делали их маломаневренными, уязвимыми. Прокорм воинских частей, как правило, происходил за счет местного населения, проживавшего в окрестностях мест, где велись военные действия. Опустошая закрома, выводя из приграничья зерновые ресурсы Пскова и Новгорода, шведы тем самым не столько возмещали недостающие продовольственные ресурсы, сколько понижали угрозу возможного

вторжения сюда русских войск. В то время Швеция вела затяжную войну в Польше, и опасность возникновения второго фронта была для нее вполне реальна. В силу этих обстоятельств шведы усилили давление на Московию. Их уполномоченные стали предъявлять ультимативные требования. «Зерновая затейка», инициированная шведами, отодвигала угрозу возникновения войны с Русью по меньшей мере на год-два.

Со стороны Московии не нашлось лучшего решения, чем согласиться компенсировать Швеции потери, вызванные оскудением брошенных русскими перебежчиками земель. Были высчитаны суммарный эквивалент возможного возмещения ущерба и способы его покрытия. Выплачивать отступные шведам предполагалось поэтапно, как деньгами, так и товарами. В ходе длительного торга был согласован первый транш, который покрывался деньгами и зерном. Из царских резервных амбаров Пскова предполагалось отправить в Швецию 10 тысяч четвертей пшеницы и ржи. Трудно судить, могла ли эта акция получить у населения поддержку, будь она широко предана гласности, терпеливо обоснованна и разъяснена. Но власть решила действовать директивным путем, тайно; подготовить общественное мнение никто и не думал.

Когда в народе стало известно по поступившей псковскому воеводе Никифору Собакину царской грамоте, в которой предписывалось отпустить в Швецию зерно из царских хлебных хранилищ, 27 февраля в городе начались волнения. Небольшая инициативная группа обратилась к архиепископу Макарию с просьбой уговорить воеводу не отдавать хлеб, пока к царю не поступит их челобитная. Вызванный на разговор к митрополиту Собакин в категорической форме в ответ заявил: хлеб шведам будет отдан немедленно, а «кликунов» перепишут, и «будет им за то опала». Эта угроза лишь усилила протесты. Как всегда, началось с шума, а продолжилось стычками «стенка на стенку». Между тем призыв не давать «немцам» хлеба стал овладевать все большим числом людей. Фигура Морозова и после Соляного бунта зловещей тенью продолжала нависать над всем, что исходило из Москвы. Не ослабевала молва о том, что молодой царь по-прежнему окружен недобрыми «немцами» из тех, кому благоволил ближний боярин. К этому приспело сообщение: некий «немец» везет казну из Москвы — то была денежная часть русских отступных по уговору со шведами.

Шведский уполномоченный, который их вез, был схвачен толпой и едва не убит. Чтобы спастись, он сослался на Федора Емельянова: этот зажиточный купец, доверенное лицо Москвы, выполнял функции регионального полпреда в торговых и иных деловых связях Руси с

заграницей. У него хранились не только служебная переписка, но и некоторые товары, принадлежавшие госказне. Емельянову поручили докупить у населения недостающую часть зерна для расчета со шведами. С ним сотрудничали представители местной власти, среди которых был и Ордин-Нащокин. В доме Емельянова, которого посчитали виновником «воровства», обнаружили относящийся к делу документ — записку, которая оканчивалась словами: *«А сего бы нашего указа никто у вас не ведал»*. Бунтовщики решили, что речь идет о предательском сговоре купца со шведами; ему вместе с Ординым-Нащокиным, вовремя предупрежденным верными людьми, удалось скрыться, избежав неминуемой расправы. Несчастного шведа подвергли в центре города, на глазах у всех, допросу с пристрастием, добиваясь признания в сговоре с «ворами» из местного начальства.

Сходным образом развивались события в Новгороде. Здесь нехватку резервов власть вынуждена была восполнять скупкой хлебных излишков у населения. Торг с крестьянами проходил под диктовку уполномоченных по заниженным ценам. У населения возникли панические настроения, поскольку принадлежавшее им зерно шло не только на пропитание, но и на прокорм скота и винокурение, то есть изготовление спирта. Призыв властных людей к населению не препятствовать заготовке зерна в целях погашения госдолга, удержаться от неумеренной скупки хлеба, чтобы не вызвать его нехватку, породил новую волну слухов, взвинчивание цен, ажиотаж на рынке. Молва об идущей к «немцам» государевой казне породила у новгородцев желание ее перехватить. Под руку подвернулся, как уже потом стало ясно, оказавшийся ни при чем датский посланник Граб. Он, остерегаясь неприятностей, решил следовать через Новгород ночью. Этот «немец» также был избит и ограблен. Бунтовщики разгромили официальные учреждения, избили нескольких чиновников и даже митрополита Никона, что для религиозного населения того времени было особенно дико. Любопытно, что в своем докладе царю Никон не коснулся причин того, что послужило поводом вымещения на нем ярости бунтовщиков. Вероятнее всего, дело заключалось в том, что митрополит, недавно назначенный в Новгород, стал разворачивать там свою кабацкую реформу.

Пьянство, о котором и в XXI веке говорят с тревогой, уже тогда воспринималось как национальное бедствие. И до Алексея Михайловича, и после него производство спиртного выступало как осуждаемый, но ничем не заменимый социально-бытовой и бюджетообразующий фактор. В критические моменты русской истории оно помогало гасить общественную

напряженность, а производство и продажа спиртного, как ничто другое, пополняли растущие бюджетные потребности. В Новгороде Никон, поддержанный молодым царем, выступил зачинателем мер, на первый взгляд актуальных, но оказавшихся весьма несвоевременными. Позже, начиная с 1652 года, кабацкая реформа будет распространена им на всю Московию, но уже в Новгороде и в Пскове она не замедлила сказаться на общественной атмосфере, на населении, выбитом событиями из колеи, из привычного образа жизни. Ограничения коснулись как производства, продажи, так и потребления вина, особенно в престольные праздники, что еще более усугубляло копившееся раздражение, когда заходила речь о власти и ее деяниях.

Исторически Псков и Новгород, расположенные в приграничье, больше других русских городов подвергались влияниям извне. Здесь пролегли основные торговые пути в Московию и обратно. «О Новгороде, — пишет академик Д. С. Лихачев, — можно сказать, что он построен не просто на внешней границе Руси, но прямо на границе пути «из Варяг в Греки» — на главном пути, соединяющем в IX–XI вв. два основных бассейна Европы, Балтийский и Средиземноморский, и близко к одному из соединительных путей Европы и Азии»^[15]. «Значение Новгорода и его «пригорода» Пскова, — отмечает он в другом своем сочинении, — не ограничивается тем, что новгородские леса и болота, равно как и сохраненные Новгородом военные силы, остановили дальнейшее продвижение монголо-татарской конницы, предотвратив полное завоевание Руси и воспрепятствовав дальнейшему завоеванию европейского северо-востока... Культурные центры Новгорода и его «пригорода» Пскова не были разрушены, культурные ценности были сохранены, традиции Киевской Руси продолжали здесь свое развитие и в XIII, и в XIV в... Пожары, связанные с монголо-татарским нашествием и игом, уничтожили в Киеве, во Владимире и в других городах тысячи книг, уменьшился и слой грамотных людей, переписчиков книг. Новгород и Псков оказались незатронутыми непосредственным уничтожением книжных богатств. Многие лучшие произведения русской литературы XI — начала XIII в. дошли до нас в новгородско-псковской традиции»^[16].

Таким образом, с ранних времен эти города и их окрестности оставались практически независимыми от центральной власти. Непрерывная духовная жизнь новгородского и псковского обществ на столетия предопределила пути развития многих поколений россиян. Несмотря на погром, учиненный Иваном Грозным в XVI веке, на

варварское разорение в ходе польско-шведских нашествий в годы Смуты, этот край оставался одним из притягательных центров международного общения, торговли, здесь продолжало существовать широкое умственное, образовательное движение. В отличие от Новгорода Пскову удалось избежать расправы, устроенной Грозным. Город, его элита сохранили себя, и оттого Псков на некоторое время вынужден был взять на себя роль главного административного и духовного центра на Северо-Западе Руси. Здесь продолжал теплиться дух, унаследованный от времен новгородской независимости, когда власть осуществлялась на демократических, вечевых основах. Свидетельством тому стали сперва Соляной бунт, а потом «псковский гиль», потрясшие царствование Алексея Михайловича.

*

Известно, что влияние среды, дух прошлого так или иначе воплощаются в личностях. В новгородских и псковских землях издавна водились люди, которых в отдаленной от этих мест Москве трудно было сыскать. Местной элите приходилось самостоятельно находить решение военно-политических, торгово-экономических, административных задач. Здесь вызревала генерация людей с особыми достоинствами, главное из которых состояло в способности без оглядки на центральную власть обеспечивать жизнеспособность региона. Когда к середине XVII века особенно дала о себе знать нехватка людей способных и образованных, взоры Центра обратились на новгородско-псковский край. Еще в царствование Михаила Федоровича было задумано составить «кадровый резерв» в тысячу человек из способных и образованных молодых дворян. Среди них оказался и выходец из обедневшего рода дворян-псковичей Афанасий Ордин-Нащокин.

Его родовая летопись затерялась в веках. Семейное предание утверждало, что в XIV веке его предок, дукс (то есть герцог) Величко, прибыл из Италии на службу к тверскому князю Александру Михайловичу, получив на новой родине имя Дмитрий и прозвище Красный, то есть «красивый». Сын его, тоже Дмитрий, участвовал в восстании тверичей против ханского баскака Шевкала, по щеке его прошла татарская сабля, и его потомков прозвали Нащокины. Правнук Дмитрия, убитый в сражении при Орше в 1514 году, получил другое прозвище, Орда — вероятно, он побывал в Золотой Орде в плену или в составе русского посольства. От него пошла особая ветвь рода Нащокиных — Ордины-Нащокины. Обе

ветви обосновались на северо-западе Руси, где были помещиками вплоть до XIX века — один из них, Павел Нащокин, был близким другом еще одного местного помещика, Александра Пушкина.

На Руси в правящей элите давала о себе знать тенденция выводить свои корни от иноземных предков. Поэтому историю о дуксе Величко вряд ли стоит принимать всерьез. Как и другое предание о том, что фамилия Нащокин происходит от рода курляндских баронов фон Сакен. В чем можно не сомневаться, так это в том, что к началу XVII века и от власти, и от богатства Ордины-Нащокины были далеки. Один из них, правда, при царе Федоре Ивановиче был наместником крепости Белгород, вскоре разрушенной татарами. Его племянник Лаврентий Денисович служил в городке Опочка недалеко от Пскова, защищал русские рубежи от врагов. В его семье около 1606 года (точная дата неизвестна) и родился сын Афанасий, которому довелось прославить имя Ординых-Нащокиных в истории.

Мы ничего не знаем о том, как жило их семейство в годы Смуты, когда Псковщина подвергалась набегам то поляков, то шведов, то своих самозванцев. Известно, что юный Афанасий был любознателен и прилежен в учебе. Он не только обучился у местного священника русской грамоте и счету, но и узнал от заезжего поляка основы польского и латинского языков. В отличие от остальной Руси в приграничном Пскове знание иностранных языков было делом обычным. Необычной была тяга дворянского отрока к чтению, сохранившаяся на всю жизнь. Детей с такими наклонностями нередко отдавали в монахи, но Афанасия ждала иная судьба. В 15 лет отец отвез его в Псков и записал на государеву службу как «сына боярского» — это было не сословное обозначение, а название незначительной служилой должности. После этого юноша вернулся в родную Опочку, где нес службу до начала 1630-х годов. Тогда, приехав по делам в Псков, он подружился с местным дворянином Василием Колобовым и сосватал за себя его дочь Пелагею. Как и большинство русских женщин того времени, Пелагея Васильевна бледной тенью прошла по страницам истории; супруг не упоминал ее имени в документах, не писал ей нежных писем, да и читать она, вероятно, не умела. Из их детей известен только сын Воин. Это редкое имя отсутствует в святцах: возможно, оно отражало патриотизм Афанасия, его желание, чтобы сын стал защитником Отечества. Есть и другая вероятность: имя было дано в честь кого-то из предков, как позже одному из потомков родственного семейства Нащокиных Воину Васильевичу, отцу того самого пушкинского друга. Как бы то ни было, в будущем Воин оказал заметное и совсем не благотворное влияние как на карьеру отца, так и на

всю его жизнь.

Пока же Афанасий Лаврентьевич перебрался в Псков, где завел себе дом и торговое дело. Пользуясь знанием языков, он познакомился с иноземными купцами и продавал им традиционные русские товары — зерно, сало, пеньку. Но торговля, даже самая выгодная, не могла утолить его амбиций: он мечтал сделать карьеру дипломата, которая больше привлекала его, чем военная или административная служба. Помогло то, что его тесть Колобов был знаком с думным дворянином Богданом Дубровским, заместителем начальника приказа Большой казны Ф. И. Шереметева, «тайнейшего и начальнейшего боярина в царстве». Около 1640 года Ордин-Нащокин отправился в Москву, где Дубровский представил его своему начальнику и другим вельможам. Вероятно, сведущий и учтивый гость из Пскова произвел на них хорошее впечатление, поскольку уже в 1642 году его допустили к участию в межевом съезде, призванном урегулировать русско-шведские пограничные проблемы. Опыт оказался удачным: в следующем году ему было поручено самостоятельное и куда более важное дипломатическое задание.

В начале 1640-х годов после нападения казаков на турецкую крепость Азов резко обострились отношения Руси с Османской империей и вассальным ей Крымом. Воевать с ними Москва не могла — не только из-за того, что еще не восстановила силы после смуты, но и из-за боязни, что турки в случае войны заключат союз с недавним своим врагом, Речью Посполитой. Необходимо было проверить возможность такого поворота событий, собрав информацию в придунайской Молдавии — она граничила как с Польшей, так и с Турцией, в зависимости от которой находилась. Ходили слухи, что в столице княжества Яссы осуществлялись контакты между польскими и османскими дипломатами. Чтобы проверить это, туда осенью 1643 года была послана русская делегация во главе с Ординым-Нащокиным. С собой они везли подарки господарю Василию Лупу — 11 сороков и пять пар соболей и шкуру редкой чернобурой лисы. Ехать пришлось через Украину тайно, поскольку польские власти велели задерживать всех прибывающих из России.

Добравшись до Ясс, дипломаты были радушно приняты господарем, который надеялся на помощь Руси против османской деспотии. Он даже высказал просьбу о принятии Молдавии в русское подданство, хотя обе стороны понимали, что речь идет о простой дипломатической вежливости — Турция не потерпела бы такого ущерба своим интересам. Однако Василий Лупу обещал оказать послу всю возможную помощь в сборе информации: *«Где ни услышу де какое дурно к ево царскому величеству, или*

што де мне укажет его царское величество, и яз де готов ему, государю, головой своей служить». Чтобы обмануть турецких и польских шпионов при дворе, господарь объявил, что московский гость поступил к нему на службу, брал его в поездки к османской границе, помог наладить отправку донесений в Москву. В короткое время Ордин-Нащокин довольно много узнал о намерениях польского и турецкого дворов и их возможных контактах. Не укрылись от его глаз и военные приготовления на границе с Русью; обо всем этом он написал подробный отчет, позже представленный царю и его приближенным.

В своих донесениях он рекомендовал наладить с дружественной православной Молдавией более тесные отношения — например, присылать туда на продажу украшения из золота и серебра. Не упустил случая и покритиковать организацию посольской службы и недостатки русской политики в целом: *«Житье наше русское, что царя-колокола звон — што доле от колокольни отойдешь, то больши слышат».* Только в самом конце года, завершив дела, дипломат возвратился в Москву. Надежда войти после успешной миссии в штат Посольского приказа не оправдалась: ему пришлось вернуться в Псков, к прежним торговым делам. Но довольно скоро о нем вспомнили по схожему поводу — разнеслись слухи о подготовке вторжения поляков на Русь теперь уже на северном, прибалтийском фланге. Ордину-Нащокину поручили проверить сведения, и он снова, как и в Молдавии, прибегнул к помощи местных информаторов. Через доверенных лиц он наладил связь с архимандритом православного Духова монастыря в Вильно Никодимом, и тот сообщил, что о нападении на Русь в ближайшее время не может быть и речи, поскольку Речь Посполитая охвачена внутренними смутами. Эти сведения подтвердили специально посланные Ординым-Нащокиным в Литву купцы.

Тем временем слухи сыграли свою роль: жители Пскова и других пограничных уездов стали покидать насиженные места, боясь польского вторжения. Призвав к себе Ордина-Нащокина, псковский воевода приказал ему успокоить людей, ссылаясь на полученные им из Польши сведения. Очевидно, с этой задачей он тоже справился успешно, поскольку после восшествия на престол в 1645 году Алексея Михайловича новые власти включили его в состав воеводского управления — местной администрации Пскова. После этого его имя не упоминалось в официальных бумагах целых пять лет, и только «гиль» 1650 года снова вовлек его в большую политику. Как уже сказано, причиной тогдашних волнений стала афера купца Федора Емельянова, скупившего для продажи шведам немалую часть продававшегося на Псковщине зерна. Это вызвало недовольство местных

жителей не только из-за того, что привело к резкому подорожанию хлеба, но и потому, что передача потенциальному врагу денег и стратегического сырья воспринималась как косвенная поддержка новой шведской агрессии против Руси.

Умудренные опытом предков, жители Пскова, как и Новгорода, были подвижны патриотическими побуждениями и, вопреки благостным заверениям местного начальства, реально оценивали обстановку, предостерегая царя: *«Шведы мирный договор во всем нарушали, православную веру у русских зарубежных людей отняли, церкви божие осквернили, попов на Руси ставить не дают, а крестьянских детей крестят своими немецкими попами в своих кирках»*. Народ по-своему понимал последствия этой акции: *«Государеву казну денежную и хлебную шведские немцы возьмут... Твоею казною хотят нанять иных орд немецких людей и идти с ними под Великий Новгород и Псков»*^[17]. Так говорилось в челобитной царю, поданной участниками «гиля» 12 мая.

К «бунташным» событиям подобного рода, какими бы они по своей природе ни были, обычно примазывается та часть населения, которая обнаруживает готовность «половить рыбку в мутной воде». Соблазну легкой наживы поддались многие: ярыжки, кабацкие люди, стрельцы, посадские. Но постепенно наступало прозрение, пошли разговоры: *«Не навести бы нам на себя за нынешнюю смуту такую же беду, какая была при царе Иване»* (речь шла о расправе царя над Новгородом и Псковом в годы опричнины). К тому времени хаос и разорение в городе достигли пика, обильно пролилась кровь. С приходом подкреплений, вызванных воеводой, беспорядки удалось подавить, их зачинщики были схвачены. Только тогда от государя последовало разъяснение смысла и целей предпринятой верховной властью акции: *«По вечному dokonчанию с шведским королем надобно было отдать всех перебежчиков, а довелось тех перебежчиков, православных христиан, в шведскую сторону отдать в лютеранскую веру с 50 000 душ, и мы велели за них дать деньги 190 000 рублей, и в то договорное число отпущено было с Логином Нумменсом только 20 000... Хотя бы вам в хлебе и прямое оскудение было, так вам бы надобно было бить челом нам, великому государю, и мы бы приказали привезти к вам хлеба»*.

Невольно возникает вопрос: что мешало, приступая к задуманному, направить из Москвы уполномоченных гонцов с разъяснением царской воли? В силу каких причин возникшее народное движение, имевшее вполне патриотический смысл, встретило такую жесткую реакцию, репрессии со стороны властей? Похоже, дело было в амбициях власти, в ее

нежелании вести на равных диалог с населением: *«Мы, великий государь с божьей помощью, ведаем, как нам государство наше оберегать и править, а холопы наши и сироты нам, великим государям, никогда не указывали»...* В этом трагическом эпизоде русской истории отразилась прошедшая через века проблема отрыва власти от народа. В прямой связи с ней находилась другая вековая проблема — нехватка умных, дальновидных государевых людей.

Бежав из Пскова, Ордин-Нащокин явился в Москву и сумел встретиться с царем, изложив ему свой взгляд на причины мятежа и способы его успокоения. В конце мая он вернулся в город вместе с войском князя Ивана Хованского, направленным на подавление восстания. Численность его отряда составляла всего 2700 человек, и мятежники решили, что смогут оказать ему сопротивление: *«Хотя бы и большая сила ко Пскову пришла, не сдадимся; города вскоре не разобьют и не возьмут, а нам в городе есть с чем сидеть, хлеба и запасов будет лет на десять»*^[18]. Вожаки «гиля» решили обратиться за помощью к Речи Посполитой, но против этого выступила большая часть восставших. 12 июля на подступах к городу состоялся первый бой, в котором псковичи потерпели поражение — их «побивали до самого города, и живых много поймали, и снаряд и знамена отбили». 15 августа к Хованскому подошло подкрепление, и он смог установить полную блокаду Пскова, учинив ему «большую тесноту». 17 августа в город прибыла делегация Земского собора во главе с коломенским архиепископом Рафаилом, который пообещал прощение всем рядовым участникам мятежа. 20 августа восставшие начали присягать на верность Алексею Михайловичу, но волнения в городе не утихали еще довольно долго.

Ярость «бунташных» выступлений в Пскове и Новгороде провоцировала жестокость власти. Осознание необходимости ослабления репрессий пришло, как обычно, с опозданием. Карательные акции, показательная казнь зачинщиков посеяли панику среди населения. Побросав жилища, охваченные страхом люди попрятались в окрестных лесах. Чтобы убедить их вернуться, воевода снова обратился к услугам Афанасия Ордина-Нащокина: он был тем, кого люди знали и кому в ходе своего служения в прежние времена удалось завоевать доверие земляков. Потребовалось немало усилий с его стороны, чтобы убедить натерпевшихся страхов и душевных терзаний людей вернуться к своим очагам. Вводя жизнь в Пскове в мирное русло, Ордин-Нащокин действовал отнюдь не в одиночку. Существенную роль в остужении страстей, в умиротворении населения сыграла церковь, возглавляемая митрополитом

Никоном.

Именно в ту пору в судьбу Ордина-Нащокина вошел князь Иван Хованский, поставленный Москвой во главе карательного корпуса. К тому времени князь еще не набрал той высоты во власти, что далее позволила ему действовать самоуверенно и без оглядки. В своих докладах царю, относимых к тому периоду, он особо отмечал усилия Нащокина, направленные на то, чтобы избежать кровопролития, локализовать конфликт, тем самым ограничивая участие войск в подавлении мятежа. Это он внушил Хованскому идею обратиться к царю с просьбой об издании указа, милостиво прощающего участников мятежа. Такой указ был принят и позволил осенью 1650 года окончательно урегулировать обстановку в городе.

*

В ходе «псковского гиля» власть в Москве вновь открыла для себя Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина, его достоинства, способность не только здраво мыслить, но и продвигать дело. После 1645 года, когда в Кремле произошла смена правящей «команды», Ордин-Нащокин оказался вне поля зрения новой генерации московских властных людей. Забвение постигло не только видных деятелей прежнего царствования, но и их подававших надежды выдвигенцев. Влиятельный ближний боярин Ф. И. Шереметев, некогда открывший Нащокина и сумевший оценить его по достоинству, был отстранен от государственных дел, принял постриг и ушел в монастырь, где вскоре умер. Время между 1645 и 1650 годами не прошло, однако, для псковского дворянина впустую. В нем, погруженном в гущу приграничных проблем, происходила кристаллизация опыта, систематизация наблюдений, к нему, наконец, приходило понимание причин, по которым власть раз за разом допускает ошибки в принимаемых решениях.

Способности псковского дворянина не могли не произвести впечатления на центральную власть. Он убедительно объяснил, как минимизировать последствия псковского бунта, как ввести жизнь окраинных воеводств в нормальное русло. Нащокин показал знание людей и обстановки, зрелость в подходах к тому, как следует действовать власти на приграничных территориях. В отличие от многих других, кто вносил сумятицу в представления Москвы о происходящем, он заботился не только о текущем положении дел, но и о долговременной стабильности на

стратегически важном государственном плацдарме, каким был Северо-Запад Руси. Развеивая предубеждения и страхи столичной бюрократии, он всякий раз убеждал, доказывал, — псковичи и новгородцы такие же россияне, не менее, если не более, других озабоченные надежностью западных рубежей своего Отечества.

Реабилитация Ордина-Нащокина в ходе событий 1650 года открыла для него возможность возвращения на государеву службу. Тогда ему было предоставлено право, по сути, самостоятельно вести дела на шведском направлении — там он оказался особенно необходим и востребован. Нащокин не только «владел вопросом», ориентировался в местных условиях, но и демонстрировал необходимые присущие дипломату профессиональные качества. В архивах Хельсинки и Гётеборга хранятся относимые к тем временам источники, где встречаются упоминания об Ордине-Нащоки-не. Это отчеты шведских эмиссаров, в основном торговых уполномоченных, посещавших приграничные территории Московии и саму Москву.

В октябре 1651 года Нащокин был вновь поставлен во главе российской делегации на переговорах о пограничном размежевании со шведами. Последние такие переговоры имели место в 1642 году, когда он тоже принимал в них участие. С тех пор проблем у славянского населения на приграничных территориях не убавилось. Из Печор от монахов православного монастыря поступали в Москву жалобы на шведов, которые *«перелезши старинную межу, речку Меузицу и реку Пивжу пашнею и покосами насильственно владеют, обиды и утеснения чинят великие и владеть землею не дают»*. По этому поводу была возобновлена работа двусторонних межевых комиссий. Переговоры с представителями шведской администрации в Ливонии вел все тот же Ордин-Нащокин. При том что шведы и на этот раз согласились с претензиями к ним русских властей, положение дел к лучшему не изменилось. Неизбежный в таких случаях фактор, связанный с угрозой военного решения конфликта, исключался: для этого у Московии на тот момент не было ни сил, ни ресурсов.

Тем временем завершалась пора становления начинающего самодержца. В 1652 году ему исполнилось 20 лет, а стаж правителя «всей Руси» исчислялся уже шестью годами. Преподанные в прошедшую пору уроки, казалось бы, должны были побудить молодого царя перестроить свое правление, расширив круг сопричастных к управлению делами государства людей. Однако до реформ внутреннего управления дело так и не дошло. События конца 1640-х — начала 1650-х годов послужили лишь

прологом к еще более сложному и кровавому времени, которое и дало повод именовать «бунташным» весь период царствования Алексея Михайловича. Впереди были денежная реформа и вызванный ею Медный бунт, непрерывная череда войн против поляков, шведов, крымских татар, в которых Московию ожидало бремя тяжелых потерь и поражений, и, наконец, кровавое восстание под предводительством Степана Разина.

Глава пятая

ГУБИТЕЛЬНЫЕ ВОЙНЫ

Неудачная для Руси Ливонская война 1558–1583 годов за выход к балтийским берегам стала одной из причин, приведших страну к сползанию в Смуту. Резким ослаблением государства, как водится, воспользовались соседи — не сумев посадить на московский трон своего царя, поляки тем не менее захватили обширные русские земли, включая Смоленск, павший в 1611 году после двухлетней героической обороны. Теперь польские войска стояли в паре дней пути от Москвы, а на южных рубежах подпирали Орел и Белгород. Швеция, захватив в годы Смуты Новгород, вернула его по условиям Столбовского мира (1617), однако оставила за собой, как уже говорилось, Ингрию и Карелию, окончательно отрезав Русь от Балтийского моря.

Возвращение утраченных земель стало одной из важнейших задач московской политики. В 1632 году, когда закончился срок действия Деулинского перемирия, русская армия воеводы Михаила Шеина, героя обороны Смоленска, приготовилась к походу на город. Но задержка со сбором войск, отвлеченных отражением нападений крымских татар, не позволила предпринять поход летом: он начался в осеннюю распутицу, а к осаде Смоленска русские приступили морозной зимой. На следующий год на помощь осажденным направилось большое польское войско во главе с королем Владиславом IV. Теперь в осаде оказался сам Шеин, остро нуждавшийся в продовольствии и боеприпасах. Он не раз просил у царя позволения отступить, но тот велел держаться до последнего. В итоге в феврале 1634 года, израсходовав весь запас пороха, воевода был вынужден согласиться на условия сдачи, отдав полякам всю артиллерию, кроме двенадцати пушек. Из тридцатидвухтысячного войска, ушедшего в поход, Шеину удалось вывести из окружения восемь тысяч воинов. На самом деле потери были больше, поскольку войско в ходе сражений постоянно пополнялось. Последствия поражения болезненно сказались на моральной атмосфере, вызвали в обществе упадок и пессимизм. Вину за неудачу решили возложить на Шеина, обвинив его в «царевом бесчестье» — воеводе вместе со всем войском пришлось преклонить колени перед королем Владиславом. По возвращении Шеин был арестован и после краткого суда казнен вместе со своим заместителем Измайловым.

Ободренные победой поляки двинулись на Москву, но застряли под небольшой крепостью Белой в 130 верстах к северо-западу от Смоленска. Ее гарнизон сопротивлялся так отчаянно, что великий канцлер литовский Станислав Радзивилл предложил переименовать крепость из Белой в Красную. Положение изменилось: теперь уже в польской армии начался голод, и сам король, как писали современники, «половину курицы съедал за обедом, а другую половину откладывал до ужина». Вдобавок Османская империя, решив извлечь из ситуации свою выгоду, двинула на Польшу большую армию под командованием Аббас-паши. Владислав IV отправил в Москву гонцов с предложением заключить мир. В марте 1634 года в селе Полянове близ Вязьмы в нескольких километрах от ставки Владислава русские послы Федор Иванович Шереметев и Алексей Михайлович Львов встретились с польским послом, епископом Хелмским Якубом Жадником. Поляки начали с обвинений, утверждая, что русские нарушили Деулинское перемирие, послав войско Шеина под Смоленск. Русские послы в ответ потребовали, чтобы Владислав отказался от титула московского государя, угрожая в противном случае прервать переговоры. *«У нас, — говорили они, — у всех людей великих российских государств начальное и главное дело государское честь оберегать, и за государя все мы до одного человека умереть готовы».*

Тогда поляки согласились с тем, что Владислав откажется от московского престола, но потребовали за это ежегодно выплачивать им сто тысяч рублей. Московские послы отвечали: *«Мы вам отказываем, чтоб нам о таких запросах с вами вперед не говорить. Несбыточное то дело, что нам такие запросы вам давать, чего никогда не бывало и вперед не будет, за то нам, всем людям Московского государства, стоять и головы свои положить».* После этого поляки умили требования, согласились обойтись без денег и признали Михаила Федоровича законным правителем. Правда, выразили протест против упоминания в договоре его титула «царь всея Руси», указывая, что *«Русь и в Московском, и в Польском государстве есть».* Им возразили: *«Этого начинать непригоже: ваша Малая Русь, которая принадлежит к Польше и Литве, к тому царского величества именованью всея Руси нейдет, и применять вам этой своей Руси ко всея Руси нечего».*

В итоге 17 мая 1634 года был подписан «вечный» Поляновский мир, по которому польский король отказывался от прав на русский престол, но оставлял за собой Смоленск, Чернигов, Стародуб и другие захваченные в годы Смуты города, включая героическую крепость Белую. Был подписан и секретный протокол, по которому Москва уплачивала лично Владиславу IV,

вечно нуждавшемуся в деньгах, 20 тысяч рублей. Этот мирный договор был явно невыгоден Руси, которая имела шанс, воспользовавшись нападением турок на рубежи Речи Посполитой, обернуть ситуацию в свою пользу и вернуть по меньшей мере часть потерянных земель. Сыграла свою роль боязнь решительных действий, характерная для правительства Михаила Федоровича. Единственным, кто их требовал, был отец царя, патриарх Филарет, который скончался в разгар войны, после чего отстаивать «твердую линию» стало фактически некому.

Трагический исход Смоленской войны во многом решило вмешательство крымско-татарского войска. Стало ясно, что никакие усилия, направленные на освобождение исконно русских земель от польско-литовской оккупации, не дадут результата, пока не будет нейтрализована опасность с юга.

*

И в Москве, и в Варшаве понимали, что при наличии острых противоречий между двумя странами «вечный мир» продержится недолго. Так и случилось, и на этот раз причиной войны стала Юго-Западная Русь, будущая Украина, где нарастали противоречия между местным православным населением и польскими властями. К тому времени польские и окатоличенные русские магнаты закрепили большую часть крестьян, обложив их многочисленными повинностями. Французский инженер Гийом де Боплан, посетивший эти земли, отметил, что крестьяне там чрезвычайно бедны, они вынуждены отдавать своему пану всё, что тот захочет; их положение «хуже, чем положение галерных невольников». Положение усугублялось экспансией католической церкви, всеми способами принуждавшей местных жителей переходить в католичество или в униатство — отдельную ветвь Римской церкви, возникшую после Брестской унии 1596 года.

Избежавшие закрепощения реестровые (вольные, занесенные в охранный список) казаки тоже, однако, были недовольны как окатоличиванием их земляков, так и постоянным ограничением их прав и привилегий. Постепенно православные были изгнаны со всех значительных постов в казацком войске. Эти посты заняли поляки, чинившие множество несправедливостей в адрес русского населения. Среди пострадавших от них был и потомственный казак, полковник Богдан Хмельницкий, который после этого отправился в январе 1648 года в

Запорожскую Сечь и был избран гетманом на казачьем сходе. Под его знамена устремились добровольцы со всей Украины, кроме того, крымский хан Ислам-Гирей прислал на подмогу большой конный отряд. Уже в феврале великий гетман коронный (военный министр) Польши Миколай Потоцкий докладывал королю Владиславу о том, что «не было ни одной деревни, ни одного города, в котором не раздавались бы призывы к своеволию и где бы не замыслили на жизнь и имущество своих панов и арендаторов». Надеясь «задавить мятеж в колыбели», поляки отправили против Хмельницкого большое войско, но оно было наголову разбито под Желтыми Водами и Корсунем в мае 1648-го.

Потрясенный этими новостями король Владислав IV 20 мая скончался, и в Речи Посполитой начался обычный для подобной ситуации разброд. Пользуясь этим, казаки без особых трудностей захватили все левобережье Днепра, уничтожив там польские гарнизоны. Восстание против поляков и католической церкви вспыхнуло и в Белоруссии, где в руках мятежников оказались Пинск, Мозырь, Бобруйск. В захваченных городах казаки поголовно истребляли поляков и евреев, как угнетателей народа и врагов православия. Там, где прошли отряды Хмельницкого, на деревьях можно было увидеть повешенных вместе поляка, еврея и собаку с табличкой: «Лях, жид, собака — вера однака». Уцелевшие иноверцы, бросая имущество, в страхе бежали в коронные польские земли или укрывались за стенами укрепленных городов.

Несмотря на успех восстания, его руководители понимали, что без внешней поддержки их неорганизованные, плохо вооруженные силы будут в конце концов разбиты польской армией. 8 июня Хмельницкий отправил царю Алексею Михайловичу письмо с просьбой о покровительстве: *«Если би была на то воля Божая, а поспел твуй царский зараз, не бавячися, на панство тое наступати, а ми зо всим Войском Запорозким услужить вашей царской велможности готовисмо»*. Царь, занятый в то время острыми внутренними проблемами, не спешил принять решение. Тем временем польские магнаты направили против восставших новую сорокатысячную армию. В сентябре она также была разбита у местечка Пилявцы, после чего казаки двинулись на запад и осадили Львов, но потерпели там неудачу, как и в Белоруссии, где князь Януш Радзивилл сумел отбить почти все захваченные повстанцами города.

В декабре в Польше был избран новый король, брат Владислава Ян Казимир. Хмельницкий, только что захвативший Киев, отправил ему ультиматум с требованием уступить казакам все Левобережье и отменить Брестскую унию. Возмущенный король, для виду начав переговоры с

казаками, начал собирать против них новое войско из наемников со всей Европы, оставшихся без дела из-за завершения Тридцатилетней войны. В мае 1649 года польская армия отправилась в поход, но под натиском противника отступила к замку Збараж, где ее едва не окружили. В решающий момент польский король отправил послов к крымскому хану, сопровождавшему Хмельницкого, обещая ему богатые дары, если он предаст своих союзников. Хан так и поступил, вынудив гетмана подписать в августе Зборовский мир, по которому Левобережная Украина получала автономию.

Такое положение не устраивало обе стороны, которые готовились к возобновлению войны. В январе 1651 года польское войско снова выступило в поход и дошло до Винницы. В июне казаки потерпели поражение в двухнедельном сражении под Берестечком из-за нового предательства татар — из-за больших потерь они покинули поле битвы, уведя с собой самого Хмельницкого. Поляки утверждали, что в битве и при паническом бегстве погибло до тридцати тысяч казаков, а сами они потеряли не больше тысячи бойцов. В сентябре гетман был вынужден заключить Белоцерковский мир, по которому подвластная ему территория ограничивалась Киевским воеводством, а польская шляхта получала назад свои владения на Украине. Тот же договор запрещал Хмельницкому любые сношения с другими странами без ведома Варшавы. Естественно, такой договор не устраивал казацкую верхушку, которая уже в апреле 1652 года возобновила войну и нанесла полякам крупное поражение под Батогом. Однако следующее сражение под Жванцем снова закончилось неудачно — и опять из-за предательства татар.

Окончательно осознав, что единственным его союзником может быть единоверный русский царь, Хмельницкий осенью 1653 года снова обратился к Алексею Михайловичу с просьбой о покровительстве. На этот раз положение на Руси изменилось: внутренние беспорядки на время улеглись, после принятия Соборного уложения власть консолидировалась и рассчитывала укрепить свой авторитет при помощи военных побед и возвращения ранее утраченных территорий. 1 октября в Москве собрался Земский собор, ставший последним в русской истории. На нем было принято решение: *«О гетмане о Богдане Хмельницком и о всем Войске Запорожском бояре и думные люди приговорили, чтоб великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси изволил того гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами их из землями принять под свою государскую высокую руку для православные христианские веры и святых божиих церквей, потому что паны рада и вся*

Речь Посполитая на православную христианскую веру и на святые божий церкви восстали и хотят их искоренить»^[19].

19 декабря в ставку гетмана прибыл русский посол Василий Бутурлин с решением Земского собора. 8 января 1654 года была созвана Переяславская рада, после которой казацкая верхушка принесла присягу царю. В Москве такое развитие событий предвидели давно, понимая, что присоединение малороссийских земель неминуемо приведет к войне с Польшей. Правительство Алексея Михайловича готовилось к этому, осуществляя за границей закупки оружия и боеприпасов. В октябре 1653 года в Нидерланды был отправлен подьячий Головин с целью закупки 20 тысяч мушкетов и 20–30 тысяч пудов пороху, а также для вербовки опытных голландских наемников, вернувшихся с фронтов Тридцатилетней войны. Еще 20 тысяч мушкетов были закуплены в Швеции. Власть сделала выводы из опыта прежних войн, в которых местнические споры нередко приводили к поражениям. Поэтому 23 октября 1653 года царь торжественно объявил в Успенском соборе Кремля: «Воеводам и всяких чинов ратным людям быть на нынешней службе без мест, и этот наш указ мы велели записать в разрядную книгу и закрепили своею государскою рукою».

Однако этот указ, прозвучавший из уст самого царя, повис в воздухе, столкнувшись с реальностью. Отношения между военачальниками русской армии, как и прежде, обуславливались их знатностью и возникавшими из-за нее местническими спорами. Родословный фактор разрушал порой военные планы, обрекал боевые операции на провал...

*

Сразу после Переяславской рады Алексей Михайлович приказал начать военные действия походом на Смоленск. Уже 27 февраля по «зимнему пути» в поход отправились осадные орудия под началом боярина Долматова-Карпова. В апреле из Москвы выдвинулось главное войско, которым командовал князь Алексей Никитич Трубецкой. А 18 мая с арьергардом армии выехал на войну сам царь — несмотря на свой мирный и благочестивый характер, он не мог не мечтать о военной славе и сокрушении врагов Отечества. 4 июня, когда царь был в Вязьме, до него дошла первая хорошая новость: вяземские «охочие люди» (добровольцы) подступили к Дорогобужу, который поляки сдали без боя. После этого русским покорились Невель и крепость Белая, памятная своей героической

обороной. Царь прибыл под Смоленск 28 июня и стал лагерем у стен города. На следующий день пришло известие о сдаче сильной крепости Полоцк, а 2 июля сдался город Рославль. Большая часть местной шляхты — православной или недавно обращенной в католичество — добровольно перешла на сторону царя и получила от него высокие должности. Исключением стал город Мстиславль, взятый штурмом после ожесточенного сопротивления.

С юга на подмогу русской армии выступил двадцатитысячный казачий корпус полковника Ивана Золотаренко, который осадил Гомель и 20 августа взял его. В тот же день князь Трубецкой разбил на реке Шкловке польскую армию гетмана Януша Радзивилла; сам гетман, раненый, едва сумел уйти с остатками войска. Казаки по своей привычке творили в захваченных городах разбой и насилие, поэтому Могилев 24 августа предпочел сдаться русскому отряду Воейкова. Там, как и в других городах, «местным жителям было позволено носить одежду по прежнему обычаю, не ходить на войну, чтоб не выселять их в другие города; дворы их были освобождены от военного постоя... обещано не допускать ляхов ни в какие должности в городе»^[20].

С севера на поляков наступало войско боярина Василия Шереметева, сформированное из уроженцев Новгородской и Псковской земель. В его рядах был и 37-летний Афанасий Ордин-Нащокин, хотя о его участии в военных действиях мы почти ничего не знаем. Известно, что он был в составе основных сил Шереметева, которые 12 августа осадили хорошо укрепленный город Витебск. Осада продолжалась три месяца, и царь даже отдал приказ отступить от города — тем более что на помощь осажденным двигалось войско гетмана Радзивилла. Узнав об этом, Шереметев 22 ноября предпринял последнюю попытку штурма, ставшую успешной из-за того, что часть защитников из числа горожан бросила свои позиции. Несмотря на это, царь, разгневанный долгим сопротивлением, приказал отправить жителей города в ссылку, а их имущество раздать солдатам. Шереметеву было приказано остаться в городе в должности воеводы, но он попросил отставки, поскольку *«стар и увечен и болен и, будучи на государеве службе, оскудал: есть нечево и лошадей кормить нечим; а на Москве дворишко разорилось, и животишка все пропали, и людишка разбрелись»*. В ответ царь строго приказал ему служить *«безо всякого ворчанья... а не бежать со службы»*. Похоже, умудренный опытом Шереметев пришел к пониманию того, насколько глубоко Русь ввязывалась в войну, уже начало которой не предвещало ее скорого окончания. Тем временем военные действия набирали обороты. Хроника событий множилась эпизодами, исход которых

складывался в пользу то одной, то другой воюющей стороны. Победы в одном сражении сопровождались провалами в ходе других. К тому же и единой линии фронта как таковой не существовало.

Когда начиналась осада Витебска, отрезанный от основных польских сил Смоленск продолжал упорно обороняться. Ночью 16 августа русские воеводы, ободренные присутствием царя, бросили войска на штурм, который был отбит с большими потерями. Алексей Михайлович писал сестрам: *«Наши ратные люди зело храбро приступали и на башню и на стену взошли, и бой был великий; и по грехам под башню польские люди подкатили порох и наши ратные люди сошли со стены многие, а иных порохом опалило; литовских людей убито больше двухсот человек, а наших ратных людей убито с триста человек да ранено с тысячу»*^[21]. Поляки в своих реляциях утверждали, что перебили до семи тысяч русских, но почему-то желания защищать город это им не прибавило. Три недели спустя комендант Смоленска Обухович предложил начать переговоры о капитуляции. Уставшее от осады население, не дожидаясь их завершения, открыло городские ворота. По этому случаю Алексей Михайлович 25 сентября устроил у стен крепости пир, пригласив присягнувшую ему смоленскую шляхту. Ей было обещано не чинить далее никаких притеснений. После этого воеводы, уставшие от вмешательства царя в военные вопросы, посоветовали ему вернуться домой для решения срочных государственных дел. 5 октября он отправился в Москву.

После взятия Витебска удача изменила русской армии — грабежи ее союзников-казаков повернули симпатии местного населения к полякам. В самом начале нового, 1655 года жители Орши сдали город польской армии. Так же поступили обласканные царем шляхтичи в Могилеве, открывшие ночью ворота гетману Радзивиллу. Однако командир русского гарнизона Воейков заперся в цитадели и сумел отразить четыре польских приступа. В конце концов, опасаясь подхода к русским подкрепления, Радзивилл приказал своему войску отступать на запад. В Москве тем временем свирепствовала «моровая язва», что помешало вовремя снарядить и отправить на фронт новое войско. Только в конце апреля Алексей Михайлович во главе двадцатитысячного войска добрался до Смоленска, где продолжилось формирование русской армии. К ней, в частности, присоединился корпус князя Шереметева вместе с Ординым-Нащокиным, который принял участие в дальнейших боях. Правда, недолго — осенью его назначили воеводой в городок Друя близ Витебска, где он пробыл до начала следующего года.

В апреле он во главе отряда из семисот человек предпринял осаду

Динабурга (ныне Даугавпилс), но взять его не смог — обещанные резервы из Пскова так и не подошли: боярин Салтыков не пожелал послать войско на помощь безродному дворянину. Тем временем к осажденному городу подошел четырехтысячный полк литовского шляхтича Комаровского, и Ордину-Нащокину пришлось отступить к Резице (ныне Резекне). Далее он присоединился к царской армии, которая 24 мая выступила из Смоленска на запад, направляясь к литовской столице Вильно. 29 июля русские войска ударили в тыл армии гетманов Радзивилла и Гонсевского в окрестностях города. После длительного боя гетманы бежали, а русские войска заняли Вильно. В августе были взяты Ковно (Каунас) и Гродно, после чего почти вся Белоруссия и Литва оказались в руках русских. На Украине тем временем разворачивалось наступление соединенного войска Богдана Хмельницкого и боярина Бутурлина на Галицию, где была разгромлена армия коронного гетмана Потоцкого. Объединенные силы русских и казаков подошли к Львову, но не решились штурмовать его стены и отступили, взяв большой выкуп. Удачливее оказался воевода Петр Потемкин, который осадил Люблин и добился его сдачи.

Тяжелые поражения вызвали у польских магнатов настоящую панику. В поисках защиты от русской армии одни из них обратились за помощью к шведскому королю Карлу X Густаву, другие — к курфюрсту Бранденбурга Фридриху Вильгельму III. Шведы были сильнее, к тому же их правящая династия Ваза имела теоретические права на Польшу. Только что вступивший на престол Карл X мечтал затмить славу своего двоюродного дяди Густава II Адольфа, чьи армии в годы Тридцатилетней войны наводили страх на всю Европу. Необходимо напомнить, что после Ливонской войны Прибалтика была разделена между Швецией и Речью Посполитой. Шведское правительство понимало, что в случае победы Руси над Польшей прибалтийские владения Швеции тоже окажутся под ударом. Но польский король Ян Казимир выступил против совместных действий со шведами, опасаясь предательства их сторонников среди шляхты. Его опасения были не напрасны: в июле 1655 года Карл X ввел войска в Польшу, разбил польскую армию, при Чернове и быстро захватил Варшаву и Краков, где часть магнатов провозгласила его королем. Другая часть знати продолжала сопротивляться захватчикам, что еще больше ослабило силы поляков.

В сентябре войско князя Дмитрия Волконского на весельных судах отправилось из Киева вверх по Днепру и Припяти. По пути русские захватили ряд городов и крепостей, после чего благополучно вернулись в Киев. Другое войско под командованием князей Семена Урусова и Юрия

Борятинского двинулось на Брест, но там его в ноябре разбил новый литовский гетман Павел Сапега. У соседней деревни Верховичи русские взяли реванш, отбив у врага четыре пушки и 28 знамен. Однако воеводы не решились снова наступать на Брест и приказали войскам отойти к Вильно. В октябре литовский гетман Ян Радзивилл, перешедший на сторону шведов, подписал с ними Кейданский договор, по которому Литва и все захваченные у нее русскими территории переходили под власть Шведского королевства. Это создавало почву для новой войны между Швецией и Русью.

К такой войне вели дело и власти Священной Римской империи, Бранденбурга, Дании и Голландии — все эти страны боялись усиления Швеции. Весной 1656 года Дания дала обязательство выступить против шведов совместно с русской армией. 17 мая Алексей Михайлович объявил Швеции войну, а патриарх Никон на торжественном богослужении благословил войско преследовать неприятеля до самого Стокгольма. Пока армия Петра Потемкина, усиленная донскими казаками, двигалась на север, царские дипломаты пригласили в Вильно польскую делегацию, чтобы поскорее подписать мир. Но дело затянулось: ни та ни другая сторона не желали отказываться от Украины. При этом представителей Богдана Хмельницкого на переговоры не позвали, что оставило глубокий след, усилив недоверие украинской элиты к москвитам.

В октябре было, наконец, заключено перемирие между Русью и Речью Посполитой. По этому соглашению русские войска сохранили за собой все занятые ими территории. Война в Прибалтике тем временем уже шла полным ходом. Летом главные силы русской армии во главе с царем вторглись в Ливонию; в их рядах был и Ордин-Нащокин. Пользуясь своими связями, он накануне вторжения организовал детальную разведку вражеских сил, составил описание состояния дорог и укреплений. Далее он принял участие во взятии Динабурга, а затем Кокенгаузена (Кокнесе). 21 августа началась осада Риги; взятие этого крупного города неминуемо привело бы к потере шведами всей Ливонии. Понимая это, шведы в ходе тайных контактов с союзниками Руси — Данией и Бранденбургом — обещали им за выход из войны всевозможные уступки. Под влиянием этого датский флот, собиравшийся по соглашению с Москвой блокировать Ригу с моря, всячески затягивал отплытие к ливонским берегам. Тем временем к шведам подошли подкрепления — отряды фельдмаршала Кёнигсмарка и генерала Дугласа. Тогда же шведские агенты распространили слухи о начале в Риге эпидемии чумы, что создавало опасность распространения болезни в русской армии. В сентябре Алексей Михайлович приказал снять

осаду. Шведский губернатор Ливонии Магнус Делагарди ударил в тыл отступающему войску противника, чем нанес ему серьезный урон.

*

Во всех этих событиях принимал участие Ордин-Нащокин, назначенный в октябре 1656 года воеводой Кокенгаузена, переименованного русскими в Царевич-Дмитриев. Тогда же при его участии был заключен договор о дружбе и союзе русского царя с герцогом Курляндии Якобом Кет-лером. Курляндское герцогство, образованное в XVI веке из владений Ливонского ордена, находилось в зависимости от Речи Посполитой, но с приближением к его границам русских войск решило перейти под покровительство более сильной державы. Ставка герцога Якоба на Москву оказалась несостоятельной. После неудачного для русских окончания войны шведы оккупировали Курляндию, а самого Якоба взяли под арест, но полякам, заявившим свои права на герцогство, удалось восстановить его у власти. Тем временем Ордин-Нащокин пытался наладить связи с новым союзником, устроив между Кокенгаузенем и Митавой почтовые станции, где гонцы со срочными донесениями могли сменить лошадей. Это был первый в Русском государстве опыт организации регулярной почтовой связи, основателем которой с полным правом можно считать Афанасия Лаврентьевича. Через два года — скорее всего, по его предложению, — такая связь была налажена между Москвой и Вильно; ответственным за нее назначили датчанина Леонтия Марселиуса.

Должность воеводы Царевича-Дмитриева Ордин-Нащокин занимал до 1661 года, причем фактически в его ведении находились все занятые русскими в Ливонии города. Там он содействовал развитию экономики, добивался гуманного обращения с местным населением со стороны русских войск и администрации. Пребыванием в Прибалтике он воспользовался, чтобы внимательно изучить экономическую и политическую жизнь соседних стран. Впоследствии на основе этого он выстраивал свой план преобразования Руси. Близкое знакомство с царем, высоко оценившим усердие и компетентность псковского дворянина, позволяло надеяться на осуществление его проектов. В городах он приказал вернуть жителям незаконно отнятое имущество, сохранил их самоуправление. Благодаря его умелому управлению в 1658 году Ливония стала снабжать хлебом и другими видами продовольствия не только себя, но и сопредельные районы Руси, разоренные войной. В перспективе

воевода планировал превратить Ливонию в маршрут для экспорта в Европу местных и русских товаров. С санкции царя он построил в Царевиче-Дмитриеве монетный двор, чеканивший медные деньги.

В ходе войны Ордин-Нащокин обращал особое внимание на армейские проблемы. В переписке с царем, анализируя причины просчетов, он предлагал заменить дворянское ополчение, показавшее в новых условиях свою несостоятельность, новыми солдатскими и рейтарскими полками. Формировать их предполагалось путем призыва податных людей и зачисления их на «государево жалованье». При этом он настаивал на сохранении обязательной службы в армии дворян и казаков как самой подготовленной к военному делу части населения. Он также советовал привлекать в русскую армию больше наемников из Европы, а в Ливонии нанимать на службу крестьян-латышей, чтобы помешать шведам использовать их для той же цели. В части управления войсками Ордин-Нащокин критиковал негибкую организацию русской армии, где командующие не могли предпринять решительных действий без одобрения Москвы. Отсутствие оперативной связи затягивало военные действия и нередко приводило к поражению. Он считал, что ответственность за боевые операции должна быть возложена на воевод соседних городов — в случае Лифляндии это был Псков, интересы которого он, как местный уроженец, защищал особенно активно.

Успешно действуя в качестве администратора, Ордин-Нащокин не меньшее внимание уделял сношениям по дипломатической линии. Он взял на себя ведущую роль в переговорах с европейскими дипломатами, пытавшимися примирить Швецию, Польшу и Русь с целью возобновления торговли с этими странами. Прибывший в Ригу англичанин, советник Оливера Кромвеля Ричард Брэдшоу, просил у воеводы Царевича-Дмитриева пропустить его в Москву. В письме царю по этому поводу Ордин-Нащокин писал, что англичане пытаются вернуть себе отобранные в 1649 году торговые привилегии, однако их главная цель — остановить продвижение русских войск в Ливонии, не допустить поражения шведов. Это подтвердил и русский посланник в Дании Д. Мышецкий, что побудило царя не пустить англичан в Москву: они были остановлены под Смоленском под предлогом чумного карантина, а потом отправлены обратно. Та же участь постигла французское посольство Якова Деминьера.

Тем временем боевые действия со шведами продолжались. Помимо рижского направления война велась на юго-востоке Ливонии, где в 1656 году был взят Юрьев (Тарту), и в Ингерманландии, где русские под командованием Потемкина осадили сильную крепость Нотебург (Орешек).

Тем временем шведы возобновили военные действия в Польше. Летом король Карл X заключил союз с Бранденбургом и Трансильванским герцогством, а также с Богданом Хмельницким, пригласив их поучаствовать в разделе Польши. Это позволило шведской армии, вторгнувшись в польские пределы, захватить Варшаву, что заставило больного и уставшего короля Яна Казимира покинуть страну. Однако сплотившиеся против шведов польские магнаты укрепились на юге и отбили наступление казаков и трансильванцев. Полякам удалось вовлечь в военные действия на своей стороне Бранденбург и Данию, заручившись поддержкой Священной Римской империи — давнего противника протестантской Швеции. Когда летом 1657 года датский флот напал на шведские порты, большая часть армии Карла X была вынуждена покинуть Польшу.

Несмотря на то что значительные силы шведов были заняты на польском направлении, у них хватало сил вести наступление в Ливонии. Угроза возобновления войны с поляками заставила Боярскую думу принять в феврале 1657 года решение «промышлять всякими мерами, чтобы привести шведов к миру». Однако шведский главнокомандующий Магнус Делагарди, отвергнув предложения о мире, вторгся в русские земли и взял штурмом Псково-Печерский монастырь. Его дальнейшее продвижение остановил в битве у деревне Мигузице князь Матвей Шереметев, чьи люди *«графа Магнуса и его полку немецких людей многих побили и языки поймали»*. Однако в июне Делагарди разбил отряд Шереметева под Валком, взяв в плен самого князя. После этого он попытался захватить Юрьев, но был отбит. Неудачей закончилась и попытка шведов взять соседний город Гдов. У стен города Делагарди был разбит князем Иваном Хованским, что вызвало у русских ликование. В занятых ими городах, включая Царевич-Дмитриев, где был воеводой Ордин-Нащокин, был устроен пушечный салют.

После этого войска Хованского, переправившись через реку Нарва, вторглись в Ингерманландию. Не дойдя до Ревеля, они были вынуждены остановиться из-за новых слухов об эпидемии чумы. В начале 1658 года русские возобновили наступление, но шведы, пользуясь выходом из войны повергнутой ими Данией, перебросили в Ливонию значительные силы. Губернатор Нарвы Густав Горн не только отбил новое наступление Хованского, но и вернул Ниеншанц и его окрестности. На этом военные действия прекратились; обе стороны истощили свои силы и искали возможности примирения, тем более что обстановка на Украине становилась все более тревожной. В августе Горн и Хованский согласились

на переговоры, начавшиеся в октябре в местечке Валиесари под Нарвой. Главным переговорщиком с русской стороны выступал Ордин-Нащокин, которому еще в апреле царем были переданы соответствующие полномочия вместе со званием думного дворянина.

*

Формально главой посольства в переговорах со шведами был назначен боярин П. С. Прозоровский, но Алексей Михайлович в тайном письме Нащокину предписывал ему вести все важные переговоры и в случае надобности подкупить шведских послов «соболями и ефимками». Царь во что бы то ни стало желал сохранить за Россией гавани на Неве (Орешек) и Западной Двине (Кукенойс), но шведы всячески противились этому. Видя в Нащокине стойкого защитника русских интересов, они пытались возражать против его участия в переговорах. Его ведущая роль не нравилась и русским участникам посольства, которые писали царю письма с жалобами на «самоправство» дипломата. К этому добавился скандал, учиненный псковским воеводой Хованским — когда послы захотели взять с собой для защиты часть подчиненных ему войск, он написал князю царю. Афанасий Лаврентьевич, в свою очередь, обвинил князя в полководческой бездарности, приведя в пример свои успешные действия в Ливонии: *«Вот мне не было прислано указа, чтобы идти под Мариенбург, но я, видя, что наших ратных людей из Полоцка и Пскова нет, а шведы в сборе, призвал к себе Гонсевского и пустил в Лифляндию и затем взял город Мариенбург»*.

Благодаря дипломатическому искусству Ордина-Нащокина 1 декабря сторонам удалось заключить Валиесарское перемирие сроком на три года, исходя из принципа *«utipossidetis»* — «каждый владеет тем, чем владеет». Это соглашение сохраняло за русскими все их завоевания в Ливонии. Однако по истечении срока перемирия Швеция начала шантажировать царское правительство, угрожая войной. В апреле 1660 года новый шведский король Карл XI подписал с поляками Оливский мир, что делало возможным совместное выступление двух стран против Руси. В этих условиях Алексей Михайлович потребовал скорейшего мира со шведами, даже на условиях возвращения им занятой русскими части Ливонии. Ордин-Нащокин выступал против подобных планов, советуя лучше помириться с поляками: *«Взять Полоцк и Витебск, а если поляки заупрямятся, то и этих городов не надобно; прибыли от них никакой нет, а убытки большие, надобно будет беспрестанно помогать всякою казною*

да держать в них войско. Другое дело Лифляндская земля: от нея русским городам, Новгороду и Пскову, великая помощь будет хлебом, а из Полоцка и Витебска Двиною будут ходить некоторые товары, а с них будет взиматься большая пошлина в Лифляндских городах. <...> А если с польским королем мир заключен будет обидный, то он не будет крепок, потому что Литва и Польша не за морем, причина к войне скоро найдется»^[22].

Однако в Москве аргументам Нащокина не вняли. Обиженный, он попросил царя освободить его от участия в новых переговорах со Швецией, чтобы избежать новых жалоб на свою неуступчивость. В результате русскую делегацию на переговорах возглавил князь И. С. Прозоровский, который в марте прибыл в Юрьев. Ордин-Нащокин, находившийся в Царевиче-Дмитриево, выехал туда же, чтобы негласно следить за ходом переговоров и пытаться избежать слишком больших уступок. Именно тогда с ним встретился имперский посол Августин фон Мейерберг, которого воевода принял в Мариенбурге (ныне Алуксне в Латвии). Он отметил приветливость Нащокина, хорошее знание им немецкого языка, достоинство, с которым он держался. А главное — умеренность, отсутствие упорства, с которым другие русские старались непременно напоить гостя до потери чувств. «Сам он, — отмечал Мейерберг, — вовсе не глупый подражатель наших обычаев, с дружескою любезностью уволил нас от способа пить (в присутствии своей жены) и напиваться допьяна»^[23].

После долгих переговоров 21 июня 1661 года в Кардисе (ныне Кярде в Эстонии) был подписан мир, по которому Русь возвращала Швеции все свои завоевания в Ливонии. При этом русские купцы получили право торговать в шведских и ливонских городах, а шведские — в Москве, Новгороде и Пскове. Стороны обязались вернуть всех пленных, выдать перебежчиков и вернуться к границам, установленным Столбовским миром. Война, которую иногда называют Первой Северной, закончилась неудачно для Русского государства. Недовольство Ордина-Нащокина по этому поводу усугублялось тем, что он был вынужден оставить шведам Царевич-Дмитриев с округой, где его стараниями была налажена нормальная жизнь. В августе он с подчиненным ему полком отправился в Литву на соединение с князем Хованским.

Стоило погаснуть военному пожару в Ливонии, как он вспыхнул на Украине. Ставший после смерти Хмельницкого гетманом Иван Выговский, как и значительная часть казачьей старшины, был склонен к «шатости», лавированию между окружающими державами в поисках большей выгоды. Для виду принесся присягу русскому царю, он тайно начал переговоры с польскими и османскими представителями. Узнав об этом, кошевой атаман Яков Барабаш и полковник Мартын Пушкарь вначале написали на гетмана жалобу в Москву, а потом подняли против него восстание. В июне Выговский, привлечший на помощь крымских татар, разбил своих противников под Полтавой. Чтобы избежать неминуемых разбирательств с Москвой, он в августе начал уже открытые переговоры с польскими представителями и в сентябре подписал с ними Гадячский договор. По нему Левобережная Украина возвращалась под власть польского короля на правах автономии и должна была разорвать все связи с Русью. Одновременно казаки Выговского напали на Киев, где стоял русский гарнизон под командованием князя Василия Шереметева, но были разбиты; русские захватили 12 пушек и 48 знамен.

Выговский между тем продолжал лицемерно уверять царя в своей верности: *«Бога ради усмотри, ваше царское величество, чтоб неприятели веры православной не тешились и сил не восприняли, пошли указ свой к боярину Василию Борисовичу Шереметеву, чтоб он больше разорения не чинил и крови не проливал»*. На Украине начался обычный разброд: большая часть старшины поддерживала Выговского, но простые казаки и городская беднота стояли за союз с Москвой. В ноябре верные царю казаки созвали раду в местечке Верва и выбрали гетманом вместо Выговского полковника Ивана Беспалого. Выговский, пытаясь удержать власть, отправил против Беспалого казачий отряд, но был разбит. При этом ни поляки, ни русские не спешили помогать своим ставленникам на Украине, поскольку уже были заняты войной друг с другом. В сентябре 1658 года польские гетманы Сапега и Гонсевский с большим войском перешли в наступление и осадили Минск. Однако воевода Юрий Долгоруков разбил войско Гонсевского и взял его в плен, а Сапегу заставил отступить.

В январе 1659 года из Москвы вышло войско князя Алексея Никитича Трубецкого. В апреле оно со стороны Путивля вторглось на Украину, осадив город Конотоп, где засели сторонники Выговского. Осада затянулась до июня, когда на помощь осажденному городу пришли основные силы казаков вместе с татарами. Утром Выговский с частью своих сил, совершив вылазку против русского лагеря, обратился в притворное бегство. Когда его бросились преследовать князя Семен

Пожарский и Семен Львов, он заманил русских туда, где ждали остальная часть его войска и татарская орда во главе с ханом Мехмед-Гиреем. Как только Пожарский переправился через болотистую речку Сосновку, его отряд был окружен и разбит превосходящими силами противника. Доставленный в стан победителей Пожарский, как писал С. М. Соловьев, «выбрал хана по московскому обычаю», а по другим данным, еще и плюнул ему в лицо, за что тут же был казнен — ему отрубили голову. Сторонники Выговского уверяли, что русское войско, насчитывавшее 100 тысяч человек, потеряло в сражении до 50 тысяч убитыми. На эти «факты» до сих пор ссылаются украинские националисты, объявляющие Конотоп одним из крупнейших поражений русской армии за всю ее историю. На самом деле в соединенных частях Пожарского и Львова было около сорока тысяч человек, потери которых составили до семи тысяч убитыми и пленными. Примерно столько же потеряли казаки и татары.

Тем временем донские и запорожские казаки, пользуясь уходом основных сил татар на войну, начали совершать набеги на владения крымского хана, прорываясь и в сам Крым. Узнав об этом, хан оставил своего союзника Выговского и поспешил домой. Несмотря на это, гетман попытался выбить русский отряд из Киева, но снова был разбит. Киевский воевода Василий Шереметев докладывал в Москву, что после этого командиры большинства казачьих полков отказались от поддержки гетмана и присягнули царю. В сентябре они выбрали новым гетманом сына Богдана Хмельницкого восемнадцатилетнего Юрия. Выговский без сопротивления переслал ему гетманскую булаву, а сам бежал в Польшу.

Избавление от Выговского в условиях ухода из Украины крымско-татарского войска радикально изменило положение дел. Вступление войска Трубецкого в украинские пределы было встречено с энтузиазмом. Во всех городах перед русским войском открывали ворота, а полковники и старшины клялись царю в верности. Прибыв в Переяслав, Трубецкой встретился там с Юрием Хмельницким, который за всех казаков попросил у него прощения, *«поскольку отлучились они от него не по своей воле, а принудил их к этому Ивашка Выговский»*. 17 октября за городом была созвана рада, на которой казаки практически единогласно избрали Юрия гетманом и снова принесли клятву быть «навсегда вместе» с Русью. Однако этот временный успех вскоре поставил русских военачальников перед фактом коварной измены Юрия Хмельницкого и его сторонников. Вера на слово заверениям и клятвам, произносимым в ходе хлебосольных трапез, не раз приводила к горькому разочарованию. «Шатость» Хмельницкого и ему подобных оборачивалась трагическими эпизодами кровопролитных

столкновений 1660–1662 годов, в ходе которых русские несли невосполнимый урон.

В Белоруссии между тем военные действия возобновились. В январе 1660 года князь Иван Хованский взял штурмом крепость Брест и в трех сражениях разбил три польские армии. Однако сражение у города Ляховичи сложилось для него неудачно: осаждавшие город русские войска были разбиты, два сына Хованского ранены, а сам он с оставшейся частью войска отошел к Полоцку. После этого поляки двинулись в направлении Могилева и возле близкого к городу села Губарева встретились с войском князя Юрия Алексеевича Долгорукова. В ходе трехдневного сражения русские, вначале попавшие в окружение, стойко сопротивлялись и заставили врагов отступить. К тому времени на юге войско под командованием князя Шереметева, подкрепленное казаками Юрия Хмельницкого, начало новый поход на Львов. Там русские встретились с превосходящими силами поляков и крымских татар и в ходе непрерывных боев понесли большие потери. После одной из битв у города Чуднова посланцы Выговского в ходе тайных переговоров убедили Хмельницкого отречься от Москвы, *«которой силы уже сокрушены, которая более не светит, а чадит, как погасающая лампада»*. Подумав, Юрий 8 октября переметнулся на польскую сторону и дал присягу на верность королю.

Воевода Шереметев, чьи войска, ослабленные уходом казаков, испытывали острую нехватку продовольствия и боеприпасов, был вынужден 23 октября также начать переговоры с поляками о мире. Перед ним были поставлены жесткие условия: русские войска должны были покинуть территорию Малороссии, сдав при этом пушки и все снаряжение. Шереметев при этом должен был оставаться в польском плену до полного исполнения условий договора. Под давлением поляков пленный воевода отправил условия договора князю Бярятинскому, стоявшему с войском под Киевом, но тот с негодованием отверг эти требования. После этого пленник был передан татарам, которые заковали его в кандалы и отправили в Бахчисарай. В то же время казаки созвали в Корсуни раду, где часть собравшихся выступила за союз с Русью, а другая часть — с Польшей. К гетману Хмельницкому мало кто прислушивался, да и сам он, молодой и неопытный, не мог решить, чью сторону принять. Уже весной он послал царю покаянное письмо, где утверждал, что его принудили к союзу с поляками изменники, а он по-прежнему желает *«быть в подданстве в Вашего царского величества»*. Но с приходом польских подкреплений он вновь отказался от клятвенных заверений, вернувшись к союзу с Варшавой.

В первой половине 1661 года польско-казацкое войско захватило почти

всю Левобережную Украину, постепенно вытесняя русских из занятых ими городов. Столкновения с переменным успехом продолжались до тех пор, пока в конце 1662 года Хмельницкий на раде в Корсуни не отказался от гетманства. К этому времени русские войска были вытеснены из Белоруссии, потеряв Минск, Могилев и Вильно. Среди причин их поражения был вызванный войной денежный кризис — как известно, он заставил правительство выпускать взамен серебряных медные деньги. Это привело не только к Медному бунту в Москве, но и к волнениям в войсках, которым пытались выплачивать жалованье теми же медными деньгами. Началось массовое дезертирство — солдаты бежали на Дон, где многие из них впоследствииполнили отряды Степана Разина.

*

Потеря управляемости армией побудила царское правительство вступить с Речью Посполитой в мирные переговоры, за что давно уже выступал Ордин-Нащокин. Покинув Ливонию, он с войском воеводы Ивана Хованского направился в Литву, где их отряд потерпел поражение и отошел к Полоцку. Оттуда Афанасий Лаврентьевич написал царю с просьбой выслушать его предложения о мире. В январе 1662 года думный дворянин был принят Алексеем Михайловичем в Кремле, после чего царь включил его в посольство князя Никиты Одоевского, ожидавшее в Смоленске прибытия польских эмиссаров. Ожидание затягивалось, и дипломат обратился к царю с новым письмом, предлагая отправить его в Польшу для секретных переговоров с королем и сенаторами. Такая миссия была одобрена, но откладывалась до одобрения Боярской думы, которая обсудила этот вопрос только осенью.

В октябре 1662 года цели и характер миссии обсуждала «ближняя дума» из наиболее доверенных бояр в составе Я. Черкасского, И. Милославского, П. Салтыкова, Л. Стрешнева, Ю. Долгорукова, куда был допущен и Ордин-Нащокин. Ему велели добиваться перемирия с Польшей, причем некоторые горячие головы выдвигали непременным условием допущение Алексея Михайловича к выборам польского короля. Ордин-Нащокин решительно выступил против этого пункта, доказывая, что борьба за польский престол поднимет против Руси не только Польшу и Литву, но и европейские державы. Он выдвинул альтернативную идею «союза и любви» с Польшей, которая должна была не только восстановить «вечный мир» между странами, но и навести страх на их общего врага,

турецкого султана, и склонить к союзу с Русью Молдавию и Валахию. Дума решила отправить его в Речь Посполитую как полномочного посла, доверив решение всех вопросов и утверждение любых договоров, выгодных Руси. Ему среди прочего позволялось решать вопрос о границах, «учинив» их по Двине и Днепру, а в случае недовольства поляков уступить задвинские города. «Черкас», то есть казаков, ему рекомендовали разделить по Днепру. Учитывая критическое положение государства, послу разрешили при крайней необходимости пообещать полякам возвращение Левобережной Украины — но без всякой огласки. При этом Ордин-Нащокин должен был настойчиво напоминать польской стороне об угрозе турецкой экспансии и предлагать заключение союза против Османской империи и Крымского ханства.

После получения боярского наказа Ордин-Нащокин с дьяком Г. Богдановым выехал в Польшу через Динабург. Там он узнал новость, которая могла негативно сказаться на результатах его миссии: близ Вильно был схвачен и расстрелян литовский польный гетман Винцент Гонсевский, перед этим освобожденный из русского плена и обещавший «*о покое хрестыянском... радеть всею душею*». Собираясь добиваться заключения мира Руси с Польшей, Гонсевский обещал также содействовать планам избрания Алексея Михайловича на престол Речи Посполитой. Теперь русским дипломатам не приходилось надеяться на поддержку при польском дворе. Назначенный вместо Гонсевского гетман Неверовский отказался выдать послам проездные грамоты, и им пришлось добираться до Польши кружным путем, через Ригу и Данциг. По прибытии в Варшаву оказалось, что король Ян Казимир находится во Львове, где усмиряет бунтующую из-за невыплаты жалованья армию. Ордин-Нащокин с Богдановым отправились в этот город, куда прибыли в марте 1663 года. Их приезд вызвал протесты части сенаторов, которые требовали продолжения войны с Москвой. Сам король тоже не торопился начинать переговоры — позже выяснилось, что в это время он планировал большой поход на Москву в союзе с татарами и частью казаков.

Однако нехватка денег для выдачи солдатам поставила крест на воинственных планах Яна Казимира. В итоге польский сенат составил делегацию для переговоров с русскими послами, куда вошли видные магнаты Х. Пац (канцлер), С. Потоцкий, М. Радзивилл и др. На начавшихся 19 марта переговорах поляки приготовились, как прежде, подолгу спорить о царских титулах, полномочиях послов и других малозначащих вопросах. Однако Ордин-Нащокин с ходу предложил заключить не только мир, но и союз двух государств. Уже в апреле он вручил канцлеру Христофору

(Кшиштофу) Пацу проект договора, составленный им самим по-польски, где условием заключения мира выдвигалась уступка Руси Смоленска и северских городов. За это Ордин-Нащокин обещал вернуть полякам другие города, занятые русскими. Он убеждал сенаторов, что союз с Россией надежно обезопасит Польшу от постоянно угрожавшей ей агрессии со стороны Швеции и Турции, позволит ей распространить свое влияние на Крымское ханство и даже на Балканы. Он также обещал полякам большой заем, который позволил бы ликвидировать недовольство в армии и стране — хотя, как мы знаем, русская казна страдала от нехватки средств не меньше польской.

Нужно отметить, что многое из сказанного им отсутствовало в боярском наказе, как отмечает Б. Флоря: «Ордин-Нащокин излагал литовскому канцлеру не то, что ему было поручено в Москве, а свой собственный план урегулирования русско-польского конфликта. Такое поведение нельзя признать обычным не только для практики, принятой в допетровской России, но и для практики дипломатической службы более позднего времени»^[24]. Самоуправство Ордина-Нащокина не могло не получить соответственной оценки. В написанной им позже записке «О миру Великой России с Польшею» сказано, что из-за этих нарушений он был после возвращения в Москву «много истязан против статейного списка тайных разговоров». Его, в частности, обвиняли в том, что он допускал резкие антишведские высказывания и предлагал полякам союз против Швеции, что сам Ордин-Нащокин отрицал. Однако нужно учитывать, что дипломат, стремясь к союзу с Речью Посполитой, всегда проводил политику, направленную на возврат захваченных шведами прибалтийских земель. Можно понять и опасения руководителей Посольского приказа: если бы в Стокгольме узнали о его высказываниях, это могло бы серьезно осложнить русско-шведские отношения.

Несмотря на сделанные им выгодные предложения, польские сенаторы отказались поддержать проект Ордина-Нащокина. 20 апреля 1663 года ему вручили ответ, где польское правительство требовало восстановления границ по Поляновскому договору 1634 года, а также компенсации в несколько миллионов рублей за убытки, причиненные войной. Магнаты отказались и от предложения о союзе против турок и татар, утверждая, что с ними заключены договоры о дружбе и союзе. Напротив, в составленной Пацем декларации содержалась угроза совместно с турками и татарами обрушиться на Русь в случае ее несговорчивости. Все, чего Ордину-Нащокину удалось добиться, — согласия короля и сенаторов отправить в Москву делегацию для новых переговоров.

Несмотря на то что посольство оказалось неудачным, оно подняло вес Афанасия Лаврентьевича в глазах царя и его приближенных. Причина была еще и в том, что он, в отличие от других русских послов, владел польским языком и мог вести переговоры без посредства переводчиков, которые нередко путали содержание и смысл речей. Знание языков было неотъемлемой частью присущей ему тяги к образованию, к книжной культуре. Современники отмечали, что он все свободное время посвящал чтению и привозил книги из всех своих посольских поездок. Во время миссии в Молдавию в 1642–1643 годах он просил думного дворянина и казначея Казенного приказа Богдана Дубровского прислать ему необходимые для работы книги: *«Да пожалуй, государь, пришли ко мне, в ряду вели купить, книгу московские печати словеть «Свиток многосложной». Да у князя Михайла Петровича Пронсково возьми книжицу, што списана во Пскове у Онтонья попа «О иконном поклонении». А в предословии писана та книжица по краегранесии двоестрочием. Бога ради, государь, те книжицы пришли — не на час я приехал, впредь тем и утешатца»*^[25]. Не дождавшись книг, Ордин-Нащокин в другом письме повторил свою просьбу, дополнив ее назидательным комментарием: *«А о книгах милости прошу пришли: ведаяшь ты какое сокровище в божественном писании, а иде ж сокровище зрим — тут и сердце будет. А почитая книги — дело государево николи ж забытно: тому и поучает, што преж очистить себя на земле тот немалой долг да тож места инде искати»*. Вероятно, его страсть к «книжному почитанию» воспринималась многими неодобрительно. В ответном письме Б. М. Дубровский извещал: *«Покупки к тебе посланы не все, впред пришлю. Книги не добыл: говори Псалтырь, да Богу молися — начало всей мудрости»*.

Книжной мудрости Ордин-Нащокин постарался научить и сына Воина. Тот учился у пленных поляков, хорошо знал латинский, немецкий и польский языки, много читал. Под руководством отца он сделал первые шаги на дипломатическом поприще в Царевиче-Дмитриево, где заведовал тайной перепиской с иностранными агентами. Посетив несколько раз Польшу, он проникся западным образом жизни, предпочитая его русскому. В 1660 году отец отправил его с донесением к царю, который милостиво принял молодого Воина. Получив при дворе секретные послания и крупную сумму денег, он не вернулся в Царевич-Дмитриев, а отправился

прямо к польской границе. Благодаря выданной ему в Москве охранной грамоте он без помех пересек линию фронта и был принят при дворе королем Яном Казимиром. Захваченный русскими пленный поляк сообщил: *«Видел он у короля в Гданску Воина Нащокина, живет де при короле, а дает ему король на месяц по 500 ефимков, а ходит де он в немецком платье; он же де, Воин, похваляется, хочет услугу свою показать королю, а идти под город великого государя в Лифлянты и, отца своего взяв, хочет привезти к королю и многие де поносные слова на государство московское говорит»*^[26].

Самовольный отъезд за границу считался тогда на Руси тяжким преступлением, за которое могли пострадать не только сам виновник, но и его родные. Однако Алексей Михайлович отнесся к поступку Воина снисходительно и утешал в письме его отца: *«Что удивительного в том, что надурил твой сын? От малоумия так поступил. Он человек молодой, хочет создания Владыки и творения рук его видеть на этом свете, как и птица, которая летает туда и сюда, и, полетав довольно, опять к своему гнезду возвращается»*. Вскоре Воин переехал из Польши в Австрию, потом побывал во Франции, Голландии и Дании. В 1663 году он явился в Копенгагене к русскому послу с просьбой о получении разрешения вернуться домой. Получив царское разрешение, в 1665 году Воин Афанасьевич вернулся на родину и поселился в одной из отцовских деревень. Однако наказания не избежал: вскоре его сослали в Кирилло-Белозерский монастырь, приказав местному начальству *«береженъе к нему держать, чтоб он из монастыря никуда не ушел и дурна какова над собой не учинил»*. Когда после заключения в 1667 году перемирия с Польшей Ордин-Нащокин стал главой Посольского приказа, Воин по его ходатайству был отпущен из монастыря и возвращен на царскую службу, но карьерных высот так и не достиг. После кончины отца был воеводой в Галиче, год его смерти неизвестен. Знавший его курляндский дипломат Яков Рейтенфельс писал: *«Он говорит свободно по-французски, по-немецки и на других языках, но познания скорее служили ему препятствием, нежели рекомендацией при повышении»*^[27].

*

Между тем на Украине продолжалась война поляков и союзных им казаков во главе с гетманом Дорошенко против войск русского воеводы

Ромодановского. Летом 1663 года воевода послал на Сечь отряд из пятисот драгун под командованием стряпчего Григория Касогова. Осенью он совместно с запорожскими казаками напал на крепость Перекоп, запирающую вход в Крым, чтобы помешать татарам прийти на помощь польской армии. Тогда же король Ян Казимир с небольшим войском подошел к Днепру и переправился через него, начав вторжение на Левобережную Украину. Одни города сдались ему без боя, другие упорно сопротивлялись, заставив поляков отступить. Только у Новгорода-Северского князь Ромодановский и гетман Брюховецкий нанесли королю поражение и заставили его отступить. Легендарный атаман запорожцев Иван Сирко вместе с отрядом Касогова в это время разоряли турецкие форпосты в низовьях Буга, не щадя и поляков. Их успех вдохновил гетмана Брюховецкого, который вторгся на Правобережье и сжег Черкассы. Весной 1665 года гетман посетил Москву и был принят царем, получив от него обещание хранить «стародавние права и вольности казацкие».

Неудача поляков в попытках восстановить свою власть на Левобережье Днепра сделала их более уступчивыми к русским предложениям. В феврале 1664 года в ставку Яна Казимира под Севском прибыл из Москвы стряпчий Кирила Пущин с предложением царя о созыве нового съезда уполномоченных. Литовский канцлер Христофор Пац объявил посланнику, что король готов прислать комиссаров на переговоры, которые начались 1 июня под Смоленском в селе Дуровичи. В подготовке этих переговоров принял деятельное участие Ордин-Нащокин. В марте он посетил Новгород-Северский, где вначале планировалось принять королевских посланцев. Перед этим он представил царю доклад «О миру Великой России с Польшею», где повторил прежние свои аргументы в пользу союза между двумя странами. Он доказывал царю, что «вечный мир», подкрепленный союзными отношениями, сможет разрядить постоянную напряженность на границе, даст возможность восстановить экономику и торговлю разоренных войной приграничных земель, укрепит позиции Русского государства в Европе.

Передав доклад царю, Ордин-Нащокин выехал из Москвы, но в связи с отменой встречи в Новгороде-Северском остановился в Брянске, где через своих агентов начал собирать сведения о состоянии польской армии. Направив собранную информацию в Москву, он перебрался в Смоленск, где в деревне Шейново встретился с польским дипломатом П. Бростовским, подписав с ним соглашение о гарантиях безопасности для польских послов, прибывающих в город. Пока в Москве снаряжали посольство во главе с Н. И. Одоевским и Ю. А. Долгоруковым, Ордин-Нащокин оставался в

Смоленске, продолжая собирать сведения о положении в Речи Посполитой. После прибытия посольства выяснилось, что его знатные руководители вовсе не собираются прислушиваться к советам «худородного» дворянина. Он жаловался на это в очередном письме царю, заодно предлагая для скорейшего заключения мира подкупить польских сенаторов, а также П. Бростовского, который пользовался доверием в Варшаве.

Очевидно, в Москве к нему прислушались, поскольку через некоторое время он был вызван в столицу и вернулся оттуда с царским указом об отстранении Долгорукова от участия в переговорах и назначении его командующим армией — эта должность подходила князю гораздо больше. Самому Ордин-Нащокину царь фактически передал полномочия посла: ему было поручено склонять польских комиссаров к миру обещанием подарков и денежных выплат. Пользуясь случаем, он снова поднял вопрос о военно-политическом союзе двух стран — и снова поляки не захотели к нему прислушаться. Убедившись, что польская сторона не желает договариваться и только тянет время, русское правительство приняло решение перенести переговоры на лето следующего года. После этого все члены посольства, включая Ордина-Нащокина, вернулись из Смоленска в Москву.

Их возвращение совпало с подготовкой суда над опальным патриархом Никоном, с которым Афанасий Лаврентьевич сохранял хорошие отношения со времен «псковского гилля». Враги дипломата не упустили случай воспользоваться этим фактом для его очернения, обвиняя его в тайных контактах с патриархом через боярина Никиту Зюзина. В декабре 1664 года дипломат был вынужден обратиться по этому поводу к царю с оправдательным письмом. В то время Алексей Михайлович питал к Ордину-Нащокину высокое доверие, что избавило его от опалы — правда, он был отправлен воеводой в родной Псков. Однако уже весной 1665 года думному дворянину присвоили чин окольничего — второй в тогдашней русской «табели о рангах». Вероятно, ему было сообщено, что царь ожидает его участия в новых переговорах с Речью Посполитой, намеченных на лето. Свою роль в возобновлении контактов с поляками сыграл вспыхнувший в Речи Посполитой очередной «рокош» — восстание щляхты против короля. Возглавивший его магнат Ежи Любомирский обратился к Алексею Михайловичу с предложением союза в обмен на помощь деньгами и оружием, но царь отказал ему в этих просьбах.

Оценив этот шаг доброй воли, король Ян Казимир осенью 1665 года отправил в Москву своего агента Иеронима Комара и предложил возобновить переговоры в январе следующего года. В октябре царь

приказал Ордину-Нащокину возглавить русское посольство на переговорах, дав ему в помощники его родственника Богдана Нащокина и дьяка Григория Богданова. Передав воеводство в Пскове князю И. А. Хованскому, дипломат выехал в Москву для подготовки посольских наказов. Он выступил против проекта наказа, подготовленного сторонниками Никиты Одоевского, где выдвигалось требование передачи Руси всей Малороссии до самого Буга, указывая, что это делает переговоры бессмысленными. Вместо этого он предложил свою давнюю идею — «вечный мир» на условиях разделения украинских земель по Днепру и союза Руси с Речью Посполитой. Для разрешения своего спора с оппонентами он предложил созвать Земский собор. Но правительство отказалось от этой идеи в условиях острого внутреннего кризиса, вызванного церковной реформой и ^прекращающимися народными волнениями. Царь согласился с доводами Ордина-Нащокина и своей рукой вычеркнул из наказа статью о границе по Бугу.

В начале февраля 1666 года Ордин-Нащокин выехал из Москвы в Смоленск. Там он наладил переписку с главой польской делегации, белорусским шляхтичем Юрием Глебовичем, убеждая его поскорее начать переговоры. Их местом была выбрана деревня Андрусово на границе Смоленского и Витебского уездов (сейчас она находится на границе России и Белоруссии). Переговоры открылись только в апреле, когда до места добралась вся польская делегация, и продолжались долгие девять месяцев. Понимая, что сразу разрушить накопившиеся за долгие годы недоверие и взаимные претензии будет сложно, Афанасий Лаврентьевич прибег к тактике поэтапного решения вопросов. Еще до начала переговоров ему удалось добиться договоренности об обмене пленными. 20 мая под предлогом безопасности послов было подписано новое соглашение о повсеместном и бессрочном прекращении боевых действий: стороны обязались вести переговоры до достижения мира или хотя бы перемирия. Еще одно соглашение запрещало полякам заключать союз с татарами — то есть косвенно следовало линии Ордина-Нащокина на союз Польши и России против турецко-татарского союза.

Разрыв связей Речи Посполитой с Крымом ускорился активными попытками татар и стоявших за ними турок подчинить себе Правобережную Украину. В феврале 1666 года гетман Правобережья Дорошенко предложил казакам отказаться от подчинения королю и перейти в подданство крымскому хану. Старшины отвергли это предложение, однако Дорошенко отправил в Бахчисарай письмо с просьбой защитить его от поляков. В сентябре татарское войско под командованием царевича

Девлет-Гирея обрушилось на украинские города, уведя оттуда множество пленных. В конце года татары в союзе с казаками Дорошенко разбили под Межибожьем польских полковников Маховского и Красовского, после чего разграбили окрестности Львова и Каменца, где *«побрали в плен шляхты, жен и детей, подданных их и жидов до 100 000»*, Отрезав себе пути к отступлению, Дорошенко стал искать пути к примирению с Москвой и уговаривал пойти на этот шаг крымского хана.

Мятеж правобережного гетмана не сделал поляков более уступчивыми: на начавшихся 20 апреля в Андрусове переговорах они снова потребовали восстановить довоенные границы, отпустить всех пленных и уплатить 10 миллионов злотых контрибуции. Русским оставалось только повторить свои условия: возвратить Белоруссию и выплатить полякам компенсацию за ущерб в размере трех миллионов злотых. Вдобавок поляки в нарушение перемирия попытались взять Витебск, но попытка не удалась, и польские делегаты были вынуждены осудить ее организатора, полковника Чернецкого. Впрочем, русская армия тоже нарушала перемирие: воевода Иван Волконский вместе с левобережным гетманом Брюховецким попытались (и тоже неудачно) отбить у поляков Пропойск и Гомель. В интересах успеха переговоров Ордин-Нащокин потребовал от воеводы прекратить военные действия, что сразу же было представлено его противниками в Москве как непростительная уступка.

Но интриги против дипломата снова не дали результата. 12 июля в Андрусово прибыл царский гонец с приказом отвести войска и всеми силами добиваться мира с поляками. На очередной встрече делегаций Ордин-Нащокин огласил царскую волю: согласиться на возвращение Витебска и Полоцка, но не Смоленска. Поляков это не устроило, и переговоры прервались до сентября. За это время королевское правительство сумело подавить мятеж Любомирского, что побудило поляков занять на переговорах еще более жесткую позицию. Делегаты во главе с Юрием Глебовичем продолжали требовать возвращения всех занятых русскими территорий, включая Смоленск. На это Ордин-Нащокин ответил решительным отказом и угрожал, что русская делегация покинет Андрусово и отправится в Псков на переговоры со шведами. Эта новость встревожила поляков, но, увидев, что русские остаются на месте, они вернулись к прежней политике. 10 декабря по настоянию главы русской делегации было устроено тайное совещание, где полякам намекнули на возможность перехода гетмана Дорошенко в русское подданство. Однако они упрямо требовали возвращения Киева, Динабурга и всех белорусских и украинских земель.

Ордин-Нащокин оказался в сложном положении: данные ему инструкции не позволяли идти на столь серьезные уступки, а неудача переговоров грозила крахом его карьеры. Вдобавок он знал, что русская армия устала от войны, казна пуста, а на Волге разворачивается крестьянская война под предводительством Степана Разина. Обо всем этом он писал царю, советуя принять условия поляков хотя бы на время, до улучшения положения в стране. Но правительство Алексея Михайловича не дало на это согласия и отозвало в Москву для консультаций дьяка Г. Богданова — не исключено, что враги Нащокина хотели добиться от него «компромата» на думного дворянина. Самому Ордину-Нащокину было приказано временно воздержаться от встреч с польскими комиссарами. Переговоры возобновились в конце декабря, когда Богданов вернулся из Москвы. 28 декабря полякам от царского имени пообещали вернуть Динабург, а в ответ на это от них потребовали признания за Россией Киева, Запорожья и всей Левобережной Украины.

Еще до этого, 20 декабря, заседание польского сейма рекомендовало комиссарам немедленно заключить перемирие с Россией, уступив ей на время Киев и даже Динабург. Это объяснялось как наступлением татар и казаков на юге, так и новыми волнениями знати против короля Яна Казимира. Пытаясь спасти то, что еще можно, польские комиссары согласились на предложения русской стороны. 3 января на очередном заседании удалось согласовать будущие границы, а 20 января Андрусовский договор был торжественно подписан; от русской делегации подпись под ним поставил окольничий Ордин-Нащокин. Согласно договору устанавливалось перемирие на 13 с половиной лет; России были переданы Смоленское и Черниговское воеводства, а также Стародуб и Северская земля. На Украине граница проходила по Днепру, а Киев с округой отдавался Руси на два года до новых переговоров. Запорожье становилось общим владением Руси и Польши *«на общую их службу от наступающих басурманских сил»*. Особые статьи договора определяли порядок возвращения пленных и возврата захваченного во время войны имущества; гарантировались свобода торговли и дипломатическая неприкосновенность послов. Была отмечена готовность сторон вместе противостоять татарским набегам — идея Ордина-Нащокина о союзе двух стран против турецко-татарской угрозы обретала реальность. Однако решение вопроса отложили до ратификации договора в Москве и Варшаве.

1 февраля 1667 года царь и его двор торжественно встретили вернувшееся в Москву посольство в Дорогомиловской слободе. Вместе они проследовали в Кремль, где думный дьяк Дементий Башмаков объявил собравшейся толпе результаты переговоров. На следующий день Ордин-Нащокин был пожалован в бояре, а 25 февраля назначен главой Посольского приказа в звании «царственных и государственных посольских дел оберегателя». Под его управление было передано и еще несколько ведомств: Смоленский разряд, Малороссийский приказ, Новгородская, Галицкая и Владимирская чети, вяземская таможня, кружечный двор, заведование железными заводами. В награду от царя он получил 500 крестьянских дворов в Костромском уезде и Порецкую волость под Смоленском, а также атласную шубу на соболях ценой 200 рублей. Так началась новая глава биографии Ордина-Нащокина, выдвинувшая его на уровень вершителя судеб Русского государства.

Андрусовский договор не только вернул Руси ее сильнейшую крепость Смоленск, но и положил начало процессу возвращения отторгнутых еще в XIII столетии русских земель. Был международно признан переход в русское подданство Левобережной Украины. Киев, вопрос о котором был отложен, так и остался под русской юрисдикцией — поляки неоднократно пытались поднимать вопрос о нем, однако настоять на своем под давлением внешних и внутренних обстоятельств им не удавалось. Борьба враждебных дворянских партий постоянно раздирала Польшу, которой угрожало вторжение Швеции с севера и Турции с юга. В 1672 году турки, поддерживавшие гетмана Дорошенко, отторгли у поляков часть Правобережной Украины и лишь 15 лет спустя покинули ее, разграбив дотла.

Уже после смерти и Алексея Михайловича, и Ордина-Нащокина в апреле 1686 года в Москве был подписан «вечный мир», по которому Киев был окончательно включен в состав Руси, а Запорожье перешло в ее единоличное подчинение. За это Москва обязалась уплатить королю Яну III Собескому 146 тысяч рублей, остро необходимых ему для ведения войны с Османской империей, по-прежнему угрожавшей южным рубежам Речи Посполитой. Из длительной эпохи военного противостояния Польша вышла ослабленной и продолжала утрачивать свои позиции, пока не была столетие спустя разделена между соседними державами. Русь, напротив, постепенно укрепляла свое международное положение, хотя войны нанесли ей тяжелый урон. По подсчетам историков, в сражениях 1650—1670-х годов погибло не менее 200 тысяч русских воинов, но гораздо больше оказались жертвы мирного населения Украины, Белоруссии,

Прибалтики и пограничных русских районов от военных действий и их неизбежных спутников — голода и эпидемий.

Смутное время на Украине, получившее у историков название «Руина», завершилось благодаря упорным усилиям дипломатов, среди которых особая роль принадлежала Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину. Сегодня, в начале XXI века, Украина вновь оказалась в заложниках чуждых ее народу интересов. И вновь только последовательные дипломатические усилия, чему учит исторический опыт, остаются единственным способом разрешения украинского кризиса.

Глава шестая

«СКУДОСТЬ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ МУЖАХ»

В анатомическом кабинете города Упсала (Швеция) в конце XVII века был выставлен человеческий скелет. На прикрепленной к экспонату бирке значилось: «*Kotoschichin*». Личность Григория Карповича Котошихина (1608–1672), явная и тайная стороны его жизни с давних пор представляют особый интерес для исследователей. На протяжении почти двадцати лет, начиная с 1645 года, он служил писцом, затем подьячим в Посольском приказе, имея дело со многими дипломатическими документами: отчетами, протоколами, соглашениями, договорами. Продвинувшись по служебной лестнице, Котошихин далее был занят на дипломатической работе, в частности, в 1659–1660 годах находился в составе возглавляемого Ординым-Нащокиным посольства в Дерпте. Поручались ему и самостоятельные миссии за рубеж — в 1661 году он доставил в Стокгольм личное послание царя шведскому королю. Как полагают, именно в ту пору Котошихин стал передавать иностранцам конфиденциальные сведения секретного характера. Далее, из опасения быть изобличенным, он принял решение скрыться за границей. Там стал предлагать свои услуги властям Польши, Литвы, Пруссии, а в 1665 году осел в Швеции. Впоследствии исследователи проанализировали основные вехи его жизненного пути, обстоятельства, приведшие к измене. В основе принятого им решения усматривались разлад в семье, меркантильные соображения, завышенные амбиции, недооцененность начальством.

Судьба Котошихина не привлекла бы к себе внимания и не заняла заметного места в летописи прошлого, если бы не оставленное им литературное наследие. После скитаний по Европе он был принят в государственный архив Швеции с определенным условием: от него требовалось подробно описать картину жизнеустройства Московии во всех аспектах ее управления и образа жизни русского общества. Тогда им и было написано оригинальное сочинение, жанр которого трудно определить. Это то ли развернутый отчет, толи публицистический очерк традиций, нравов, явлений русской жизни, участником или свидетелем которых Котошихин был. Впоследствии под названием «О России в царствование Алексея Михайловича» творение Котошихина оказалось едва ли не единственным

оригинальным русским источником, где воспроизводился образ Руси в середине XVII века.

В России произведение Котошихина получило известность в XVIII веке. Достоверность повествования — главное его достоинство. Сочинение написано так, что сквозь строки проступает ощущение, будто написано оно не столько для шведского, сколько для русского читателя. Самому автору не довелось воспользоваться гонораром в 150 талеров, полученным за проделанную работу. В ходе пьяной ссоры, возникшей на почве ревности, Котошихин убил хозяина дома, где снимал жилье. За это преступление он был осужден и казнен. Поскольку никто не мог взять на себя хлопоты по его погребению, труп был анатомирован, скелет послужил наглядным пособием для студентов университета...

Меркантильные мотивы, по которым Котошихин пошел на сделку с совестью, вероятно, могли иметь место. Однако были причины другого характера, из-за которых он стал диссидентом. Позднейшие исследования открыли нечто существенное, имевшее место в его судьбе. Решающее влияние на умонастроения и поведение Котошихина мог оказать факт унижительного наказания, которому он был подвергнут. В переписанный им текст одного важного документа вкралась ошибка: оказалось пропущенным слово «великий» в словосочетании «великий государь», из-за чего к виновнику была применена жестокая мера наказания — публичная порка. Не столько физическая, сколько моральная травма не прошла без последствий для человека, который имел вес и авторитет в высшем чиновном сообществе. Из других источников явствует, что причиной такого поступка были имущественные проблемы, порожденные преступным захватом принадлежавшей ему и семье собственности в пору, когда он находился за границей.

Какими бы мотивами ни руководствовался Котошихин, принимая решение не возвращаться на родину, написанный им труд открывал в нем личность неординарную, глубоко мыслящую. Он выступает не только как зоркий наблюдатель, бытописатель, но и как аналитик, стремящийся вникнуть в коренные причины нестроения государственной жизни. Последовательно, шаг за шагом, он воспроизводит панораму государственного жизнеустройства, традиций, по которым выстраивалась властная вертикаль сверху донизу, ритуалы, предписывающие порядок поведения подданных везде, где присутствовала царствующая особа, вплоть до дворцовых покоев и опочивальни царя. Содержание некоторых глав позволяет судить о том, насколько Котошихин был вхож в высшие сферы, проявляя осведомленность в тонкостях отношений внутри

правлящей элиты. В повествовательной манере автор описывает расклад влиятельных сил, структуру, функциональные обязанности органов власти, высоту положения одних представителей придворных кланов по отношению к другим. Воссоздавая атмосферу преклонения, поклонения царственной особе, Котошихин вместе с тем обнажает подлинную суть закулисной жизни двора.

В сочинении излагается немало эпизодов, зарисовок, характеристик, проливающих свет на то, носителями каких ущербных качеств, недостатков выступали люди, с которыми ему приходилось иметь дело: *«Российского государства люди породой своей спесивы и необычайны ко всякому делу, понеже в государстве своем научения никакого доброго не имеют и не приемлют спесивства и бесстыдства, и ненависти и неправды; и ненаучением своим говорят многие речи к противности... а потом в тех своих словах временем запрутся и превращают в иные мысли; а что они от каких слов говоря запираются и тое вину возлагают на переводчиков, будто изменю толмачат»*^[28]. Характерно авторское обращение, которое содержится в тексте: *«Благоразумный читатель! Чтучи сего писания, не удивляйся. Правда есть тому всему; поняже для науки и обычая в иные государства детей своих не посылают, страшась того: узнав тамошних государств веры и обычаи, и вольность благую, начали свою веру отменять, а пристав к иным по возвращении к делам своим и к сородичам никакого бы попечения не имели и не мыслили»*^[29].

При этом Котошихин воспроизводит известную практику «железного занавеса», по существу аналогичную той, что имела место в недавний период российской истории. Для советского гражданина любая возможность поездки за границу становилась событием. Этому предшествовал ряд процедур: собеседований, проверок, подтверждений, гарантий со стороны поручителей. Невозвращение из-за рубежа воспринималось как измена, последствия которой испытывали на себе родственники и сослуживцы того, кто стал «невозвращенцем». О том же писал Котошихин: *«И о поездке московских людей, кроме тех, которые посылаются по указу царскому и для торговли с проезжими, ни для каких дел ехати никому не позволено. А хотя торговые люди ездят для торговли в иные государства и по них познатных нарочитых людях собирают поручные подписи, за крепкими поручками, что им с товарами своими и с животами в иных государствах не остатися, а возвратится назад совсем. А который бы человек, князь или боярин, или кто-нибудь дела в иное государство без ведомости не бив челом государю, и такому б человеку за*

такое дело поставлено было в измену»^[30].

Беглый подьячий Посольского приказа не вдавался в причины «рабского состояния» своих сограждан, но это делали другие, большей частью зарубежные, авторы. Так, Паисий Лигарид, митрополит Газы, долго гостивший у Алексея Михайловича, считал «корнями духовного недуга», «общей пагубой», «злом» то, «что нет народных училищ и библиотек. Если бы меня спросили, какие столпы церкви и государства, я бы отвечал: во-первых, училища, во-вторых, училища, в-третьих, училища»^[31]. По этому поводу в 1668 году всерьез заговорили о необходимости создания первого на Руси учебного заведения, однако открытие Славяно-греко-латинской академии в Москве состоялось только спустя 15 лет, — в 1682 году, уже в царствование Федора Алексеевича.

*

1613 год, положив начало правлению новой династии Романовых, не означал, однако, окончания «смутного лихолетья». Оно на протяжении десятилетий давало о себе знать в нарушении социальных связей, в расстройстве управления, в выдвигании руководящих кадров. Необразованность, ограниченность, отсутствие новаторских подходов к развитию страны были характерны для правящей элиты того времени. Результатом стало то, что Ордин-Нащокин называл «скудостью в государственных мужах». Противостояние боярских кланов усугубляло проблемы так и не окрепших со времен Смуты государственных структур. Им недоставало устойчивости, стабильности. Обеспечить преемственность в воспроизводстве людей, приспособленных к управленческой работе, не удавалось. «Бунташные» настроения, вспышки народного гнева питало не только непомерное налоговое бремя, но и недальновидное, сумбурное, некомпетентное правление.

Боярские кланы распределяли между собой ключевые управленческие структуры — приказы. Занимая высокие посты, знатные бояре не утруждали себя повседневной государственной работой, передоверяя решение вопросов сосредоточенному в приказах чиновному аппарату. Такой порядок предопределял бюрократию как основу системы, перестроить которую не удалось ни тогда, ни в последующие столетия. «Крапивное семя» бюрократии, способное «в посмех поставить» распоряжение самого царя, во многом предопределяло управленческие

возможности власти. Наиболее полно это воплощалось в облике приказных дьяков — высшей бюрократической элиты. В ходу была поговорка: «Как пометил дьяк, то и делу быть так». В трудоемком, болезненном для самодержавной власти процессе принятия решений существенную роль играла ставка на правильный, безошибочный выбор таких людей. Именно способности, опыт чиновника служили ресурсом, важным направляющим средством, позволяющим в какой-то мере предупреждать или исправлять ошибки некомпетентного начальствующего лица. Состав, организация деятельности, функциональные обязанности приказных структур, качество подготавливаемых ими документов, в свою очередь, зависели от конкретных людей, от того, какими знаниями и опытом они обладали.

О бюрократических уловках чиновников, составлявших отчеты царю о проходивших с иностранцами переговорах, Котошихин пишет: *«И те все речи, которые говорены и не говорили, пишут они в статейных своих списках не против того как говорено, прекрасно и разумно, выставяючи свой разум на обманство, через чтоб доставить у царя себе честь и жалование большое; и не срамяются того творити, понеже царю о том, кто на них может о таком деле объявить?»*^[32] Целью подтасовок и фальсификаций было не только стремление выслужиться, но и желание покончить с конкурентами — но в результате страдали дело и люди, кто верой и правдой служил государевым интересам. Одним из тех, кто подвергался подобной травле и в конечном счете стал ее жертвой, как мы уже знаем, был Ордин-Нащокин.

«Младенческие» представления о государственности, их наивный характер продолжали господствовать в мировосприятии родовой элиты. Управление брало свое начало в племенной иерархии, где старшинство, функции и достоинства распределялись по происхождению, «по отечеству». Не служба и личные качества, а родство, «отчинное старшинство», некогда приобретенное предками за заслуги, смысл и значение которых во многом были забыты или утрачены, выступало основой для закрепления превосходства над другими. «У московитян, — отмечали иностранцы, — знаменитость рода ценится выше справедливости», хотя при этом говорилось, что «высота положения определяется государевым оком и разумением». На деле происхождение, родовитость почти всегда определяли назначение на государственную должность. Древность рода и брачные союзы — два неперемennых условия, дававшие право занять высокое место при монархе.

Сначала свернутые в рулоны свитки-столбцы, а позднее «разрядные книги» были документальными свидетельствами, по которым вычислялась

древность рода, и на этой основе представителю потомственной знати отдавался приоритет при замещении «служилых мест». Это своеобразные «табели о рангах», некогда отображавшие высоту положения предков, теперь, при новой династии, открыли дорогу местничеству. Его суть состояла в том, чтобы заново сверить и «застолбить» место человека во властной иерархии, а тем самым и его право доминировать в государственной жизни. От чиновников, помимо прочего, требовалось в присутствии вышестоящих лиц, в первую очередь царя, отслеживать, чтобы приглашенные размещались «по породе своей, а не по службе».

Котошихин с этого и начинает описание возникающих на советах у царя коллизий, когда особенно наглядно открывались сословные противоречия. Даже присутствие высшего авторитета в ряде эпизодов не могло остановить стычки, усмирить спесь зарвавшихся в изъятии своих амбиций царедворцев. Не только предводителям царского протокола, но и самому царю в иных случаях с трудом удавалось разгадать уловки, ухищрения вельмож, под любым предлогом стремившихся избежать ситуации, при которой высоте их положения мог быть нанесен ущерб. Бросая вызов всем собравшимся и самому царю, они решались на нелепые поступки:

«И они садитесь не учнут, а учнут бити челом, что ему ниже того боярина, или окольничего, или думного человека, сиречь немочно, потому что он рядом с ним равен... и такова царь велит поседить сильно; а он поседити себя не даст, и того боярина бесчестит и лаёт. А как его посадят сильно, и он под ним не сидит же и выбивается из-за стола вон, и его не пускают, и разговаривают, чтоб он царя не приводил на гнев и был послушен; и он кричит: «хоть де царь ему велит голову отсечь, а ему под тем не сидеть» и спустится под стол; и царь укажет его вывести вон и послать в тюрьму, или до указу к себе на очи пущать не велит. А после того, за ослушание, отнимается у них честь, боярство или окольничество и думское дворянство, и потом те люди старые своя служба дослуживаются вновь»^[33].

И в других эпизодах, воссоздаваемых Котошихиным, проявляются свидетельства того, насколько монархия первых Романовых оказывалась порой не в состоянии обуздать амбиции потомственной знати. Смена династии пробудила дремавшие в сословиях противоречия, породила стремление одних «сменить команду», а других — закрепить за собой командные высоты. Царь Михаил Федорович, как и пришедший ему на смену юный Алексей Михайлович, не имели, особенно в начале царствования, возможности обуздать властную элиту, руководствуясь

интересами дела, направлять лучших, нужных и достойных людей на ключевые участки государственной работы. Тон задавала относящая себя к высшей когорте родовитая часть бояр. Многие из них, знатные «по природе» и «по породе», не обладали способностью конструктивно мыслить, эффективно действовать. Амбициозные, своекорыстные, они в конечном счете оказывались тормозом в продвижении дела.

Как свидетельствует Котошихин, *«иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвечают, потому что царь жалует многих в бояре не по роду их, но по великой породе, и многие из них грамоте не ученые и не студерованные»*. При этом он выделяет два уровня тех, кто доминировал в системе высшего управления, кому в царствование Алексея Михайловича принадлежали «врожденные привилегии» и приоритетные права на верховенство во власти. Первый состоял из тех, кто по своей уходящей в историческую даль родовитости имел право на высший боярский чин. Минуя все другие иерархические ступени, важнейшие государственные посты занимали князья Черкасские, Воротынские, Трубецкие, Голицыны, Хованские, Морозовы, Шереметевы, Одоевские, Пронские, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровские, Буйносовы, Хилковы, Урусовы. Среди этой элитной когорты, в свою очередь, выделялись особо приближенные, чьи жилища располагались в самом Кремле — Черкасский, Морозов, Милославский, Трубецкой, Одоевский.

Уровнем ниже стояли не менее старинные, но небогатые роды, возвысившиеся благодаря недавним заслугам одного или нескольких своих представителей. К ним относились Куракины, Долгоруковы, Бутурлины, Романовские, Пожарские, Волконские, Лобановы, Стрешневы, Барятинские, Милославские, Сукины, Пушкины, Измайловы, Плещеевы, Львовы. Из обоих уровней в конечном счете выделялся узкий круг «ближних бояр», наделявшихся царем особыми распорядительными функциями, но и внутри этого сообщества местнические счета давали о себе знать. При этом в реальной жизни провести грань между родовитыми потомками было непросто. Иерархические тонкости не имели определяющего значения до той поры, пока не возникала потребность «начальствовать», «задавать тон» по отношению к другим, особенно когда речь шла о пополнении личного благосостояния.

*

Особую печать на взаимоотношения внутри элиты накладывал вопрос

о судьбе собственности, оказавшейся ничейной в ходе драматических событий, порожденных Смутой. Многие поместья, селения, земельные угодья оказались без хозяев. Их прежние владельцы сложили головы в ходе гражданской войны или кровавых противостояний, вызванных внешним вторжением. Вопрос о том, как и кому вводить в оборот эту собственность, занимал власть. Речь велась о возмещении экономических потерь, восстановлении доходных статей бюджета, по сути, — о путях и способах возрождения государственного хозяйства. Взяться за решение сопутствующих проблем мог только владелец, эффективный собственник. Таким образом, немалая часть ничейных, отписанных на государя землевладений стала предметом конкурентной борьбы, реальным поводом к соперничеству претендентов. Морозов и его соратники стяжали огромные богатства путем «приватизации» этой ничейной собственности. Ее распределение власть использовала по своему усмотрению, наделяя первым делом особо приближенных «царевых слуг».

Царствования Михаила и Алексея Романовых вошли в историю России масштабной раздачей земель боярской элите, ставшей опорой новой династии. Немалая часть земельных наделов использовалась властью в качестве стимула, поощрения за заслуги перед престолом. Государственных наград в современном понимании — орденов, медалей, почетных званий — тогда еще не существовало. Высшей формой царского поощрения выступали деньги, соболья шуба, земельный надел. Именно в такой форме государь лично воздавал должное своим особо отличившимся подданным. При этом значение имели не столько размер надела, сколько количество крестьянских «душ», населявших данную передаваемую во владение частному лицу территорию. Этот сложный, противоречивый процесс приватизации содержал в себе немало проблем, осложнял течение общественной жизни, однако другого пути к хозяйственному возрождению на том этапе не было.

История царствования Алексея Михайловича, ее летописные страницы пестрят упоминаниями родовитых имен, однако достойно проявить себя удавалось далеко не каждому. Назначения на важные государственные должности, попытки поручать им ответственные задания часто не приносили успеха. Их роль в ходе тех или иных событий определялась стечением обстоятельств, влиять на которые им мало в чем удавалось. Многие представители именитого сословия так и остались в тени ушедшего времени, не оставив после себя ничего особенно значительного. Они по большей части лишь «состояли», «принимали участие», «оставались на виду», «играли свиту».

Характерный пример тому — один из видных деятелей царствования Яков Куденетович Черкасский (ок. 1600–1666). Выходец из кабардинского княжеского рода, принявший христианство, он как никто другой незаслуженно снискал себе славу выдающегося полководца, талантливого дипломата. Этому способствовали как особый статус, каким пользовались наследники присягнувших русскому царю кавказских князей, так и личные качества искусного царедворца. Уже в юные годы царевича Алексея Черкасский был его незаменимым спутником в охотничьих забавах, хождениях по монастырям, молебнах, а после этого неотступно следовал за царем в паломничествах и военных походах. Популярности ему прибавила его оппозиция Морозову, выявившаяся во время Соляного бунта и сделавшая его популярным среди простонародья.

Благодаря особой близости к царствующей персоне Черкасский неизменно получал высокие должности в командовании войсками. Во время первой кампании против Речи Посполитой в 1654–1656 годах его полк, продвигаясь от Смоленска и далее, находился на передних рубежах наступления, однако в решительную схватку с противником так и не вступил. Польско-литовское командование, видя перед собой численно превосходящие силы противника, отступало, сдавая укрепления без боя. Именно тогда Черкасскому стали приписывать выдающиеся полководческие заслуги, тогда как в последующих драматических ситуациях на Украине и в Прибалтике он ничем особым проявить себя не сумел. За ним не числилось заметных побед, а в иных критических ситуациях он допускал явные промахи. В ходе военных операций 1663 года под Волховом, когда во главе польско-литовского войска находился сам король Сигизмунд III, для русских сложилась ситуация, ведущая не только к полному разгрому противника, но и пленению их предводителя. Однако командуя Черкасский не предпринял своевременных решительных действий, дав повод расценивать его медлительность едва ли не как свидетельство государственной измены. Прошли столетия, прежде чем позднейшие исследователи, набравшись мужества, смогли развенчать исторический миф, не находя в государевом служении Черкасского ничего выдающегося.

Соперничество за место у престола порождало корыстолюбие и угодничество, неумные амбиции. Возникающие на этой почве закулисные интриги отравляли атмосферу во властном сообществе, вносили разлад в управленческую деятельность. Виной всему выступали невежество, примитивные представления и предрассудки, усугубляемые местническими разборками. Но именно людям, в полной мере наделенным этими

недостатками, принадлежали места во властной «обойме». Одно и то же лицо могло быть и во главе военных операций, дипломатических переговоров, состоять в управлении приказами, править в регионах-воеводствах. Этим людям приходилось участвовать во всем, браться за всё, однако не везде и не всегда им успешно удавалось быть на высоте положения, находить приемлемые решения. В том, что касается образованности, их уровень, багаж знаний и представлений вряд ли мог превосходить тот, каким в свое время наделили самого царя. Они мыслили и действовали по наитию, исходя из обстоятельств времени и места, настолько успешно, насколько им позволяли удача, природные способности и жизненный опыт.

Перебирая имена тех, кто стоял у кормила власти, неотступно находился рядом с царем, исследователи оказывались в тупике, пытаясь особо выделить кого-либо из окружения Алексея Михайловича. Среди них не оказалось выдающихся, сверхудачливых или исключительно одаренных людей. Продвигаемые ими идеи и решения, напрямую вплетаясь в дела царствования Алексея Михайловича, давались ценой невероятных затрат сил и средств, сопровождалась истреблением материальных и людских ресурсов, а их итоги и результаты нередко оказывались удручающими. Именитая элита не могла, не была способна выдвинуть тех, в ком Русь особенно нуждалась — дельных реформаторов, практиков, управленцев. Государственную работу выполняли либо те, кто не имел к ней способностей, либо те, кто был лишен реальной власти и полномочий в принятии решений. Смысл, продуманность и обоснованность решений обеспечивались ничтожными знаниями, а их исполнение направлялось скудным опытом. Продвигаемые инициативы во многом завершались результатами, обратными тем, что ожидалось.

Так было с большинством знаковых событий царствования Алексея Михайловича: налоговая реформа 1648 года повлекла за собой Соляной бунт; замирение со шведами путем передачи им зерновых резервов вызвало «псковский гиль»; кабацкая реформа, призванная остановить пьянство, привела к расстройству денежного обращения и Медному бунту. Изнурительные войны против Речи Посполитой и Швеции обернулись громадными людскими и материальными потерями, не решив до конца тех задач, ради которых были начаты. Наконец, церковная реформа поставила Русь перед лицом губительного раскола, последствия которого не преодолены до сих пор.

За этими и другими ошибочными, несвоевременными решениями и действиями стояли конкретные приближенные к власти люди. Именно они,

мотивированные на свой лад, опираясь на безграничное доверие к себе царя, убеждали, доказывали, навязывали неискушенному самодержцу амбициозные планы, возбуждая в нем беспочвенные иллюзии, идущие вразрез с реальными возможностями государства. Национальная история, потомки вправе возложить ответственность за произошедшее не только на Алексея Михайловича, но и на тех, кто стоял рядом с ним: Морозова, Никона, Одоевского, Ртищева, Матвеева, Долгорукова, Хованского...

Действия власти предопределяла политическая стихия, а для нахождения адекватных ответов на вызовы времени не хватало мыслительных и материальных ресурсов. Окружение царя состояло из именитых людей, однако реальная польза была далеко не от каждого. Близость к престолу, расположение к себе царственной особы становились для многих поводом к тому, чтобы «спустя рукава» относиться к делу, действовать в интересах своей родни и друзей, ставить личные интересы впереди государственных, а порой и вовсе забывать о последних. Исполнительская дисциплина в центре и на местах оставляла желать лучшего. Особенно это сказывалось на обстановке в воеводствах. Отсутствие надежных каналов связи столицы с периферией позволяло начальствующим лицам творить произвол, утаивать правду, приукрашивать реальность, а порой и идти на прямой обман власти. Самому царю доводилось уличать своих подданных в откровенной лжи. Такая обстановка формировала искаженный образ действительности, извращая характер происшествий, ход событий, смысл поступков конкретных людей...

*

Создание приказа Тайных дел, как уже отмечалось, стало свидетельством первых самостоятельных управленческих шагов Алексея Михайловича в качестве царя. Решение о создании такой структуры пришло не сразу. По мере того как царь вырос, мужал, прозревал, к нему приходило понимание, насколько его держали в заблуждении, выдавая желаемое за действительное. Ложь, «злостные уловки» особенно распространились в чиновной среде. Однако в силу разных обстоятельств подлинные сведения стали давать о себе знать, проявляясь в том, с чем Алексей Михайлович так или иначе начал сталкиваться. Например, «сыскное дело», заведенное на воеводу Бориса Тушина, вскрыло тот факт, что хлеб, привезенный для ратных людей, он отвез к себе в поместье. Всплывающие наружу злоупотребления, хищения, ложные сведения даже у

«тишайшего» царя вызывали приступы гнева. Постепенно ему стало ясно, как сильно обман и очковтирательство сказываются на делах государственной важности.

Круговая порука, нерушимая сплоченность, покрывательство грехов друг друга — наследственные недуги управленческой элиты. Для борьбы с этими пороками было создано особое учреждение, в обязанности которого входили осуществление контроля, проверка исполнения, оценка поступающих к царю сведений. Поначалу в аппарат приказа Тайных дел входило всего лишь несколько особо доверенных, проверенных в подобных делах людей. Методы проверки подлинности сведений нарабатывались по мере того, как открывалась реальная картина исполнительской дисциплины, а истинная суть происходящего проступала в ходе специальных проверочных мероприятий или следственных действий. В поле зрения подьячих Тайного приказа вольно или невольно попадали факты, смысл которых относился к теневым сторонам государственной власти, затрагивал личность государя, его семьи и приближенных. Вопрос о том, насколько он, царь, убедителен в своей самодержавной роли — комплекс, неотступно преследовавший Алексея Михайловича. Это побуждало его выискивать подлинные свидетельства отношения к себе, а осведомленным об этой царской слабости подданным позволяло играть на этой не дававшей ему покоя струне.

Постепенно сфера ответственности приказа Тайных дел начала пополняться прежде не свойственными для него функциями. Политический сыск стал охватывать все слои общества, проникая в самые разные сферы бытия. Тогда в общественный обиход и была запущена словесная формула «государево слово и дело». Этой фразой подавался сигнал власти об имеющихся у объявляющего сведениях государственной важности. Оставлять эти заявления без внимания никто не имел права. В конечном счете нормой стали доносы, а с ними и клевета, с помощью которой многие обыватели стремились свести счеты со своими врагами. Наблюдая на протяжении девяти лет повседневную жизнь и атмосферу, которая складывалась вокруг царского двора, лекарь Алексея Михайловича, англичанин Коллинс, в своих мемуарах отмечает, насколько вредило государственным делам «густое облако доносчиков и бояр, которые направляют ко злу добрые намерения царя».

С течением времени этот приказ возвысился над всеми остальными и стал занимать особое положение в системе органов государственной власти. Туда стекались важные, нуждающиеся в проверке сведения, к тому же разнообразные поручения поступали непосредственно от самодержца.

Эта структура замыкалась только на царя, действовала напрямую, минуя Боярскую думу, а ее сотрудники — подьячие и дьяки — оказывались в наиболее привилегированном положении по отношению к другим чиновникам. Из семнадцати ключевых приказов Тайный приобрел значение наиболее влиятельной властной структуры, а секретный характер сделал зависимыми от нее все другие органы власти, вовлеченные в управленческий процесс.

Позднейшие исследователи, исходя из того, что составляло реальное содержание деятельности этого ведомства, стали считать приказ Тайных дел прообразом службы государственной безопасности. В известной мере это соответствует действительности. Но на самом деле по характеру поступавших от царя поручений, по разнообразию функций Тайный приказ при Алексее Михайловиче порой подменял собой все другие исполнительные структуры, представлял собой прообраз верховной администрации, то есть по существу был одновременно управленческим, контролирующим и карающим органом.

Панорама деятельности приказа Тайных дел открывает, насколько бессистемным, сумбурным был тогдашний подход к государственным делам. Как ничто другое, она иллюстрирует особенности правления царствующей особы, не наделенной способностью к последовательной, планомерной, продуманной работе. Помимо актуальных вопросов, имеющих общегосударственное значение, особый смысл приобретали порой вопросы обыденной жизни людей с их предрассудками, мнительностью, подозрительностью. Когда в мае 1675 года до Алексея Михайловича дошли слухи о том, что *«князь Куракин держит у себя в доме ведомую вориху, девку Феньку, слепую и ворожею»*, — последовало невообразимое. К расследованию ворожбы и ее возможных последствий были привлечены все, кто только мог иметь к этому отношение, включая самых влиятельных особ. Следствие вели бояре Одоевский, Матвеев, Долгоруков, начальствующие дьяки Сысного и Тайного приказов, командование стрельцов. «Дело Феньки» приобрело невероятные масштабы, вовлекая все новых людей с упором на применение самых изощренных способов дознания. Оно распространилось и на тех, кто испытал на себе злокозненное влияние колдуньи. Бедную слепую старуху и того, кто с ней контактировал, пытали *«всякими пытками накрепко»*. Даже смерть слепой Феньки не остановила всеобщего психоза.

Из уцелевшей части архива приказа Тайных дел впоследствии были извлечены и другие документы, проливающие свет на то, каким было русское общество той поры, как выражало разночинное население свое

отношение к действительности, поскольку расследованию подвергались толки, доносы, нелестные высказывания в пьяном виде, как и «непригожие слова», произнесенные по недомыслию. Когда «слово и дело» касалось царя или его близкого окружения, ему незамедлительно давался ход и виновные карались весьма строго, независимо от тяжести их подлинных или мнимых проступков. «Неприличные слова» одним стоили жизни, других обрекали на пытки, выдержать которые было выше человеческих сил. В поле зрения секретной службы помимо свидетельств простодушия, недалекости ума, эмоциональных порывов оказывались и вполне здравые суждения, метившие «не в бровь, а в глаз». *«Государь де молод и глуп, а глядит да все изо рта бояр, у Бориса Ивановича Морозова, да и у Ильи Даниловича Милославского. Они де всем владеют, и сам государь то ведает и знает, да молчит, черт де у него ум отнял»*, — следует из пыточного протокола от 17 января 1649 года. Эти мысли некоего Саввы Корепина о молодом государе стоили смельчаку жизни, и тем не менее число подобных дел множилось год от года. *«Есть де и на великого государя виселица»*, — высказал в кабаке смоленский мещанин Михаил Ширшов. *«Худ государь, что не заставит стрельцов с нами землю копать»*, — упрекнул в сердцах крестьянин Данило Марков. *«Указал великий государь и бояре приговорили Илюшке Поршневу за то, что он говорил про него, великого государя, непристойные слова — вырезать язык и сослать с женой и тремя детьми в Сибирь и велено ту казнь учинить при многих людях»*. Дорого обошлось боярскому сыну Дмитрию Шмареву его бахвальство, когда, находясь в гостях у казака Семена Поплутаева и закинув ногу на стол, этот молодец изрек: *«Уменя де нога лучше, чем у государя царя и великого князя Алексея Михайловича»*. Заступаясь за честь царских ног, Шмарева били кнутом и навечно сослали в Сибирь.

Приказ Тайных дел Алексея Михайловича вошел в историю практикой тотального сыска, контроля за умонастроениями людей, неадекватной реакцией власти на любые проявления инакомыслия. Он по-своему воздействовал на атмосферу царствования Алексея Михайловича. Нависая над всеми, приказ своей деятельностью лишь отчасти крепил государственную дисциплину и порядок, одновременно сковывая инициативу, разрушая то новое, позитивное, что кому-то могло показаться подозрительным. Усердие его чиновников, всюду искавших крамолу, нагоняло тревогу и страх как на подданных, так и на самого Алексея Михайловича.

Копившееся годами недовольство, глухой протест, пронизывающий как верхи, так и низы общества, вышли наружу лишь после смерти царя.

Вступление на престол четырнадцатилетнего Федора Алексеевича было ознаменовано решительным отмежеванием от этого тягостного наследия отца. Первым государственным актом стало упразднение приказа Тайных дел. Когда Боярская дума в мае 1676 года единодушно проголосовала за это, последовали незамедлительный разгром канцелярии, уничтожение архива сыскных дел, из которого уцелела лишь небольшая часть...

Другим подобным актом государственного значения, предпринятым в январе 1682 года, незадолго до смерти болезненного царя, стало решение об упразднении местничества. Тогда были брошены в огонь, уничтожены все имеющиеся в наличии «столбовые» свитки, разрядные книги и записи. Собор духовенства, бояр, выборных придворных чинов единодушно приговорил: *«Да погибнет в огне оное богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество и впредь — во веки веков».*

Однако в пору царствования Алексея Михайловича мало что предвещало расставание Руси с этим средневековым наследием, сеющим разлад в межчеловеческом общении, в мироустройстве государственной жизни. Ущербные традиции местничества, вплетаясь во властный обиход, не только вносили все больший диссонанс в и без того сложное, путаное взаимодействие растущего числа управленческих структур, но и ломали множество судеб. В карьерное продвижение молодых представителей элиты вплетались неожиданности, особенно когда речь заходила о распределении ролей на государственной службе. Тянувшийся из прошлого шлейф отчуждения и раздоров отравлял межличностные отношения, нанося ущерб делу, создавая помехи на пути к целям реальной государственной важности. Возникающие от царствования к царствованию на этой почве конфликты все болезненнее сказывались на течении государственных дел, втягивая власть в длительные разборки. В ходе ведения боевых действий случалось так, что понесенный урон объяснялся не превосходством противника, а становился следствием непримиримых местнических амбиций военачальников, не проявлявших готовность к согласованным действиям.

По этому поводу уже знакомый нам барон Августин фон Мейерберг в своем описании «Путешествие в Московию» писал: *«По Московскому обычаю, между военными начальниками принимаются в уважение род, а не опытность, и хотя бы храбрость и благоразумие провели кого-нибудь по всей степени долговременной военной службы до самой высшей, хотя бы он прославился тысячью побед над неприятелем; все же должен уступить какому-нибудь подвернувшемуся лентяю и трусу, которому*

достались познаменитее предки, и этот, чуть мерцающий собственным светом, затмевает его славное имя, как ни сияй ярко»^[34].

Вот лишь один пример сказанному: в октябре 1659 года под Вильно произошло сражение русской армии воеводы Юрия Долгорукова с польско-литовским войском гетмана Стефана Гонсевского. Поляки были разбиты. Гонсевский взят в плен. За русским войском сохранялась возможность развить успех, продолжив преследование отступающего противника. На просьбу Долгорукова о подкреплении стоявший поодаль князь Никита Одоевский с войском ответил отказом. Между ними возник «местнический» конфликт, так и не прояснивший, кто кому вправе указывать и кто кому обязан подчиняться. Долгоруков принял решение остановить продвижение, более того, отвел войско, упустив инициативу...

Князь Одоевский посчитал для себя едва ли не оскорбительным обращение Долгорукова. Он был родовитее и к тому же именовался «ближним боярином» — особо доверенным приближенным царя. Одоевский и правда имел немалые заслуги перед престолом, его считали «рабочей лошадкой» царствования. Казалось бы, такой человек обязан учитывать и использовать все благоприятные шансы для победы над врагом, способен подняться над местническими страстями, сделать все возможное, чтобы поддержать войско Долгорукова. Здравый смысл, долг государственника, казалось, должен был превалировать над всем остальным, но амбиции князя оказались сильнее. Высшей ценностью для него оставалась сословная честь. В этом драматическом эпизоде как в зеркале отразились последствия архаичной традиции местничества. Всплывая то тут, то там, сословные противоречия становились препятствием, тормозом на пути к успеху, отрицательно сказывались на ходе государственных дел.

*

Исчезновение Бориса Морозова с политического горизонта открыло дорогу в высший правящий эшелон тем представителям элиты, кто находился в тени. Именно из них образовался круг тех мыслящих людей, кто решительно взялся за дело и сумел направить бунташную энергию в конструктивное русло. На фоне кампании по умиротворению, когда власть приоткрыла царские винные погреба, а боярская знать распахнула ворота своих владений, зазывая людей на угощение, началась подготовка к Земскому собору. Для Алексея Михайловича эти события положили конец

благодушию, прервали его изоляцию, открыли сферы ранее неведомой ему государственной жизни. Вольно или невольно, но самодержца стали буквально втаскивать в дела, раздвигая пространство, в которое он ранее был втиснут Морозовым и его окружением. Тем самым открывался простор для его погружения в новую жизнь, требующую присутствия там, где проходили дискуссии, решались важнейшие вопросы.

Правда, время жизни без постоянной опеки длилось для него недолго. К осени Морозов уже был в Москве и продолжил свою наставническую деятельность. Однако теперь он вынужден был пребывать в отдалении, его контакты с подопечным перестали носить публичный характер. Да и сам Алексей Михайлович теперь не видел в этом повседневной необходимости. За годы опеки юного царя ближний боярин сумел приблизить к престолу тех людей, кого лично знал, кого считал наиболее пригодным к государевой службе. В руководстве главных приказов у него оказались «свои люди», выходцы из известных на Руси фамилий. Расставленные по местам, они освоились и знали, как вести дело. Среди тех, кто оказался в нужный момент в нужном месте, особенно востребованным оказался Никита Иванович Одоевский (1605–1689). Главные этапы его служения сопряжены с ключевыми, порой драматическими этапами царствования Алексея Михайловича, вписаны в хронику важных событий, сопровождавших личную жизнь самодержавной особы. Именно Одоевскому после смерти первого Романова — Михаила Федоровича — довелось приводить к присяге новому царю население Москвы. Одоевский был посаженным отцом на свадьбе царевича Алексея Михайловича с Марией Милославской, а потом, после ее смерти, и при его женитьбе на Наталье Нарышкиной.

С юных лет Одоевский, следуя примеру предков, доказывал свою безукоризненную преданность государевой службе, изъявляя готовность действовать там, где этого требовали обстоятельства, проявляя услужливость, сообразительность, расторопность. Подростком он начинал службу в войске молодого царя Михаила Федоровича, оборонявшем от поляков Москву. Далее состоял в царской свите при дворе, был распорядителем на званых дворцовых приемах — «смотрел в столы». Одоевскому, как и другим потомкам знатных родов, подающим надежды, Морозов предоставил возможность «постажироваться» на отдаленном воеводстве в Астрахани, затем на строительстве фортификационных сооружений в роли главного воеводы в Ливнах, откуда крымские татары прорывались на Русь. Некоторое время он числился главным судьей в Казанском и Сибирском приказах. Первый дипломатический опыт Одоевский приобрел в ходе двухлетних переговоров о заключении

брачного союза между датским принцем Вольдемаром и дочерью Михаила Федоровича, царевной Ириной. Камнем преткновения тогда стал вероисповедальный вопрос, что так и не позволило браку состояться. Несмотря на все уговоры и обхаживания ловких царедворцев, Вольдемар так и не согласился принять крещение по православному обряду.

К тому времени, когда в 1648 году государство охватил системный кризис, Одоевский обладал немалым опытом, мог ориентироваться в широком круге нависавших над властью проблем. Он отдавал себе отчет в том, насколько уклад прежней жизни, его архаичные традиции тяготели над ходом дел, сковывали государственное управление. «Бунташные» события обнажили противоречия, которые питали недовольство во всех слоях населения. Оттого и не стали искать зачинщиков Соляного бунта, что вести следствие, вершить суд, исполнять наказание было некому. Даже стрельцы, главная опора власти, отказались повиноваться.

Познав теневые стороны устройства власти, Одоевский отточил в себе способность не только ладить с элитой, но и вызывать доверие к себе в низших сословиях. Во многих делах ему сопутствовали удача, благоприятное стечение обстоятельств. В ряде случаев он находил решение проблем, руководствуясь интуицией, здравым смыслом, мобилизуя ум, способности, волю, какими обладал. Однако главной опорой служили уходящие в глубь времен родственные связи с династией Романовых и, конечно, «кредит доверия» молодого самодержца. Одоевский впоследствии долгое время после ухода в тень Морозова, а затем и отдаления от престола Никона оставался едва ли не главным и незаменимым царедворцем Алексея Михайловича. Отлучаясь из Москвы, отправляясь на многодневные молебны, царь именно его оставлял «на хозяйстве».

Первой и главной из заслуг Одоевского следует считать ключевую роль в организации работы по созданию «Уложения для всех людей государства» — свода законодательных норм, правил обустройства российской государственности, окончательно преодолевшей последствия Смуты и входившей в особый этап своего развития. Тогда ответом на неослабевающее общественное возбуждение стал срочный созыв Земского собора в июле 1648 года. К участию в нем была привлечена конструктивная часть московской элиты, те, кто не растерял доверия к себе на почве близости к прежнему властному кругу. В ходе бурно протекавших на соборе дискуссий выявился курс на радикальные перемены. В целях обобщения и систематизации идущих отовсюду инициатив и предложений было принято решение о создании специального рабочего органа — Уложенного приказа. Руководство приказа, избранного прямым

голосованием, составили пять его неперенных членов: Никита Одоевский во главе, князь Семен Прозоровский, окольничий Федор Волконский, дьяки Гаврила Леонтьев и Федор Грибоедов. Им в кратчайшие сроки было предписано организовать и осуществить дотол невиданную законотворческую работу. Чрезвычайный характер этого органа, особые полномочия, какие ему были предоставлены, предопределили его возможность консолидировать интеллектуальные ресурсы, мобилизовать государственный аппарат, сосредоточенный во всех остальных ведомствах исполнительной власти. Одоевский сумел поставить дело таким образом, что и далее, за пределами работы над Соборным уложением, в решении государственных проблем власть уже не могла обходиться без его непосредственного участия.

*

Во все последующие периоды царствования Алексея Михайловича Одоевский оставался востребован, оказываясь на острие многих важных дел. Он управлял воеводствами, контролировал строительство «засечных черт» на южных рубежах. Ему удавалось в ходе первого этапа украинской кампании, командуя войсками, одерживать яркие победы. Однако на дипломатическом поприще при решении острых межгосударственных проблем Одоевский не всегда оказывался на должной высоте. Его стремление доминировать во всем, самоуверенное вмешательство в дела любой сложности влекли за собой невосполнимый урон, порождали череду непреодолимых проблем. Такое имело место, когда к исходу войны 1654–1656 годов Речь Посполитая оказалась в безвыходном положении. Тогда русское командование, где главным был Одоевский, не сумело своевременно закрепить достигнутое военное преимущество, настоять на заключении соответствующего политического акта. Роковую роль сыграли «головокружение от успехов», неискушенность князя в политике, беспричинная доверчивость к недавнему врагу. В стан командования русских было «вброшено» предложение: во главу угла поставить вопрос о выдвигании московского царя на польский престол. Дело обставилось таким образом, что это решение как бы само собой открывало путь к «доокончанию», прекращению вражды двух славянских народов. Избрание преемника от Московии было легко обеспечить, поскольку король Ян Казимир не имел наследников. Предложение повергло русских в состояние эйфории. Оставив на полпути подведение политических итогов

незавершенной войны, царь и его советники приняли скороспелое решение развернуть войска на северо-запад, против Швеции. Свою роль сыграли просчеты в оценке собственных сил, неспособность взвешенно осмыслить военно-политическую обстановку. Тогда не только Одоевскому, но многим, включая и Ордина-Нащокина, показалось, что историческая цель — овладеть побережьем, открыть Балтику для возобновления торгово-экономических путей с Европой — стала делом легко осуществимым.

Незамедлительно был найден повод к грядущей войне. В адрес шведов со стороны русских последовал демарш, поставивший под вопрос дальнейшее продолжение условий Столбовского мира 1617 года. Именно Одоевский предъявил весьма чувствительные, неприемлемые для Швеции политические требования. На переговорах были выставлены претензии к написанию титулов русского царя. У шведов в официальных документах отсутствовало упоминание территорий, на которые якобы распространялась юрисдикция Московии. По договору 1631 года эти земли оставались за шведами, иной их статус они не признавали и признать не могли. Начало новой русско-шведской войны 1656–1658 годов не заставило себя ждать. Ее благословил сам патриарх Никон, предрекая военным победный марш до Стокгольма. Но осуществить же намеченные цели легко и быстро, как это внушили Алексею Михайловичу, не получилось. Пройдя тернистый путь, неся серьезный урон, русское войско было остановлено на подступах к Риге. Выявить победителя в затяжной, кровопролитной войне не удавалось. Все три года Ордин-Нащокин находился в гуще событий, координируя действия войск, обеспечивая их содержание, тяготы которого ложились на население. К исходу 1657 года сложилась патовая ситуация: ни победителей, ни побежденных. Перемирие, заключенное Ординым-Нащокиным в Валиесари (1658), лишь ненадолго отложило драматическую для России развязку на том этапе военного конфликта со Швецией.

Тем временем русская дипломатия во главе с Одоевским предпринимала безуспешные попытки положить начало переговорам о процедуре приглашения на польский престол русского царя, от которых польская сторона то и дело под благовидными предложениями уклонялась. Затаянная князем политическая интрига, целью которой было отвести нависшую над страной угрозу военной катастрофы, длилась ровно до тех пор, покуда шел процесс восстановления и накопления ее сил и ресурсов. Тем временем русские войска на шведском направлении окончательно выдохлись. Самодержцу становилось ясно, насколько необдуманно, неподготовленным оказался предпринятый военный поход в сторону Балтики, а планы завладеть польской короной оказывались все более

иллюзорными. Именно фигура Одоевского проступала сквозь мглу бесполезно потерянного времени, бессмысленно растроченных сил и ресурсов. Разочарование царя в своем ближнем боярине, иронические реплики, отпускаемые им в адрес Одоевского, получили огласку в боярской среде. К тому же преодолеть тупик, наладить процесс мирных переговоров с поляками в Андрусове Одоевскому не удавалось в силу занимаемой им твердолобой позиции. В итоге он был отозван.

Однако пробил час, когда самодержцу без него было никак не обойтись. Свою роль сыграло многолетнее непримиримое противостояние Одоевского Никону, ставшему для всех здравомыслящих людей символом неоправданного вмешательства церкви в государственную жизнь. С тех пор как в 1649 году в Соборное уложение были вписаны меры, регламентирующие место церкви в системе органов власти, Никон стремился очернить Одоевского в глазах царя, объявляя его едва ли не богоотступником: *«Князь Никита Иванович Одоевский человек прегордый; страха божьего сердце не имеет; правил апостольских и отеческих никогда не читает и не разумеет, и враг всякой истины»*. При этом Никон умело гнул свою линию. Ему в конце концов удалось добиться от царя упразднения Монастырского приказа, настоять на возврате церкви прежних привилегий.

Однако по мере того как самодержец набирался жизненного опыта, у него стали открываться глаза на те реалии, каким ранее не придавал значения. Разрыв с «собинным другом» не заставил себя долго ждать, однако процесс отречения Никона от патриаршего сана и лишения его права главенства в Русской православной церкви оказался достаточно долгим — в том числе из-за колебаний богомольного царя, не уверенного в правильности своих поступков. Когда Алексей Михайлович решился прервать затянувшееся противостояние, князь Одоевский вновь оказался востребован. Возможность преодолеть тупик виделась лишь на основе официального отречения Никона от патриаршего сана. Решение об этом было принято на церковном соборе 1666 года. Князю Одоевскому предстояло не только обеспечивать подготовку и контролировать ход его проведения, но и быть представителем и обвинителем от имени государя. Алексею Михайловичу едва хватило сил лишь на первый день заседаний, в ходе которого он время от времени впадал в истерику, проливал слезы. Собор завершился обвинительным вердиктом, лишением Никона патриаршей кафедры и его ссылкой. Во время церемонии лишения Никона сана Одоевский был единственным светским лицом, кто при этом присутствовал.

Забегаая вперед следует отметить: церковный собор 1666 года противоречий между церковной и светской властью так до конца и не разрешил. Влиятельная группа церковников и далее придерживалась никонианских взглядов на отношения церковной и светской властей. Вопрос о месте церкви в системе ценностей, ее роли в жизни общества радикальным образом решил наследник Алексея Михайловича Петр Алексеевич. Указом царя патриаршество на Руси было упразднено. При этом Петр не преминул поставить иерархам церкви в упрек то, сколько крови попортил их предшественник Никон его отцу. Управление делами церкви было передано в ведение Святейшего синода — светского органа, управляемого назначаемым царем обер-прокурором.

Одоевский прожил долгую жизнь. Ему, в отличие от других сподвижников Алексея Михайловича, посчастливилось избежать трагической участи, настигшей русскую элиту в 1682 году, во время Стрелецкого бунта. Он оставался востребован и при потомках Алексея Михайловича. Служение Одоевского было награждено более чем достойно: князь стяжал огромное богатство, став едва ли не первым собственником среди ближних бояр Московии.

*

Другой деятель того же поколения, князь Юрий Алексеевич Долгоруков (1610–1682), разве что происхождением, древностью рода мог уступать Одоевскому, однако и здесь имелись расхождения в трактовке уходящих в глубь времен сведений. Это была личность энергичная, деятельная, а главное, глубоко преданная престолу. К нему Алексей Михайлович испытывал особое доверие и симпатии, видя в нем человека, на которого во всем можно было положиться. О том, насколько дорожил Алексей Михайлович своим отношением к Долгорукову, сохранилось немало свидетельств. По поводу конфликта с Одоевским Алексей Михайлович писал Долгорукову: *«Напрасно ты послушал хитрых людей, сам видишь что разве у тебя иногo друзей стало, а прежде мало было кроме Бога и нас грешных... любя тебе пишу, а не кручинясь, а сверх того сын твой скажет, какая немилость моя к тебе и к нему»*^[35].

Служение Долгорукова, его восхождение к властным вершинам при Алексее Михайловиче имело схожие черты с тем, как это складывалось у других бояр, кому довелось находиться у истоков нового царствования. Ему было доверено приводить к присяге на верность восходящему самодержцу

княжеский двор, боярство, население Москвы и окраинных воеводств. Когда встал вопрос о коренной реформе национального законодательства, в ходе подготовки Соборного уложения Долгоруков руководил Ответной палатой, куда стекались предложения с мест. В ней заседали выборные от дворянства, помещиков, торговых кругов. Приказу предстояло составить сводную челобитную, где затрагивались застарелые, наиболее болезненные вопросы землевладения и землепользования, где ключевое место занял вопрос о землепашцах. Уже тогда за Долгоруковым закрепилась репутация мыслящего, изворотливого, жесткого царедворца, который неуклонно добивался поставленных целей, не останавливаясь перед выбором средств. Не случайно он одно время возглавлял Сыскной приказ.

Долгоруков не однажды был задействован и в «горячих точках», предводительствуя в ходе военных действий против Речи Посполитой и Швеции. В победах над поляками под Вильно (1659) и Могилевом (1661) ему сопутствовали удача и успех. При этом немалую роль играла его способность предвидеть ход событий, действовать на опережение, разгадывая планы противника. Однако способность «стоять упорно выше всех товарищей своих», которой отличался Долгоруков в военных предприятиях, не всегда шла на пользу во внутренних делах. Проводимые под его началом рекрутские наборы среди казачьего населения на Дону сопровождались крутыми мерами против дезертиров и уклонистов. В ходе одного из таких рейдов был схвачен и казнен один из предводителей казаков, Семен Разин, брат будущего крестьянского вождя Степана Разина. У Степана это трагическое событие, как утверждают источники, разбудило неукротимую жажду мщения, подвигло донского казака на «бунташный» путь сопротивления власти.

О том, как проявил себя Долгоруков на дипломатическом поприще, свидетельствует сам царь Алексей Михайлович. В наиболее сложный период переговоров с польской стороной в Андрусове самодержец писал ему: *«Будучи ты на посольских съездах, слуга нам, великому государю, радел от чистого сердца, о нашем деле говорил и стоял упорно выше всех товарищей своих. Эта твоя служба и радение ведомы от прислышников ваших, а также и товарищ твой, Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, про твою службу и радение нам извещал. Мы за это тебе жалуем, милостиво похваляем; а теперь указали тебе быть полковым воеводою, и ты бы польскими и литовскими людьми промысел чинил бы, в которых местах пристойно по-домашнему»*^[36].

Диктат, давление на партнеров с позиции силы лишь заводили в тупик переговорный процесс. Здесь Долгоруков оказывался все более и более «не

на месте». Неутоленная ненависть к врагу, жажда мести прорывались наружу, выплескивались в ходе переговоров. «Милостиво похвалая» Долгорукова, царь, тщательно подбирая слова, отстранил его от дальнейшего ведения дел с поляками. Разлад внутри русской делегации на переговорах, нежелание идти на компромисс, ультиматумы, угрозы, которые выставляли Одоевский и Долгоруков, осложняли диалог с поляками, отодвигали возможность мирного урегулирования. В итоге завершить переговорный процесс и добиваться подписания мира было поручено Ордину-Нащокину, который и довел дело до конца.

В ходе подавления восстания Степана Разина Долгоруков получил все возможные полномочия, когда повстанческое движение достигло своего апогея, охватив значительную часть Придонья и Среднего Поволжья. Продвигаясь в сторону Москвы, отряды Разина постоянно пополняли свои ряды, были хорошо вооружены, вдохновлены победным опытом. К борьбе с ними Долгоруков привлек регулярные войска, покинувшие театр военных действий на Украине. Однако это не прибавило результативности действиям командования. Испытанные методы ведения войны, какие использовались в ходе боевых действий против Речи Посполитой и Швеции, здесь, в войне гражданской, полупартизанской, оказались малоэффективны. Единого фронта как такового не существовало. Атаки разинских отрядов отличались внезапностью, были непредсказуемы. «Бунташное» войско располагало флотилией маневренных речных судов, что обеспечивало ему преимущество в прибрежье Дона, Волги, их притоков. Успеху разинцев немало способствовала поддержка населения, пополнявшего мятежные ряды.

В этих обстоятельствах Долгоруков сделал главную ставку на террор. Карательные акции, показательные казни по отношению не только к попавшим в плен мятежникам, но и к оказывающему им поддержку местному населению, наталкивались на не менее яростные расправы разинцев над представителями местной администрации, помещиками, купцами. Гражданская война влекла за собой многочисленные бессмысленные жертвы с обеих сторон. Русский бунт по-особому проявлял свою «бессмысленность и беспощадность». На фоне неудержимого буйства насилия и жестокости особенно изумляют примеры поразительной стойкости, крепости человеческого духа перед лицом неминуемой смерти. Князь Долгоруков, захватив город Темников, с целью выявления зачинщиков подверг изуверским пыткам пленных бунтовщиков. Не выдержавшие их выдали, что предводителем была монахиня Алена Арзамасская. Схваченная карателями, она держалась на удивление дерзко и

бесстрашно. Ее, как ведьму, решили подвергнуть сожжению на костре. Смелая женщина сама взошла на эшафот-кострище. Перед тем как лечь на бревна, бросила «верховному карателю» Долгорукому: «Если бы, князь Юрий, все воевали, как я, давно пришлось бы тебе повернуть лыжи!»

О том, какие пытки были тогда в обиходе палачей, пишет Николай Костомаров: «Самая простая состояла в простом сечении, более жестокие были такого рода: преступнику завязывали назад руки и поднимали вверх веревкой на перекладину, а ноги связывали вместе и привязывали бревно, на которое вскакивал палач и «оттягивал» пытаемого, иногда же другой палач сзади бил его кнутом по спине. Иногда привязывали человека за руки к перекладине, под ногами раскладывали огонь, иногда клали несчастного на горящие уголья спиной и топтали его ногами по груди и животу. Пытки над преступниками повторялись до трех раз; наиболее сильною пыткой было рвание тела раскаленными щипцами; водили также по телу, иссеченному кнутом, раскаленным железом, выбривали темя и капали холодной водой и т. п.»^[37]. Григорий Котошихин продолжает этот жестокий перечень: «Жгут живого за богохульство, за церковную татьбу, за содомское дело, за волховство, за чернокнижство, за книжное преложение, кто учнет вновь толковать воровски против Апостолов и Пророков и Святых Отцов с похулением; оловом и свинцом заливают горло за денежное дело, кто воровски делает, серебряником и золотарем, которые воровски прибавливают в золото и в серебро медь и олово и свинец; а иным за малые такие вины отсекают руки и ноги»^[38]. Людей лишали жизни на виселице, на плахе, на колу, казнили четвертованием, то есть поочередным отсечением конечностей и головы. Самому Долгорукову в ходе восстания Степана Разина пришлось пожинать славу не столько успешного военачальника, сколько жестокого карателя по отношению к восставшим. Возмездие пришло в мае 1682 года, когда князь, как и многие знатные бояре, стал жертвой восставших стрельцов — его подняли на пики вместе с сыном Михаилом.

*

Юрий Никитич Барятинский (1618–1685) — выходец из иного сословного ряда, из тех, кого держали в отдалении, на вторых ролях, кто поднимался по службе медленно, шаг за шагом. Он был замечен в ходе службы на окраинных воеводствах, при строительстве военных поселений

и укреплений, «засечных черт» на тех участках, где угроза татарского вторжения издавна давала о себе знать. Там Барятинский обретал необходимый командный опыт, который пригодился ему в русско-польской войне. Будучи полевым командиром, он особенно отличился при разгроме польско-литовских войск под Борисовом и Брестом.

Начиная с 1658 года, когда русским войскам пришлось испытать горечь поражений, Барятинский в трудный, критический период войны сумел по-особому заявить о себе. Оставаясь воеводой в осажденном Киеве, он не только удерживал оборону блокированного города: его удачные вылазки наносили немалый урон силам гетмана Выговского, переметнувшегося во вражеский стан. Гибель армии Шереметева, главной опоры русских сил на Украине, поставила в безвыходное положение русские гарнизоны, базирующиеся в крупных украинских городах. Находившийся в плену, вконец деморализованный Шереметев под давлением своих тюремщиков направил Барятинскому распоряжение сдать Киев. На это последовал ответ, который вызвал восторженную реакцию во властных кругах: *«Я повинуюсь указам царского величества, а не Шереметева; много в Москве Шереметевых»*. Фраза, исполненная патриотического пафоса, получила широкую огласку. Гарнизон Киева выстоял, несмотря на попытки поляков захватить город приступом, а затем длительной осадой.

И все же лавры национального героя, высокое место у престола Барятинскому обеспечили не ратные подвиги, а его роль в преодолении угрозы хаоса, нависшей над охваченным масштабным народным восстанием государством. Победное шествие Разина вверх по Волге, захват им важнейших центров жизнеобеспечения страны угрожали дестабилизацией в остальной Руси. Близ Симбирска войску под командованием Барятинского пришлось принять на себя натиск ударных сил разинцев, угрожавших двинуться к Москве. Переняв опыт мятежников, нанося внезапные войсковые удары с разных сторон, в решительный момент Барятинский предпринял скрытый маневр, вводящий противника в заблуждение. Растерянность, паника, угроза атаки регулярного войска опрокинули основные силы разинского войска, обратив их в бегство. Тем самым был нанесен невосполнимый урон как вере в неуязвимость крестьянского вожака (Разин был тяжело ранен), так и эффективности разинских рейдов. События под Симбирском внесли коренной перелом в прежде малопродуктивные действия регулярных войск власти против мятежников. Как утверждал впоследствии тот же Костомаров, «Барятинский под Симбирском спас русский престол».

В награду ему присвоили, наконец, боярский титул, но он сохранил нелюбовь к местничеству и был одним из тех, кто способствовал его отмене в 1682 году — его подпись первой поставлена под приговором Земского собора, закрепившим это решение. Вскоре Барятинский скончался; его потомки тоже посвятили себя военной карьере, дав державе немало генералов и даже фельдмаршалов. А вот имя самого Юрия Никитича, одного из лучших русских полководцев XVII века, оказалось забыто — в советское время его вспоминали только как кровавого усмирителя восстания Разина.

*

Князь Иван Андреевич Хованский (ок. 1610–1682) — по-своему характерная и противоречивая фигура царствования Алексея Михайловича. Родовитый (из древнего литовского рода Гедиминовичей), честолюбивый, амбициозный, напористый, он не мог не претендовать на видные места при власти. Хованский, вне зависимости от успехов или неудач, оставался в «обойме» царедворцев, всегда был востребован. Его полководческая деятельность отмечена рядом не только громких побед, но и поражений, итог которых ставил под угрозу безопасность столицы. Нехватку опыта, знаний, воспитания он пытался с лихвой возместить, бравируя своей родовитостью, сословным превосходством над остальными. В нем по-особому проявлялось одно из типичных ущербных свойств сословно-представительной системы власти, где талант и образованность не выступали главным мерилom достоинства личности, вовлеченной в государственное управление. Пренебрежительное отношение к людям, наделенным знаниями и талантом, было свойственно Хованскому на протяжении всей его карьеры. Особенности его натуры, характера проявляются на примере отношений с Ординым-Нащокиным, поскольку государево служение не раз сводило их вместе.

Сам князь при московском дворе был из тех, кто не желал почивать на лаврах предков, уступать дорогу к славе другим. Его неумный темперамент и амбиции при недостатке ума озадачивали царя и ближнее окружение. Его бьющую через край энергию власть пыталась направить в сторону от столицы, туда, где бы он сильно не мешал, «не путал карты». Хованский, получивший прозвище «тараруй» (болтун, пустомеля), заслужил нелестную репутацию в правящей верхушке. В конце концов он заигрался в политические игры, в которых не разбирался, что и привело его

на плаху.

Конфликт Ордина-Нащокина с князем Хованским рельефно обнажает природу противоречий во власти, их причины. Их противостояние было не столько вызвано столкновением разных по складу характеров, сколько обусловлено традициями, условностями, нравами того времени. Для недалекого умом, своенравного Хованского сословное превосходство было поводом считать свои решения и действия непогрешимыми. Он не желал воспринимать никакие доводы со стороны, отвергал то, что диктовалось насущной необходимостью и здравым смыслом. Князь «становился в позу», как только усматривал посягательство на свое право единоначалия. Никто не мог не только вмешиваться в его дела, но и что-либо советовать ему, а тем более требовать, что должно делать и как поступать.

Для Хованского «худородный» дворянин Ордин-Нащокин не то что «не указ», но попросту не существует. На разумные предложения Нащокина предпринять маневр войсками с целью подкрепить политические позиции русских на проходящих переговорах со шведами последовал отказ. Ослепленный злобой командующий войском и не думал признавать существо порожденных им самим проблем, для решения которых потребовался приезд из Москвы на Псковщину особой миссии. Начало переговоров со шведами было отложено на четыре месяца. Это был период, когда отношения двух государств были особенно осложнены, над ними довлело недавнее тяжелое наследие. Посольская делегация Швеции, прибывшая в 1654 году в Москву на переговоры с целью нормализовать двусторонние отношения, на последующие три года оказалась там под арестом на положении пленных, временами в полной изоляции. Тогда на прибалтийских землях возобновилась кровопролитная русско-шведская война, ход которой сказывался на содержании дипломатов, оказавшихся в заложниках.

После трехлетнего заточения, едва покинув Москву, шведская делегация вынуждена была задержаться в северо-западном приграничье. Из Стокгольма поступило указание вступить в переговоры об условиях перемирия. Война изрядно истощила и изнурила участников конфликта, ни та ни другая сторона не располагала ни ресурсами, ни людскими резервами, чтобы ее продолжать. Воевода Царевича-Дмитриева Ордин-Нащокин был включен царем в состав переговорщиков от Московии заочно. Он, все это время находясь в эпицентре событий, как никто другой видел расклад сил, остро чувствовал ситуацию. От того, где, в какой обстановке будут проходить переговоры, по его мнению, во многом зависел и их исход. Учитывая это, необходимо было заранее выбрать место их

проведения. Присутствие в окрестностях русских войсковых частей могло оказывать существенное влияние на атмосферу, на весь ход переговоров. От псковского воеводы Хованского требовалось быть готовым к тому, чтобы совершить маневр войсками, обеспечить военное присутствие на прилегающих к месту их проведения территориях. Однако тут-то и возникли те самые «помешки». Благоприятный момент был упущен, начало переговоров пришлось отложить, и не по вине шведской стороны.

Главный от Москвы на переговорах князь Иван Прозоровский так обрисовал перед представителем царя обстановку, в которой оказались он сам и его коллега Ордин-Нащокин: *«Хованский государеву делу чинит поруху для чести своей и его, боярина, бесчестит, приказывал к нему при многих своих полчанах, что будто он, князь Иван, его, боярина больше тремя местами, и он, боярин, то поставил в смех. Да он же, Хованский, приказывал к нему, боярину, чтоб он товарища своего, Афанасия Лаврентьевича Нащокина, ни в чем не слушал, будто товарищ доведет его до беды, но великий государь ему, боярину, указал с товарищем своим во всем советоваться и во всем ему верить, потому что он немецкое дело знает и немецкие нравы знает же. Ион, боярин, поставил это в смех»*^[39].

То, что Хованский стоял «тремя местами» выше князя Прозоровского, давало ему право с насмешкой отвергать любое, даже весьма важное государево дело. К его ненависти явно примешивалось завистливое чувство придворного, которого обошли государевым вниманием, выказав особое доверие другому, «худородному» дворянину. Ордин-Нащокин же свое отношение к Хованскому выстраивает исходя из интересов дела, зная его неспособность управлять, принимать правильные решения. Не только исходя из прежнего опыта общения с ним во время «псковского гиля», но и ознакомившись с тем, как поставлено дело здесь, где теперь хозяйствует Хованский, дипломат убедился, насколько тот не на месте. Он настоятельно советовал царю: «Переменить воеводу и велеть быть у такого дела, с которое его станет». И объяснял причины: *«Князь Иван был многих городов владетель, только в Псковском государстве он с промыслом своим не надобен; во всяком деле сила в промысле, а не в том, что собрано людей много; и людей много, да промышленника нет, так ничего не выйдет. Шведы, видя таких промышленников, говорят, чтоб половину рати продать да промышленника купить. И теперь Хованский, вышед из Пскова, стоит даром, рать помирает с голоду, а к промыслу не допустит, обжигает себе русские города, а неприятель радуется, что люди из домов своих выбиты, а к промыслу не допущены. Лучше было рати оставаться во Пскове: и неприятелю было бы страшнее, и люди были бы в покое и к*

службе наготове. Обо всем этом надобно рассмотрение воеводское. Нельзя во всем дожидаться указа государева. Знаю и сам, что великому государю годно, чтоб мы между собою были в совете, и у меня за свое дело вражды никакой нет, но о государеве деле сердце болит и молчать не дает, когда вижу в государеве деле чье нераденье»^[40].

Царь, обвиняя обе стороны конфликта, в своем послании выговаривал каждому из них за то, что государево дело зашло в тупик. Тем не менее отдельно, в личном послании Хованскому, Алексей Михайлович дал понять, как князь выглядит в этом конфликте, и попутно откровенно высказал, какова на деле его репутация. Едва сдерживая свой гнев, царь пишет: «Афанасий, хотя отечеством и меньше тебя, однако великому государю служит верно, от всего сердца, и за эту службу государь жалует его своею милостию: так тебе, видя к нему государеву милость, ссориться с ним не для чего, а быть бы вам с ним в совете и служить великому государю сообща; а тебя, князя Ивана, взыскал и выбрал на эту службу великий государь, а то тебя всяк называл дураком, и тебе своею службою возноситься не надобно; ты хвалишься, что тебе и под Ревель идти не страшно; и тебе хвалиться не довелось, потому что кто на похвальбе ходит, всегда посрамлен бывает; и ты этою своею похвальбою изломишь саблю; за что ты тех ненавидишь, которые государю служат верно? Тебе бы великого государя указ исполнить, с Афанасьем помириться, а если не помиришься и станешь Афанасья теснить и бесчестить, то великий государь велел тебе сказать имянно, что за непослушанье и за Афанасья тебе и всему роду твоему быть разорену»^[41].

Царь видел, что знатное происхождение нисколько не препятствует Хованскому слыть дураком, и остро чувствовал, в какой мере такие государевы люди порочат высшее сословие. Тем не менее до конца своего царствования Алексей Михайлович так и остался в плену древних сословных представлений. Хованский и далее продолжал демонстрировать свои задатки. Тогда, получив выволочку от царя, он пытался оправдаться, изворачивался, насколько хватало ума, насколько позволял диктат собственной гордыни. Пытаясь сохранить лицо, всякий раз не упускал момента, чтобы опорочить Нащокина. Со «вторым изданием Малюты Скуратова» отныне он будет общаться лишь через посредников: «Скнязем Прозоровским и со всеми другими послами недружбы и ссоры у меня нет, только перебранивались на письме; досадно мне то, что пишут ко мне с указом; прежде наша братья за честь свою помирали. Недружба у меня с Афанасьем Нащокиным, и хотя в отписках пишется князь Прозоровский,

только все затейки его, Афанасьевы, ищет он мне всякого зла. Князь Прозоровский Афанасью говорил, чтоб он со мною был в совете, но он князя не слушал. По приказу великого государя я все покину, Афанасья прощаю и вперед с ним в совете и в любви быть рад; знаю я, что Афанасий человек умный, великому государю служит верно, и государская милость к нему есть; в прежние времена и хуже Афанасья при государской милости был Малюта Скуратов; я Афанасья не знаю, слышал про него от людей и большой вражды у меня с ним нет, только что на письме другу друга ума отведывали; а как я с ним увижусь, то иных ссорщиков перед ним поставлю»^[42].

Любопытный отзыв о Хованском оставил барон Мейерберг: «Хованский, известный всему свету своими поражениями, бешено смелый; увлекаясь безрассудной горячностью, он всегда налетает или наступает на неприятеля; никогда не взвесив сил его на весах рассудка; невежда во всех военных науках, тем не менее считается достойным начальствовать войском, потому что ведет свой род от сына Ольгерда Великого князя Литовского»^[43].

Хованский, в силу присущих ему индивидуальных качеств, не случайно оказался вовлечен в водоворот событий, вызванных борьбой между Милославскими и Нарышкиными за обладание престолом. Попытка вмешаться в этот кровавый конфликт, призвав на свою сторону стрельцов, оказалась бессмысленной авантюрой. Он и его сын были казнены. Итог его жизни воплощен в «Хованщине» — выдающемся оперном произведении Модеста Мусоргского.

*

Князь Иван Семенович Прозоровский (1618–1670) — еще одна крупная фигура царствования первых Романовых. Род Прозоровских, происходивший от Рюриковичей, пользовался в прежние времена особым почетом. Его представители выдвигались на высшие государственные посты, но нередко становились жертвами своей вовлеченности в конфликты влиятельных кланов. Особенно пострадал род Прозоровских в годы царствования Ивана Грозного, когда трое его представителей были казнены. При воцарении Алексея Михайловича Ивану Семеновичу досталась высокая честь привести к присяге новому царю жителей Нижнего Поволжья и Предкавказья. Далее его карьера получила

продолжение на административном, военном и дипломатическом поприщах.

Подобно Одоевскому и Долгорукову, князь служил преданно и верно там, где в нем нуждалась власть, однако судьба отнеслась к нему отнюдь не милостиво. Он был причастен к основным, наиболее ответственным делам, но не всегда, однако, добивался требуемых результатов. В ряде эпизодов обстоятельства оказывались сильнее возможностей, какими он располагал, в других — ему не хватало знаний, способностей, опыта. И военная, и дипломатическая служба не стяжали ему славы, не принесли особого успеха. Его нельзя упрекнуть в том, что итог прилагаемых им усилий оказался невысоким. Просто от него требовалось решать задачи, которые были ему не по плечу, особенно в трудных, тупиковых обстоятельствах. Именно в таком положении оказался глава русской делегации Прозоровский на переговорах со шведами в Кардисе в 1661 году, когда встал вопрос о необходимости любой ценой продлить договор о перемирии, подписанный тремя годами ранее в Валиесари. К тому времени военно-политическая обстановка становилась для русских все более угрожающей. На пространствах Украины возобновились военные действия, и это при том, что опасность возобновления войны на шведском направлении также становилась очевидной, поскольку сроки перемирия подошли к концу.

Обстоятельства, в которых оказалась Московия, были шведам хорошо известны, оттого они выдвинули условия: избежать возобновления войны возможно, восстановив статус-кво, каким оно было на момент заключения Столбовского мирного договора 1617 года. Для русской стороны это означало отказ от всех недавних завоеваний на прибалтийском пространстве; кроме того, от нее потребовали возмещения ущерба, понесенного Швецией в результате возникшей не по ее вине войны 1656–1658 годов. По существу это был откровенный диктат.

Располагал ли глава русской делегации Прозоровский возможностями для маневра? Какие доводы и аргументы он мог выдвинуть, отстаивая государственные интересы? Что мог он противопоставить в ответ на непреклонные, ультимативные требования шведской стороны? Ясно одно: Прозоровский, не получив указания из Москвы, не решился бы на подписание по сути дела капитуляции. Миссии Прозоровского не оставалось ничего другого, как их принять. Так и появился Кардисский русско-шведский договор 1661 года. Непримируемая позиция, какую все эти годы занимал по отношению к шведскому урегулированию Ордин-Нащокин, послужила поводом требовать отстранения его от участия в

переговорах. Из состава делегации он был отозван.

Особым драматизмом отмечены годы службы Прозоровского первым воеводой в Астрахани. Стратегически важное для экономики Руси Астраханское воеводство, через которое пролегал главный торговый путь на Восток, выступало важнейшим источником доходов для государственной казны. Их приносил сосредоточенный в тех местах рыбный промысел: икра, осетрина и пр. Астрахань была также перевалочным пунктом для экзотических товаров из Персии и Средней Азии, которые пополняли рынок Московии, а оттуда поступали в Европу.

К исходу 1660-х годов Астрахань постепенно оказалась в эпицентре территорий, охваченных восстанием Степана Разина. Для атамана устье Волги некоторое время оставалось плацдармом, откуда он совершал свои пиратские рейды вдоль побережья Каспия. Местная власть при этом как-то уживалась с «бунташным» войском, а у Прозоровского с Разиным установились вполне «рабочие» отношения. Какими бы силами ни обладало разинское войско, противопоставить себя местному гарнизону в ту пору оно не могло. Существенный перелом в обстановку привнесли результаты похода Разина в сторону Баку. Разбив флот Мехмед-паши и захватив немалую добычу, Разин с триумфом вступил в Астрахань, одарив при этом роскошной трофейной шубой самого воеводу Прозоровского. Тогда у них состоялся диалог, в ходе которого воевода предпринял попытку склонить Разина к сотрудничеству. Однако атаман от ответа уклонился, направив свои отряды с добычей к Дону, к насиженным местам. Там недолгое время спустя Разину стало ясно: повелевать разудалой толпой, в какую от бездействия превращалось его войско, было трудно и опасно. Упоение успехом, разбойничий азарт побуждали к новым походам за «зипунами» — грабительской добычей. Тогда атаман задумал очередной поход, решив взять под полный контроль богатую Астрахань.

Гонец от Разина с ультиматумом сдать город был по приказу Прозоровского подвергнут публичной казни. Однако предотвратить захват бунтовщиками Астрахани не удалось даже радикальным путем — разрушением дамб и затоплением подходов к городу, который после этого стал, казалось, неприступным. Его падение стало следствием измены, предательства. Через распахнутые «потатчиками» ворота бунтовщики беспрепятственно вошли в город. Тяжело раненному в уличном бою Прозоровскому пришлось искать укрытия в церковном соборе, однако это не остановило буйную толпу — всех, кто укрылся в соборе, живыми сбросили в ров с крепостной стены. Тяжело раненного воеводу на вал вывел сам Разин. Постояв рядом, на виду у столпившегося народа столкнул

Прозоровского в пропасть. Мученическая смерть постигла и сыновей воеводы: оба они были повешены за ноги на городской стене. Старший, Михаил, там и скончался, младшему, Борису, удалось выжить, но он до конца дней остался инвалидом.

*

Василий Борисович Шереметев (1612–1680) принадлежал к той части именной элиты, для которой присутствие у вершин власти было гарантировано самим рождением. Он унаследовал от предков уходящее в древность родовое имя, дающее ему право быть наверху, претендовать на высокие государственные посты и почетные места в Боярской думе. Разветвленный боярский род Шереметевых, родословная которого восходит к XIII веку, благодаря родственным связям был особенно близок российскому престолу. Выходцы из него активно вовлекались в государственную жизнь, исполняли видные роли в ходе становления и укрепления российской монархии. Шереметевы — неперенные участники важнейших военно-политических событий, в критические моменты выступали опорой правящей династии. В начале XVII века они немало поспособствовали преодолению последствий Смуты, становлению новой династии. Один из них, Борис Петрович Шереметев, участвовал в Земском соборе 1613 года и одним из первых среди бояр подписал грамоту об избрании на трон Михаила Федоровича Романова. И в последующие времена Шереметевы, их потомки вписали в российскую историю немало выразительных страниц.

Уже в пору царствования Михаила Федоровича Романова Василий Шереметев был задействован в различных официальных мероприятиях, торжествах, чему способствовали не только его родовитость, сообразительность, расторопность, но и весьма привлекательная внешность. Дело касалось не только того, чтобы «смотреть в столы» в ходе царских приемов и аудиенций, но и участия в таком тонком и деликатном деле, как затянувшееся на два года сватовство датского принца Вольдемара к дочери царя Ирине, где камнем преткновения, к глубокому разочарованию царской семьи, оказался вероисповедный вопрос.

С восшествием на престол Алексея Михайловича поначалу казалось, что ничто не может поколебать положение Василия Борисовича Шереметева. Он был занят в коронационных мероприятиях, ему поручались некоторые властные обязанности. Однако позитивного

продолжения не последовало. Борис Морозов, сосредоточивший в своих руках нити государственного управления, предпринял все возможное для отдаления от престола Шереметева и других ему подобных. Морозов «двинул» подающего надежды царедворца главным воеводой в Тобольск. Поводом послужил конфликт на почве местничества между Шереметевыми и Хилковыми. Род Шереметевых, как и род Хилковых, по происхождению и заслугам входил в число шестнадцати наиболее привилегированных. Они и их потомки, минуя низшие чины, поступали в бояре. Однако и внутри этой корпорации то и дело возникали непроясненные с течением веков расхождения в трактовке родословных, на которые соперники не преминули указать.

Были и другие, более глубокие претензии, относящиеся к прежним ролям Шереметевых во власти. Борис Петрович Шереметев, некогда всемогущий царедворец, отошел от дел, утратил свое влияние. К тому же общественное мнение именно на его счет относилось к ошибкам прежнего царствования. Удручающе выглядели результаты административно-хозяйственной деятельности, в бедственном положении оказались финансы. Подобное не могло не бросить тень на Шереметевых, и молодой поросль рода пришлось заново утверждать не столько свои права, сколько способность быть на руководящих ролях. Это отразилось и на судьбе Василия Шереметева, когда тот оказался без влиятельных покровителей и защитников. В отличие от тех именитых сверстников, которым высоты служения давались относительно просто и легко, он оказался менее удачлив — судьба обошлась с ним более чем сурово.

Назначение Василия Борисовича первым воеводой в Тобольск было не чем иным, как ссылкой. На преодоление одного только пути до места назначения требовалось несколько месяцев. Сам административный центр обширной сибирской территории представлял собой удручающее зрелище: его только начали заново отстраивать после недавнего пожара, испепелившего деревянный городок дотла. Шереметев, невзирая на невзгоды, деятельно включился в освоение дикого края, отдаленность которого определяла своеобразие нравов и обычаев населения. Вольные переселенцы, крестьяне, охотники соседствовали там со ссыльными, беглыми крестьянами, преступниками. Шереметев принялся заново отстраивать Тобольск, наращивать торгово-промысловую деятельность, увеличивать поставки добываемой здесь ценнейшей для казны пушнины. Сюда стягивались торговые интересы не только местных, но и прибывающих издалека купцов. Немало хлопот доставляли племена калмыков и киргизов (казахов) — их предводители заявляли о своих правах

на всю Сибирь, требуя от царской власти компенсации товарами, оружием, предметами обихода.

Три года, проведенные Шереметевым вдали от Москвы, где происходили главные события царствования, не прошли для него бесследно. Снова вписаться в элиту, быть на равных с теми, кто тем временем укрепился во власти, было непросто. Найти общий язык с Одоевским, Долгоруковым, с другими не получалось. Поручения, которые ему давались, утопали во взаимном непонимании, в постоянно возобновлявшихся местнических разборках. После ряда неудач Шереметева назначили одним из командующих войсками на Украине. Ему довелось пройти через горнило изнурительной войны, изредка прерываемой не столько на переговоры о мире, сколько ради выигрыша времени, собирания сил в целях ее продолжения. Здесь победы давались русским войскам большой ценой, а поражения в иных обстоятельствах имели трагические последствия. Среди многих причин главная состояла в «шатости», непостоянстве украинских гетманов, временами выступавших союзниками Руси, а порой отворачивавшихся от нее, блокируясь с недавними врагами. Коварство и продажность украинских гетманов, порой покидавших поле боя на решающем этапе сражения, приводили планы ведения боевых действий к краху. Исход сражений предопределялся не воинской доблестью и полководческим талантом, а изменой, переходом, казалось бы, верных союзников на сторону врага. Такое произошло и в войске под командованием Шереметева, в решающий момент столкновений с поляками.

Главные события развернулись в октябре 1660 года у города Чуднова, где гетман Юрий Хмельницкий в ходе сражения переметнулся в стан противника и подписал договор о переходе своего войска на сторону поляков. За Хмельницким последовал и другой «союзник» русских, полковник Цецура. Сражаясь из последних сил, блокированный со всех сторон Шереметев с остатками войска оказался в безысходной ситуации и вынужден был капитулировать. Трагически сложилась судьба русских воинов, оказавшихся в плену: они стали добычей крымских татар, пополнив собой невольничьи рынки мусульманского Востока. Тяготы плена, какие довелось пережить, вынести на себе Шереметеву, не поддаются осмыслению. Он провел в заточении 21 год. За это время сменилось четыре крымских хана, каждый из которых, учитывая статус пленника, пытался выторговать у Московии выкуп за его освобождение. Запрашиваемая сумма была не под силу московской казне. Не в состоянии собрать ее оказались и близкие родственники. Торг тянулся годами,

сказываясь на условиях содержания пленника. После ухода из жизни Алексея Михайловича заботы о судьбе находящегося в неволе боярина перешли к его наследнику Федору Алексеевичу.

В конце концов после того, как в ходе изнурительных переговоров цена за выкуп была согласована, едва живого пленника удалось вызволить. Скрывая его местонахождение, татары постоянно перевозили его с места на место, держа в нечеловеческих условиях. Внешний вид Шереметева был так ужасен, а состояние здоровья настолько критично, что его не сразу решились доставить в Москву. Он вернулся домой изможденным, беззубым стариком, когда уже не оставалось в живых никого из семьи. Спустя год после возвращения из плена в Москву Шереметев умер.

*

По-другому, но еще более трагично сложилась судьба Артамона Сергеевича Матвеева (1625–1682). С детских лет он был взят во дворец «на житие», дабы пополнить, разнообразить круг общения наследника престола Алексея Михайловича. Он был выходцем из простых дворян, его родители в свое время оказали неоценимые услуги первому Романову. С детских лет он составлял компанию будущему царю, был с ним тогда и там, где требовались дружеское участие, душевная поддержка, — в молитвенных хождениях, военных походах, в праздники и в будни. Это он, Артамон Матвеев, сумел сосватать овдовевшему другу свою воспитанницу Наталью Нарышкину, которая стала второй женой Алексея Михайловича и матерью будущего императора Петра I. Удержаться от соблазна не лезть в дела государственной важности, отношение к которым у многих тогда выстраивалось на эмоциональном уровне, Матвеев не мог. Он прекрасно видел все сомнения и слабости своего покровителя и умело пользовался ими. Под его влиянием сформировалось военно-политическое движение Московии в сторону Украины, вылившееся в многолетнюю войну 1654–1667 годов. В ходе этой войны многие произносили нелестные слова в адрес тех, кто развязал ее и стоял у ее истоков. Поэтому окружение царя не очень жаловало Матвеева, старалось отеснить его от трона, всячески пыталось разрушить их близкое общение. Долгое время он оставался лишь доверенным другом царской семьи, которому в минуты грусти Алексей Михайлович писал: *«Поскорей приезжай, мои дети осиротели без тебя, мне не с кем посоветоваться»*.

Не наделенный еще высокими должностями, Матвеев выполнял лишь

отдельные важные поручения самодержца, особенно когда дело касалось внимания к иностранным гостям. Женатый на англичанке Матвеев узнал и усвоил многое из того, что затем стало признаком западнического влияния на атмосферу двора. Тогда при царском дворе появился первый на Руси театр, в Москве была открыта первая аптека, при Посольском приказе была открыта типография, где печатались — опять-таки впервые — светские книги. Дом Матвеева был обустроен по-европейски, украшен картинами западных художников, импортной мебелью и часами.

К началу 1670-х Матвеев стал доверенным лицом царя, взявшим на себя обширные государственные полномочия, главные из которых пролегли опять-таки через Украину. На этой почве и произошло охлаждение в отношениях, а затем и разрыв царя с Ординым-Нащокиным, направлявшим вектор внешней политики на север, к балтийским берегам. С 1671 года и далее, вплоть до кончины Алексея Михайловича, Артамон Сергеевич Матвеев — «ближний боярин», глава Посольского и Малороссийского приказов. Получив эти высокие полномочия, он повел дело к присоединению «естественной ветви к приличному корню», то есть вытеснению Речи Посполитой, а с ней и католической церкви с правобережья Днепра. Однако добиться каких-либо серьезных подвижек в этом вопросе ему не удалось, как и привлечь на сторону Руси европейские страны. С целью помешать экспансии Османской империи на Украину Матвеев пытался образовать антитурецкий союз, отправив на переговоры в Европу видных дипломатов того времени — Украинцева, Тяпкина, Виниуса. Их «челночная дипломатия» также оказалась безуспешной.

Смерть Алексея Михайловича обернулась для Матвеева ссылкой. Последние шесть лет жизни он провел в изгнании, едва выживая в северной глуши, в Пустозерске. Когда же опала закончилась, едва вернувшись в Москву, Матвеев оказался в эпицентре разгоравшегося стрельцкого бунта. Возникшая перепалка с явившимися в Кремль лидерами стрельцов спровоцировала кровавую драму — он был сброшен с кремлевского крыльца на копья бунтовщиков. Свидетелем его гибели, в числе других, был и десятилетний царевич Петр Алексеевич.

*

Федора Михайловича Ртищева (1625–1673) некоторые иностранцы называли «министром двора». Другие считали его другом и фаворитом царя, третьи — всего лишь царским секретарем. Ртищев в истории

царствования Алексея Михайловича предстает во многих ипостасях, однако наибольшее внимание исследователи его жизни уделяют подвижнической, благотворительной деятельности. В самом деле, из всего, чему посвящал себя этот высокопоставленный чиновник, наибольший смысл и высшую ценность обрело его бескорыстное стремление делать добро, помогать нуждающимся. Где бы он ни обитал, какой бы сложности задачи и проблемы его ни обступали, Ртищев находил силы, ресурсы, время для оказания помощи там, где видел в этом необходимость. А необходимость помощи людям давала о себе знать повсеместно.

Ртищев выделял деньги на выкуп тех, кто удерживался в татарском плену, обустроивал богоугодные заведения, убежища для страждущих и калек, направлял доступные ему средства в местности, пораженные голодом. Он пытался придать благотворительной деятельности масштабный характер, поскольку нужда, бедность, страдания были повсеместным явлением русской жизни. Он основал за свой счет первый «особый дом», некое подобие пункта скорой помощи, куда с московских улиц свозили нищих, калек, пьяниц, а затем и другой дом для увечных, слепых, неизлечимо больных, получивший известность как «больница Федора Ртищева». Своим присутствием у трона Ртищев подчеркивал «тишайшие» достоинства царя, подвигая его на многие деяния в пользу бедных.

Предаваясь описанию благотворительной деятельности Ртищева, историки имперского периода сознательно уводили в тень ту роль, которую он играл в государственных делах. Между тем Ртищев в силу своего положения оказывался в эпицентре проблем, которые так или иначе выдвигались на передний план. Он оставался правой рукой самодержца во всех явных и теневых деяниях его царствования. Ртищев входил в число «ревнителей благочестия», был близок к Аввакуму и Никону. Отдавал себя церковной реформе по сценарию, определенному сверху, безуспешно вмешивался в урегулирование на Украине, делал все возможное, чтобы провозгласить Алексея Михайловича царем «Великой, Малой и Белой Руси», проявлял настойчивость в попытках возвести его на польский королевский престол.

В чине постельничего Ртищев как один из самых близких к царю людей оставался в круге всех проблем, которые так или иначе беспокоили царствующую особу. При этом он, насколько мог, стремился облагородить облик Тишайшего, вовлекая его в многочисленные благотворительные акции. В то же время Ртищев стоял у истоков создания приказа Тайных дел и управлял им до конца жизни. Это он, «милостивец» сирых и убогих,

утверждал суровые приговоры тем, кто всего лишь непочтительно отзывался о царе, боярстве и церкви. Он же в силу непросвещенности, неспособности здраво осмыслить чужой опыт продвинул идею денежной реформы, породившей Медный бунт с его кровавыми последствиями. Судьба Ртищева, как и других его видных современников, воплотила как духовные искания, так и те заблуждения, какие могла вобрать в себе непросвещенная, не наделенная должным опытом и знаниями «добрейшая русская душа».

*

Долгое царствование Алексея Михайловича вместило в себя немало других деятельных, умных, самоотверженных людей, с честью служивших Отечеству. Одни из них сумели одолеть просторы Сибири, тем самым включив в хозяйственный оборот таившиеся там огромные ресурсы. Другие, жертвуя собой, пытались на пределе сил направлять свой талант и энергию на то, чтобы сделать Русь такой, какой этого требовало наступающее время, однако их жизни, энергию, талант целиком поглощала борьба за сохранение устоев государственности.

Век Алексея Михайловича — время жестокое, противоречивое, пора бьющих через край драматических событий, противостояний, конфликтов. Тем, кто оказывался в их эпицентре, приходилось искать и находить решения вдали от кремлевских коридоров. Там, в полевых условиях, где разворачивались главные события, происходили сражения, обнажались конфликты, управляющей элите необходимо было самостоятельно вырабатывать стратегию действий, находить выход из безвыходных ситуаций. «Ротация» начальствующих лиц, их сменяемость предопределялась стечением обстоятельств, их востребованность порой не зависела от способностей, готовности соответствовать порученному делу. Принадлежность к именитому роду, древность фамилии выступали гарантом достоинств личности, знаний, таланта, умения решать задачи на любом участке государственной службы. Особенно ценились такие, кто, подобно Хованскому, без раздумий изъявлял готовность беспрекословно служить, где прикажут. Такие люди готовы были возглавлять приказы, управлять воеводствами, водить полки в сражения, председательствовать на дипломатических переговорах. При этом одинаково успешно справляться с теми или иными проблемами редко кому удавалось. Назначения, противоречащие логике, а порой и здравому смыслу, определяли уровень

доверия власти тому или иному деятелю, а единожды достигнутый успех гарантировал право на дальнейшее восхождение по властным ступеням...

Архаичная система государственных институтов при отсутствии реформ продолжала сковывать управленческий процесс, все более обнажая свою уязвимость. Размах событий, их трагический исход убеждал — дельных исполнителей, готовых к тому, чтобы своевременно, адекватно реагировать на подступающие проблемы, обеспечивать их преодоление, остро не хватает. Элита, погрязнув в местнических счетах, все более оказывалась не в состоянии пополнять правящее сообщество людьми, наделенными умом, образованностью, талантом. Жесткий диктат обстоятельств в конечном счете вынуждал власть в исключительных случаях отставлять в сторону знатных бояр, невзирая на их безусловное право главенствовать везде и во всем. Нужны были люди иной генерации, способные ставить заслон череде недальновидных решений, бессмысленных жертв, умевшие находить выход из тупиковых ситуаций, избавлять власть от топтания на месте. Ответом на эту потребность и стало, вопреки непреложным установкам времени, выдвижение Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина в высший эшелон государственного управления.

Глава седьмая

ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ

Наиболее плодотворный этап служения Ордина-Нащокина длился около четырех лет (1667–1671), когда Алексей Михайлович решил поставить его во главе важнейших государственных дел. Исходя из объема и важности возложенных обязанностей, занятое Ординым-Нащокиным в то время положение соответствовало уровню премьер-министра или государственного канцлера. Функции ближнего боярина простирались от решения назревших внутригосударственных проблем до остающихся незавершенными внешнеполитических задач. Необходимо было решительными мерами преодолевать отсталость экономики, основанной на примитивных натуральных формах. Отгораживание от внешнего мира лишь усиливало экономическое отставание, а торговая экспансия извне сводила к минимуму потребности к саморазвитию.

Продвигаемые Ординым-Нащокиным экономические меры вписывались в политику протекционизма, давно и решительно проводимую в то время во многих европейских странах. Такая политика в наибольшей мере отвечала национальным интересам государств, сосредоточенных на развитии. Добиться этого было возможно лишь путем расширения внутреннего рынка, стимулируя собственное товарное производство. Ордин-Нащокин при этом считал важным оберегать выгоду промысловиков и торговцев в отношениях с иностранными поставщиками. *«Ныне торговые статьи учинены великим рассмотрением, чтобы торговля происходила без ссор и без обиды; прежним компаниям быть не годиться, потому что от них больше ссоры, чем дружбы; открылось, что иноземцы торгуют подкладными (поддельными) товарами, тайные подряды делают, многими долгами русских»*^[44]. В данном случае речь идет об объявлении Новоторгового устава, по которому вводился пересмотренный регламент в осуществлении налоговой политики, в соблюдении строгих таможенных процедур в отношении внешних поставщиков. Было принято решение учредить особый Приказ купецких дел, задачи которого состояли в создании здоровой конкурентной среды, избавлении от бюрократической волокиты, ограждении «купецких людей» от произвола, творимого как на границах, так и в окраинных воеводствах. Путем снижения пошлин и введения вексельной системы взаиморасчетов был увеличен товарооборот

через Астрахань.

Ордин-Нащокин торопился провести в жизнь намеченные мероприятия, поскольку чувствовал вражду боярской знати, монополизировавшей внешнюю торговлю, и предвидел, что его возвышение будет недолгим. Надо сказать, что причиной вражды было не только презрение аристократов к «худородному» выскочке, но и характер самого Афанасия Лаврентьевича, не упускавшего случай показать знатым невеждам свое превосходство в уме и знаниях.

В. О. Ключевский в своем очерке, посвященном Ордину-Нащокину, писал: «Ворчать за правду и здравый рассудок он считал своим долгом и даже находил в том большое удовольствие. В его письмах и докладах царю всего резче звучит одна нота: все они полны немолчных и часто очень желчных жалоб на московских людей и московские порядки. Ордин-Нащокин вечно на все ропщет, всем недоволен: правительственными учреждениями и приказными обычаями, военным устройством, нравами и понятиями общества. Его симпатии и антипатии, мало разделяемые другими, создавали ему неловкое, двусмысленное положение в московском обществе. Привязанность его к западноевропейским порядкам и порицание своих нравились иноземцам, с ним сблизившимся, которые снисходительно признавали в нем «неглупого подражателя» своих обычаев. Но это же самое наделало ему множество врагов между своими и давало повод его московским недоброхотам смеяться над ним, называть его «иноземцем». Двусмысленность его положения еще усиливалась его происхождением и характером. Свои и чужие признавали в нем человека острого ума, с которым он пойдет далеко. Этим он задевал много встречных самолюбий, и тем более что он шел не обычной дорогой, к какой предназначен был происхождением, а жесткий и несколько задорный нрав его не смягчал этих столкновений».

Историк отмечает и то, что в письмах царю и других документах Ордин-Нащокин нередко проявлял скромность, даже самоуничижение — но не выше ставил и способности своих знатных врагов, на которых постоянно жаловался. «Перед всеми людьми, — писал он царю, — за твое государево дело никто так не возненавижен, как я». Он называл себя «облихованным и ненавидимым человеченком, не имеющим, где приклонить грешную голову». При каждом столкновении с влиятельными недругами он просил царя отправить его в отставку, оговариваясь, однако, что от этого пострадают государственные интересы. Ключевский продолжает: «Афанасий знал себе цену, и про его скромность можно было сказать, что это — напускное смирение паче гордости, которое не мешало

ему считать себя прямо человеком не от мира сего: «Если бы я от мира был, мир своего любил бы», — писал он царю, жалуясь на общее к себе недоброжелательство. Думным людям противно слушать его донесения и советы, потому что «они не видят стези правды и сердце их одебелело завистью». Злая ирония звучит в его словах, когда он пишет царю о правительственном превосходстве боярской знати сравнительно со своей худородной особой. «Думным людям никому не надобен я, не надобны такие великие государственные дела... У таких дел пристойно быть из ближних бояр: и роды великие, и друзей много, во всем пространый смысл иметь и жить умеют; отдаю тебе, великому государю, мое крестное целование, за собою держать не смею по недостатку умишка моего»»^[45].

Важную роль в осуществлении курса на развитие национальной экономики Ордин-Нащокин отводил зарубежному опыту, развитию деловых связей с границей. Для этого следовало возвысить роль Посольского приказа в государственных делах. Без ведома «государственных посольских дел оберегателя» никакие государственные акты и распоряжения не могли иметь законной силы. Он исходил из того, что Посольский приказ есть «око всей России» и службу в нем следует поручать «беспорочным, избранным людям во всем освидетельствованным разумом и правдою». Он доказывал пагубность «неформальных» отношений высокопоставленных бояр и дьяков с иностранными представителями, в ходе которых заключались сделки, в ущерб «казенной прибыли». «Не научились, — доказывал он царю, — посольские дьяки при договорах на съездах государственные дела в высокой чести иметь, а на Москве живучи бесстрашно мешают посольские дела в прибылях с четвертными и с кабацкими откупам». Он требовал, чтобы «думные дьяки великих государственных дел с кружечными делами не мешали бы и непригожих речей на Москве с иностранцами не плодили бы»^[46].

*

Чтобы понять значимость деятельности Ордина-Нащокина во главе Посольского приказа, необходимо вкратце рассмотреть, чем занималось это учреждение и как оно возникло. В Киевской Руси особого ведомства, занимавшегося внешней политикой, не существовало — ее регулировал князь при участии должностных лиц своей администрации. В Московской Руси особую роль в управлении заняла Боярская дума, постоянный

совещательный орган при великом князе, а потом и при царе. На ее заседаниях обсуждались важнейшие вопросы внутренней и внешней политики, принимались решения с формулировкой: «государь указал и бояре приговорили». Дума ведала приемом иностранных послов, ведением переговоров, составлением дипломатических документов. Согласно этикету царь (великий князь) принимал послов только в самых важных случаях, все дела они решали с боярами. Не случайно Иван Грозный говорил английскому послу Р. Ченслеру: *«У нас издавна того не ведетца, что нам, великим государем, самим с послы говорить»*^[47].

С усилением центральной власти Боярская дума, выражавшая интересы княжеско-боярской аристократии, стала «задвигаться» на задний план. Уже в правление Василия III была создана «Ближняя дума» из доверенных лиц великого князя, решавшая все важнейшие вопросы, касающиеся в том числе и внешней политики. Это учреждение сохранилось и в XVII веке, о чем упоминал Ордин-Нащокин в письме царю: *«В Московском государстве искони, как и во всех государствах, посольские дела ведают люди тайной Ближней думы»*. Служивший в России наемник-француз Жан Маржерет в своих записках начала столетия писал: *«Определенного числа членов Боярской думы не существует, так как от императора зависит назначить, сколько ему будет угодно. При мне оно доходило до тридцати двух членов. Тайный Совет для дел особой важности состоит обычно из самых близких родственников императора... Сверх того в думе держат двух думных дьяков... Один из них тот, в ведомство к которому направляют всех послов и дела внешней торговли. Другой тот, в ведомстве которого все дела военных»*^[48].

Думные дьяки, вначале бывшие простыми писцами, со временем стали играть важную роль в государственных делах. В совершенстве изучив делопроизводство и правила дипломатического этикета, они участвовали в решении всех вопросов внешней политики. Г. Котошихин в своих записках отмечает: *«А на всяких делах закрепляют и помечают думные дьяки, а царь и бояре ни х каким делам, кроме того что послы прикладывают руки к договорным записям, руки своей не прикладывают»*. «Худородные» дьяки, происходившие из дворянства или духовенства и чуждые сословной спеси, были незаменимым орудием в борьбе верховной власти с боярами. Именно они заняли ведущее положение в приказах — органах государственного управления, возникших в начале XVI века. К середине столетия оформилась приказная система, в которой главную роль играли четыре «старших» приказа — Поместный, Разрядный, Земский и Посольский.

Последний, созданный в 1549 году, тоже возглавил дьяк — Иван Михайлович Висковатый. В 1561 году этот доверенный советник Ивана Грозного был также назначен «печатником», или хранителем Большой государственной печати, что было вполне разумно: печать прикладывалась прежде всего к дипломатическим документам.

Дьяки, руководившие «старшими» приказами, участвовали в заседаниях Боярской думы и носили звание думных, в то время как главы остальных приказов (их в разное время насчитывалось до сорока) назывались приказными дьяками. Их статус был существенно ниже: если думных дьяков писали в документах с отчествами в полной форме, то приказных — в краткой (Иван Петров сын Данилов) или вовсе без отчеств. Подьячие, к которым перешли канцелярские обязанности, и вовсе писались одним именем в уничижительной форме — Ивашка, Васька и т. д. При Федоре Ивановиче в штате Посольского приказа помимо посольского дьяка и его «товарища» (заместителя) работало 15–17 подьячих и несколько толмачей, то есть переводчиков.

К тому времени приказ успел пережить репрессии времен опричнины, когда некоторые его сотрудники были казнены по обвинению в измене. Иван Висковатый потерял доверие царя, высказавшись — как и Ордин-Нащокин век спустя — за мир с Польшей и установление с ней союзнических отношений. В 1570 году его обвинили в тайных сношениях с польским королем Сигизмундом и намерении передать ему Новгород. Висковатый пытался оправдаться, но царь, не слушая, велел отрубить ему голову. Его преемником стал дьяк Андрей Щелкалов, достигший еще большего влияния; дошло до того, что он за взятки вносил исправления в родословные росписи бояр, повышая их на лестнице местничества. За это царь Борис Годунов сместил его, назначив посольским дьяком его младшего брата Василия Щелкалова. В неразберихе Смутного времени эту должность занял дьяк Иван Грамотин, служивший трем государям. По отзывам голландца Исаака Массы, он был «похож на немецкого уроженца, умен и рассудителен во всем». Западнические симпатии дьяка вызвали гнев патриарха Филарета, который распорядился отправить Грамотина в ссылку — но тот сумел вернуть доверие царя и руководил приказом до 1635 года.

Из-за недостаточно четкого разделения функций внешнеполитической деятельностью в XVI–XVII веках занимались не только Посольский приказ, но и другие ведомства. Одним из них был Казенный приказ, или Казенный двор, который ведал внешней политикой до образования Посольского приказа. Важной частью дипломатического этикета того времени было вручение «поминков» (подарков) иноземным послам и

государям, средства на которые выделялись из казны. Казначей Казенного приказа вели учет этих подарков, а также принимали участие в переговорах — особенно в тех, что касались торговых отношений с заграницей. К дипломатической службе имел отношение и приказ Большого дворца: его представители, дворцовые дьяки, ведали размещением прибывавших в Москву послов и их снабжением («кормом»). Они также участвовали в переговорах, а нередко и сами выезжали за границу как члены посольств. Руководили посольствами обычно родовитые бояре, которые не имели понятия о сути решаемых дел, не знали ни языка, ни обычаев посещаемой страны. Поэтому дьякам приходилось вести дипломатическую переписку, составлять указы послам и контролировать их действия, находясь в составе посольств.

С прибытием в Москву иноземных послов каждый раз создавалась комиссия для переговоров, состоявшая из бояр, казначеев и дьяков. После приезда посол получал аудиенцию у царя и предъявлял ему верительную грамоту, в которой часто излагалась и суть предмета переговоров. Через некоторое время к послу являлась комиссия, которая выслушивала его предложения и передавала их царю. Одобренные им ответные предложения в свою очередь передавали послу, который увозил их на рассмотрение своего государя. Обычно в комиссию входили один-два, в важнейших случаях три члена Боярской думы. Если ранг иностранного дипломата был не слишком высоким, ответ ему мог передать один дьяк без участия бояр.

Надо сказать, что Посольский приказ занимался не только дипломатическими вопросами, но и другими делами, связанными с иностранцами. В его ведении находились жившие на Руси иноземные купцы и ремесленники (но не военные — ими занимались другие ведомства), дворы для приема послов, выкуп пленных. Кроме того, царь давал Посольскому приказу всевозможные поручения, исполнение которых порой затягивалось на десятилетия. Так ему оказались подчинены сибирские владения купцов Строгановых, несколько крупных монастырей, места обитания переселившихся на Русь татар и т. д. Из-за этого аппарат приказа сильно увеличился — еще в конце XVI века в нем появились присутствие (нечто вроде коллегии) и занятая повседневными делами канцелярия. В середине следующего столетия из приказа выделились отделы, или «повытья», возглавляемые старшими подьячими. Три повытья занимались сношениями с европейскими странами, два — с азиатскими. Между повытьями распределили технические функции: одно занималось переписыванием и переводом документов, другое — обеспечением связи с заграницей, третье — оформлением дипломатических приемов, что

включало в себя изготовление богато украшенных тканей и нарядов.

Тогда же, в правление Алексея Михайловича, Посольскому приказу были приданы дополнительные функции — сбор таможенных пошлин, заведование делами донских казаков, назначение воевод в приграничных районах. Когда между ведомствами распределили управление русскими городами, в ведении приказа оказались Касимов, Елатьма, Романов, а позже ему подчинили четверти, или четвертные приказы — Новгородский, Галицкий, Владимирский, Устюжский, собиравшие налоги с обширных территорий Северной Руси. В его же ведении находились созданный после присоединения Левобережной Украины Малороссийский приказ и другие «временные» приказы — Смоленский, Литовский, Новгородский. С ростом полномочий продолжали расти и штаты: с 1666 года место одного заместителя посольского дьяка заняли три, с 1668-го — четыре, а потом и пять. Заместители, или «вторые дьяки», назначались из подьячих, имевших опыт работы в приказе. Некоторые из них со временем становились руководителями приказов — в том числе Алмаз Иванов, занявший этот пост в 1653 году и только через 14 лет уступивший его Ордину-Нащокину.

Основной штат Посольского приказа составляли подьячие, делившиеся по своему стажу на старых, средних и молодых. Старые, или приписные, возглавляли поветья и «походы» (инспекции), им также доверялось право подписи не слишком значительных документов. Средние и молодые подьячие переписывали документы и выполняли разные поручения. В приказе служили также переводчики и толмачи — часто считается, что это одно и то же, но первые занимались письменным переводом, а вторые — устным. Во второй половине XVII века насчитывалось до 15 переводчиков и 40–50 толмачей, которые знали не только главные европейские языки, но и турецкий, персидский, арабский, грузинский, монгольский. Часто в переводчики шли приехавшие на Русь иноземцы или русские, побывавшие в плену. Были случаи, когда для изучения языков боярских детей специально посылали за границу. Способности служащих Посольского приказа ценились весьма высоко: их жалованье было в три — пять раз больше, чем в других приказах.

*

Особое место в деятельности приказа занимала организация русских посольств. До начала XVIII века постоянных дипломатических представительств за границей у Руси не было. Посольства посылались для

решения отдельных вопросов — заключения мира, поздравления вступившего на трон монарха, подписания торговых соглашений. От важности миссии зависел статус дипломата: он мог быть великим послом, обычным или «легким», посланцем и гонцом. Каждому из этих рангов соответствовали определенные почести и денежные выплаты. Послы, как уже говорилось, выбирались из бояр, которые наделялись правом вести переговоры и выработать проект договора, который утверждался царем и Боярской думой. Дьяки могли быть только посланцами, статус и роль которых были менее значительны. При этом они неизменно входили в состав посольств, являясь товарищами посла и членами посольского съезда. Гонцы, назначаемые из числа подьячих или толмачей, просто доставляли грамоты или передавали поручения устно, не вступая в переговоры. Были и тайные посланцы, которые перевозили секретные документы и инструкции русским послам и агентам за границей. Они не входили в штат приказа, а вербовались из разных сословий. Например, в архиве Посольского приказа сохранился документ: *«Отпущен тайно к цесарю с грамотой московский торговый человек Тимоха Выходец»*^[49].

Во время пребывания за границей послы обеспечивались за счет того государства, куда отправлялись. Точно так же в России их финансировал Казенный приказ, но во второй половине XVII века эту обязанность также передали Посольскому приказу. Его бюджет в тот период неизвестен; мы знаем только, что на жалованье сотрудников ежегодно тратилось около пяти тысяч рублей, а к 1700 году эта сумма возросла до семи тысяч. Помимо высокой зарплаты исполнение служащими приказа своего долга обеспечивала присяга на Библии, даваемая при вступлении в должность. Думный дьяк, например, клялся *«служити и прямити и добра хотети во всем вправду, и государские думы и боярсково приговору и государских тайных дел русским всяким людем и иноземцом не приносите и не сказывати, и мимо государственной указ ничего не делати, и с иноземцы про Московское государство и про все великие государства Российского царствия ни на какое лихо не ссылатися и не думати, и лиха никакова Московскому государству никак не хотети»*^[50].

Первоначально «посольская изба» находилась в Кремле на площади, где позже была построена колокольня Ивана Великого. В 1570-х годах все приказы были переселены в новое двухэтажное здание Приказных палат, выстроенное в форме буквы П. Посольский приказ располагался в части здания, соседствующей с Архангельским собором, где помещалось несколько больших палат. В одной из них, Задней, где принимали

иноземных посланников, стены были обиты «черевчатым аглинским сукном», а потолки расписаны. В другой палате, где сидели подьячие, на стене в рамках висели четыре «персоны» (картины), на которых были изображены добродетели, необходимые служащим приказа — Правда, Мудрость, Воздержание и Крепость. В отдельном опечатанном помещении хранилась Большая государственная печать, в другом — архив и библиотека с печатными и рукописными книгами, изображениями и картами. По заказу вельмож и самого царя сюда доставлялись из-за границы иностранные книги на разные темы — «по художеству», «о чудесах мира», «о полатном и городовом строении» и т. д. При необходимости здесь же, в приказе, эти книги переводились на русский язык.

Уникальность положения Посольского приказа делала его настоящим культурным центром Руси, который одновременно и закреплял существующую идеологию, и подрывал ее, допуская в страну — пусть и весьма дозированно — информацию о жизни других стран, о науке и культуре Нового времени. Первую «ипостась» этой деятельности представляли усилия по созданию трудов по истории государства, закреплявших его международный авторитет. Хотя их начало относится еще к временам Ордина-Нащокина, зримое воплощение они обрели при его преемнике А. С. Матвееве, когда был составлен «Царский титулярник». В этом богато иллюстрированном сочинении описывалась история Руси и ее монархии, искусственно возведенная к временам римских императоров, чтобы поставить дом Романовых вровень с его европейскими «коллегами». В Посольском приказе создавались и другие исторические сочинения, например «История о царях и великих князьях земли Русской», написанная в 1669 году дьяком Федором Грибоедовым. Для ознакомления царя и бояр с событиями в других странах Посольский приказ выписывал из-за границы газеты и журналы, составляя на их основе так называемые «вестовые письма», из которых позже возникла первая русская газета «Куранты».

*

Вступив в 1667 году в должность руководителя внешнеполитического ведомства, Ордин-Нащокин открыл новый, самый плодотворный период своей государственной карьеры. 30 января он скрепил своей подписью Андрусовский договор. 22 апреля появился развернутый текст девяноста четырех статей Новоторгового устава, а также семь дополнительных статей

Устава торговли, который ограничивал иностранную торговлю в русских городах в целях поощрения отечественной. Историки отмечают, что свою программу реформ Ордин-Нащокин «обкатал» в родном Пскове за время недолгого губернаторства в 1665 году. Приехав в город, он нашел его в состоянии запустения. «Лучшие люди» решали все дела по своему разумению, не советуясь с посадскими, а воевода и его подручные грабили тех и других. В городе не собирались налоги, товары ввозились и вывозились беспошлинно, от чего страдали и казна, и сами горожане. Изучив положение, Нащокин собрал представителей от посадских людей и обсудил с ними «статьи о градском устроении» — можно предположить, что они были составлены на основе европейского городского права.

Его реформы были направлены на упорядочение управления и ограничение произвола чиновничьего аппарата. По его предложению жители Пскова выбирали из своей среды 15 человек, которые в течение трех лет, по пять человек ежегодно, вели городские дела. В их ведении находились городское хозяйственное управление, надзор за продажей алкоголя, таможенные сборы и торговля с иностранцами, а также судебное производство по торговым и другим делам. Воевода выносил судебные решения только по государственным и важнейшим уголовным преступлениям. Нащокин попытался реформировать местную торговлю, главный недуг которой заключался, по его мнению, в том, что «русские люди в торговле слабы друг перед другом», из-за чего легко попадают в зависимость от иностранцев. Ордин-Нащокин, видевший в богатстве торгово-промышленного класса залог процветания государства, учредил особые торговые компании, объединявшие вокруг одного богатого купца мелких торговцев. Земская изба выдавала этим компаниям ссуды для покупки товаров к еженедельным ярмаркам, во время которых для поощрения торговли допускался беспошлинный торг. «Худшие люди», которые не были бы в состоянии вести самостоятельную торговлю, теперь при помощи богатых компаньонов получали прибыль; в свою очередь, богачи могли с их помощью управлять ценами на товары.

Ордин-Нащокин не смог провести свои реформы в жизнь из-за недостатка времени: уже через восемь месяцев он был отозван из Пскова в столицу для ведения дипломатических дел. Сменивший его на воеводстве старый враг Иван Хованский представил царю реформы своего предшественника в самом невыгодном свете, и они были отменены. В Москве решили, что «такому уставу быть в одном Пскове не уметь», а на остальные города распространить его невозможно, поскольку он противоречит политике правительства, стремившегося к максимальной

централизации управления путем назначения во все города воевод и создания там воеводских администраций.

Теперь, заняв одну из первых должностей в государстве, Ордин-Нащокин получил возможность продвигать свои нововведения в масштабах всей Руси. Сравнивая положение дел в России и Европе, он заметил, что вся финансовая политика московского правительства направлена исключительно на пополнение «государевой казны». Из-за этого происходит падение народного благосостояния, которое опустошает и казну, недополучающую налоги и пошлины. Его можно считать первым политэкономом Московского государства, работавшим над программой подъема благосостояния народных масс в интересах государства.

По его инициативе европейские купцы лишились права торговать на всей территории страны, включая Москву. Для них было установлено несколько таможен на севере и западе, где они могли оптом продавать свои товары русским купцам, которые уже сами продавали их в розницу, получая от этого немалую прибыль. Восточные купцы (персы, индийцы, бухарцы) имели право торговать только в Астрахани, а в другие города допускались лишь с уплатой большой пошлины. По тем же правилам греки, молдаване и валахи торговали в Путивле. Таким образом, посредниками между Востоком и Западом становились теперь не иностранцы, а русские купцы. Для облегчения торговых связей с Европой был введен вексельный расчет, впервые установились официальные обменные курсы русской валюты с зарубежными.

Главным недостатком системы управления Ордин-Нащокин считал малую самостоятельность воевод, которые ничего не решали без указа из Москвы. Нащокин требовал большей свободы действий, опять-таки указывая на пример западноевропейских государств, где во главе войска ставится знающий полководец, который сам отдает приказы войскам. «Нельзя во всем дожидаться государева указа», — писал он царю. Но такую самостоятельность он считал возможной лишь при условии назначения воеводами опытных и способных людей, которые могли проявлять «промысел», то есть инициативу: «Лучше всякой силы промысел; дело в промысле, а не в том, что людей много. И много людей, да промышленника нет, так ничего не выйдет». Ордин-Нащокин не оставил без внимания и русскую армию, выражая недовольство существующими в ней порядками. Чтобы сделать войско более управляемым и подвижным, он предлагал постепенно заменить дворянскую конницу новыми пешими и конными полками из «даточных людей», то есть создать регулярную армию, которая бы пополнялась при помощи рекрутских наборов.

Ордин-Нащокин одним из первых выступил и за строительство на Руси современного морского флота. Еще будучи воеводой в Ливонии, он пришел к мысли, что доступ к балтийскому побережью будет иметь ценность для Руси только в случае создания военного и торгового флота. Тогда он завел речную флотилию на Западной Двине, но после Кардисского мира она была потеряна вместе с ливонскими землями. Теперь он решил создать флот на Волге и в Каспийском море для защиты торговых путей от разбойников. Под его руководством начала строиться корабельная верфь в селе Дединове на Оке в 26 верстах от Коломны. Возглавив созданный по его инициативе Корабельный приказ, он добился регулярного выделения средств из казны на строительство флота и найма для этой цели западных специалистов. Летом 1668 года на верфи был построен первый русский военный корабль — фрегат «Орел». В следующем году он совершил поход по Оке и Волге до Астрахани, но там был захвачен восставшим Разиным и сожжен. Вероятнее всего, именно Ордин-Нащокин разработал проект корабельного флага, для которого царь повелел прислать *«сто пятьдесят аршин тафт червчатых (красных), белых, лазоревых»*. Таким образом, Афанасия Лаврентьевича можно считать «отцом» трехцветного государственного флага России.

Еще одной, довольно неожиданной сферой его интересов стало садоводство. В Европе того времени большое распространение получили сады, где выращивались цветы, лекарственные травы, экзотические растения, привезенные из дальних стран. На Руси ничего подобного не было до эпохи Алексея Михайловича, когда в царских резиденциях стали разводить сады и «аптекарские огороды». Большую роль в этом сыграл Ордин-Нащокин, который для своего московского сада выписывал растения и садовников из-за границы. По его совету царь приказал выписать из Астрахани и развести в столице виноград, тутовые деревья и хлопчатник. По итальянскому примеру в дворцовых садах прорывались каналы, строились изящные беседки с картинами.

О европейских садах и их внедрении на Руси Нащокин часто беседовал с уже известным нам царским лейб-медиком Сэмюелем Коллинсом, который в своем сочинении писал о нем и его деятельности весьма хвалебно: *«Он оживил торговлю шелком в России и думают, что вся индийская торговля обратится сюда. Теперь он занимается преобразованием русских законов и новым образованием всего государства. Доносы уничтожатся; все наместники с помощниками своими будут иметь власть над жизнью и смертью, потому что прежде все преступники привозились в Москву, а это было для царя очень беспокояно и*

отяготительно. Нащокин человек неподкупный, строго воздержный, неутомимый в делах»^[51]. Коллинс отмечал, что Нащокин, при всем расположении к западным порядкам, не был их слепым подражателем. Англичанин записал его высказывание, которое не вредно будет вспомнить и в наше время: «Что нам за дело до иностранных обычаев: их платье не по нас, а наше не по ним». Общение с ним позволило Коллинсу сделать вывод, что Нащокин «великий политик, очень мудрый государственный министр и, может быть, не уступит ни одному из европейских министров».

*

При всем многообразии интересов и дел, которыми ближнему боярину приходилось заниматься, главное его внимание было по-прежнему обращено на управление Посольским приказом. В то время это ведомство играло главную роль в поддержании отношений Руси с внешним миром. На него были возложены не только общее руководство внешней политикой, но и вся текущая дипломатия: отправка русских посольств за границу, прием иностранных миссий и забота о их нуждах, подготовка текстов инструкций (наказов) русским послам и переписка с ними, подготовка соглашений, ведение переговоров, а позже назначение и контроль за действиями постоянных русских представительств за границей. Посольский приказ ведал иностранными купцами во время их пребывания в России и вообще всеми приезжими иноземцами, кроме военных. Кроме того, он занимался выкупом и обменом русских пленных, управлял недавно присоединенными территориями (Сибирь, Кавказ, Смоленск), ведал служилыми татарами-помещиками центральных уездов. Ему подчинялись созданные в середине XVII века «пограничные» ведомства — Малороссийский приказ, приказ Великого княжества Литовского, Смоленский приказ. В приказе хранились Большая государственная печать и несколько малых, которыми скреплялись все важные документы. Ни один акт государственного значения не имел силы до того, как пройдет апробацию и будет заверен печатью в Посольском приказе. Там же находился государственный архив, содержащий важнейшую внешнеполитическую и внутривнутреннюю документацию.

К моменту прихода Ордина-Нащокина на должность главы в Посольском приказе работали около ста человек. Почти все они размещались в общем каменном здании приказов в Кремле, недалеко от

Архангельского собора (сейчас на этом месте находится Большой Кремлевский дворец). Здание, построенное при Борисе Годунове, сильно обветшало, и Нащокин еще до своего назначения убедил царя построить новое. Стройка началась в 1675 году и продолжалась пять лет; она ознаменовала собой не только обновление Посольского приказа, но и повышение его статуса. Ордин-Нащокин стал первым боярином во главе приказа после его основателя Ивана Висковатого. Подняв статус главы приказа, царь фактически сделал его вторым человеком в системе государственного управления.

В деятельности ведомства за время руководства Ордина-Нащокина произошли существенные изменения. Расширился штат служащих: в Посольском приказе теперь служили два думных дьяка, несколько дьяков, пять старших подьячих и 17 средних и молодых, 19 переводчиков, а также два золотописца для украшения договоров и грамот. Нащокин настаивал на освобождении приказа от массы не свойственных ему дел, которые были поручены ему из-за общей неразберихи в приказной системе. Приказ был вынужден заниматься взиманием питейных и таможенных сборов, управлением железоделательными заводами (поскольку ими владели иностранцы) и даже изготовлением пороха. Новый руководитель постарался избавиться от этих «непрофильных» функций, как и от мешавших работе общих недостатков тогдашнего (и не только тогдашнего) государственного аппарата — волокиты, кумовства, взяточничества. Из-за этого на него сразу же ополчилось «среднее звено» служащих приказа — дьяки Голосов, Дохтуров, Юрьев, считавшие себя не менее даровитыми и достойными, чем Нащокин. С начала и до конца его службы в приказе они саботировали его распоряжения, тормозили ведение дел, пытались очернить его в глазах царя и приезжавших в Москву иностранцев. При этом отправить их в отставку Ордин-Нащокин не мог — других профессионалов, имеющих опыт дипломатической службы, в тогдашней Руси просто не было. По той же причине наиболее важные и сложные вопросы он старался замыкать на себя.

Выступая за первоочередное развитие отношений со странами Европы, дипломат придавал особое значение многовекторности внешней политики. В XVII веке Русь успешно торговала с Востоком; один только вывоз через Астрахань мехов на миллион рублей в год приносил казне огромную прибыль. Ордин-Нащокин выступал за расширение торговых и дипломатических связей с азиатскими странами, включая такие далекие, как Китай и Индия. Этому способствовало движение «встречь солнцу» русских землепроходцев, которые именно в царствование Алексея

Михайловича приступили к освоению громадных просторов Сибири и Дальнего Востока, продвинувшись до самого Тихого океана. На берегах Амура и Аргуни русские первопроходцы и колонисты вступили в пределы, на которые простирались интересы китайской империи Цин. Возник пограничный конфликт, чреватый серьезными последствиями для малочисленной колонии русских. В 1670 году в Пекин отправилось русское посольство, которому удалось договориться о поддержании мирных отношений (впрочем, позже китайцы все же вытеснили русских поселенцев из Приморья, что закрепил Нерчинский договор 1689 года). Еще одно посольство Бориса и Семена Пазухиных было отправлено в 1669 году в Персию и Бухару в попытке добиться у этих стран поддержки в будущей войне с Османской империей.

Одной из главных целей Ордина-Нащокина было налаживание дипломатических и торговых связей с теми странами, с которыми у Руси еще не было отношений. Впервые в русской истории он предпринял попытку организовать постоянные дипломатические представительства за рубежом. Так, в июле 1668 года в Речь Посполитую в качестве резидента отправился русский дипломат В. Тяпкин. По инициативе Ордина-Нащокина летом 1667 года в основные европейские державы — Австрию, Англию, во Францию, в Швецию и Голландию — были направлены русские дипломаты с известием о заключении Андрусовского перемирия и предложением дружбы. В Испанию и Францию поехал один из ближайших сотрудников и помощников Нащокина, стольник П. И. Потемкин, известный как сторонник западнических идей. В 1668 году в Венецию ездил «торговый иноземец» Кельдерман с грамотами, хотя главные торговые сношения происходили по-прежнему с Голландией и Англией.

Ордин-Нащокин, по мнению лиц, посвященных в тайны русского двора, покровительствовал англичанам, давая им некоторые льготы и преимущества. Англичанин Коллинс объяснял это его «обожанием государей», поскольку Англия была монархией, а Голландия — республикой. Но, скорее всего, у дипломата имелись другие мотивы: после того как Алексей Михайлович изгнал английских купцов, голландцы стали фактически монополистами в московской торговле с Европой, и Нащокин стремился восстановить равновесие. Его интерес к торговле с англичанами диктовался исключительно пользой государства, и когда они заговорили о возвращении им привилегий, которые имели английские купцы со времен Ивана Грозного, начальник Посольского приказа ответил отказом.

В 1668 году Ордин-Нащокин сам ездил в Митаву заключать торговые договоры с Пруссией и Швецией. В предыдущем году по его инициативе

был заключен договор с армянской компанией, которая вела торговлю шелком с Персией. Договор кроме немалых таможенных доходов для казны открыл возможность увеличить наплыв иностранных купцов в Россию. Однако в ходе восстания Степана Разина товары компании были разграблены, и она свернула свои операции на Руси. Но Ордин-Нащокин не ослабил усилий, пытаясь завязать торговые отношения с бухарскими и хивинскими купцами. По его инициативе началась подготовка посольства в Индию для налаживания с ней торговых связей — богатства этой страны издавна привлекали русских купцов.

Расширение международных связей было невозможно без достоверных знаний о политической и экономической жизни зарубежных стран, без регулярного обмена корреспонденцией. Понимая это, Ордин-Нащокин принимал меры по налаживанию почтовой связи с Европой. Как уже говорилось, первые шаги в этом направлении были сделаны, еще когда он был воеводой в Ливонии. Позже благодаря его усилиям датчанин Леонтий Марселис получил право на организацию почтового сообщения, при том что почту должны были возить ямщики Ямского приказа. Первая почта была доставлена из Москвы в Ригу 17 сентября 1668 года, а 1 марта 1669 года заработала постоянная почтовая линия между Москвой и Вильно. Свои затраты Марселис окупал благодаря тому, что при поддержке Ордина-Нащокина добился монопольного положения. Иностранным купцам предписывалось посылать свою корреспонденцию на родину только через его контору.

Источником новостей из-за границы становились регулярные отчеты русских дипломатов и купцов о политической ситуации и повседневной жизни в странах, где они находились. Часть этих сведений публиковалась в первой русской газете «Куранты», которая переписывалась от руки в нескольких экземплярах для царя и его приближенных. Предварительно ее материалы просматривал Ордин-Нащокин. Сообщения были самыми разными: например, в 1668 году в газете было помещено письмо посла Потемкина из Франции: *«Люди во Французском государстве человечны и ко всем наукам, к философским и рыцарским тщательны... Парис (Париж) великий и многолюдный, и богатый, и школ в нем безмерно много; студентов в Парисе бывает тысяч до тридцати и больше»*. *«Из иных государств во Французскую землю в город Парис и в иные города приезжают для науки философской и для учения ратного строя королевичи и великородные, из разных чинов люди...»*

В 1673 году посол Виниус докладывал из Англии: *«Правление английского королевства или как общим именем именуют Великой*

Британии, есть отчасти монархияльно (единовластно), отчасти аристократично (правление первых людей), отчасти демократно (народоправительно). Монархияльно есть потому, что имеют англичане короля, который имеет отчасти в правлении силу и повеление, только не самовластно. Аристократно и демократно есть потому: во время великих дел, начатия войны или учинения мира, или поборов каких денежных, король созывает парламент или сейм. Парламент делится на два дома: один называют вышним, собираются сенаторы и шляхта лучшая из всей земли; в другом собираются старосты мирских людей всех городов и мест, и хотя что в вышнем доме приговорят, однако без позволения нижняго дома совершить то дело не возможно, потому что всякие поборы денежные зависят от меньшаго дома. И потому вышний дом может назваться аристократия, а нижний демократия. А без повеления тех двух домов король не может в великих делах никакого совершенства учинить»^[52]. Хотя сообщения «Курантов» доходили лишь до узкого круга лиц, они играли важную роль в распространении на Руси информации о жизни других стран, о их государственном устройстве и культуре.

*

Возглавив Посольский приказ, Ордин-Нащокин не оставил давнюю свою мечту о создании русско-польского союза. После заключения Андрусовского перемирия русское правительство планировало созвать в июне 1668 года в Курляндии посольский съезд, куда предполагалось пригласить не только русских и польских, но и шведских представителей. Главной темой должны были стать вопросы торговли, а именно снятие вызванных войной наслоений, препятствующих свободному движению товаров и людей между странами. По мысли Ордина-Нащокина, такие посольские съезды должны были проводиться постоянно, чтобы оперативно решать возникающие проблемы. Другой задачей съезда в Курляндии была подготовка «вечного мира» с Речью Посполитой. Для посредничества в переговорах был приглашен бранденбургский курфюрст Фридрих Вильгельм I. Глава Посольского приказа предполагал, что съезду удастся, наконец, установить на востоке Европы прочный мир и сделать реальностью союз славянских государств против общих врагов — турок на юге и шведов на севере.

Однако в дело вмешались непредвиденные обстоятельства: король Ян Казимир, готовившийся к отречению от престола, не стал посылать

делегатов в Курляндию, а пригласил русских послов в Варшаву. Узнав об этом, от участия в съезде отказались шведы. Тем временем у Алексея Михайловича снова ожили мечты о польской короне — пусть не для себя, а для сына (который вскоре умер в возрасте пятнадцати лет). Ордин-Нащокин решительно выступил против этих планов. Ему в подробностях была известна история прежних попыток призвать русского царя на польский престол. Он, как никто другой, предвидел последствия этой провокационной затеи, главной целью которой было выиграть время, избавить Польшу от войны, вести которую страна была не в состоянии. Нащокин был убежден в том, что сделать Польшу и польский престол подвластными русскому царю не удастся. Исходил он из знания уходящих в историю традиций, особенностей национального характера, остроты межрелигиозных противоречий, становившихся по своей сути причиной военных конфликтов. По его мнению, в интересах двух народов следовало заключить союз двух независимых славянских государств, что послужило бы достижению общих стратегических целей, способности совместно противостоять внешней агрессии со стороны Швеции и османской Турции.

Тем не менее старая политическая авантюра, несмотря на уроки прошлого и разумные предостережения, снова трансформировалась в программную цель государственного значения. Ссылаясь на давние договоренности, так и не получившие продолжения, Ордину-Нащокину было поручено напомнить полякам историю вопроса и внести в повестку дня вопрос о кандидатуре русского царя при рассмотрении вопроса о судьбе польского престола. Окружение Алексея Михайловича посчитало, что именно Нащокин должен отправиться в Варшаву на выборы короля, хотя знало, насколько иначе он видел будущность русско-польских отношений. Соображения о путях примирения с Речью Посполитой и вариантах территориального размежевания, которые Нащокин обосновывал в своем проекте, Алексей Михайлович в свое время решительно отверг: *«Эту статью отложили и велели выкинуть, потому что непристойна... Собаке недостойно есть и одного куска хлеба православного: только то не по нашей воле, а за грехи учиниться. Если же оба куска святого хлеба достанутся собаке — ох какое оправдание примет допустивший это? Будет ему воздаянием преисподней ад, прелютый огонь и немилосердные муки. Человеке! Иды с миром царским средним путем, как начал, так и кончай, не уклоняйся ни направо; ни налево; Господь с тобой!»*

За этой тирадой проступала суть религиозной непримиримости благочестивого царя, угрожающего «немилосердными муками», какие ожидали отступника. Ордину-Нащокину, отправлявшемуся в Варшаву,

предписывалось, не затрагивая других вопросов, убедить польский сейм перевести в практическую плоскость предложение об участии русского царя в решении судьбы польского престола. Заслуживающие доверия источники предостерегали Нащокина: роль русских в этом конкурсе закончится для них публичным унижением. Их предложение потерпит фиаско, поскольку сопредельные государства: Франция, Бранденбург, Австрия — были явно предпочтительнее. Процедура рассмотрения кандидатур и последующего голосования открывала сенаторам возможность заработать на государствах-претендентах. Внимания к себе, денежных подношений-взяток требовал каждый из голосующих членов сейма, но результат голосования при этом не был гарантирован. Предположения Нащокина совпадали с мнениями его конфиденентов. «Польскую корону перекупит тот, кто больше выложит денег», — писал он царю, опровергая ложные конъюнктурные рекомендации дьяков Посольского приказа, подыгрывавших честолюбивым настроениям царя. Тем временем перспектива голосования в польском сейме подавалась царским окружением как исключительно благоприятная по своему исходу.

Ордину-Нащокину предписывалось отправиться на заседание сейма в Польшу. Вместо того чтобы подчиниться, он выдвинул возражения, связанные не только с бесперспективностью самой затеи, но и с теми проблемами, которые неизбежно возникнут в случае ее осуществления. При внимательном рассмотрении «конкурсных условий» окружение Нащокина нашло 21 причину, по которым ни царь Московский, ни его сын не могли быть избраны на польский королевский трон. Однако главное препятствие состояло в том, что претендент должен был принять католическую веру. Понимая всю бесперспективность этой затеи, глава Посольского приказа планировал все-таки использовать ее для продвижения своей давней идеи о польско-русском союзе. С этой целью он в октябре 1668 года отправил из Митавы письмо польским сенаторам, где предлагал им собраться в Киеве, не дожидаясь очередного продления условий Андрусовского перемирия. *«Ныне тому есть удобнейшее время, — писал он, — съехався в Украине, преступные народы в покорение привести... а от соседей несмирительных бес продолжения отлучных учинить и утвердить, Если два государства заключат договор о союзе, то турок и хан имут страшны быти... и которое христианство за Днепром, волохи и мултяне, всегда желающие междо Великою Росиею и Короною Полскою христианского союзу и нерозорванного умирения, будут в надежде радостной пребывать и прежнее насилие от турка, нашим союзом уvolняютца»*^[53].

Однако поляки на это письмо не ответили: все их внимание было поглощено предстоящими выборами короля. Между тем враги Нащокина использовали его предложение о переговорах в Киеве как еще одно доказательство ошибочности его политики. Наслушавшись их, царь начал посылать дипломату в Митаву письма, где возражал против переговоров с поляками в Киеве, утверждая, что это может привести к потере города: *«Не пустить полских послов в город нельзя, а пустить — потерять Киев, поляки безлюдны не пойдут, а выбивать их трудно»*. Ему также запрещалось проявлять на будущих переговорах (где бы они ни проходили) излишнюю самостоятельность — царь явно опасался, что Нащокин может пойти на слишком большие уступки полякам. Не дремали и шведские агенты, постоянно обвинявшие боярина во враждебности своим интересам. В этом контексте его поездка в Курляндию трактовалась как подготовка военного вторжения с целью *«у шведа взять Корельскую и Ижорскую землю»*. На самом деле таких планов у главы Посольского приказа не было; в ответе царю он указывал, что *«шведы сами на нас вины кладут в торговых промыслах и в разоренье от литовских людей»*.

Весной 1669 года глава Посольского приказа выехал в Мигновичи на очередной съезд польских и русских послов. Поскольку польские представители задержались из-за выборов короля, ему было предписано вернуться в Москву, чтобы согласовать с царем вопросы, которые следовало обсудить на переговорах. В ответном письме дипломат по своей привычке стал жаловаться и просить об отставке. *«Не знаю, — писал он царю, — зачем я из посольского стана к Москве поволокусь... Послов ли мне дожидаться? Или на время в Москву ехать? Или впрямь быть отставлену от посольских дел?»*^[54] Тем не менее ему пришлось приехать в Москву и дать ответ на обвинения, выдвинутые его недоброжелателями. Его, в частности, обвиняли в том, что он защищает интересы поляков на Украине, что он рассорился со шведскими дипломатами, что он небескорыстно покровительствует начальнику почт Леонтию Марселису и т. д. По всем этим вопросам ему пришлось давать развернутые письменные объяснения, и было ясно, что на этом дело не кончится.

Тем временем в июне в Польше был избран, наконец, новый король. Как и предполагал Ордин-Нащокин, исход дела определили деньги. Выбор был сделан в пользу польского магната Михаила-Корибута Вишневецкого, проложившего, как тогда говорили, «путь золотом» к заветному месту. Огромные владения рода Вишневецких на Украине были захвачены восставшими казаками, что делало нового короля непримиримым врагом Руси. Своих враждебных намерений не скрывала и Османская империя; в

начале 1669 года ее ставленник, гетман Петро Дорошенко, убил в сражении левобережного гетмана Брюховецкого и захватил почти всю Левобережную Украину. Вскоре султан издал указ о принятии в подданство всех украинских земель. Это требовало объединения усилий Руси и Речи Посполитой, которого всеми силами добивался Ордин-Нащокин. Однако его переписка с польскими дипломатами не имела успеха, поскольку они называли условием союза вывод русских войск из Киева. Тем временем внимание русского правительства было отвлечено ширившимся на Волге и Дону восстанием Степана Разина. Ордин-Нащокин, как поборник самодержавия, не испытывал никаких симпатий к восставшим, как и к буйным украинским казакам. Его желание поскорее добиться прочного мира и союза с Польшей было обусловлено еще и страхом перед «бунташной» народной стихией.

В сентябре Ордин-Нащокин отправился в Андрусово для намеченной заранее встречи с польскими комиссарами Я. Гнинским, Н. Тихановецким и П. Бростовским. Переговоры проходили на фоне турецко-татарского нашествия на Украину и нападения гетмана Дорошенко на русское Левобережье. По Андрусовскому договору в этом случае поляки должны были прийти на помощь Руси, но они медлили, что дало Ордину-Нащокину основания отложить передачу польским властям Киева. В ходе переговоров возникла идея организовать в Киеве встречу русских и польских представителей с послами Турции и Крыма, куда не пригласили представителей украинской старшины. Это вызвало отрицательное отношение последних — они заподозрили, что Москва и Варшава собираются решить судьбу Украины без их участия. Вдобавок казаки узнали, что Ордин-Нащокин обещал польскому королю прислать для их усмирения воинственных калмыков, недавно поселившихся на Волге и вступивших в подданство русского царя. После этого новый левобережный гетман Демьян Многогрешный начал тайные переговоры о примирении с Дорошенко и турками. Параллельно верхушка украинской церкви, подчинявшейся Вселенскому патриарху Константинополя, отказалась от предложения Нащокина перейти под юрисдикцию Московского патриархата. Фактически малороссийское направление русской дипломатии оказалось провалено, и «доброжелатели» сразу же обвинили в этом главу Посольского приказа.

В ноябре по царскому указу он был отстранен от руководства Малороссийским приказом и заменен на этом посту любимцем Алексея Михайловича Артамоном Матвеевым. А 10 декабря на посольский стан в Андрусове прибыл начальник московских стрельцов Юрий Лутохин,

передавший категорическое требование царя — не вести переговоров о мире до приезда польских комиссаров в Москву, не решать самостоятельно вопросы отношений с казацкой старшиной, не приглашать турецких и татарских послов на переговоры в Киев. К тому времени Нащокин успел провести переговоры с поляками и добиться от них отсрочки передачи Киева, что позволило ему утверждать в Москве, что этот город передан Руси «навечно». Дальнейшие переговоры в условиях резкого ограничения полномочий посла теряли смысл, и 15 марта 1670 года Ордин-Нащокин возвратился из Мигновичей в Москву, где отсутствовал почти год.

Церемония встречи была значительно скромнее триумфа после подписания Андрусове кого перемирия; более того, дипломату передали царский указ «со Спасовым образом быть в Дорогомиловской слободе, а встреча будет образу 18 марта, в пятницу» (чудотворный образ Спаса Нерукотворного посольство взяло с собой как символ небесного покровительства). Приказ ждать встречи с царем целых три дня был знаком немилости, что сразу же ободрило врагов Ордина-Нащокина, в том числе его собственных подчиненных из Посольского приказа. 17 марта к нему явились приказные дьяки Герасим Дохтуров и Ефим Юрьев, сообщившие будто бы царскую волю: «Афанасью сего ж часу из слободы ехать на свой двор и быть на дворе до ево, великого государя, указу». Но вместо того чтобы отправиться под домашний арест, ближний боярин велел дьякам передать царю, что *«от чудотворного образа, покамест в Москве принят будет, отступить ему, Афанасию, невозможно»*. Зная характер царя, он тут же написал ему обстоятельное письмо с объяснениями. Уже 19 марта царь с боярами и духовенством торжественно вышел навстречу посольству к Дорогомилову «и пожаловал великого и полномочного посла Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина к своей царского величества руке и за службу его милостиво похвалил». Избежав на сей раз козней врагов, дипломат вернулся к своим обязанностям и продолжал возглавлять Посольский приказ.

В апреле 1670 года ему удалось заключить договор с крымским ханом, который обязался прекратить набеги на русские земли, вернуть пленников, включая боярина В. Б. Шереметева. За это Русь уплатила дорогую цену, обязавшись выплатить хану «поминки», то есть дань, за три года и отказаться от помощи запорожским казакам в их борьбе против Крыма. В августе Ордин-Нащокин принял польского посланника, своего давнего знакомого Иеронима Комара, который просил о военной помощи против татар и казаков Дорошенко. На это ему был дан ответ, что *«шатостных»*, то есть мятежных казаков *«лучше привести в послушанье милостью, а не*

жесточью». Ни о какой отправке калмыков на помощь Польше теперь, конечно, речь уже не шла. Однако казацкая верхушка затаила обиду на дипломата и по своей привычке пыталась известить его при помощи доносов. В марте 1671 года к царскому двору была доставлена очередная жалоба от левобережного гетмана Многогрешного, в которой утверждалось, что служивший Ордину-Нащокину шляхтич Иван Лубенко рассказал приехавшему в Москву казаку Андрееву о намерении своего господина ввести на Левобережной Украине униатство. Эта нелепая клевета возымела, однако, свое действие: к униатству на Руси относились резко враждебно, справедливо считая его коварной попыткой Римской церкви расколоть православие и подчинить его себе. Гетманский донос запустил цепочку событий, которые привели полуопального уже главу Посольского приказа к отставке.

*

Неродовитый «служилый выскочка» Ордин-Нащокин не сумел вписаться в столичную жизнь, оказался чужаком во властных коридорах. Уязвимости его положения добавляло и другое: долгие отлучки из Москвы на переговоры с представителями Крыма, украинскими гетманами или поляками. Подписание перемирия в Андрусове болезненно затрагивало судьбу как оказавшегося разделенным украинского народа, так и белорусов, оставшихся в орбите польского влияния. «Худоумные и непостоянные» гетманы то и дело воспламеняли национально-религиозные чувства и оскорбленное достоинство «бунтливых» казаков. Мятежные настроения на Украине не ослабевали, грозя новыми вторжениями казаков и союзных с ними татар в пределы Руси. С большим трудом с крымским ханом Адиль-Гиреем был найден компромисс в отношениях. В результате южные рубежи избавлялись от угрозы набегов татар и союзных с ними ногайцев, темрюков, черкесов. Однако более всего требовали к себе внимания проблемы, обусловленные внутренним политическим положением Польши и связанные с решением вопросов, оставшихся за чертой Андрусовского перемирия.

Своим появлением в верховной власти Ордин-Нащокин попытался привнести перемены в государственное управление, в порядок ведения дел. Однако это только ускоряло его падение. Бюрократия к тому времени отточила приемы, известные в чиновной практике и поныне. Чем больших высот он достигал в служении, тем ожесточеннее давали о себе знать

оппоненты, особенно те из них, кого он вынужден был «ставить на место». Наведение порядка в государственном хозяйстве, к которому энергично приступил ближний боярин, далеко не всем было по душе, поскольку било по интересам царского окружения. Он осмелился выступить против укоренившейся нормы, согласно которой ход дел в государстве управлялся исключительно государевой волей. Нераспорядительность начальствующих людей, обусловленная ожиданием распоряжений из Москвы, сковывала инициативу, до предела замедляла решение насущных задач. Желание избежать ошибок и связанных с ними угроз карьере действовало на чиновников парализующе, побуждая умалчивать, а иной раз искажать правду о ходе событий. Выступая против этого, Ордин-Нащокин писал: *«Там где глаз видит, ухо слышит, там и надо промысел держать неотложно, не дожидаясь царского указа»*. К этому примыкают его суждения об особом значении личности, наделенной управленческим талантом, предприимчивостью, распорядительностью. Эти его представления сводились в одно понятие «промысел». Обращаясь к шведскому опыту, он отмечает бережливо-внимательный подход тамошней власти к этой особой категории людей. *«Дело в промысле. А не в том, что людей много; вот швед всех соседних государств безлюднее, а промыслом над всеми верх берет; у него никто не смеет отнять воли у промышленника; половину рати продать, а промышленника купить — и то будет выгоднее...»*

Особенно опасными его противниками выступали близкие к царю придворные, такие, например, как влиятельный стольник Авраам Хитрово, настойчиво продвигавший интересы голландских купцов — из-за этого он и поссорился с Нащокиным, предпочитавшим англичан. Князь действовал из-за кулис, заслужив публичную репутацию «шептуна». Его услуги состояли в том, чтобы в ходе общения царя с боярами нашептывать ему советы из-за двери. Лоббируя интересы иностранцев, он получал от них немалые суммы, что было известно всем и не могло вызвать одобрения известного своей честностью Ордина-Нащокина. Он мог осуждать Хитрово и как человек строгих нравов: стольник был известен женолюбием и держал в своих палатах целый гарем любовниц. Подобных деятелей в царском окружении было немало, и теперь они объединились против ближнего боярина, выглядевшего на их фоне «белой вороной». Князь Иван Хованский постоянно демонстрировал свое превосходство перед ним, пытаясь унижить, а то и опорочить своего давнего врага. Происки его в иных случаях становились известны самодержцу, который, как уже говорилось, запрещал князю «теснить и бесчестить» Афанасия

Лаврентьевича. Но постепенно желание защищать дипломата от нападков появлялось у царя все реже — сыпавшиеся с разных сторон наветы и обвинения делали свое дело.

Алексей Михайлович был из тех властителей, кто не мог долго уживаться, терпеть рядом с собой тех, кто превосходил его умом и талантом. Подданные, подобно протопопу Аввакуму, не могли долго сдерживать раздражение, находясь рядом с посредственностью, какой на самом деле был этот русский царь. Рано или поздно наступал такой момент, когда глушить в себе протест не хватало сил. Льстивым окружением царя это подавалось как строптивость, непочтительность. Мелочная опека, немотивированные указания, подверженность сторонним влияниям, слухам, религиозно-мистическим приметам и предзнаменованиям не могли не озадачивать даже самых преданных, расположенных к царю людей. Это особенно касалось тех, кого он приближал к себе, наделяя особым доверием, личным расположением. Однако тесное общение с царем постепенно приоткрывало многое такое, отчего в мыслящем человеке наступали разочарование, тоска, утомление от бессмыслицы и пустоты придворной жизни. Чувствовал это и правитель, для которого общение на равных, тем более на короткой ноге становилось в тягость.

Ордин-Нащокин был человеком иной закваски. При очевидной для всех высоте ума он не мог терпеть унижений, пренебрежительного отношения к себе со стороны «спесивой знати». При этом его, первого боярина, постоянно провоцировали. Делалось это так, чтобы задеть самолюбие, что не могло не вызывать чувства обиды, раздражения. Его положение становилось нестерпимым. К тому же взгляды на внешнюю политику, которых он стойко придерживался, не могли не иметь противников. Поведение польской стороны, подписавшей Андрусовский договор, не отличалось последовательностью. Предпринимались действия, идущие вразрез с прежними договоренностями. Историческое наследие, питавшее многолетнюю вражду Руси и Речи Посполитой, католичества и православия, по-прежнему стояло у порога. К тому времени у овдовевшего Алексея Михайловича возникли новые ориентиры. Он стал искать поддержки и опоры в других людях, которых счел более нужными, удобными себе. Складывалась атмосфера, не благоприятствующая ни Ордину-Нащокину, ни государственным целям, которые он перед собой ставил.

Выдающийся дипломат в своих мыслях и исканиях опередил время. Оно пришло спустя два десятилетия в облике молодого самодержца Петра I. Единомышленники, последователи, чья жизнь продлилась за пределы

XVII века, донесли до Петра Алексеевича смысл и значение наследия выдающегося россиянина. Суть его концепции состояла в преодолении изоляции, в обосновании государственной политики открытости внешнему миру, в необходимости построения сильной самодостаточной экономики страны. Петру Великому было дано не только перенять, но и воплотить в жизнь идеи ближнего боярина.

Глава восьмая

«СКОЛЬКО НИ СЛУЖИТЬ, А ОТСТАВКЕ БЫТЬ»

Во время одной из многочисленных поездок царя по окрестным монастырям случилось непредвиденное: в его карету попытался проникнуть неизвестный. От испуга и неожиданности Алексей Михайлович принялся отбиваться единственным, что оказалось под рукой, — царским жезлом. От одного из ударов незваный посетитель скончался. Им оказался служитель одного из приказов, решившийся на отчаянный поступок. При обыске при нем были обнаружены только деревянная ложка и челобитная на имя царя. Из документа следовало, что служитель уже три года не получал жалованья от главы приказа Петра Салтыкова. Досада и гнев, охватившие царя, не знали границ. Ближний боярин Салтыков, несмотря на свои заслуги, был лишен высоких должностей, отлучен от двора. Прежние обязанности, от которых он был отстранен, царь поручил исполнять Ордину-Нащокину. Ему же предстояло расследовать «дело» отстраненного боярина. Опала, однако, длилась недолго — Салтыков вскоре был прощен и допущен ко двору. Подобное было вполне в духе Алексея Михайловича. Жестоко наказывать высокородных бояр, тем более родственников (Салтыков был его троюродным братом), было не в его правилах. Однако для Ордина-Нащокина, неожиданно оказавшегося в положении «хуже губернаторского», события эти не прошли бесследно, вызвав злобную реакцию в правящем сообществе.

Весьма рискованной оказалась высота, на которой обосновался недавний провинциал, худородный дворянин Ордин-Нащокин. Выдвижение к властным вершинам обернулось для него серьезными жизненными осложнениями. Их суть состояла не в нехватке опыта, знаний, представлений о том, как вести государственные дела. На их решение ему хватало и ума, и способностей, и опыта. Здесь он был как раз на месте. Однако теперь ближний боярин Ордин-Нащокин оказался в совершенно иных для себя обстоятельствах, где жизнь строилась по дотоле неведомым для него чиновным порядкам. Прежде он появлялся в коридорах власти в Москве не так часто и надолго не задерживался. Так складывалось потому, что Нащокин был необходим в «поле», где происходили наиболее сложные военно-политические события. Его отношения с царем по большей части

выстраивались по переписке. Их прежние встречи и беседы были нечастыми и непродолжительными. В силу этих обстоятельств Нащокин был не так заметен, не сильно отвлекал внимание властной элиты, не занимал видного положения в системе власти. «Думный дворянин» — таково звание, пожалованное ему за заслуги в проведении переговоров со шведами в 1658 году. Это была первая для него, отнюдь не столь высокая ступень в высшей иерархии управления, хотя и этот факт не прошел незамеченным, возмущив кое-кого из родовитой знати Московии.

Прежнее преимущество — быть в отдалении, в стороне от московских коридоров власти, — теперь стало работать против него. Назначение на роль первого лица было встречено укоренившейся там боярской элитой болезненно. Продолжали играть свою роль «шептуны» из узкого круга личного общения, с которыми самодержец трапезничал, молился, ездил на охоту. Раздражение в царском окружении вызвало само поведение новоиспеченного боярина, его нетерпимость к посредственности, к злоупотреблениям. К тому же уверенный в себе, облаченный доверием царя Ордин-Нащокин избрал жесткую линию по наведению порядка в приказных структурах. Он не мог не восставать против «злостроительных» московских обычаев, против эгоистичных устремлений тех, кто злоупотреблял доверием царя, кто так или иначе направлял течение жизни двора в сторону от главных проблем.

Нащокин находил в себе мужество идти наперекор откровенным злоупотреблениям, выступал против политиканствующих приспособленцев, наносивших ущерб делу и государственной казне. Ему не хватало выдержки в том, чтобы не противостоять поспешным, необдуманным действиям самого властителя. Легко внушаемый Алексей Михайлович, подвергаясь лживым маневрам корыстолюбивых приближенных, принимал порой отнюдь не дальновидные решения. Их отмена в ходе неизбежных споров и дискуссий, в которых Ордин-Нащокин одерживал верх, вредила ему. Вокруг него сгущалась атмосфера недоброжелательства, отчуждения. Чиновная среда не только злословила, но и жила ожиданием, когда безродный выскочка будет вынужден допустить какую-либо ошибку. Не только худородное происхождение, но и тот факт, что он оказался во главе ряда ключевых, «хлебных» должностей, неизбежно вовлекали Нащокина в эпицентр конфликтов особого рода. Эта его деятельность, пресекающая погоню иных за наживой, множила недовольство, порождая надуманные обвинения, жалобы, клевету.

По этому поводу в своих мемуарах Сэмюел Коллинс приводит такой пример: *«В прошлом году переводчик, служивший у персидских купцов,*

обвинил Нащокина перед царем по делу, касавшемуся упомянутых купцов и производившемуся в Посольском приказе. Царь поручил Нащокину все купеческие дела и разбор и решения тяжб между торговцами, с тем, что если несправедливо будет кто-либо на него жаловаться, то неумолимо будет за то наказан. Царь сдержал свое слово, и когда жалоба оказалась ложной, ренегат был жестоко высечен кнутом»^[55].

В сфере ответственности Посольского приказа входило обеспечение связей с исповедующими православие народами Греции, Болгарии, Придунайских княжеств, со Святой землей, с арабскими христианскими конфессиями. На деле политико-дипломатические отношения с Востоком занимали лишь малую часть внимания ведомства. Куда более хлопотным и трудоемким был вопрос о паломниках, прибывавших на Русь с христианского Востока за помощью и защитой. Со времен крушения Византии гонения на христиан, попытки обратить их в ислам в турецких и персидских владениях не прекращались. Карательные акции, разорение обителей, насильственное обращение в мусульманство заставляли многих христиан бежать на единоверную Русь. Масштабы этого паломничества заметно возросли, когда в православном мире стала распространяться молва о русском царе Алексее Михайловиче — истовом богомольце, единственном православном государе, радетеле и защитнике всех христиан. На Русь потянулись депутации из традиционных православных центров, направляли сюда свои стопы и многочисленные бродяги, просившие подавания «ради Христа». Как бы ни были рискованны, сложны, длительны переходы, паломники, наводняя Русь, находили пристанище в церквях и монастырях, однако конечной целью для большинства из них была Москва.

Шли они туда не с пустыми руками. Их главную ценность составляли реликвии из древних христианских храмов и святыниц, где их дальнейшее нахождение было под угрозой. Главным образом это были предметы церковного обихода, в том числе и мощи святых, своей историей восходящие к раннему христианству, а то и ко времени самого Иисуса Христа. Их побудительным мотивом было не только забота о сбережении духовных ценностей, но и надежда получить за это вознаграждение. Обладание священными атрибутами в ту пору стало своеобразной модой. Пример подавал сам царь Алексей Михайлович, в свое время выкупивший у греков целую коллекцию освященных церковных предметов. Одно из особо ценных приобретений царя — гвоздь, пронзивший тело казненного палачами Иисуса Христа. Гвоздь этот якобы был найден в Палестине святой Еленой, супругой византийского императора Константина, которая в IV веке направилась туда в поисках свидетельств жизни и страданий

Иисуса Христа. Хранившийся в Грузии гвоздь был привезен в Москву царевичем Арчилом, находился в Успенском соборе, а совсем недавно, в 2008 году, был снова передан православной церкви из запасников музеев Кремля.

Начиная с середины XVII века Руси становилось все труднее выполнять эту благотворительную миссию, поскольку поток паломников постоянно возрастал, нуждающихся в помощи прибывало все больше и больше. Это вынуждало власть сдерживать, регулировать этот процесс. Необходимо было также определять, какие из доставляемых реликвий подлинные, а какие поддельные, дающие смекалистым пришельцам с Востока возможность заработать на легковерии русской власти. Так, дьякам Посольского приказа пришлось разбирать получившее огласку дело греческих монахов, торгующих «подкладными», то есть фальшивыми христианскими святынями, в том числе и такими, к которым якобы прикасалась рука самого Спасителя. Ордину-Нащокину было поручено проследить ход расследования этого канительного, кляузного дела.

Дьяки Посольского приказа вынуждены были становиться экспертами, набираясь опыта, вырабатывали некоторые приемы, навыки общения с владельцами ценностей. Это в ряде случаев помогало выявлять подделки среди предъявляемых раритетов. В таких случаях общение с «дароносителями» нередко заканчивалось конфликтами, скандалами, поскольку разоблачение лишало их единственного шанса нажиться, обеспечить свое существование на чужбине. Расследование, проведенное дьяками Посольского приказа, обнаружив явные подделки, обвинило пришельцев в изготовлении и сбыте фальшивых святынь. Монахов-греков, учитывая преступно-греховный характер их деятельности, было велено выслать из страны.

*

Между тем напряжение на внешнеполитическом направлении не ослабевало. Соглашение в Андрусове стало важным, но далеко не завершающим этапом в урегулировании отношений Руси и Речи Посполитой. Более того, вслед за его подписанием обнажилась череда проблем, решение которых требовало немалого времени и усилий. Закрепление итогов войны, вытекающих из Андрусовского договора, отвлекало первого министра от актуальных проблем внутреннего жизнеустройства. Наиболее насущное здесь состояло в том, чтобы

запустить механизм новых таможенных правил, налоговых процедур, открывающих перспективы роста торговых связей с границей. Новоторговый устав, автором которого был Ордин-Нащокин, выдвигая на первый план приоритеты национальной экономики, содержал комплекс протекционистских мер, которые существенно меняли атмосферу в торгово-экономическом сообществе. Однако и в этом давали о себе знать невежество, саботаж торгового «болота», приспособившегося к прежним, ущербным для государственных интересов реалиям. Критическое настроение в местных торговых кругах поддерживалось саботажем иностранцев, для которых новые условия означали утрату некоторых прежних привилегий.

Виновником этих проблем опять-таки делался не кто иной, как Ордин-Нащокин, бескомпромиссный и упорный в продвижении новаций. Ему приходилось отбиваться от злопыхателей, распускавших слухи и домыслы, которые легко подхватывались консервативной элитой. Не имея должного сословного положения и необходимой полноты полномочий, Ордин-Нащокин именно в этом видел одну из главных причин противодействия ему как со стороны придворной знати, стоявшей во главе приказов, так и со стороны заседавших в этих приказах чиновников. В. О. Ключевский писал: «Старое родовитое боярство пренебрежительно смотрело на массу провинциального дворянства. Ордин-Нащокин был едва ли не первым провинциальным дворянином, проложившим дорогу в круг этой спесивой знати». Свойственные бюрократической иерархии саботаж, волокита в явном и скрытом виде действовали парализующе, сдерживали продвижение распорядительных мер.

«Они службишке нашей мало доверяют... У нас любят дело и ненавидят, смотря не по делу, а по человеку, — говорил он про недостаточную высоту своего положения, что было особенно важно для человека, находящегося во власти. — Думным людям никому не надобен я, не надобны такие великие дела! Откинуть меня, чтобы не разорилось мной государственное дело! Как в московском царстве искони, так во всех государствах посольские дела ведают люди тайной ближней думы, во всем освидетельствованные разумом и правдою. А я холоп твой, всего пусть и все дни службы своей плачусь о своем недостойнстве. У такого дела пристойно быть из ближних бояр: и роды великие, и друзей много, во всем пространый промысел имеют и жить умеют, и посольский приказ ни от кого обречен не будет». В коридорах власти ему недвусмысленно давали понять — он «белая ворона», «служилый выскочка», которому нет места среди титулованной знати.

Это следует из сохранившихся документов и писем, относящихся к разным этапам его служения, в которых он выражает недовольство своим ущербным положением. В этих назойливых, порой дерзких заявлениях кое-кто из исследователей, включая того же В. О. Ключевского, усматривал причину возникшей немилости к нему самодержца, которая в конечном счете и привела к его отставке. Между тем непонимание или нежелание Алексея Михайловича войти в положение, в котором находился Ордин-Нащокин, имело другую природу. Царь не без причин не торопился вывести своего соподвижника на уровень, равный его титулованным сановникам, поскольку с появлением Нащокина в коридорах власти он сам усмотрел в нем личность, превосходившую его умом, чьи достоинства со временем проявлялись все нагляднее.

В отсутствии желаемой реакции на обращения Нащокина нельзя не увидеть признаков охлаждения самодержца к своему прежде высоко ценимому сотруднику. И повторялись жалобы, принимая порой назойливый характер, именно потому, что Алексей Михайлович с некоторых пор стал обращать на них все меньше внимания, а дельные предложения дипломата откладывать или вовсе не брать в расчет. *«Ты меня вывел, так стыдно тебе меня не поддерживать, делать не по-моему, давать радость врагам моим, которые действуя против меня, действуют против тебя»*, — значит в одном из документов. В нем и крик души болеющего за дело царедворца, и дерзкий вызов самодержцу. Тем временем все активнее стали выступать оппоненты Ордина-Нащокина и его политики, увидевшие в Андрусовском перемирии уязвимые места. Эти силы спланивались вокруг церковников, поддерживающих связь с православным духовенством Украины, оставшимся на западном, польском берегу Днепра. Те, в свою очередь, сеяли смуту в антикатолической, радикально настроенной части населения, в местном казачестве. Перемирие, закрепляющее разграничение украинских земель по Днепру, таило, как им казалось, угрозу до конца дней оставаться под пятой «латинян». Недовольство вызывало и закрепленное в Андрусовском договоре положение, по которому польская шляхта, переселяясь с левобережья на правый берег Днепра, получала от царя немалые отступные. Это обстоятельство еще более осложняло морально-политический климат и на Украине, и в самой Московии. Стали распространяться слухи о неких тайных мотивах Нащокина, едва ли не подкупленного поляками. Жалобам, голословным обвинениям стали давать ход, причиняя ущерб его репутации. Были инициированы думские расследования, от самого Нащокина стали требовать разъяснений и оправданий. Можно представить, насколько это выбивало его из колеи,

какие болезненные удары наносило его самолюбию. *«Разрушая божью помощь, мучают меня злыми ненавистями, не доискавшись вины»,* — сетовал он.

В сановном окружении он все более и более чувствовал себя неудобно. Высказывать обиды, искать защиты ему было не у кого, кроме как у самого царя, которому он снова и снова писал: *«Припомни, великий государь, многие горькие слезы перед лицом твоим государским, кто богу и тебе неотступно служит, без мирского привода, те гонимы. Явно тебе, великому государю, что я, холоп твой, по твоей несчетной милости, а не палатному выбору тебе служу, и, никаких пожитков тленных не желаю, за милость твою, никого сильных не боясь, умираю во правде»*^[56]. Ордин-Нащокин отказывался понимать причины охлаждения к нему царя, тогда как Алексей Михайлович был уже не таким, как прежде. Положение дел в государстве изменилось, стало не таким тревожным. Притуплялась память о военных поражениях, не так сильно, как прежде, беспокоили внутрицерковные «нестроения» и народные бунты. Наступило замирение с Речью Посполитой, состоялось низложение Никона, был схвачен и доставлен в Москву грозный разбойник Степан Разин.

Царь Алексей под давлением своих советников-бояр стал настаивать на необходимости любыми средствами игнорировать ту статью Андрусовского договора, которая предусматривала по истечении двух лет возвращение полякам Киева. Об этом постоянно напоминали царю прибывающие в Москву украинские православные иерархи и казацкие старшины. Некоторые из оппонентов Ордина-Нащокина стали тайно навязывать самодержцу абсурдное предложение о том, что начальник Посольского приказа готов отказаться от Киева в угоду своей амбициозной цели — созданию русско-польского союза. Такую точку зрения Нащокин и в самом деле в свое время высказывал лично Алексею Михайловичу, исходя из расклада сил, с учетом вмешательства в украинские дела не только Польши, но и Османской Турции, Швеции, Крыма. При этом он вновь и вновь повторял главную мысль, — самостоятельно, опираясь только на собственные силы, не имея союзников, не вступая в коалиции, Московская Русь не сможет достигнуть главного — обеспечить беспрепятственный выход к берегам Балтики, возобновить торгово-экономические отношения с Европой по кратчайшему пути.

В ходе торжеств в Москве в мае 1670 года, посвященных подписанию итогов выполнения Андрусовского перемирия, выступая перед представительной польской делегацией, Ордин-Нащокин обрисовал все те выгоды, какие сулит взаимное сближение двух народов. Он и ранее, как

только мог, настойчиво продвигал идеи славянского единства, всячески доказывал необходимость не только перемирия, но и прочного мира двух государств на долгосрочной основе. В этом он видел возможности решения стратегически важной и для поляков задачи, состоящей в беспрепятственном доступе к торговым путям, пролегающим через Балтийское и Черное моря. Союзные отношения двух славянских государств открывали возможность избежать выселения польских пленнх из Сибири и Приуралья. За десятилетия осевшие там ссыльные поляки стали органичной частью оседлого населения, сумели натурализироваться, завели семьи, успешно вели хозяйство. С другой стороны, заселившая Левобережную Украину польская шляхта, перебравшись на правый берег Днепра, могла бы выступить стабилизирующим фактором в далеком от спокойствия крае, несмотря на то, что это переселение влекло за собой немалые трудности для Руси, вынужденной выплачивать шляхтичам немалые компенсации.

*

Близоруким противникам Ордина-Нащокина, среди которых в конечном счете оказался и сам царь, казалось, будто и не было двенадцати предшествующих лет кровопролитной войны с сильным и искусным противником, что вести переговоры с ним теперь позволительно лишь с позиции силы, диктата. Они полагали решить судьбу Киева исходя из державного упорства. Однако это ультимативное давление никак не вписывалось в установившийся характер диалога, выстроенного с поляками с таким трудом. Нащокин не менее других государевых людей отдавал себе отчет в том, какое место в сознании русских людей занимал Киев, какова роль этого города в национальной истории. Поводом для удержания за собой Киева, по мнению Нащокина, могло стать либо возникновение чрезвычайных обстоятельств, либо такие причины объективного порядка, какие бы дали повод вновь вернуть тему в русло переговоров о его дальнейшем статусе. Именно в этом направлении дипломатическими средствами и предпочел действовать Нащокин. Однако перед ним в категорической форме была поставлена задача удержать Киев любой ценой. Предлагалось под благовидным предлогом аннулировать подписанное в Андрусове обязательство вернуть по истечении двух лет город под польскую юрисдикцию.

Еще более сложными выглядели оставшиеся за пределами

Андрусовского перемирия внутренние национально-религиозные проблемы Украины. Положение, какое складывалось тогда, воссоздает В. О. Ключевский: «Ляхи и русские, русские и евреи, католики и униаты, униаты и православные, братства и архиереи, шляхта и посполство, посполство и казачество, казачество и мещанство, реестровые казаки и вольная голота, городское казачество и Запорожье, казацкая старшина и казацкая чернь, наконец, казацкий гетман и казацкий старшина — все эти общественные силы, сталкиваясь и путаясь в своих отношениях, попарно враждовали между собой, и все эти парные вражды, еще скрытые или уже вскрывшиеся, переплетаясь, затягивали жизнь Малороссии в такой сложный узел, распутать который не мог ни один государственный ум ни в Варшаве, ни в Киеве»^[57].

Выработать в этих условиях систему действенных военно-политических мер, определить «формулу успеха» выглядело задачей со многими неизвестными. Всякие радикальные действия и даже поспешные заявления таили в себе опасность возобновления войны. Была необходима тонкая дальновидная дипломатическая работа, однако руки у главного переговорщика оказались связанными. Вопрос, как далее Московии вести политику в отношении Правобережья Украины, где оставалось православное население, которое не желало находиться под польской юрисдикцией, приобретал все более острое звучание. В церковных и светских кругах Правобережья возобладало суждение о «брошенности», об отказе Руси «на веки вечные» от покровительства и защиты братьев по вере. Многочисленные эмиссары, известные и не очень, зачастили в Москву. Играя на религиозных чувствах самодержца, они всячески настраивали его на необходимость продолжения, чего бы это ни стоило, «освободительной миссии» на Украине. Воздействие на царя осуществлялось разными путями и средствами. Однако главной фигурой, стоявшей на их пути, разрушителем их надежд и планов выступал не кто иной, как боярин Ордин-Нащокин. Поэтому делалось всё для того, чтобы бросить тень на его «предательские» идеи в отношении дальнейшей политики Московии, выискивались поводы для того, чтобы скомпрометировать его лично.

Оппозиция Нащокину в правящем эшелоне стала набирать силу. Подозрения, внушаемые царю, сводились к тому, что, возглавив Посольский приказ, ближний боярин стал слишком много брать на себя, проявлять в делах излишнюю самостоятельность, пренебрегая царской и думской волей. Стали звучать требования расследовать его предыдущую деятельность, а в том, что касается дальнейшего продолжения дел с

поляками, либо заменить его другим, либо взять под надежный контроль переговоры, которые он вел. Помимо всего прочего он стал в глазах придворных, а потом и самого царя воплощением раздражавших их качеств и взглядов.

Взгляды Ордина-Нащокина, его дерзкое поведение по меркам того времени действительно выглядели вызывающими, а когда он оказался на вершине власти, возможность их осуществления стала особенно беспокоить большинство царского окружения. Прежде он действительно иногда давал поводы для нападок на себя. В ходе отчетов перед Боярской думой о его поездках и переговорах с поляками в Варшаве его «пропесочивали» за то, что он брал на себя слишком много, отклоняясь от данных ему инструкций. При этом никто не хотел слышать и знать о том, что условия для продуктивных, успешных переговоров возможны только тогда, когда есть место диалогу или, если угодно, торгу, когда обе стороны способны слышать друг друга. В ходе переговоров возникают идеи, от обсуждения которых нельзя уклониться даже тогда, когда речь заходит о на первый взгляд неприемлемых для одной из сторон подходах, вариантах решения проблем. Здесь политическое маневрирование, взаимные поиски компромисса, умение вести полемику выступают важнейшим инструментом. Тем не менее Нащокин, зная, с кем имеет дело, предпочитал в таких случаях притворно каяться, признавал свои «прегрешения», брал на себя вину за превышение данных ему полномочий.

Более, чем кто-либо, он знал реальное положение дел, прагматически оценивал ситуацию, какая сложилась к тому времени на Украине. По его убеждению, на Правобережье католицизм, польский костел занял господствующее положение. Территория и население подверглись колонизации, и польская шляхта уже прочно выросла в украинскую землю, что обрекало на неуспех все попытки немедленно изменить положение дел в пользу православия и присоединения к Московии. К тому же состояние хозяйства этой части Украины не сулило ни теперь, ни в будущем экономических выгод, а стало бы лишь обузой для Руси, и без того истощенной проблемами. Гораздо ценнее было бы, по мнению Нащокина, замирение с поляками на вечных основаниях, перевод двусторонних отношений между двумя славянскими народами в русло равноправного союза. Но эта точка зрения не встречала поддержки ни на Руси, ни на Украине, ни в Польше, где искренних сторонников такого союза было еще меньше, чем в Московии. Не поддерживал ее и ближайший советник царя по украинским вопросам Артамон Матвеев.

Трудности и козни завистников сопровождали Ордина-Нащокина на

всем протяжении его государственной деятельности. Но бесповоротно отношение царя к нему изменилось, по всей вероятности, после его отказа представлять интересы Москвы в торге за польский престол в 1669 году. Тогда, напомним, глава Посольского приказа пошел наперекор воле царя и в Варшаву не поехал. Суть дела состояла не только в ослушании «преданного холопа». Смелость, дальновидность, резкость суждений дипломата стали раздражать Алексея Михайловича. К тому же скудость собственных представлений о способах решения стоящих перед государством проблем все более и более выводила царя из равновесия. За этим он видел умаление собственной власти, вторжение в незыблемость его единоначалия. Проще было пожертвовать Нащокиным, тем самым «бросив кость» назойливой оппозиции, а заодно и избавившись от чересчур напористого помощника.

К тому времени вокруг персоны царя образовался тесный круг общения, в котором мнения и суждения Ордина-Нащокина опровергались людьми, чей вес при дворе стал преобладающим. Такой исключительно весомой фигурой с некоторых пор все более и более становился Артамон Сергеевич Матвеев. Свобода общения с царем давала повод вольному или невольному вмешательству Матвеева в дела государственной важности. Однажды побывав на Украине, Матвеев под влиянием Богдана Хмельницкого стал последовательным сторонником «прицепления ветви к приличному корню», покровительства Московии православному народу Украины, что обернулось вторжением туда русских войск. Теперь, два десятилетия спустя, его идеи военного вмешательства в украинские дела, некогда положенные в основу государственной политики, вновь обрели весомость. Там, на Украине, к началу 1670-х годов еще более оживились силы, видевшие в Матвееве покровителя, «своего человека» в московских коридорах власти, способного заставить царя действовать в их интересах.

Положение Матвеева при дворе упрочилось еще больше, когда ему в начале 1671 года удалось выдать за царя свою воспитанницу Наталью Нарышкину. Девятнадцатилетняя девушка, жившая в его доме в силу невесты каких обстоятельств, оказалась в нужное время в нужном месте — овдовевший царь оказался без наследников мужского пола (единственный выживший сын Иван был некрепок и телом, и умом). С подачи Матвеева царь провел смотр невест, на котором победу одержала, конечно же, креатура его любимца. Судя подошедшим до нас описаниям, Наталья Кирилловна была девицей веселой, привлекательной, раскованной. Уже будучи царицей, она не отличалась особой строгостью нравов, что легло в основу предположения, что истинным отцом Петра Алексеевича был не царь, а кто-то другой. После ее свадьбы с царем и рождения ровно через

год наследника Матвеев стал особенно близок к Алексею Михайловичу. Уже не довольствуясь положением царского друга, он возжелал высоких должностей в аппарате власти — в первую очередь места главы Посольского приказа, которое занимал упрямый, несговорчивый Ордин-Нащокин. Несмотря на все препятствия, он продолжал стремиться к заключению польско-русского союза, способного противостоять агрессивным устремлениям Швеции и Турции.

В феврале 1671 года, когда в Москву собралось польское посольство во главе с Яном Гнинским, Нащокин согласно договоренности с польской стороной должен был выехать в Варшаву. В посвященном этой теме письме царю он повторял все те же аргументы: необходимо подчинить православное духовенство Украины московскому патриарху, вести переговоры как с Польшей, так и с Турцией и «цесарцами», то есть Габсбургской империей. В этом письме он снова поднял болезненную тему возвращения Киева полякам, что было ошибкой, но вряд ли сыграло решающую роль — вероятно, к тому времени царь уже принял решение о дальнейшей судьбе дипломата. Свой вклад в это внес и упомянутый донос гетмана Многогрешного, которого царь в своем письме похвалил за бдительность. Шляхтича Лубенко, служившего у Ордина-Нащокина, били кнутом и сослали в Сибирь, а дальнейшее следствие по делу поручили не кому иному, как Артамону Матвееву. Несомненно, тот постарался собрать как можно больше материалов, порочащих своего конкурента, и добиться его отставки.

*

Вскоре Ордин-Нащокин был уволен с должности главы Посольского приказа, которую занял Матвеев. Тогда же его лишили почетного титула «сберегателя посольских дел», сохранив лишь звание ближнего боярина и приказав оставаться на царской службе в этом неопределенном состоянии. В марте был отменен и указ о его назначении «великим и полномочным послом» будто бы в связи с болезнью. Не исключено, что дипломат действительно заболел после пережитых испытаний или сказался больным, чтобы не ехать в Андрусово и покорно озвучивать чужие тезисы. 2 декабря того же года Нащокин попросил освобождения его от службы, сославшись на желание принять монашество.

Сдав своему преемнику приказные дела, отставной дипломат сразу же уехал в родной Псков. Его жена к тому времени умерла (в последний раз

она упоминается в документах в 1668 году), сын Воин служил далеко от дома. Ничто не удерживало его в мирской жизни. 16 января 1672 года он прибыл в Крыпецкий монастырь Иоанна Богослова, расположенный в густом лесу в 60 километрах от Пскова, где 21 февраля игумен Тарасий постриг его в монахи под именем инок Антония. Но монашество не стало для него завершением активной, творческой жизни. Он нашел себя в сфере обустройства родного края, взялся за осуществление проектов церковно-приходского строительства, занимался просветительством. По словам профессора В. С. Иконникова, «Ордин-Нащокин, после многих житейских неудач и неприятностей, избрал на конце своих дней тот путь, по которому еще следовали многие в древней Руси на закате старости»^[58]. Позже, в челобитной на имя царя Федора Алексеевича от 26 июня 1676 года, «инок Антонище Нащокин» вспоминал об обстоятельствах своего пострижения: *«Но и по отпуске моем нынешнем с Москвы во Псков и с Порецкие волости з бурмистры две тысячи ефимков послал в Смоленской приказ в Устюжскую четъ и боясь смертного часу дойду ль до обещанного места, а домишко свое оставил, и недошед Пскова, всего себя вручил Богу»*^[59]. Вероятно, ефимки, о которых говорится в письме, были жалованьем, выданным ему после отставки — возвращая его государству, Ордин-Нащокин подчеркивал, что не желает быть обязанным неблагодарному царю.

При этом у него оставались значительные средства — вскоре после приезда в Псков он начал строительство в городе новой каменной больницы и церкви Казанской Богородицы за Петровскими воротами Среднего города. Кроме того, он принимал участие в обустройстве недавно учрежденного Николо-Любятковского монастыря, в чем его благословил архиепископ Псковский и Изборский Арсений. Он познакомился с Ординым-Нащокиным еще в 1665 году, когда тот был воеводой в Пскове, и теперь продолжил близкое общение с опальным дипломатом. В одной из бесед тот попросил перевести его из Крыпецкого монастыря в более близкий к городу Николо-Любятковский. В 1675 году его желание было выполнено, при этом архиепископ даровал своему знакомому чин строителя-настоятеля монастыря. Более высокий чин игумена старец Антоний иметь не мог, поскольку не был прежде священником. К тому же в свои 70 лет он был серьезно болен и не мог вести богослужения, что требовалось от игумена. Быть может, дипломат заранее выбрал местом несения монашеского обета именно Николо-Любятковский монастырь, но по дороге в Псков из-за болезни был вынужден остановиться в Крыпецкой

обители, мимо которой лежал его путь. Об этом говорится в его челобитной царю Федору Алексеевичу: *«Боясь смертного часу дойду ль до обещанного места... и недошед Пскова, всего себя вручил Богу»*. Известно, что уже в 1670 году его здоровье пошатнулось, а переживания, связанные с отставкой и немилостью царя, неминуемо должны были обострить болезнь.

Однако вдали от придворных интриг Ордин-Нащокин почувствовал себя лучше и нашел силы, чтобы заняться благоустройством доверенной ему обители. В 1675–1676 годах на его средства там были построены здания и сооружения, перечисленные в описи 1782 года: *«Настоятельские и братские кельи, хлебопекарня, квасоварня, конюшая келья, конюшня и конюшие сараи и около того монастыря ограда с кровлею и с воротами»*^[60]. Старцу Антонию удалось приписать к обители соседний Малопустынский монастырь, заселить пустующие монастырские земли: к 1678 году там разместилось 13 крестьянских дворов. Его стараниями в Пскове было построено подворье Любятовского монастыря, где он и другие монахи жили, посещая город по хозяйственным делам. В 1676 году он решил заняться судьбой своего оставшегося в миру имущества. В челобитной на имя царя Федора Алексеевича от 26 июня он писал: *«И ныне, Государь, в продолжение грешного живота моего, бью челом тебе, Великому Государю, чтоб остатней долг подмосковная Песье и московский двор на Кулишках с полаты, на тебя, Великого Государя, взято было, а на сынишка моево Воинка многое мое челобитье, чтоб твоим Великого Государя милостивым указом с Москвы ко мне выслан был для последнего душевного разрешения»*^[61]. Можно догадаться, что дом и имение были отданы государству в уплату долга, взятого, очевидно, для обустройства монастыря и псковской больницы для бедных. Что-то из имущества он собирался передать Воину по «душевному разрешению», то есть завещанию, используя эту возможность, чтобы встретиться с сыном. В то время Воин нес царскую службу в одном из провинциальных городов, поэтому для его приезда в Псков требовалось разрешение.

Челобитная имела и другую цель: напомнить о себе молодому царю, которому могли понадобиться знания и опыт Ордина-Нащокина в вопросах внешней политики. Находясь в монастыре, он сохранял интерес к государственным делам, узнавал новости у приезжавших в Псков царских чиновников и иноземцев, а в 1678 году взялся за составление записки, известной под названием «Ведомство желательным людям»^[62]. Как следует из названия, она была адресована к «ведомству», то есть сведению всех интересующихся его жизнью и делами. В записке приведены отрывки из

царских грамот и других документов времен участия автора в переговорах с Польшей и Швецией, призванные показать высокий уровень доверия, который испытывал к нему Алексей Михайлович. «Ведомство» — документ, в котором на языке, далеком от совершенства, дипломат попытался систематизировать прежде высказываемые им взгляды, обобщить нажитый опыт, объяснить последователям, в силу каких причин и почему он мыслил и действовал именно так, а не иначе. Но это еще и политическое завещание государственного деятеля, предпринимающего попытку направить, настроить мышление тех, кто придет ему на смену, в русло решения задач, какие и далее будут оставаться актуальными. Свои заметки он писал в надежде, что ему на смену придут люди, способные понять, подхватить и продолжить дело, которому он служил. За всем написанным стоит свойственное ему чувство гражданского долга, обязанности человека, вовлеченного в государственную жизнь, высказаться, прояснить, обосновать суть своих исканий. Для него это важно еще и потому, что многое из того, чему он служил, на чем настаивал, не было услышано и понято его современниками.

В том же году им была составлена другая записка: «Извещение истинное с начала войны о Киеве с Украиной и царства Московского с королевством Польским». Там Ордин-Нащокин еще раз напоминал о своей идее союза с Речью Посполитой, которая в то время, после опалы Артамона Матвеева, снова обрела актуальность. Ослабевшее от войн и смут польское королевство крайне нуждалось в сохранении мира с Русью и вынуждено было умерить свои требования относительно возвращения Киева и других спорных вопросов. Этому способствовало и положение на Украине, где правобережный гетман Петро Дорошенко, полностью утратив поддержку в народе, в 1676 году отказался от власти и сдался русским войскам. Его владения формально остались в подчинении Польши, но фактически были захвачены крымскими татарами и турками. Новым гетманом обеих частей Украины был избран Иван Самойлович, принесший клятву верности русскому царю. В этих условиях летом 1679 года в Москву прибыли польские послы Киприан Бростовский и Ян Гнинский, имевшие поручение продлить действие Андрусовского перемирия еще на 13 лет и договориться о совместных действиях против турок и татар.

Необходимость впервые за долгое время вести серьезные переговоры с польскими представителями заставила царское правительство вспомнить об Ордине-Нащокине, стоявшем у истоков таких переговоров. В сентябре того же года в Псков приехал царский гонец с приказом препроводить старца Антония в Москву. Вероятно, вопрос был решен заблаговременно,

поскольку дипломат ждал гонца и отправился обратно вместе с ним. На переговорах, проходивших в Посольском дворце, довольно скоро возникли трудности: поляки выдвигали условием продления перемирия вступление русского войска в войну с татарами. После двух бесплодных туров переговоров Ордин-Нащокин то ли по царскому приказу, то ли по своей инициативе покинул их и вернулся в Псков. Его нежелание участвовать в торге с поляками вызывалось еще и тем, что у него не было никаких полномочий — он должен был всего лишь давать советы главному переговорщику с русской стороны, дьяку Емельяну Украинцеву.

После этого почти никаких сведений о старце Антонии мы не имеем. Ходили слухи, что после возвращения из Москвы он принял схиму — высший монашеский чин, отделяющий своего обладателя от земного мира с его радостями и тревогами. В следующем, 1680 году он скончался, но точная дата смерти неизвестна, как и место его захоронения. По одной версии, он похоронен в Крыпецком монастыре, по другой — в Николо-Любятковском, где провел последние годы. Местные краеведы считают, что его могилу следует искать именно там. Позже монастырь пришел в упадок и в 1764 году был закрыт; от него остался храм Николая Чудотворца, находящийся сейчас в черте города. Псковский историк Г. Постников предположил, что могила Ордина-Нащокина могла находиться на месте построенной по его инициативе и разобранной в 1726 году придельной церкви митрополита Филиппа^[63]. Есть, впрочем, и другая версия — «пещерная» усыпальница под приделом Никольского храма.

Глава девятая

«ЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ»: ШКОЛА ОРДИНА-НАЩОКИНА

Сразу после кончины дипломата его архив, состоящий из книг и рукописей, был изъят и вывезен в Москву. Только спустя два века его эпистолярное наследие в том виде, в каком оно сохранилось, стало обретать известность. Однако о том, насколько ценен был вклад Ордина-Нащокина в реальную государственную политику конца XVII — начала XVIII века, дает представление служение его преемников и последователей. С уходом из жизни Алексея Михайловича, при смене находившихся на вершине власти лиц в приказном аппарате продолжали служить те, кто избежал вовлеченности в межклановые дворцовые разборки, у которых в памяти сохранялись высказываемые их наставником мысли. По тому, чем они руководствовались, как действовали, оказавшись у вершин власти, какие цели продвигали, обеспечивая интересы государства, можно судить о влиянии на них наследия их выдающегося предшественника.

Востребованными оказались в первую очередь те представители поколения, кто из первых уст наследовал вынашиваемые Ординым-Нащокиным мысли, кому и далее довелось обеспечивать устройство государственной жизни. Их судьбы дают необходимый материал, позволяющий проследить судьбу наследия их выдающегося наставника. Для молодых современников имел немалую притягательность его зоркий критический взгляд на государственные дела, его наблюдения и опыт, выстраданный им в противостоянии невежеству, эгоизму, себялюбию. Действительность не только вызывала в нем тревогу и озабоченность, но и будила созидательную, мыслительную энергию, которая не могла не передаваться другим. Он вынашивал новаторские идеи, смело предлагал меры, побуждающие власть к действию, находя в себе мужество честно и прямо заявлять: «Сильных не боюсь, умираю в правде!» В этом состояло его жизненное кредо, основа его репутации, — человека гордого, неудобного, но убежденного в своей правоте.

Такие, как Ордин-Нащокин, — сосредоточенные, замкнутые, погруженные в себя государевы люди, чей стиль жизни, образ мышления, поведение не могли не вызывать уважения. Те из молодого поколения, кто удостоивался чести служить при дворе, напившись впечатлений,

наблюдений, делали для себя выводы из тех идейных споров и столкновений, какие кипели в правящей элите тех лет. Усвоенное, когда приходило их время, становилось основой, базисом в служении своему делу, предопределяя выбор целей, средств, подходов. Сам того не ведая, Ордин-Нащокин воспитал плеяду талантливых последователей, которым на ближайшие полвека довелось быть на острие внешней политики государства.

Люди такого калибра, каким был ближний боярин, не могли не вызывать симпатий, не привлекать на свою сторону убежденных последователей. Рядом с ним находилось немало таких, кто разделял его взгляды, верил в правомерность и обоснованность упорно продвигаемой им политической программы. Идеи Нащокина обладали той убеждающей силой, которая в дальнейшем предопределила их востребованность молодой порослью. Под его началом в многочисленных посольских съездах, экспедициях, переговорах участвовали те, кого следовало бы считать стажерами, ассистентами, практикантами. Им поручалось готовить документы, систематизировать сведения, составлять протоколы, отчеты для царя, для заседаний Боярской думы. Начинающие дипломаты на ходу черпали знания, пополняли опыт, выстраивали собственные представления и убеждения, поскольку другой школы, иных университетов тогда не было. Многие из них совсем еще юными втягивались в государственную службу. И далеко не каждому, в том числе и выходцам из высших сословий, удавалось подтверждать свое призвание, быть на уровне требований, которые предъявляло к ним время.

Не прилагая к этому особого старания, Ордин-Нащокин дал «путевку в жизнь» целой плеяде последователей. Его дело продолжало жить, нива, которую он возделывал, приносила плоды. Поколение, идущее ему на смену, усвоило его взгляды, прониклось верой в правоту его убеждений. Когда час пробил, наиболее талантливые из них, поднявшись к вершинам государственной службы, продвигали те ключевые политические идеи и ценности, какие исповедовал их начальник в Посольском приказе. Имена Голицына, Украинцева, Головина вписаны в политико-дипломатическую летопись Руси конца XVII — начала XVIII века. Каждый из них, в отпущенное судьбой время, сообразуясь с конкретно-историческими обстоятельствами, так или иначе придерживался ориентиров, оставленных их выдающимся предтечей.

Князь Василий Васильевич Голицын (1643–1714) с юных лет был определен на службу при царском дворе. Ему довелось наблюдать и познавать суть борений, которые происходили в окружении Алексея Михайловича. Молодой Голицын уже тогда приобрел достойную деловую репутацию. Главное и существенное из того, что ему удалось, постигая азы службы в Посольском приказе, состоялось благодаря знаниям и опыту, почерпнутым от его предшественника. К тому же стартовые условия, обеспечивающие место Голицыну на политическом Олимпе, были предпочтительнее тех, в каких начинал свою карьеру Ордин-Нащокин. Военно-дипломатическая карьера для него выстраивалась в переходный период от царствования Алексея Михайловича к его сыну Федору Алексеевичу, однако наиболее полно Голицын сумел реализовать талант государственного деятеля в ходе правления царевны Софьи Алексеевны (1682–1689).

Уже в начале государственной карьеры ему довелось вплотную столкнуться с явлением, ставшим причиной неудачных походов на юг, в сторону Крыма. Попытки русских войск обезопасить южные окраины государства, избавить страну от разорительных набегов крымских татар успехов не принесли. Причиной тому были не столько действия противника, сколько неспособность русских частей взаимодействовать друг с другом, а их предводителей согласованно управлять войском. Давали о себе знать закоренелые рецидивы местничества. Разлад в рядах военачальников обрекал на провал одно сражение за другим. Трагический, жертвенный опыт походов убедил Голицына в необходимости коренным образом решить эту довлеющую над государственной властью проблему.

Заслуга Голицына как раз и состояла в том, что важнейший акт расставания Московии с местничеством, тяжелейшим из средневековых пережитков, подступиться к преодолению которого не решались во все предшествующие царствования, — состоялся в ноябре 1681 года на Поместном соборе. В самом начале заседания, когда собирались «ведать ратные дела», а именно слушать доклад Голицына о действиях русской армии на крымском направлении, наружу выплеснулось накопившееся. «Момент истины» инициировал откровенный рассказ Голицына о том, как вели себя военачальники и почему погибло русское войско. Далее возбужденные участники собора повели речь не только о причинах военных поражений, но и о многом другом, что порождало «государственное нестроение». Дискуссия, длившаяся до конца года и далее, выявила редкое по тем временам единодушие.

В поддержку отмены местничества высказались в том числе

представители высокородной элиты, имевшие особые «места», привилегии в государственных делах. Итог был подведен на заседании 12 января 1682 года. Его провозгласил сам царь, Федор Алексеевич: *«чтобы тому местничеству впредь между великородных людей не быть... Если кто и благороден, но за скудность ума или какой неправдой и неблагочестивым житием и своевољством губит благородство свое и почитается ото всех в злорадстве, таким никакого правительства вручать не подобает, Если кому по их государеву указу велят где, хоть и из меньшего чина, за его разум пожалованным быть честью равной боярству, в том не прекословить»*.

Очевидец событий, монах Сильвестр Медведев, составил описание заседаний собора, подробности того, как происходил ритуал расставания со средневековым наследием. На глазах участников собора дьяки начали стаскивать отовсюду разрядные книги и столбовые свитки, бросая их в растопленные печи...

Поместный собор 1681–1682 годов внес существенные коррективы в критерии, по которым отныне у власти появилась возможность определять востребованность личности по ее способностям, ее пригодности к конкретному делу. Именно тогда было положено начало демонтажу сословно-представительной системы, преобладавшей в кадровой политике до того времени. На смену сословно-иерархическим подходам достоинства личности стали оценивать «не по одежке, а по уму».

К тому времени, когда судьба приблизила Голицына к правящим вершинам, династический хаос, оставленный после себя Алексеем Михайловичем, все более усложнял атмосферу в верхних эшелонах власти. Соперничество кланов Милославских и Нарышкиных нарастало, внося разлад в структуры государственного управления, вызывая все большее размежевание среди их сторонников и противников. Мало кому из тех и других впоследствии удалось остаться у власти и даже сохранить жизнь. В разборки вовлекались стрельцы — силовая структура, которой предстояло выполнить роковую роль, выступив на стороне Милославских.

Кровавые события мая 1682 года, унесшие жизни многих влиятельных царедворцев из клана Нарышкиных, предопределили приход к власти Софьи Алексеевны. Голицын оказался в стане влиятельных сил, тяготевших к Милославским, что и послужило основой для его восхождения к властным вершинам. Семь лет судьбой было отпущено Софье царствовать, а Голицыну управлять страной.

Жизненный путь князя, его трагическая судьба представляют интерес не только для историка, но и для писателя-романиста. Знатное

происхождение, одаренность, яркая индивидуальность, казалось бы, обрекали Голицына на восхождение к высотам успеха и славы. Поначалу так оно и складывалось. Ориентиром для него служили идеи и ценности, каких придерживался, отстаивая государственные интересы, Ордин-Нащокин. Голицыну в этом отношении удалось продвинуться гораздо дальше. Сосредоточившись на преодолении застоя в решении политико-дипломатических проблем, он сумел вернуть внешнюю политику Руси в реалистическое русло. При этом он руководствовался подходом, который исповедовал Ордин-Нащокин при разрешении уходящих в глубь веков противоречий. Предпринимаемые попытки, сводившиеся к тому, чтобы навязать друг другу взаимоисключающие условия, заводили переговоры в тупик. После бесплодных десяти лет был совершен прорыв в отношениях с Речью Посполитой — подписан «вечный мир» 1686 года. За основу его был взят проект Андрусовского перемирия, разработанный Ординым-Нащокиным. Это был серьезный политический прорыв, который означал преодоление изоляции Руси.

В том, что касается внутреннего развития, Голицыну удалось приблизить страну к освоению европейского опыта. Окрепили внешнеторговые связи с соседними странами, отношения с ними стали осуществляться на уровне посольств. Если бы не роковое стечение обстоятельств, повлиявших на его дальнейшую судьбу, Голицыну удалось бы добиться большего, продвинуться в государственных делах гораздо дальше. Его судьбу предопределили и неудачи возглавляемых им военных походов на Крым, и измена женщины, царевны Софьи, с которой его связали близкие, любовные узы. Присутствовало ли у Голицына искреннее чувство или это была связь по расчету? Взгляды современников и исследователей истории дома Романовых на этот счет расходятся. Личные письма Софьи, какие сохранило время, открывают в ней женщину, страстно любящую своего «друга Васеньку».

Известие, заставшее его после возвращения из неудачного похода на Крым, оглушило, деморализовало Голицына. Его место при дворе занял другой фаворит, боярин Шакловитый. Служить, как прежде, он уже не мог. Распался союз, трагически сказавшийся на прочности и незыблемости верховной власти. Вскоре за этим последовала трагическая развязка. Произошло то, что должно было произойти, — отстранение Софьи от власти, заточение ее в монастырь. Шакловитый был казнен. Попытки Голицына установить диалог с новой властью были отвергнуты. Для него наступили годы опалы и ссылки с семьей и детьми на Север до самой кончины.

Между тем годы нахождения Голицына на вершине власти не прошли бесследно. Место в истории ему определила отнюдь не репутация фаворита и любовника царевны Софьи. Под его воздействием в общественном сознании все более укреплялась тенденция, требующая избавления Руси от патриархальной отсталости, невежества, самоизоляции. Были предприняты решительные шаги к освоению зарубежного опыта, к продвижению в хозяйственно-экономическую жизнь достижений европейских стран.

*

Цели и задачи государственной политики, которые в свое время обосновал Ордин-Нащокин, нашли свое продолжение в деятельности Емельяна Игнатьевича Украинцева (1641–1706). Он, как и князь Голицын, был учеником и соратником ближнего боярина. Однако для Украинцева обстоятельства жизни и судьбы сложились куда более удачно. Истоки его фамилии не имеют отношения к территории, которая с некоторых пор стал называться Украиной. Его предки обосновались у другого края Руси, на Рязанщине — там находились родовые владения дворян, принявших фамилию Украинцевых. Когда нужно было воевать, противостоять вражеским набегам, именно из тех мест начинался их ратный путь. Отец Емельяна Украинцева в 1655 году был смертельно ранен под Брянском в бою с поляками. Тот поход возглавлял сам царь. Предсмертные слова умирающего, обращенные к Алексею Михайловичу, заключались в просьбе взять под опеку его десятилетнего сына Емельяна. Это обстоятельство немало сказалось на его дальнейшей судьбе: в отличие от своих сверстников он избежал военной службы и еще подростком был определен в Посольский приказ.

Царское слово и далее играло роль «охранной грамоты», оберегало его судьбу. Емельян Украинцев прожил большую, особенно по меркам того времени, жизнь, на протяжении сорока лет находился в эпицентре внешнеполитических событий конца XVII — начала XVIII века, оставаясь «рабочей лошадкой» в аппарате ключевого ведомства — Посольского приказа. Его деятельность пролегла через царствование четырех российских самодержцев. Он был участником посольских миссий, переговоров, в ходе которых вырабатывались и принимались важные документы, включая «вечный мир» с поляками в 1686 году. Его карьера складывалась весьма успешно. Еще в начале 1660-х годов Украинцев был включен в делегацию Московии, ведущую переговоры с Речью Посполитой

о прекращении войны. В 1662–1663 годах он сопровождал Ордина-Нащокина на переговорах по урегулированию на Украине, затем занимался доработкой документов, положенных в основу перемирия в Андрусове. Ему было поручено составление русского текста итогового договора, подписание и парафирование которого состоялось в Кремле в ходе визита польской делегации в Москву в 1670 году.

Украинцеву, единственному из сподвижников Ордина-Нащокина, удалось миновать последствия трагических перемен на московском троне, тех гонений, какие пали на Матвеева, Голицына, Головина. При этом Украинцев неизменно оставался при деле, лишь укрепляя репутацию человека весьма полезного и нужного престолу. Он плодотворно, пока не произошло отстранение царевны Софьи от власти, сотрудничал с ее первым министром Голицыным, был участником возглавляемых им Крымских походов. Он оказался той фигурой, которая обеспечивала преемственность во внешней политике Руси от Алексея Михайловича к Петру I.

Петр Алексеевич, несмотря на отягчающее обстоятельство — принадлежность Украинцева к враждебному лагерю Милославских, — не утратил доверия к нему, поручил ему и далее управлять Посольским приказом вплоть до 1697 года. Украинцев, как никто другой, был исключительно полезен, поскольку был посвящен в дела и проблемы, над решением которых бились предшественники Петра. Он был среди тех, кто прояснял молодому царю смысл стратегической линии, какую пытался проводить Ордин-Нащокин в пору царствования его отца.

Но даже взрослые, умудренные опытом Украинцев и Головин поначалу были лишены возможности обуздать, остепенить оказавшегося на вершине власти молодого самодержца. Он был неукротим в яростном стремлении восстановить историческую справедливость, вернуть некогда принадлежавшее Руси могущество. Громкие и, казалось бы, внушительные итоги военных походов в сторону Азова были обречены на неудачу, но открыли взору обширное пространство, отделяющее азовский берег от Константинополя, где были сосредоточены главные силы империи Османов — исторического противника Руси, имевшего в то время прочный плацдарм в Крыму. Противопоставить что-либо весомое убеждающей силе аргументов, которые ранее выдвигали Украинцев и Головин, становилось все труднее.

К тому времени немного разрядилась напряженная атмосфера вокруг самодержца, изменилось и его настроение. Приходило понимание бесперспективности спонтанных, должным образом не подготовленных

военных предприятий. Необходимо было определить приоритеты, выработать стратегию действий, наметить решение первоочередных задач. Великое посольство в Европу, предпринятое в 1686–1687 годах, помимо прочего сыграло свою роль в формировании у Петра зрелых представлений о мире, пополнив знания самодержца о реалиях, с которыми придется столкнуться Руси, предприняв попытку силовым путем утвердиться на морских просторах.

Выход с войском к морским берегам, овладение прибрежными территориями было целью, к которой стремился Алексей Михайлович, требуя от Ордина-Нащокина любой ценой закрепиться на побережье Балтики в ходе войны 1654–1656 годов. Но это еще не означало для Руси открытия возможностей для беспрепятственной, свободной торговли с Европой. Преодолеть морскую блокаду, получить доступ к торговым путям на морях делалось возможным только в случае создания мощного военного и торгового флота. Петр взялся за осуществление этой задачи со свойственной ему решительностью. В течение десятилетия Московия сумела организовать постройку кораблей и к началу века уже владела хорошо оснащенным военным флотом. К тому времени окончательно определилась стратегическая линия в сторону Балтийского побережья, к торговым путям в Европу через Балтийское море.

Петр выстроил для себя единственно возможный, наиболее обоснованный и в военном, и в политико-экономическом смыслах сценарий. Побывав с Великим посольством в ряде государств Западной Европы, он увидел возможности и перспективы преодоления отставания, нащупал подходы к тому, чтобы двинуть страну по пути интенсивного развития. Масштабная задача продвижения туда, где сосредоточены важнейшие достижения цивилизации, состояла не только в решении проблемы овладения прибрежной территорией, в обустройстве морских гаваней, в строительстве пригодного к дальним плаваниям флота. Не менее важно было обеспечить политические условия, гарантирующие невмешательство в его планы третьих стран. Главная угроза исходила со стороны Османской империи. Военные операции русских войск против турецких укреплений, штурм крепости Азов нанесли серьезный урон перспективам двусторонних отношений с Константинополем. Вопрос о том, как и насколько возможно нейтрализовать Турцию, с которой по-прежнему сохранялось состояние войны, приобрел особую актуальность. В условиях растущей напряженности в отношениях с Швецией необходимо было обезопасить Московию от угрозы возобновления военных действий на Юге. Миссия русской делегации в Стамбул в 1699 году — наиболее

яркая страница политико-дипломатической карьеры Украинцева.

Флагманом русского военно-морского флота тогда стал 36-пушечный пятимачтовый корабль «Крепость». Именно на этом корабле в сопровождении других судов в Стамбул отправилась дипломатическая миссия во главе с Украинцевым. Свое появление на стамбульском рейде «Крепость» ознаменовала салютом из всех орудий, отчего содрогнулись весь город и его окрестности. Это было воспринято как акция устрашения, поэтому наладить диалог удалось не сразу. Переговоры с турецкой стороной, участие в которых время от времени принимал сам султан Мустафа II, продолжались девять месяцев в атмосфере, прерываемой спорами, конфликтными ситуациями, демаршами. Случались эпизоды, когда миссия Украинцева находилась под угрозой провала.

И все же постепенно накаленную атмосферу удалось разрядить. Украинцев сумел расположить к себе султана, в ходе неформальных встреч покорив его широтой познаний, став для него источником сведений об окрестном мире, от которого он, как прежде русский царь, был отгорожен невежественными приближенными.

Эти контакты, ставшие регулярными, заметно продвинули переговорный процесс. Состоялось 23 заседания, в ходе которых был подготовлен и согласован итоговый протокол, включающий 15 параграфов взаимных обязательств, а также текст договора, предполагающего мирное сосуществование двух государств на протяжении тридцати последующих лет. На прощальном приеме по случаю отправления эскадры глава дипломатической миссии Украинцев произнес речь. Ключевые слова в ней перекликаются с мыслью, однажды высказанной его наставником, Ординым-Нащокиным: «Мир лучше бесчисленных побед. Кто презирует мир, желая славы, тот губит и мир, и славу. Лучше и полезнее надежный мир, чем ненадежная победа; как сказал некто из премудрых: мир в твоих руках, а победа в руках божьих».

Константинопольский мирный договор 1700 года стал этапным событием, предопределившим военную стратегию России на ближайшие десятилетия. На следующий день после доклада Петру итогов миссии, возглавляемой Украинцевым, последовал русский демарш в отношении Швеции, положивший начало Северной войне (1700–1721). После двадцати лет непрерывного военного противостояния и целого ряда сражений, среди которых особое место принадлежит Полтавской битве (1709), Россия сумела достичь стоявших перед страной исторических целей.

Дипломатической подготовкой Северной войны довелось заниматься Федору Алексеевичу Головину (1650–1706), ставшему после Украинцева главой Посольского приказа. Совсем еще молодым ему посчастливилось служить под началом Ордина-Нащокина. С юных лет ему, как в свое время Голицыну и Украинцеву, довелось не только усвоить основы дипломатической службы, но и познать смысл политических установок, которые отстаивал их руководитель. Двадцатилетнему Головину были известны обстоятельства, какие складывались вокруг политического наследия Нащокина после его отстранения от управления Посольским приказом. Он оказался на острие династических разборок, приведших к трагической развязке в мае 1682 года, и в ходе стрелецкого бунта оказался среди тех, кто в ходе кровавых событий сумел уберечь юного Петра от расправы. Именно Головин сумел вывезти юного царя из Москвы и обеспечил ему укрытие в Свято-Троицком монастыре.

Утвердившись на престоле, Софья и ее окружение продолжили сводить счеты с оппозицией, стараясь избавиться от людей из окружения Нарышкиных, особенно тех, кто был близок к Петру. Головин был отправлен во главе посольства в Сибирь с целью урегулировать пограничные проблемы с Китаем. Отдаленность и сложность маршрута, на прохождение которого к месту переговоров потребовалось полтора года, а также постоянно возникающие пограничные конфликты местного населения с китайцами не оставляли шансов на благополучное возвращение Головина. Его экспедиция продлилась около пяти лет. Изнурительные переходы по бездорожью, необходимость форсирования сибирских рек, постоянный риск для жизни, как и изнурительный процесс установления диалога с китайцами стали для него школой мужества и жизненного опыта. Из Головина, которому было тогда 39 лет, выковался мудрый, дельный, закаленный Сибирью государственный человек. Свою «командировку» Головин увенчал заключением Нерчинского мирного договора 1689 года с китайцами, положив тем самым конец противостоянию с сопредельным огромным государством. Здесь Головину помог опыт, почерпнутый из общения с Ординым-Нащокиным, который всегда предпочитал находить компромиссные подходы там, где только возможно. Ценой уступок китайцам — отказа от крепости Албазин — русские первопроходцы получили возможность для планомерного и безопасного освоения Сибири и Дальнего Востока.

Возвращения Головина мало кто ожидал, но оно пришлось весьма кстати. На престоле воцарился семнадцатилетний Петр Алексеевич. Головин включился в государственные дела в наиболее тяжелый период проб и ошибок царствования. Он стал опорой Петру, личностью, способной направить горячность молодого самодержца в русло взвешенных решений. Зрелый, умудренный опытом, он оказался востребован во всех начинаниях и предприятиях молодого царя. Независимо от их успеха или неудачи царь привечал, одаривал, награждал Головина как никого из своих приближенных. Он стал генерал-адмиралом, кавалером всех орденов, первым был награжден орденом Андрея Первозванного.

Как известно, после ошибок первых лет царствования, безуспешных попыток деблокировать отделенную от морей Русь Петр решительно взял курс на модернизацию государственного управления, европеизацию стиля и образа жизни элиты, на создание национальной экономики путем развития собственных производств. Одновременно с этим велось переоснащение армии, создание флота. Федор Головин, в ту пору неприменный сподвижник Петра, в этом отношении оказался особенно востребован.

К тому времени, когда подошел к завершению жизненный путь Емельяна Украинцева (1708) и Федора Головина (1706), уже окрепла плеяда питомцев «гнезда Петрова» — энергичных деятелей, пришедших на смену прежнему поколению. Меншиков, Шафиров, Головкин, Ягужинский, Брюс и другие последовательно продвигали курс, некогда намеченный Ординым-Нащокиным. Петровскому поколению спустя полвека удалось достичь программных целей, какие ставил перед государственной властью России их великий предшественник.

Глава десятая

РУССКИЙ РИШЕЛЬЕ

К середине XIX века, когда в мыслящей элите России вырос спрос на историческое знание, в научных кругах стали выстраиваться целостные представления о пройденном российской государственностью пути. В их основе лежали поиски выхода из того военно-политического и духовного кризиса, в котором оказалась российская государственность в ходе Крымской войны 1854–1855 годов. Тем самым была проложена дорога реформам Александра II. Тогда в политическом лексиконе впервые появились термины «перестройка», «гласность», «русская идея», несущие глубокие преобразовательные представления и смыслы. Новое мышление находило воплощение в подходах к решению крестьянского вопроса, в изменениях в системе государственного управления, в формировании новых взглядов на общественные отношения.

Особое звучание в дискуссиях приобрело осмысление того факта, что Россия оказалась на пороге тысячелетия своей истории. Не слишком достоверная, взятая из древних летописей дата — 862 год, начало княжения на Руси варяжского предводителя Рюрика, — с некоторых пор была положена в основание, в исторический фундамент начала российской государственности. В атмосфере духовного подъема вызрела идея воздвигнуть монумент, воплотив в образах выдающихся россиян этапы предшествующей истории России. На этом фоне стали проступать сведения об именах, образах, судьбах ее подлинных первостроителей. Постепенно прояснялось и то ценное, что составляло наследие Ордина-Нащокина. Знание о нем, помимо биографических сведений, позволяло воссоздать многое из того, что составляло особенности его времени, условия его служения. Выстраивалась возможность оценить, в каком виде идеи и предложения выдающегося дипломата оказались востребованы, в какой мере их непреходящая ценность отображалась в деятельности его последователей, воплощалась в политике русских государей.

Именно в то время в научных кругах наряду с поверхностными взглядами на Ордина-Нащокина стали появляться работы, в которых ближний боярин представал во всей полноте присущих ему качеств государственного деятеля, политика, дипломата. Особое значение при этом приобретало обращение их авторов не только к отечественным, но и к

зарубежным источникам, к сведениям, которые сохранились в архивах, но до поры не привлекали к себе должного внимания. Их подход сосредоточивался на том, чтобы рассматривать ход истории Руси на фоне тех процессов, какие происходили в сопредельных странах. Это позволяло иначе, более объективно представить себе роль подлинных творцов истории государств и народов, тем самым создавая целостное представление о том, какими были и к чему стремились личности, оказавшиеся у кормила государственной власти.

Теперь трудно установить, когда и при каких обстоятельствах впервые появились сопоставления Ордина-Нащокина и Ришелье, выявляя сходство в судьбах, в политическом поведении двух государственных деятелей. Говорили, будто повелось это от шведских дипломатов, имевших дело с Нащокиным в 1640—1650-е годы. Тогда происходили прерываемые военными действиями трудные переговоры по территориальным вопросам. Своим упорством и силой убеждения Нащокину удалось приблизить решение проблемы доступа Московии к Балтийскому морю. Заключенное на три года в Валиесари русско-шведское перемирие (1659) с удержанием всего завоеванного сторонами в ходе войны — безусловная его заслуга. Московская Русь, убеждал он шведских переговорщиков, ведет войну с одной только целью — восстановления исторической справедливости. Династический кризис временно пошатнул русский престол, и страны-соседи воспользовались этим, оттеснив Русское государство от берегов Балтики, от прямых торговых связей с Европой. Это обстоятельство будет неизменно ставить перед русскими вопрос о возвращении на исходные рубежи. Не лучше ли решить этот вопрос путем мирных переговоров в пору, когда для этого сложились условия, или шведам и дальше пребывать в ожидании очередной войны, которая неизбежно начнется, как только Русь соберется с силами?

В ту пору ресурсы москвитов и шведов находились на пределе, лишая смысла дальнейшее продолжение войны. Доводы Ордина-Нащокина на том этапе в конце концов возобладали. В ходе изматывающих переговоров шведы впервые столкнулись среди русских с личностью, способной говорить с ними на равных, а в чем-то и превосходить их. Нащокин поражал их убежденностью, упорством, неожиданными поворотами мысли, ставившими шведских дипломатов в тупик. Потом, в начале 1660-х годов, военно-политическая обстановка склонилась не в пользу Московии. Когда возникла потребность в новых русско-шведских переговорах, шведы категорически настояли на исключении Ордина-Нащокина из состава переговорщиков. Главной их целью была денонсация договора,

подписанного ими в Валиесари. Этого им в конце концов удалось добиться, пока новая война не заставила их пойти на куда большие территориальные уступки, чем те, которые предлагал Нащокин.

Может быть, тогда кто-то из членов шведского посольства и сравнил его с кардиналом Ришелье. В Московии о том, кем был этот выдающийся деятель, какова была его роль в истории Франции и всей Европы, ведали лишь находящиеся там иностранцы. О достоинствах русских они же судили по известному им чиновному кругу из ближайшего окружения царя. Ордин-Нащокин выбивался из общего ряда государевых людей того времени. Он обращал на себя внимание своей неординарностью, отличался цепким умом, способностью к ведению диалога, знанием иностранных языков. Но достаточно ли только этих сведений, чтобы утвердиться в правильности и допустимости подобного взгляда на личность Нащокина? Существовала ли иная, более глубокая основа видеть в нем русского Ришелье, и что на деле могло послужить поводом для сопоставления таких разных, разделенных временем и обстоятельствами государственных деятелей? Правомерно ли соразмерять достоинства фактического правителя Франции, оставившего столь яркий след в европейской истории, и неименитого подданного русского царя?

Объективное знание, допускающее или опровергающее такую возможность, требует обратиться к подлинным историческим фактам и событиям. Трудность при этом состоит в том, что объем сведений о каждой из личностей неравноценен. Информация о Ришелье многократно превосходит объемом то, что известно нам об Ордине-Нащокине. Судьба кардинала, как никакая другая, с течением времени обрастала легендами и мифами. Его образ воссоздан в исторических хрониках, в художественной литературе, в театре и кино. Их кажущаяся достоверность не во всем совпадает с правдой истории, но возносит имя Ришелье на пьедестал. Другое дело Ордин-Нащокин. Сведения о нем крайне скудны, а источники — разрозненны. Становление его личности, этапы государственного служения отражены скупой и едва просматриваются. И все же, несмотря на перечисленные трудности, есть смысл выявить, имеется ли объективная основа для указанного сопоставления. Если служение Ришелье и Ордина-Нащокина имело схожие черты и признаки, важно понять, — в силу каких причин одному удалось взлететь так высоко, а другому пришлось остановиться на полпути? Было ли появление и Ришелье, и Ордина-Нащокина на исторической сцене предопределено закономерным ходом истории или это всего лишь случайность?

Открытым остается и другой вопрос — в какой мере был осведомлен

Ордин-Нащокин о государственной деятельности Ришелье? Можно ли говорить о прямом влиянии идей и новаций великого француза и о прямом переносе их Нащокиным на русскую почву? Если это так, то какими путями и в каком виде поступали в Москву сведения о происходящем в европейских государствах?

Деятельность Ришелье и Ордина-Нащокина отделяло время, измеряемое продолжительностью жизни одного поколения. Когда кардинал ушел из жизни (1642), Ордину-Нащокину было 36 лет и он только приступил к серьезной государственной работе. Возможность воплотить нечто похожее из того, чем руководствовался Ришелье в государственном управлении, у Ордина-Нащокина появилась спустя четверть века. Известно ли ему было о документе под названием «Политическое завещание», обширном труде Ришелье, посвященном искусству государственного управления? Русь середины XVII века никак не назовешь наполненной информацией. Определяющую роль там играла молва — сведения передавались в пересказе заезжих иностранцев, подвергаясь искажениям и субъективным толкованиям. Не вызывает сомнения их скудность, отрывочность. Смута начала XVII века нарушила каналы связи Руси с внешним миром. Наладить их удалось лишь Нащокину, когда он был поставлен на руководство Посольским приказом. При нем началось восстановление постоянных дипломатических отношений, была организована почтовая связь с Европой, приступили к изданию первой периодической газеты «Куранты».

Имеются сведения о том, что в период правления Михаила Федоровича Романова на Руси побывали негоцианты из Франции. Их целью было проложить торговые связи с Москвией и далее — с Персией и Бухарой. Вероятно, уже тогда сведения о правлении Ришелье могли достичь Москвы. Однако дает ли это повод предположить проникновение на Русь реформаторских идей первого министра Франции? Переговоры с французами завершились безрезультатно, причиной тому было давление англичан, их стремление удержать торговую монополию в своих руках...

Представление о Московии середины XVII века как о глухой, изолированной от остального мира окраине не лишено оснований. Борьба с «тлетворным влиянием Запада» и тогда велась всеми доступными средствами. «Держать границу на замке», ограждать россиян от проникновения чуждых идей и взглядов в основном удавалось, но отнюдь не всегда и не во всем. И тогда среди москвитян были те, кто оставался привержен прогрессу, кто вопреки запретам пытался узнать, «как там у них». Источниками таких сведений выступали, как правило,

путешествующие иностранцы, дипломаты, торговые люди. В этом отношении на пограничных русских рубежах, где начинал свое служение Ордин-Нащокин, общение с иностранцами было более активным, что не могло не способствовать расширению его представлений о мире, познанию основ политики и экономики зарубежных стран.

Прежде чем выстраивать сопоставление двух личностей, необходимо прояснить наши познания о Ришелье как о государственном деятеле. Какова основная идея, проводимая кардиналом, та, что принесла ему всемирное признание и обеспечила место в истории? В романах Александра Дюма образ Ришелье выписан довольно достоверно, но лишь настолько, насколько это отвечало художественным замыслам автора. Эти романы написаны спустя два века после кончины кардинала, и далеко не всё в них, что касается образа героя, соответствует истине.

Арман Жан дю Плесси, кардинал Ришелье (1585–1642), принадлежал к привилегированной части дворянского сословия, родовые корни его восходят к XII веку. Происхождение открывало ему дорогу к тому, чтобы занять достойное место в аристократической иерархии. Стремительное восхождение к высотам власти стало поводом относить молодого священника к числу «наиболее удачливых и сверходаренных». Карьерные ступени, какие преодолевал будущий кардинал и будущий фактический правитель Франции, подтверждают и то и другое. Свою одаренность ему удалось подтвердить хотя бы тем, что к тридцати двум годам, в 1616 году, он, к тому времени епископ Люсонский, вошел в королевский совет, а через полгода стал его главой и хранителем печати королевы-матери Марии Медичи. В последующее десятилетие Арман Жан дю Плесси сумел окончить Сорбонну, получить кардинальский сан, послужить губернатором Гавра и Бруажа, занять место в парламенте с правом «заседать рядом с пэрами». Кроме того, он удостоился высших должностей в командовании флотом и армией, а в 1629 году приказом Людовика XIII был назначен главным министром государства. Головокружительная карьера выстраивалась для Ришелье отнюдь не безоблачно, в атмосфере «ядовитой враждебности и злобы», непредсказуемых обстоятельств и угроз. Из доверенного лица Марии Медичи он превратился в ее врага, которому она пыталась мстить до конца своей жизни. Ришелье действительно человек удачливой судьбы, однако фортуна оберегала его благодаря его одаренности. Именно в этом кроются истоки его политического долголетия. Присущие ему качества Ришелье с тонким искусством применял и совершенствовал по мере преодоления непростых жизненных коллизий. Наш современник, видный французский историк Франсуа Блюш

в своей книге «Ришелье»^[64] формулирует то существенное, что определяло замыслы, планы и действия первого министра Франции:

«Служение государству составляло основу политики кардинала-герцога: в него входили верность монархии, повиновение королю, приведение знати к подчинению, административная централизация; усиление армии и флота; деятельная борьба с Австрийским домом; устройство внутри страны крупных престижных учреждений (Академии, королевской типографии), стремление к независимости и усилия по поддержанию в Европе французского перевеса сил».

«Ришелье выковал армию, морской флот, дипломатическую службу, службы осведомителей и шпионов, придавших государственному аппарату устрашающую мощь в международном плане».

«Министр-кардинал способствовал реальному участию во власти высокопоставленных чиновников; он дал им точку приложения интересов в подчинении государству, в котором король является лишь первым служителем».

Главное, что составило сердцевину его политики, — «признание государственной цели превыше всякого другого соображения». Ради достижения цели он требовал безусловного подчинения всех, от министра до последнего крестьянина, твердой правящей воле. Ришелье задумал постепенно заменить знать, преследующую личные интересы, чиновниками на жалованьи, формируя из них дееспособные органы власти. Дворянству подобает нести военную службу, судьям — разбирать судебные дела, этим исчерпывалась их компетенция. Истинный государственный человек, он отводил церковным делам лишь ту роль, которая отвечала политическим планам государства, не допуская вмешательства церкви в дела светские. Его взгляды на внутреннюю политику были неотделимы от внешних сношений, которые Ришелье выстраивал исходя из соотношения сил и положения дел в окрестных государствах. Его известность в Европе определялась столкновением интересов Франции в противостоянии с главными конкурентами и противниками — Австрией, Испанией, Англией, итальянскими государствами. «Он, насколько мог, — продолжает Ф. Блюш, — прилагал усилия к тому, чтобы сглаживать межцерковные противоречия между католиками и протестантами, передав в наследство Европе кровопролитную Тридцатилетнюю религиозную войну, прообраз грядущих мировых войн». На смертном одре, когда его попросили простить тех, кто причинил ему вред, Ришелье произнес: «У меня никогда не было других врагов, кроме врагов государства».

Многое в судьбе Ришелье проясняет написанное им «Политическое

завещание». Это произведение написано «с той целью, чтобы прошлое служило правилом будущему». Это своеобразное пособие в управлении государством содержит ряд установок, практических наставлений в том, каким надо быть правителю, каких норм, принципов ему следует придерживаться. «Государственные интересы должны быть единственной точкой отсчета для тех, кто управляет государством» — вот кредо выдающегося политика.

Ближний боярин Ордин-Нащокин не оставил трудов, где были бы отражены его взгляды. Дошедшие до нас доклады, письма, записки позволяют, однако, составить представление о том, какие принципы, идеи, проекты легли в основу его государственной деятельности. Эту работу проделал видный российский историк конца XIX — начала XX века В. О. Ключевский. Не проводя аналогий, не сопоставляя опыт служения Нащокина с кем-либо из предшествующих европейских государственных деятелей, он в своих трудах выделяет то главное, что составляло кредо выдающегося соотечественника:

«Московский государственный человек XVII века! — едва ли не с восторгом пишет о нем историк. — Государственный человек, ведь это значит развитой политический ум, способный наблюдать, понимать и направлять общественные движения, с самостоятельным взглядом на вопросы времени, с разработанной программой действий, наконец, с известным простором для политической деятельности, — целый ряд условий, присутствие которых мы совсем не привыкли предполагать в старом Московском государстве»^[65].

«Нащокин по-своему смотрел на порядок внутреннего управления в Московском государстве: он был недоволен как устройством, так и ходом этого управления: правительственными учреждениями, приказными (чиновными) обычаями, военным устройством, нравами и понятиями общества. Не мог помириться с духом и привычками московской администрации, деятельность которой неумеренно руководилась личными счетами и отношениями, а не интересами дела».

«Исходная точка его преобразовательных планов: не все нужно брать без разбора у чужих. «Какое нам дело до иноземных обычаев, — говаривал он, — их платье не по нас, а наше не по ним». Это был один из немногих западников, подумавших о том, что можно и чего не нужно заимствовать, искавших соглашения общеевропейской культуры с национальной самобытностью».

Отгораживание Московии от внешнего мира, по убеждению Нащокина, лишь усиливало экономическое отставание, а торговая

экспансия извне сводила к минимуму возможности саморазвития. Введенный им в экономический обиход Новоторговый устав был не чем иным, как воплощением политики меркантилизма, свойственной всем европейским странам в их аграрном и промышленном развитии. Ее основу составляли жесткие правила, связанные с ограничением импорта, протекционизм в продвижении собственных товаров на внешнем и внутреннем рынках. Новоторговый устав проложил дорогу таможенной реформе, предусматривавшей правовое обоснование единых таможенных правил и процедур. Главное, из-под контроля иностранных торговцев выводились основные отрасли товарного производства, а следовательно, и доходы от внешнеэкономической деятельности. Нововведения способствовали обустройству общенационального рынка, а единые таможенные процедуры становились основой в проведении государственной торговой политики.

«Наблюдения за жизнью Западной Европы привели его к сознанию главного недостатка московского государственного управления, единственно направленного на эксплуатацию народного труда, а не на развитие производительных сил страны... Народно-хозяйственные интересы приносились в жертву фискальным целям и ценились правительством лишь как вспомогательные средства казны. Он едва ли не раньше других усвоил мысль, что народное хозяйство само по себе должно составлять один из главнейших предметов государственного управления. Нащокин был одним из первых политэкономов Руси».

«Нащокин в восемь месяцев псковского воеводства успел не только обдумать идею и план сложной реформы, но и обладать суетливые подробности ее исполнения. Здесь при участии воеводы выработаны были статьи об общественном управлении города Пскова в 17 статьях. Важнейшие положения касаются преобразования посадского общественного правления и суда и упорядочения внешней торговли, — одного из самых деятельных нервов экономической жизни Псковского края».

«У Нащокина были свои дипломатические планы, свои образные взгляды на задачи внешней московской политики. Ему пришлось действовать в ту минуту, когда ребром были поставлены самые щекотливые вопросы, питавшие непримиримую вражду Московского государства с Польшей и Швецией, вопросы о Малороссии, о Балтийском берегу. Обстоятельства поставили Нащокина в самый водоворот сношений и столкновений, вызванных этими вопросами».

Как подлинный дипломат и глубокий политик, «мастер своеобразных

и неожиданных политических построений», Ордин-Нащокин был убежден, что война — последнее, крайнее средство в межгосударственных отношениях. Он твердо верил в миротворческую роль дипломатии, в то, что мудрость, воплощаемая в политической логике, в искусных переговорах, способна предотвращать конфликты, избегать войны. «От многих кровавых распрей посольскими трудами Господь Бог успокоит», — утверждал ближний боярин. Между тем война в то время была едва ли не перманентным явлением, предопределяя образ мысли и действий властителей. В деятельности Ришелье, как и Ордина-Нащокина, война и сопряженные с ней проблемы занимали едва ли не главное место. В международных делах тот и другой предпочитали действовать осмотрительно, достигая согласия с теми из сопредельных государств, с кем у них в данный момент совпадали интересы и потребности. Противостоять всем, находиться в состоянии войны по всем азимутам расточительно и бесперспективно. Установка, которую дает Ришелье в своем «Политическом завещании», гласит: «Следует избегать войны; следует настаивать на честном мире». Сходной точки зрения придерживался и Нащокин. Переговоры с «позиции силы», предъявление поверженной стороне завышенных требований, запугивание, диктат — подходы, которые он считал малопродуктивными, более того, наносящими вред взаимопониманию, если не в данный момент, то в будущем: «С польским королем надо мириться умеренно, чтобы поляки потом не искали случая отомстить». Ему принадлежит мысль о том, что даже в отношениях с виновником войны, недавним врагом, не следует добиваться односторонних выгод и преимуществ, навязывая условия, исключаящие уверенность в прочности и долговечности мира.

Ближний боярин Ордин-Нащокин как глава Посольского приказа исходил из того, что мудрая внешняя политика должна опираться на приоритеты, очередность которых следует определять по мере их важности и значения для самосохранения и саморазвития государства. «Навыкать» зарубежный опыт он не считал зазорным даже у врагов. На это в первую очередь должны быть ориентированы внешние связи государства, и это те задачи, какие следует ставить перед дипломатами. Его не без оснований можно считать основателем российской школы дипломатии, ее профессиональных норм, правил, традиций. Разбросанные на страницах его наследия взгляды не нуждаются в особо тщательной систематизации, поскольку содержат весьма точно обоснованные ориентиры, выверенные постулаты и формулы. В них заключены суждения о назначении дипломатической деятельности, о построении, целях, критериях

организации внешнеполитического ведомства — Посольского приказа. Никто до него прежде не придавал столь большого значения роли дипломатической службы в деле обеспечения безопасности государства, в защите и продвижении национальных интересов. У Нащокина была своя программа или, как сказали бы теперь, концепция, чего не скажешь о его предшественниках. «Оком всей Руси» называл он Посольский приказ. При этом был убежден — доверять служение в нем следует лишь «беспорочным, проверенным людям», тщательно их отбирать, проверяя их качества на конкретных делах.

«Во всем, и прежде всего, — продолжает В. О. Ключевский, — он имел в виду государственный интерес, общее благо, будь то заведение флота на Балтийском море, устройство заграничной почты, даже просто разведение красивых садов с выписанными из-за границы деревьями и цветами».

«Он сделал несколько военных опытов, заметил недостатки в военном устройстве и предложил проект его преобразования, высказывая мысль о регулярной армии, комплектуемой рекрутскими наборами из всех сословий».

«Его преобразовательная программа свелась к трем основным требованиям: к улучшению правительственных учреждений и служебной дисциплины, к выбору добросовестных и умелых управителей и к увеличению казенной прибыли, государственных доходов посредством подъема народного богатства путем развития промышленности и торговли»^[66].

Продолжая сопоставление, нельзя не видеть сходства в подходах, замыслах, деяниях двух политиков, чье служение определяли примерно те же задачи и сопутствующие им политические обстоятельства. Параллели подобного рода позволяют в достаточной мере судить о том, насколько политическая программа Ришелье перекликается с целями и способами действий русского политика и дипломата. И если одному из них обстоятельства благоприятствовали, то другому в этом было отказано. Ордину-Нащокину довелось осуществить лишь малую долю задуманного им, многое осталось лишь в наметках.

Людвик XIII, по словам Ф. Блюша, «робкий, сознававший свою умственную зависимость, слабый телом, далеко не речистый», нашел в себе силы противостоять влиятельной знати, возглавляемой его матерью, королевой Марией Медичи. Монарх чувствовал потребность «в человеке сильном, таком, кто один способен нести бремя правления, благодаря своему государственному уму и силе воли». Другого такого, кроме

Ришелье, рядом не было. В 1630 году в стане оппозиции вызревала уверенность, дающая повод судить о неизбежной отставке Ришелье. Момент, когда неожиданно рухнули надежды свергнуть кардинала, известен во французской истории как «день одураченных». Король Франции, находясь под сильнейшим давлением вельмож, отбросив колебания, отказался идти у них на поводу. В итоге Ришелье остался у власти и находился во главе государства 18 лет.

Любопытно, но и в судьбе Нащокина случился эпизод, едва не ставший роковым — его сын Воин, выполняя дипломатические поручения, совершил государственное преступление, прихватив с собой документы и кассу посольства, бежал за границу. Надо ли говорить, насколько это событие потрясло Нащокина! Без колебаний он попросил царя об отставке, изъявив готовность принять любое наказание. Известно, какая кара ждала тогда тех, кто самовольно отправлялся за рубеж или отправлял туда своих детей. Враги Нащокина потирали руки, предвидя его неизбежное падение. Однако ничего подобного не произошло. Более того, царь предпринял немало усилий, чтобы утешить, поддержать, вселить уверенность в своего помощника. В письмах Нащокину Алексей Михайлович старается смягчить безутешное отеческое горе. Поддержав боярина в критический период его жизни, царь руководствовался главным — желанием сохранить дельного помощника, на котором слишком многое было замкнуто и от которого многое зависело. Выходка Воина произошла в самый ответственный момент переговоров со шведами, когда на кону стоял вопрос, быть или не быть миру, а Ордин-Нащокин был в это время ключевой фигурой, от которой зависел исход дела.

Однако далее судьба и служение Ордина-Нащокина складывались по-другому. Царь Алексей Михайлович, «не слишком образованный и не очень одаренный», по своим качествам мало чем отличался от Людовика XIII. Но при этом он, убежденный в своем божественном предназначении, стремился не просто царствовать, но и править. Многие из того, что предлагал и готов был осуществить Ордин-Нащокин, так и осталось на уровне замыслов, однако вряд ли можно винить его в этом, а тем более искать причины в свойствах его характера. Его качества патриота и государственника были под стать тем, какими был наделен Ришелье. И тот и другой не отличались гибкостью в придворном обхождении, не скрывали свое мнение в попытке угодить власть имущим. Но во Франции Ришелье мог опереться на достаточно серьезные силы, поддерживающие его в заботе об укреплении государства, — буржуазию, чиновничество, военных. На Руси все эти сословия были политически слабы и целиком зависели от

титулованной знати в ее враждебном отношении к «выскачке» во главе Посольского приказа.

Ордин-Нащокин мог рассчитывать только на поддержку царя, однако Алексей Михайлович не стал для него твердой опорой и защитой. Самодержцу не хватало последовательности, его кругозор был весьма ограничен, а подверженность сторонним влияниям не позволяла стойко держать руль государственного корабля. Если Ришелье управлял Францией 18 лет, то относительно самостоятельная государственная деятельность Ордина-Нащокина длилась всего четыре года. Но и в этот период мелочная опека, «хотения» царя и его приближенных подрывали моральный дух первого министра. Ему так и не дали довершить намеченную им программу преобразований. Царь всячески пресекал малейшие покушения на свою власть, подозревая в них ущерб высоте своего положения. Болезненную реакцию у властителя вызывали «высокоумие» подчиненных, «возношение», «упорство басурманское». Царь пресекал подобные проявления довольно жестко, отбивая у приближенных охоту перечить, настаивать на своем. *«Летось ходил дуростью, а ныне во всем желает указу»*, — отмечал он покорную реакцию князя Ф. Н. Одоевского на сделанное ему внушение.

Исследователи лишены возможности подробно проследить перипетии судьбы Ордина-Нащокина в той мере, как это доступно в отношении жизни кардинала Ришелье, во многом получившей известность. Однако обстоятельства, факты, оценки свидетельствуют, что и тот и другой при жизни удостаивались не столько великих похвал, сколько поношений и порицаний. *«Перед всеми людьми за твое государево дело никто так не возненавижен, как я»*, — писал Нащокин царю. Он подвергался откровенной травле, в его адрес сыпались оскорбления и угрозы. Его не раз пытались обвинить в государственной измене, а проводимая им политика, ориентированная на союз с Польшей, в придворных кругах трактовалась едва ли не как предательство. Особенно болезненной для него была ненависть со стороны коллег, сотрудников Посольского приказа, ополчившихся на проводимые им в жизнь методы и принципы дипломатической работы. Но и Ришелье, всесильный первый министр короля, не был избавлен от клеветы и поношений.

Его сравнивали с древними тиранами Тиберием, Дионисием, Иродом, Гелиогабалом, не говоря уже о таких безобидных эпитетах, как «наместник Люцифера», «безрогий сатана», «князь ада» и т. д.

Если кардинал отличался особыми способностями в борьбе с интригами и заговорами, умел предугадывать маневры врагов и вовремя

сводить с ними счеты, то Ордин-Нащокин этими качествами наделен не был и оказался беззащитен перед придворными интриганами. Если колеблющийся монарх Людовик XIII в критический момент принял сторону кардинала и далее оставался с ним до конца, то Алексей Михайлович поступал с точностью до наоборот. Мотивы, по которым русский царь отказался от поддержки преданного государевой службе боярина, делом доказавшего свою эффективность, не поддаются объяснению. Строптивость, обидчивость, капризность, недовольство отношением к себе — едва ли не единственные доводы, доступные исследователям, пытающимся понять причину опалы ближнего боярина. Было и это, но в какой-то мере причина заключалась в проблемах и возможностях, стоящих перед государством, едва только достигшим недолгой внутренней и внешней стабильности.

Отдавая себе отчет в необходимости последовательно решать проблемы, остававшиеся за чертой Андрусовского перемирия, такие, к примеру, как неопределенное положение Киева и судьба православного христианства к западу от Днепра, Ордин-Нащокин видел такие возможности в тактике политического маневрирования. Эта его позиция не встречала понимания при дворе, лишь вызывала раздражение и недовольство. С одной стороны, он подвергался давлению «сильных людей», убежденных в том, что «уломать» поляков можно, что посулы и деньги способны подвигнуть их на новые уступки. С другой — запуская клеветнические слухи, против него действовали казачьи гетманы и церковники Правобережной Украины, посчитавшие себя отверженными, брошенными Москвой на произвол католической Польши. Неожиданный дипломатический успех в Андрусове породил у царя иллюзию скорого преодоления всех прочих препятствий. Он стал подталкивать Нащокина к односторонним действиям, к диктату по отношению к партнерам по переговорам. Такой подход только отдалял решение первостепенных задач, которому в тот момент не благоприятствовали ни время, ни условия. Здравому смыслу места оставалось все меньше, возможности для рассудительной дипломатии сужались. Терпеть далее закулисную возню и унижения было выше сил, и Ордин-Нащокин ушел в отставку.

В скором времени вектор внешней политики, направляемой отныне Артамоном Матвеевым, окончательно сместился на юго-запад, в направлении Украины, раздираемой противоречиями, усобицами, конфликтами. Подтвердив приверженность Кардисскому миру со Швецией, Русь тем самым отказывалась от своих исторических прав на прибалтийские территории, от решения задачи выхода к Балтике, на

кратчайшие торговые пути, ведущие в Европу. Возобладали идеи «православного реванша», не сулившего в ту пору ничего, кроме перманентного противостояния с Речью Посполитой. Вытеснение католичества с территории Древней Руси еще не означало возможностей реального экономического и культурного освоения этих земель. Постоянное вмешательство внешних сил в украинское пространство, «шатость» сменяющих друг друга гетманов не предвещали стабильности. Украинский «узел» поглощал все больше средств и ресурсов, не приближая Русь к достижению главных государственных целей.

Реальности Франции начала XVII века, как и Московии середины того же столетия, говорят о том, насколько схожими были обстоятельства, в которых оказались два переживающих кризис государства: состояние экономического упадка, обострение внутренних противоречий, внешние угрозы. Абсолютная монархия, воплощенная в Людовике XIII «Справедливом» и в Алексее Михайловиче «Тишайшем», нуждалась в укреплении. Личных достоинств того и другого монарха не доставало на то, чтобы управлять обстоятельствами, они не обладали способностями преодолевать возникшие проблемы. Исторический опыт абсолютных монархий Европы доказывает — монархическая власть, воплощенная в личности самодержца, лишь тогда в состоянии находиться на высоте, когда монарх от природы наделен способностями не только царствовать, но и править. Государство будет жизнеспособным, если найдет в себе силы и средства не только противостоять внешним вызовам, но и преодолевать проблемы, коренящиеся внутри сообществ.

И Ришелье, и Ордин-Нащокин были из тех немногих, в ком понимание природы общественных противоречий сочеталось с талантом и волей к их преодолению. Их судьбы подтверждают, насколько велика роль личности, приводящей в действие закономерности общественного развития, насколько их своевременное появление предопределяло неизбежность избавления государств и народов от архаичного наследия Средневековья, в какой мере благодаря им преобразования продвигались в устроение жизни, в систему государственного управления. Появление таких людей, как кардинал Ришелье и ему подобные — особое явление, воплощающее в себе требования времени. К их числу следует отнести и Ордина-Нащокина. Нет необходимости в том, чтобы и дальше искать и находить свидетельства влияния политических установок Ришелье на ведение государственных дел русским дипломатом. Имеется немало оснований утверждать, что осознанная необходимость направляла Ордина-Нащокина, питала его взгляды, укрепляла уверенность в правоте избранного пути.

Судьбы двух выдающихся деятелей обогащают историю Франции и России. Их служение — пример грядущим поколениям политиков, как с достоинством и честью следует выполнять свой гражданский долг. В том же, что касается личной судьбы Ордина-Нащокина, ученый резюмирует: «Если вы вдумаетесь в превратности, в мысли, в чувства, во все перипетии описанной государственной деятельности далеко не рядового ума и характера, в борьбу Ордина-Нащокина с окружающими условиями, то поймете, почему такие счастливые случайности были у нас редки». Если верить Ключевскому, то главным итогом более чем тридцатилетнего правления Алексея Михайловича стало наметившееся в русском обществе «преобразовательное настроение». Однако основной вопрос — «остаться ли верным родной старине или брать уроки у чужих?» — так и остался без ответа, «был по наследству передан его потомкам».

Между тем ответ на него уже тогда был обоснован «ближним боярином» Афанасием Лаврентьевичем Ординым-Нащокиным. Его наследие, отвергнутое верхами, продолжало жить в сознании его единомышленников и новых поколений государственных деятелей. Спустя два десятилетия его дело со всей решительностью продолжил молодой энергичный царь Петр Алексеевич. Недолго примериваясь к тому, как и какими средствами подступить к решению стоявших перед страной исторических задач, государь поначалу предпринял ряд поспешных и, как оказалось, бесперспективных шагов. Далее он вынужден был обратиться к более реалистическим идеям и планам, какие некогда вынашивал Ордин-Нащокин. Этому способствовало окружение Петра, состоящее из учеников и последователей их выдающегося наставника. Именно они сумели убедить самодержца предпринять нужные шаги в правильном направлении.

«Великая Северная война», неизбежность которой в свое время безуспешно пытался предотвратить Ордин-Нащокин, стала реальностью. На разных ее этапах как Россией, так и Швецией создавались и разрушались коалиции. Их состав определялся в зависимости от преимуществ, какие складывались в пользу то одной, то другой воюющей стороны. Терпели крушение замыслы предводителей войск, обрекались на гибель массы людей. Героизм, смелость, военное искусство утрачивали смысл перед лицом коварства и предательства недавних союзников. Воля и решимость властителей государств в критические периоды выступали едва ли не единственным фактором, заставлявшим любой ценой сражаться до конца, до победы.

Ништадтский трактат 1721 года подтвердил решение основных стратегических задач, какие на протяжении предшествующего столетия

стояли перед российской государственностью. Русь, сбросив оковы Средневековья, преодолела территориально-государственную изоляцию, на равных, в статусе империи, вошла в сообщество европейских государств. Выдвижение ее флота на просторы Балтики повлекло за собой глубокие изменения во внешнеторговом балансе, в структуре государственной экономики, в системе управления. Последовали необратимые перемены в мышлении, в обустройстве, стиле жизни россиян. Над всем этим возвысилась масштабная личность императора Петра I, триумф которого был предопределен замыслами предшественников.

Петровская эпоха подвела итог историческому этапу, в основе которого лежали выбор пути, определение базисных ценностей, по которым выстраивался курс Российского государства в грядущее. Тем временем наследие Ордина-Нащокина, выполнив свою историческую роль, уходило в прошлое, уступая место другому, ставящему российскую государственность перед новыми вызовами и угрозами. Однако всё последующее — крутые перевалы, сопровождаемые откатами, падениями, взлетами, — так или иначе высвечивало подлинный смысл исторических завоеваний, значение политического опыта, обретенного Россией на рубеже XVII–XVIII веков.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Документы о подготовке Андрусовского перемирия

В Российском государственном архиве древних актов (ф. 79 «Сношения России с Польшей») хранится коллекция документов о подготовке и заключении Андрусовского перемирия 1667 года, отражающих роль А. Л. Ордина-Нащокина в русской дипломатии того времени. Особенно важными в этом свете представляются документы, опубликованные в 1959 году в журнале «Исторический архив». Первый из них представляет собой условия мира между Россией и Польшей, изложенные Ординым-Нащокиным во время переговоров во Львове литовскому канцлеру Кшиштофу Пацу. В статьях этого договора дипломат излагает аргументы в пользу «союза нерозорванного» между Русью и Польшей, в котором он видел гарантию мира и благополучия не только двух этих государств, но и всей Восточной Европы. Второй документ — доклад царю Алексею Михайловичу, поданный Ординым-Нащокиным после возвращения из Львова. Там он доказывает важность союза с Польшей уже русскому самодержцу и его советникам.

Оба документа доказывают, что Ордин-Нащокин, вопреки мнению ряда ученых, не был сторонником идеи избрания Алексея Михайловича на престол Речи Посполитой. Эта идея, поддержанная боярами во главе с Н. И. Одоевским, долгое время уводила русскую дипломатию на ложный путь, о чем прямо говорил Ордин-Нащокин. Он указывал, что предложение об избрании нужно польским магнатам, чтобы обмануть Россию, помешать ей воспользоваться достигнутыми в ходе войны преимуществами. В противовес этому он выдвигал идею равноправного союза двух государств, направленного против общих врагов — Швеции, Турции и Крыма. По его мнению, Россия могла, заключив союз с Польшей, «шведцкой разрушительной нынешней мир промыслом без войны направить и с остереганьем в вечную крепость привести».

*

Текст документов приводится по публикации И. В. Галактионова, осуществленной в 1959 году^[67].

№ 1

Список статей, данных литовскому канцлеру Пацу в бытность в Польше российского посла Афонасья Нащокина, касающихся к ближайшему обоим государствам примирению. 10 апреля 1663 г.

171 года, апреля в 10 день, великой и полномочной посол душой дворянин и наместник щацкой Афонасей Лаврентьевич Ордин-Нащокин ездил княжества литовского к канцлеру к Криштофу Пацу и, будучи у него, говорил о государевых делех с ним тайным обычаем на один и того тайного розговору дал канцлеру Пацу, написав польским письмом, статьи. А каковы написав статьи, канцлеру отдал и в тех статьях пишет:

Тайного розговору для союзу общие статьи объявлены суть: Смоленск со всеми Северскими городами по-прежнему вечным миром к Московскому государству утвердiti, что в розоренье московское через войну к Польскому государству было прилучено. А мир был становлен меж теми обоими государствами, только успокоена война, а союзу вечного в помочи от одного другому от посторонних неприятель не учинено было. И за то многие ссоры да войны кровавые проводились и, не стерпев многих досадительств или обид, жалость всегдашняя в Великой Росии была о поступленных городех, за что и крове многие проливались. А ныне бы, за помочию всеильного бога по его святой воле, бранный меч вечно отложить и ни за что б крови не всчинались и была (бы) та Северская земля с Смоленском по-прежнему к Великой Росии миром утверждена. И впредь, всякие разрушительные ссоры постерегая, учинить союз нерозорванного вечного миру; а будучи в союзе к прибылем тем обоим государствам в сем объявлении иметь показатися в правде, которые будут. А не учинив соединения от сторонних, прибытков овладеть друг без друга невозможно.

1. Во 167-м году в перемирной записи воелесарского договору^[68] в четвертой и в двадцать третьей статьях в свейском миру с Великою Росиею Полуденные Лифлянты Диноборк з городами поступлен к Великой Росии, а с польским ево королевским величеством свейскому ево королевскому величеству не советовать и не умышлять и не наводить на царского величества землю и города никакую недружбою.

И после того во 168-м году в мировой записи оливенского договору в пятой статье те же Полуденные Лифлянты Диноборк з городами поступлены вечно от свойского королевства х Коруне Польской, а те города держат к Великой Росии, а того после во 169-м году в мировой кардийского договору в свейском миру написано: те же Полуденные Лифлянты Диноборк з городами оне же сваяно по-прежнему воелесарскому

договору вечно поступились к Великой Росии. И в таких ссорных и неправдивых шведских статьях на них есть явная причина.

2. А как те обои государства Великая Росия и Корона Польская будут в соединении, могут за такие преступления и непостоянство шведское каждо к своему государству за свои škоды посольским правом и рассудком христианским свое без меча отыскать и взять и посторонне государи присудят без škоды свое взять. А шляхта льяфлянские к поступке шведу Лифлянт и не подписались, а и упорством швед не силен того за собою держать.

А тех двух государств [союз] будет страшен и скоро учинит расплату, кому что принадлежит, не побуждая иных своих соседей, с которыми у королевства свейского недружба: се есть с цесарем римским, с королем датским, с королем английским, с курфирстом брандбургским; и всегда над шведом отмщения ради видеть.

А те помянутые государи, которые шведскому королевству в явных давних недружбах, ево царскому величеству в великом доброхотении и в дружбе вечного нерозорванного миру. И нынешнему, даст бог, союзу во всяких государственных делах надежное и крепкое всегда споможение ото всех стран будет.

3. Коруне ж Польской, будучи в союзе с Великою Росиею, будет споможение и прибыли великие в своих краях от волошан и от мунтян и от Семиградцкой земли. Услышит турок союз меж теми великими государствами, будет уступен тех краев в своем владенье. А Коруне Польской спокойно будет ко всяким пожиточным прибылем, а военные погрозы от турка минутца и будет в соседстве склонен и войну свою отложит.

4. Коруне ж Польской, будучи в союзе с Великою Росиею, от хана будет свободно, что з допущения божия тое войны помочь от хана была в Украйне и на курфистра брандбургского войною наступал и за то хан великую казну, считают, взял на Коруне Польской. Услышит хан союз меж теми обоими государствами, отставит свои великие запросы, а рад будет без škоды дружбу держать и отдален будет ко всяким страхом от тех обоих государств для их союзу.

5. Коруне ж Польской, будучи в союзе с Великою Росиею, надежно будет дружба почитать курфистра брандбургского для того, его царскому величеству он, курфистр, верен будучи, нерозорванные вечные дружбы присягал во 165-м году^[69]. И что ныне от Короны Польской курфистр домогаятца Энбленга и то может дружбою обойтись, не допустив до какова лиха и до противности.

6. Коруне ж Польской, будучи в союзе с Великою Росиею, надежно в

своем государстве успокоить войска и всяких жилецких людей добрым и крепким вечным успокоением, и всегда от посторонних неприятелей будут бесстрашны и на союз вечного миру будут надежны. А ныне для успокоения царское величество до скарбу его королевского величества по достоинству на жалованье ратных людей казною ссудит и споможет как годно и к дружбе соединительно.

7. Коруне ж Польской для нынешнего союзу с Великою Росиею, а надеясь тем союзом доброй пожиток впредь иметь, разсуждением от Великой Росии казна дана быть иметь, чтоб за свое прямое от посторонних обид прибылью тем союзным обоим государствам возвратилось такою мерою за тое казну, хотя бы и малое от Коруну Польской и от Княжества Литовского, которым Северским городам и к Смоленску поступлено было к Великой Росии, что имянованы Полуденные Лифлянты Диноборок з городами, для того обоим тем союзным государствам на шведцком королевстве и прежние свои шкоды против их нездержания, как в мирных записех они причины на себя дали, сыскать будет правдою мощно. И будучи на Двине блиско Лифлянтшвецкого владенья обоих тех союзных государств люди страшны покажутца Свейскому королевству и оттого учинитца и росправа в своих шкодах скоро и всяк будет удовлен своими вовеки и миру вперед не к порушимуму здержанию.

8. Коруне ж Польской, будучи в союзе с Великою Росиею, надежно споможение чинить ево цесарскому величеству в нынешней турецкой войне. И за то слава будет во всем свете, что споможение от того союзу учинитца его цесарскому величеству римскому. А вперед для опасения турецкие войны захочет цесарское величество ко обоим тем нашим великим государствам и в том же союзе быть и к ближней дружбе и иных государей подвигнет.

9. Коруне ж Польской сей союз вечного миру с Великою Росиею за помощью божиею ныне постановить и укрепить с охоты будет всего государства своего, за что хвалу воздавать обои те народы учнут всемогущему богу, прославляя тех великих монархов за их христианское случение ко всякой помочи друг другу. А тех поступных городов к Великой Росии служилые люди для союзу нерозорванного добрым разсуждением при маетностех своих вечно будут, и от тое прошедшие, дай боже, войны благополучное житье себе обдержат и отдален от своей отчизны никто не будет, разве которые стороны ни есть злыми поступками хто возненавидит добра своими делы отлучитца.

10. А правдивее сего объявления к вечному миру как в союз вступит,

крепче показать невозможно и окроме того инако домогаться непотребно, понеже всегда мир без союзу ищет причины за прежнюю обиду отмщения. И такие войны меж теми государствами страшно проходили. А не допускало до союзу, что наша сторона в обиде осталась за невольным миром. А ныне в руках наших, чем были обижены, уже есть. А сверх того много войною от ваших стороны у нас же во одержании, а для союзу вечного миру уступаем по договору пристойному и на вечные часы те обои государства с помочным один другому союзом спокойиваем и утверждаем. Сему господь бог помощником будет.

№ 2

Доклад А. Л. Ордина-Нащокина царю Алексею Михайловичу о необходимости мира с Польшей. Конец 1663 г.

О миру Великой России с Польшей, чтобы разсудительство иметь к прибыли Московскому государству и впредь нерозорвано было.

1. Прежние миры были на урочные лета меж теми государствами, и с обоих сторон, ожидая срок перемирья, готовились к войне, а не к миру (таков бо есть в перемирьях обычай). А перед нынешнею войною учинен был вечной мир. И в таком ближнем соседстве невозможно быть в порубежных местах без ссор, что землею и водою и верою те государства во многой близости. И в тех ссорах, которое государство приспееет силою больши, а другое, видя в каких упадках и вспоминая прежние недружбы и досадительства, поищет себе больши овладения и для того мир розрушитца (так и сталось).

2. А по прежним и по нынешним войнам те обои великие государства дознаны, в разорения приходят и сторонние соседи на них же нападают. А иные ссоры многие составляют, приводя к войне, впредь боясь от тех государств на себя войны и овладенья. И для того больши тцатца к ссоре, а не к дружбе.

3. И ныне бы, по милости всемогущего бога и за превысоким счастием ево божия помазанника государя-царя, прежние с обеих сторон великие ратные досадительства крепким и постоянным миром искоренить. А обновить вечной мир соединением во всякой помочи друг другу против обчих неприятелей обоим тем государствам, чтоб прежние мировые обещания пред богом в прощении были, и перед всем светом преступлением и злом никаким не воспоминались и никогда бы друг друга мстительны не были.

4. И о том мирном союзе тем обоим государствам прилежно

розсуждение иметь: помочь от посторонних краев всегда надобна. И такое затвержение вечное и нерозрушительное впредь от всчинающие войны прочнее, нежели как перед сем было.

5. А в союзных государствах благочестуетца всяка правда и друг от друга союзники приобретения, чтоб вредно было, себе не ищут, но о всем советуют к полности и ко умножению изобилия своим союзным государствам и с посторонними с теми дружатца, от которых себе пожитки велики иметь будут и розширяют свои государства в чужие край.

6. А в такой близости друг другу помощи те обои государства будучи, даст бог, в союзе и посторонние соседи и страшны будут войною наступать, но и сами склонятца за страх и покорно дружбы учнут искать. И многие неизчетные прибыли ко всякой помочи обоим тем государствам възыщутца, и полность в обоих народах в домовых в спокойных пожитках умножитца, и служивым в повольных пожитках умножитца, и служивым в повольных в окольных краях заслугах и купецким людям в безпомешных мирных торговлях скоро распространитца и ко утехе будет, и ко всякой доброй славе и к полности множись учнет.

Особно Великой же Росии для чево надобно с Польским государством союзом вспоможение вечного миру утвердить.

7. Великой Росии надобен союз с Польшей. В нынешнюю продолжительную войну в Великую Росию ис Польского государства многочисленным полоном размножено, а мир бес того не бывает, чтоб полону не отдать. А что были прежние миры и выговариваны крещеные полоняники Великой Росии остатца, а ныне по свейской отдаче того не будет. И к лутчему одержанию чем привести без союзу?

8. Великой же Росии надобен союз с Польшей для того: полон польской и литовской поженились и замуж вышли и розводить против закону как измыслить. А повольное одержание чем учинить, только не союзом того миру и всякою помощью друг другу одержанием союзным, сколько мочно.

9. Великой же Росии надобен союз с Польшей. Служивые люди домовые Великой Росии от продолжительные войны к службе нерадетельны и прикучны, а в украинских местах без служивого доброго строю от хана крымского и от калмыков быть не мошно. Также иные места надобно в остереганье держать и ратьми исполнить. А ныне во всех краях Великие Росии и в Сибири полону в службе много. А учинитца мир по-прежнему как был, и тот многой народ поворотитца в свою землю и до тех мест розрушения миру не учинять, покамест не оживутца. И только не союзом то укрепит и мир в постоянстве держать чем будет крепко?

10. Великой же Росии надобен союз с Польшей. Искони ведомой неприятель — швед, в близости будучи к Великой Росии, всегда усматривает упадка Московскому государству и с сторон многие ссоры чинит: и во время свое наступает всяким разореньем. И как прежд было, так и в нынешнее время по съездам посольским ведомо, какие розрушительные свейские неправды. А все их всчинание для того, что с Польским государством продлилась война и внутренние ссоры повстали в Великой Росии. А не учинить ныне с Польским государством в миру союзу, и от шведа не предстанут великие розрушения никогда. Явной враг ссорам — камисар свейской; на то и живет на Москве и делают, что хочет. И чем то здержать без союзу?

11. Великой же Росии надобен союз с Польшей и для того, что в нынешнюю войну церковей восточного православия и чесных монастырей разорилось много и немалые здания от великих московских государей были. А учинитца мир между теми великими государствами по-прежнему, а не спомогательным союзом друг другу, и не только розоренные святые места поправить мощно и милостивым наданием оживить, но и оставшие церкви и манастиры, осердясь католици за нынешнюю войну, предадут в унею и благочестие разорят. И того ради потребно быть союзу.

12. Великой же Росии надобен союз с Польшей того ради: за союз радости споможения в тех ближних государствах случением ко всякой дружной помочи на общего неприятеля могло бы то благочестие из пеплу запустения на свет вытти и правоверным христианом цвет спасения показати. И не точию в прежнее благочестие запустелым местом прийти, но и больши бы возрастала в вере восточного благочестия правда.

13. Великой же Росии надобен союз с Польшей: посылают волохи тот союз, которые в ближнем совете с поляки Днестр рекою граничат от Польши или от Подолья, а меж того Днестра и Дуная их поселение и вера в крепком благочестии греческого закона. Обоим те государства Молдавское и Мунтянское под турком пребывают, а розстоит их от Великие Росии государство Польское и что частые войны бывают у Великие Росии с Польшей. И те волохи по самой великой неволе под оборону турецкую потдались, а по вере желанием своим блиски к Великой Росии и никогда бы отступны не были. А у них благочестие свободное, а досадителей вере и слышать не хотят. И для союзу Великие Росии с Польшею обнадежатца те волохи нерозорванного вечного миру быть с Польшею, что в союзе разорвания миру не бывает и сторонние вражды перестовуют, и те волохи скоро пристанут к тем обоим союзным государствам, а от турка отлучатца. И то совокупление христианом учинитца союзом.

14. Великой же России надобен союз с Польшой сего ради: случитца такой многочисленной христианской народ единой матери восточной церкви дети. И единовѣрны от самого Дуная реки все волохи, а через Днестр — Подолье и Львов с Червонаю Русью и Волынь и Малая Росия смежна с Великою Росиею и ныне в приобщении есть. И хто бы показал от своей противной мысли, чтобы то было не в правду и кому те причины способствуют? Но самые знаки явные Великой России на счастье помазанника божия показывают. И за сие господя бога благодарить потребно, что нашей вере противные католицы не познают того обхождения около их или войною утиснены есть. А каталицкую веру и сами оне за пространство имеют быть, а не за спасение и держат по начале своем на короле а жили до сего времени в заблудших волях бестрашно и не к злу привлечет тот союз.

15. Великой же России надобен союз с Польшей неотложной: ныне бы того времени не испустив в нужное их безвременье прикуп велик Московскому государству к росширенью учинить, а великого государя его царского величества к повышению преславного имени. И не вотчше нынешняя война будет впредь на будущие времена к большим прибылом и к радости христианской на бесмертную славу учинитца твердым миром и союзом.

16. А что слышитца от некоторых людей и не захотят де того соединения во всякой помочи друг другу против общих неприятелей московские народы учинить мир Великой России с Польским государством нерозорванным союзом. И тому как збытца, чтоб мир был постоянно, а соседственные дружбы помощью друг другу не держать? Или еще того розоренья мало в слабых прежних мирах? А беречись таких ссор от свейского камисара на Москве, а свейном то люто ненавидимо, что с Польшей будет такой мир. И каково от великих людей объявление в народ учинитца, так и розсуждать учнут союз.

17. А кому вручил бог помазаннику своему многочисленной народ Великие России держать и строить и ево, великого государя, царского величества ближние бояре и думные люди спомогут о вышеобъявленных статьях, яко ж по разуму усердие свое приложат и что пожиточнее к правде розсудят и как впредь быть во основании положат преж времени польского миру не изпоздав, покамест в своих руках есть. И то будет Великой России к вечному пожитку и к росширению государству непременно.

18. А не так бы что в свейском доле во время не поверено, а упустя из рук ныне с великою трудностью, и то аж даст бог исправить в польском миру промыслом для своих прибылей мирных, а не через меч желая. И прежние досадительства ныне таким миром покроютца и в постоянное

вечное утверждение никогда не разорвано придут за польским миром, не вчиняя войны, крепким союзом.

19. А будет также и польской мир, что свейской, учинить безо всех тех крепостей, что выше объявлено, к вечному непоручимому содержанию и впредь исправить нечем, а от страхов военных всегда быть опасным и сторонние ссоры до конца искоренять, а московские народы к ссорам слабы и не здержат без союзу.

20. А Московскому государству военных вечных трудностей не избыть и нынешнее время испустив, никогда впредь такова вечного пожитка и овладенья Великой Росии к прибыли не найти. А шведу и хану будет с обеих сторон боронитца данью, откупом, а у них меж собою тайной союз; через письма и своими гонцы и посланники из Стекольна в Крым, а с Крыму в Стекольно ссылаютца. А преже сего свейская королева Крестина того не принимала, а учинили оне вновь, составлявая всякие злобы на Великую Росию, видя в войне.

21. И то не мнительством, но от самых правдивых и явных дел. Швецкой союз с ханом крымским все христиане познали и берегутца от них во всех христианских государствах и без сторонних людей не верят для тех причин, яко же не в давние лета были и всякому памятно. А паче ж в наших краех ведомие и ближе, когда начиналась межусобная война в государстве Польском с Хмельницким и те шведы учили дружбу иметь с Хмельницким, путь ему указали к хану и ввели хана в Польшу. А как брандыбурской курфирст дацкому королю помочь чинил против их, шведов, и шведы хана привели в Прусскую землю, курфирство государство разорили и крови великие христианские и многочисленной плен учинили. А Богдан Хиельницкий по дружбе им шведам большое попечение имел, заступая их шведов от войны Московского государства, за которые свои розрушения надеялись оне на себя войны от Великие Росии.

22. Оне ж шведы, не помня христианского обещания и веры, что с цесарем вечной мир учинен и боясь цесаря, чтоб поморские земли у них шведов не отнял за многие их преступления, и для того посол их швецкой Бенткулбах турка поднял войною на цесаря, которая ныне идет война.

И для того их посол многое время у турка в Цареграде жил скрыто и в турецком платье ходил и, наведчи войну, в Стекольно приехал.

23. Оне ж шведы всячески ныне тайными ссылки с ханом советуют розореньем над Великой Росией. А опричь иных ведомов явные их швецкие неправды и миру разрушение с Великою Росиею составные злые вести наслушая в ыные государства в Стекольне печатают и во весь свет рассылают, приводя ко всякой низости Московское государство. И не

только ведомому недругу, Польскому государству, поощрение к жесточайшей войне с Великою Росиею чинят, но иных окольных на то приводят всяким злом и зсорным разорением.

24. А егда те их печатные злые вести с Кирыком греченином с Москвы (чают от камисара их свейского) посланы и при послах царского величества во Львов привезены и того часу розголосилось меж сенатыри и народу польского во Львове. И учили в мирных статьях горды быть и несходительны сенатыри, по военному обычаю радуясь чужему упатку. И тем свейским письмом поносить учили, будто правда написана, что безсилье Великой Росии и внутрь своего государства разорение и война. И послом сенатори вестовое свейское письмо объявляли. И то дело на шведов не поклепное, прямое их к улике.

25. А после посольского отпуску от короля изо Львова, как учили литовские войска приходить к смоленским местам, а король польской пришел на Украйну и по роспросам от взятых языков на Москве ныне ведомо: для того с обеих сторон король и войска литовские пошли к московским краем, что им наслушили шведы: рати де московские против башкирцев все высланы с Москвы. И то все по шведцким розсылным вестям и ссорою камисара их будучи на Москве^[70]. И не только в литовской полон на Москве и в русские московские люди многие розрушительные ссоры вмещают и розоренья наводят, как и в прошлом году на Москве был коломенской шум^[71].

26. А для того шведцкого розрушения и против dokonчальные записи нынешнее преступление стеречись в польском миру, когда обсылки будут к съездам с польскими камисары и шведы бы их не научили переменять с стороны царского величества послов для вечного миру, так ж как их шведов послушано послы переманены к их свейскому dokonчанию миру.

27. А до сего времени между перемирья воэлисарского и вечного нынешнего — кардийского миру на съездах з Бентгорном с товарищи уличаны оне, шведы, противности их утвержденному перемирью объявляютца у послов их свейских, будучи под Гданском в Оливе с польским комисары. И в их неправдах бес посредников в вечном миру верить не мочно, я то опасенье в Посольской приказ и в приказ Тайных дел Офонасей Нащокин для ведома писал. А как Офонасей переменен и шведам мир становить учало быть по их воле, неправд их не вспоминая.

28. И теми всеми вышеписанными объявными со многим свидетельством правдивыми статьями за милостию божиею мошно к польскому миру готовитца и к пожитку Московскому государству одержать.

А шведцкой розрушительной нынешней мир промыслом без войны направить и с остереганьем в вечную крепость привести. А делать то дело неотложно и принята крепко.

29. А что я, Офонасей, много истязан против статейного списка тайных розговоров у польского короля будучи во Львове намерение союзу Великие России с Польским королевством и в тех розговорах свейские явные преступления в миру показал правдою от презельного радения своего к повышению царского величества преславного имени и на вечную оборону Великой России делал в крепости, а не нарушая свейского миру, ни войны всчиная, но к самому союзному христианскому розсуждению как во всем свете межды христианскими государствами обычай свободной правде быти. И даст бог в польском миру против свейского нынешнего противными письмами розорвания миру к великому надобью будет. А для моего беззаступства сему не верить или суще делу верить и то премудрому розсуждению по истинному делу.

30. Да с Кирилом Пуциным в декабре месяце 172 году прислана королевская грамота и против того ж статейного списка львовского посольства многое дело объявляет: и с чего быть миру, а как рубежу быть городам и местам, в которую сторону ко овладению больша. И во всех государствах крепят постановление миру, тем и рубеж неподвижен бывает. А не умирив того дела, царского величества в полате взяв прежние примеры, чтоб непорушимо меж теми обоими государствами вечно здержано было, тогда обсылатца трудно будет. А в продолжении совершения миру надобно великое опасение иметь — шведы бы свой оливенский мир подкрепляя с поляки, не учинили б соединения, а промысл их о том давно. А по турской и по ханове дружбе ныне шведам время то делать с поляки. И без меры того стерегут, што б Великой России с Полиною не допустить к миру и помочи бы себе против опчих недругов (те обои государства) не учинили б.

31. Да и сие было к повышению его царского величества преславному имени обранием на Коруну Польскую и на все государство польское на прежнем посольстве. А поляки и донныне для миру и лутчего себе в рубеже обдержания, того обрания не отлагают. И в том обрании много прикрытой хитрости польской, чтоб по воле своей ныне одержав мир, а после того обрания противными статьями отбыть, так же как и у Великой России о Владиславе королевиче наказание божие за всенародный грех доселе было и такого несостояния и ныне опасным быть. И против их польской хитрости, что тем мир хотят выманить, а вперед бы то было непрочное, учинить постоянная вечная крепость, которая меж христиияскими

государствы, где есть розорвана не бывала и ссоры посторонние отгонимы бывають точию союзом.

32. И та крепость с нынешние страшные продолжительные войны чаят им то в охоту будет, понеже с Кирилом Пущиным в королевской грамоте на тайной разговор о союзе нерозорванного вечного миру назначено. И учинятца по всякой помочи друг другу те обои государства и то желательное обрание после нынешнего Яна Казимера короля польского тверже его царского величества преславному имяни придет, для того союзу непорушимое здержание, что мимо своего союзника безвесно иного государя не обируют. И в обоих государствах сами государи, будучи в ближнем сродстве, за приятство свое не могут в пограничных ссорах свои государства мирно удержать без союзу. А как обоих государств союз во всякой помочи и удержит непорушимо мир государей своих. И вчюже с родством и верою могут в дружбе держать и войны всчать не дадут союзные государства. А что ис того крепче и Московскому государству впредь пожиточнее и обороннее и то высокому розсуждению. А сему уже время дошло.

2. «Ведомство желательным людям»

Среди обширного письменного наследия Ордина-Нащокина особый интерес для биографа представляет анонимная рукопись, сохранившаяся в фонде известного русского писателя М. П. Погодина в Государственной публичной исторической библиотеке (ГПИБ). Она входит в сборник различных документов XVII века, купленный Погодиным у археографа П. М. Строева, занимая в нем 22 страницы. Изучив рукопись, исследователи пришли к выводу, что она написана в 1678 или 1679 году, и автором ее, по всей вероятности, является сам Нащокин. Приводя в записке тексты грамот и писем, связанных с его дипломатической деятельностью, он перемежает их собственными рассуждениями, преследуя одну главную цель — оправдать и возвеличить свои труды на благо Отечества.

Одним из доказательств авторства Ордина-Нащокина является соединение в рукописи языка официальной переписки с риторическими оборотами и цитатами из Библии, что выдает в авторе человека начитанного, образованного и притом хорошо знакомого с проблемами внешней политики. В то же время текст сбивчив и стилистически неряшлив, что говорит о его черновом характере. Может быть, отставной дипломат готовил послание царю, чтобы напомнить о своих заслугах и убедить вернуть его к решению внешнеполитических дел — что, как мы знаем, и случилось в том же году. Но есть и другой вариант: Ордин-Нащокин планировал оставить потомкам автобиографию или, скорее, политическое завещание, в котором излагались бы его взгляды на положение России и ее отношения с другими странами. Как бы то ни было, свое намерение он не осуществил — вероятно, из-за поездки в Москву на переговоры с поляками и последовавшей затем смерти.

Фактические детали и даже отдельные выражения рукописи совпадают с черновыми записями Ордина-Нащокина, сохранившимися в фонде «Сношения России с Польшей» Российского государственного архива древних актов. Как в этих заметках, так и в автобиографической записке автор осмысляет свои действия во время мирных переговоров с Польшей, Швецией и Крымом в 1667–1670 годах. Итогом этих мыслей можно считать пространную запись: *«О велико над всеми сими миротворение самый труд есть! Не для показатца всему свету учинено, но для устроения своего государства. И не надеясь подозрения от сторонних, паче к жалости приводя, яко свет отменен. И кто премудр — разумеят милость господню.*

И тако им речено точию миротворцем, яко тии сынове божии нарекутца и прочая»^[72]. Из этого следует, что целью своей политики дипломат считал установление мирных отношений между странами, позволяющее им успешно развиваться и процветать. Нельзя не заметить и горькую иронию его слов: наградой «миротворцу» стали вынужденная отставка и затворничество в монастыре.

Задачу своей записки сам автор сформулировал так: *«Сие ведомство желательным людям к чистой и богоугодной службе восприято будет, в сердца к презельной подвижности; от всей души к терпению, а не к тленному величанию, божия славы и государския милости ищучи, а не людские хвалы»*. Он считал, что его мысли и деяния могут быть полезны всем «желательным», то есть интересующимся людям как пример искренней и компетентной заботы о благе государства. Это не отменяет главной цели записки: политической реабилитации Ордина-Нащокина в глазах верховной власти после восшествия на престол нового царя и ссылки Артамона Матвеева. В конце «ведомства» автор набрасывает программу ближайших внешнеполитических мер правительства Федора Алексеевича: укрепление союзных отношений с Польшей и заключение прочного мира со Швецией. Это, по его мысли, приведет к тому, что *«и турок будет здержан и крепко верен»*, а значит, *«истинно в руках бес крови всякой способявен ко одолетельному миру со всех сторон»*. Считая мирные отношения с соседями главным условием процветания государства, дипломат следовал политике меркантилизма, которую последовательно проводил на посту руководителя внешней политики России.

Текст «Ведомства желательным людям» приводится по публикации Т. Н. Копреевой, осуществленной в 1965 году^[73].

*

Список 3 государевы грамоты:

«От царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, верному нашему воеводе Афанасью Лаврентьевичю Нащокину. За твою службу и раденье к нам, великому государю, и мы, великий государь, жалуем тебя милостиво похваляем и, жалуючи тебя, послали к тебе в пополнение службе твоей триста рублей денег. И тебе бы, видя к себе нашу премногую государскую милость, наипаче служить и работать мужественно и дерзостно, не боясь никого, а

мы, великий государь, в наших государских делах тебя никому не выдадим. И жить бы тебе на нашей государственной службе радостно, безо всякия печали. И к нам, великому государю, писать почасту. Писан в царствующем граде Москве, в наших царских полатах, лета 1656 марта в 11 день».

Того же лета под Ригу царское величество шол, и в том походе, за ту 300 рублей — 6000 ефимков, а с мещане вновь были собраны, и с собою взял под Ригу. И там будучи, сверх кормов ратных, многие тысячи ефимков и чети хлеба к Москве, и во Псков, и в Новгород выслано. Ведомо в Тайном и в Лифлянском приказах.

Список с государевы грамоты слово в слово:

«От царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, в Царевич-Дмитриев воеводе нашему Афанасью Лаврентьевичю Ардину-Нащокину. Пожаловали мы, великий государь, тебя, Афанасья, за твои к нам, великому государю, многие службы и радение, что ты, помня Бога и его святыя заповеди, алчных кормишь, жадных поишь, нагих одеваешь, странных в кровы вводишь, больных посещаешь, в темницы приходишь, ещо и ноги умываешь, и наше великого государя, крестное целованье исполняешь: нам, великому государю, служишь, о наших, великаго государя, делах радеешь мужественно и храбро и до ратных людей ласков, а вором по спущаешь и против свейского короля славных городов стоишь с нашими людьми смелым сердцем, указали тебе быти в думных дворянх. И тебе бы, думному дворянину и наместнику шацкому Афанасью Лаврентьевичю, о наших государских делах радеть и свыше прежнего, а служба твоя перед нами, великим государем, забвенна николи не будет. Писан в царствующем граде Москве, в наших царских полатах, лета 1658 году апреля в 28 день».

Подпись великого государя на грамоте приказа Тайных дел дьяка Дементья Башмакова. Прислана с нарочным гонцом с Семеном Ивановым сыном Бестужева мая в 15 день, в празднество страсотерпца Христова царевича Дмитрея Московского, всеа Русии чудотворца. А пожалован на память торжественаго праздника страсотерпца и победоносца Христова Георгия апреля в 23 день.

О неизреченному человеколюбию Божию! За столько лет прообразовано нынешнее збытие: 184 году^[74] церковь з больницею во Пскове по бывшему проречению зачата и устроилась. А тогда, в ыноверных будучи народах, невозможно было того творити. Но всемогущая сила божия действовала от преславного его царского величества лица сие в народы произвести и делом все показати учинилось.

А потом, к миру всенародному подвижность творя, ево царского

величества в другой грамоте преславно написано сиче:

«От царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, верному и избранному и радетельному о божиих и о наших государских делах и судящему люди божия и наши государевы вправду, во-истинно доброе и спасительное дело, что люди божия судити вправду, но и паче христолюбцу и миролюбцу, еще же нищелюбцу и трудолюбцу и совершенно богоприимцу, и нашему всякому делу доброму ходатаю и желателю думному дворянину и воеводе Афанасью Лаврентьевичю Ардину-Нащокину от нас, великого государя, милостивое слово».

И для крепкого промыслу его царского величества милостивой указ объявлен, в чем впредь без всякого сумнения служить, от ненавистных людей зла не боясь. И того ради, после тайного милостивого указу, к совершению в грамоте написано сиче:

«Мира сего тленного и вихров исходящих от злых человек не перенять, потому что во всем свете разсеяни быша. Точию человеку душею пред богом не погрешить, а вихры злые от человек нашедших, кром воли божии, что могут учинить? Упование нам Бог и прибежище наше Христос, и покровитель нам есть Дух Святой. Писано в царствующем граде Москве в наших царских полатах лета 1660 году марта в 14 день».

Ево царского величества Тайных дел приказу за приписью дьяка Дементья Башмакова. Прислана того ж Тайных дел приказу с подьячим с Юрьем Микифоровым марта в 24 день.

И по сей великого государя, ево царского величества, неисчетной милости преславные миры со всех стран царству Московскому учинились, и не точию з государств христианскими, но и з бусермены. А изо всех из них с славным королевством Польским преодолетельной мир царству Московскому утвержден и святым союзом во веки постоянно укреплен и не токмо впредь от королевства Польского какого мщения опасным быти, но и сами благодарят. И с великим повышением царское величество в посольских ссыльных листах пишут, имянуя великого государя «любящий мир и соседям своим всякому додержит», во многих писмах с высокими похвалами пишут и в таких высоких правах во удивление всякому человеку слышати.

А по ево, великого государя, неисчетной милости, кто взыскан и у тех царственных дел много лет был, ведомо: в Посольском приказе отпуски грамот и в Тайном приказе множественные отпуски. А для повышения царственных дел пред всеми землями в посольских мирных крепостях написан «царственный большие печати и государственных дел

сберегателем». И тот уряд завиден в ыных славных государствах, что нигде тово нет. И как от всея Речи Посполитой, всего королевства Польского в грамоте, с которые здесь перевод, в высокое дело и в большой промысел славного миру успокоения христианским кровем вечно поставлено, и по милостивым грамотам за много лет к совершениям мирным прообразовано, и дошло с кем страшная война была. И много из их королевства взято мирными крепкими договоры городов и земель к царству Московскому. Крепости похваляя, на посольских съездах к непоручимому совершению, с переводчиком с Семеном Лав-ретцким, пишут со удивлением. Всего Королевства Польского и Литовского великая к сему склонность в делех утверждена и непоручимо быть имеет, яко ж в переводе сем к познанию правды верно предложено суть.

Перевод с польского письма с листа, что писали царского величества к великому и полномочному послу к боярину и наместнику шацкому к Афанасью Лаврентьевичю Ардину-Нащокину примас Коруны польские и Великого княжества литовского первый князь Миколай Пражмовский, арцыбискуп гнезднинский, и вся Речь Посполита, Посольского приказу с переводчиком, с Семеном Лаврецким, в нынешнем, во 1669 году апреля в 7 день. Подлинны листы в Посольском приказе:

«Мы, рада духовные и мирские обоих народов Коруны польской и Великого княжества литовского, с ясне освечоным князем его милости Миколаем на Пражмове Пражмовским, арцыбискупом гнезднинским, столицы апостольской всегда послом примасом Коруны польской и Великого княжества литовского и первым князем для общего совету в больших делех Речи Посполитой, на сем месте пребывания королевского будучи.

Божию милостию великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, и многих государств и земель восточных и западных и северных отчича и дедича и наследника и государя и обладателя, его царского величества великому и полномочному послу, царственные большие печати и государственных великих посольских дел сберегателю, боярину и наместнику шацкому Афанасью Лаврентьевичю Ардину-Нащокину дружное поздравление. Признаваем то великому государю, его царскому величеству, что яко святого покою, которой всех монархов победою украшает, государь есть любящий, также всем приятелем своим безрозорванно додержати умеет, чего как от его царского величества постоянно дознаваем, так и мы к тому ж все наше радение чиним, чтоб постановленным меж обоих сторон договорам полное учинилось довольство. Но в том и самого Вашей

милости брата нашего желательное приятство познаваем, егда против своей должности, как истинно «великих посольских дел оберегатель», разсудно усматриваешь, что обоим тем пространным государствам здорово и прибытно быти может, когда его царское величество к совершению вечного покою и крепкому силу случению советом своим приводишь. И в том Ваша милость слово свое в совершение приведешь, яко мы не опустим, что истинной склонности нашей к познанию належит. Уже есьмы о сем Вашей милости известили, что на прошлой чинов Речи Посполитой большой конковацыи^[75] комисары суть назначены о вечном покое договариватца. И ныне его царское величество жалает, чтобы те господа комисары к скорому вступлению того доброго дела поспешили. Но понеже господам комисаром в наказе их время назначено, которой и к Андрусовеком договорам примеряется, се есть, чтобы июня месяца к тому договору прибывали, не можем тогда того сроку упредить, но, когда то помянутое время придет, то господа комисары наши о том радети будут, чтобы в то, что им Речь Посполитая вручила, вступили и к совершению, за помощью делателя мира господа сил и едино властвующаго Бога, приводили. Дошол до нас лист недавно от Вашей милости и список хана его милости крымского, в котором объявляет свою к договору и ко внитию с нами общее приятство охоту и склонность, и чтобы мы к тому договору с ханом его милостию крымским также наших комисаров послали, к чему не противны есьмы. Паче же против мирных выше имянованных договоров хотим и то исполнити, что нам належит. Но понеже мы, сенатори и рада ныне в собрание будучие, вручение и мочь комисаром дати не можем, тогда до блиской находяще элекции отложить надобно, где, за обещанием всех чинов Речи Посполитой обоих народов, Корунных и Великого княжества литовского, и позволением, с полною мочью комисары будут назначены и высланы. Что так подлинно Вашей милости, брату нашему, объявив, просим, чтоб еси о том его царскому величеству предложил и о постоянном желании и нерозорванном приятстве нашем обнадежити изволил. Лист короля свейского, которой наш посланник господин Францышек Гойшевской объявил его царскому величеству, извещая, что не от нас то стало, что в Курляндии комиссия не учинилась в приказе его царского величества задержан, которой по радению Вашей милости, чтоб отослан был прилежно желаем. Посланного его царского величества перевотчика Семена Лаврецкого з грамотою его царского величества, приятства исполненною, любима-тельно приняли и против желания его царского величества во всем удовольствованого без задержания отпускаем, а Вашу милость, нашим приятельством обнадеживаючи, Богу в сохранение

вручаем. Дан в Варшаве марта 20 дня лета господня 1669».

В конце листа приписано:

«Вашей милости брата нашего всего добра желательный моим и сенату духовного и мирского обоих народом имянем Миколай на Пражмове Пражмовский, арцыбискуп гнезнинской, посол всегда столицы апостольской, примас Коруны польские и Великого княжества литовского первый князь».

По обыклости еж суть в мире разсуждение от разумных и боголюбивых человек сие: есть ли б от приятеля хвала и то обыкло в мире свойственных почитать, а сие из неприятельства превысокое благодарение суть. И превыше всего на свете такой неоцененной дар помазаннику Божию и всему Московскому царству по всему свету разславился, за что благодарят себе, а нам пожитки из них деютца, как Киев с Украйной показывает во одержании быть впредь. И есть ли бы в ыной в которой земли хотя и малое похваление учинилось, и то бы, напечатав, по всему свету рознесено было на вечную славу всегда и миру такому славному на крепкое и непоручимое здержание вечно суть. А хто приводцем того совершения святого миру именован внутри сего листа, и ему сторицею по желанию восприялось, в тот полк именован, яко же святой апостол рекл: «ничтож имуще, а вся содержаще, им же недостойт весь мир», и прочая. Убо надеждою спасения вечныя радости ожидать, яко же труждающимся о мире — мира вечного наследия сыновство воспряти обещано есть. О госпode, аминь! В мирных договорах восславлен сей человек не от чюжих стран, но вечно царства Московского! И поляк впредь не гордитца и не мыслит, чтоб в Московском царстве знающих людей не было.

И нынешняя сия склонность впредь на здержание и на почитание польское царству Московскому, когда лучитца кому в посольствах с ними быти — добрая улика, что сего премудрым снисканием, преж учинения миру, того человека у великого государя, его царского величества, король Ян Казимер и всея Речь Посполита просили и Медекшу гонца з грамотой присылали^[76]. И во 1663 году был во Львове у короля в тайных государственных делах, и с того посольства все крепости мирные в договорах пошли и утверждены преславно и царству Московскому на безсмертную славу пожиточно и непоручимо быти имеют. А во 1670 году о Киеве и о всей Украйне совершилось неотложно.

И сие ведомство желательным людям к чистой и богоугодной службе воспрято будет, в сердца к презельной подвижности; от всей души к терпению, а не к тленному величанию, Божия славы и государския милости ищучи, а не людцкие хвалы. И за истинну к смерти подвизатися готову

необлиховану быти. По апостолу: «Лутче бо ми есть умерети, нежели кто похвалу мне рекл да испразнит» и прочая.

И по сему их, всего королевства Польского, обещанию, съехався комисары от всего сенату за руками верующую грамоту на посольстве дали с великою крепостию, что такова желательная крепость миру в Посольском приказе от прежних отменита. И розрушающих святей мир впредь искоренить, а прошедшие ссоры до конца умирить. А потом, на все прежние договоры и утверждения записи написав, крестным целованием закрепили на том, что и самим великим государем при послах, своими особыми перед святей евангелием верою утвердить нерозорванно, и впредь непременно содержать от всего сердца имети во веки. А святей союз без всякого сумнения утвержден государскими душами. И сие совершилось на Москве во 1672 году при польских и литовских великих послах, при Гнинском с товарищи, на вечную славу, а у короля, при после царского величества с подтверждением, великого посла окольничего Василия Семеновича Волинского, государскими особами удержей.

А с начала Львовского посольства, ис чего те неоцененные вещи ево Афанасьева посольства в совершении учинились кратким объявлением выше написано, а пространней приказ содержит Посольской. И не точию с посторонними христианскими государствами учинился мир, но и в самом царственном Посольском приказе во обличение пришел куран^[77] татарского озлобления над христианами; до нынешняго времени много лет бес переводу быть и, вместо обещания, за что дачю в Крым из царства Московского имали, клятву возлагали страшную. И сие обличено и отставлено впредь не быть. А на чем шерть^[78] учинена, будучи крымские послы Сефер-ага на Москве, в деле подлинно написано и в куране, на поле тое страницы, подписано. И то их обещание в Крым под записию послано во 1670 году с послы московским с Василием Ельчаниновым и с крымским послом с Шахтемир с Аталыком.

И сие преславное дело в крепости началось быти с того вышеименованного Львовского посольства, по присылке к великому государю царскому величеству Яна Казимера, короля польского, по его Афанасия, к начинанию мира, в тайных делах. И в том поезде во 1663 году остановлен был в Люблине на время, что у корунных всчался бунт на санатирей^[79], по ссоре хана крымского, побить. И тогда он, посол, от многих печалей пред образом Пресвятыя Богородицы, которой с ним был отпущен из государского дому сверху, именуя Казанские образ Богородицы, и прося неотступно милости во вседневных молебнах во

свещеннической октенье, в прошение сердечном моление усердное приложено сице: «Еще молим и просим милостиваго Господа Бога нашего о умирении православнаго христианства, о еже избавится им от разлития крови, междоусобный брани и от насилия агарянского, и свой праведный гнев отворотити своею благодатию от христиан, и избавить от страшного пленения бусурманского, и дати разум соединения всем христианом, и помиловати нас милосердием своим».

А для молебного украшения распето. И того обозу собрания поляков присыланы были шляхта к послу с поздравлением и хотя ведать о чем посолство имеют быти. И для христианского покою господь бог отверзл им ум разумети: сие обнадеживание к миру выслушав, и возблагодарив бога, приехав в обоз, крепко возвестили. И посла ханова того же дня из обозу выслали, наказав впредь никогда бы с тем не присылал, а у обоих государей великих будет нерозорванной союз, и хан бы в соседстве держал со обоими государи дружбу.

И по возвращении из Львова того посла к Москве все со-деясь в великой силе, и во Пскове перед чудотворным ныне образом в больнице вседневно на молебнах поют тот стих глас 8. Подобен, егда славнии ученицы. А тот пресвятая Богородицы образ, которой во Львове был с послы, ныне стоит на гробе благоверные государыни царицы Марьи Ильиничны у Вознесения Господня в киоте. А из Литвы Пресвятая Богородицы образа пришествие во Псков. О чудеси неизреченному! Воистину, превзыде силы небесныя, церковь создася Пресвятая Богородицы в богоспасаемом граде Пскове, яко чудотворной образ светлыми лучами милосердия своего народы беспрестани просвещает, и радостию сердца боголюбивых народов напояет, и множество нищих во святых обиталищах питает, яко же вседневные службы в тропаре и в кондаке кратко возвещаетца, и, по многим собраниям во Пскове ратей готовят к походам и за их прошением в дальний страны не допускают и в дома с их радостию возвращают, а святой союз все мирные крепости упреждают, и за любительными возвещениями всех христианских государей с неисчетными народы по всему свету в крепкой совет приводит и силу комуждо особую придает. Идеже ея дом в пещере Киевской обители. А ныне в Пскове возцвел чудотворной образ пришествием из Литовския страны по прорицанию, царского величества в милостивых грамотах молитвою иде же обещанной образ именовано благовернаго царевича Дмитрея Московского всеа Росии чудотворца в сооруженной вновь церкви в Куконаузе^[80], а ныне в Пскове, у пресвятая богородицы в больнице стоит.

А с нынешняго, 187 году, по великим упадкам над шведом, не

жесточью, но разумом совершенным сприятствовать его с стороны Ижерские и Корельские земли в крепости себе все королевство их присвояет. А от Лифлянт с Ригою, за помощью Божией общим советом с королевством Польским, швед бы верен был, а царству Московскому неоцененной бы дар был. И в том, хто силу во утверждении ведает, тех людей находить, а не отрывать.

Сего же году знак приближение Юраса Хмельницкого^[81] блиско Киева есть, и тот великой промысл царству Московскому. Истинно в руках бес крови всякой способ явен ко одолетельному миру со всех сторон; и турок будет здержен и крепко верен. Только б, не испустив нынешнего времени, делать вскоре.

3. «Извещение истинное»

В сборник документов XVII века из собрания М. П. Погодина входит анонимная рукопись на пяти листах, озаглавленная «Извещение истинное с началу войны о Киеве с Украйной и царства Московского с королевством Польским миру быти крепко». По содержанию она является запиской или исторической справкой, адресованной царю Федору Алексеевичу с целью его ознакомления с историей борьбы Руси с Польшей за Украину и Киев. Это небольшое сочинение дошло до нас в четырех вариантах, из которых в «Погодинский сборник» входит самый поздний. Первый, неполный список извещения находится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) среди черновиков отписок, присланных Ординым-Нащокиным в Москву с переговоров в Андрусове. Два других черновых списка, датированных 1678 годом, хранятся в том же архиве в составе дела, обозначенного составителем описи Н. Н. Бантыш-Каменским как «Мнение уповательно боярина Матвеева о причинах бывшей между Россиею и Польшею войны».

Исследование списков привело к выводу, что во всех них основной текст написан одним почерком, а многочисленные редакторские правки — другим. Сравнение с рукописью «Ведомство желательным людям» позволило установить, что автором этих правок был сам Ордин-Нащокин. Исправления, носящие как смысловой, так и стилистический характер, особенно многочисленны в «погодинском» списке. Там же впервые появляется название документа, тоже придуманное Ординым-Нащокиным и несколько раз измененное. В тексте всех списков, кроме первого, упоминается польское посольство Яна Гнинского, отправленное в Турцию в мае 1677 года — это значит, что рукопись написана после этого. Более вероятной датой представляется 1678 год, когда в Москве готовились переговоры с поляками о судьбе Киева. Именно тогда у Нащокина появилась надежда на возвращение к активной государственной деятельности, отразившаяся в ряде созданных им документов. В их числе были «Ведомство желательным людям», челобитная царю Федору Алексеевичу и, по всей видимости, «Извещение истинное».

Из текста документа следует, что его автор был опытным дипломатом, принимал участие в нескольких «великих посольствах», превосходно разбирался в вопросах внешней политики. Бантыш-Каменский пытался объявить автором А. С. Матвеева, однако к моменту создания сочинения он

уже находился в ссылке. К тому же правки Ордина-Нащокина доказывают, что автором был именно он — зачем бы он стал править текст, написанный кем-то другим? Известно, что после смерти дипломата его личный архив был перевезен в Посольский приказ, где оказались три черновых списка «Извещения». Четвертый, тоже черновой, но более полный, остался в Пскове, где в 1830-е годы был приобретен П. М. Строевым вместе с другими документами «Погодинского сборника».

«Извещение» начинается с анализа причин войны между Русью и Польшей в 1654 году. Эти причины автор видит в насилии поляков над православной верой, в их нежелании считаться с интересами украинского народа: *«Мы, де, своими вольны владеть как хотим»*. В свою очередь, причину прекращения войны и установления мирных отношений между странами автор видит в угрозе турецкого вмешательства, опасении, как бы *«королевство Польское по Украине в том их насилуваньє и совсем к турку не отгонишь»*. Автор осуждает Польшу за односторонний мир с турецким султаном, нарушивший условия русско-польского договора 1667 года и позволивший туркам разорить Правобережную Украину. Он предлагает созвать в Киеве съезд всех христианских держав, заинтересованных в решении украинского вопроса, и совместно с ними выработать позицию на будущих переговорах с Турцией. При этом он отвергает требования Польши о возвращении ей в обмен на «вечный мир» Киева и даже Смоленска: *«А что от Московского царства королевство Польское за прошедшую войну, в надежду вечного нерозарванного миру, многими тысячами денежною казною сверх уступленных великих городов — и то в надежду по крепостей в вечной мир непременно и нескончаемо вовеки будет»*.

Текст «Извещения истинного» подтверждает, что вдали от политической жизни, за стенами монастыря Ордин-Нащокин продолжал внимательно следить за внешнеполитическими событиями и был неплохо информирован о них благодаря давним знакомым на Руси и за рубежом. Его сочинение преследовало цель не только продемонстрировать правительству нового царя знания и опыт дипломата, но и приблизить осуществление его программы союза с Польшей и совместной борьбы против турецко-татарской угрозы.

Текст «Извещения истинного» приводится по публикации Т. Н. Копреевой, осуществленной в 1961 году^[82].

Извещение истинное с началу войны о Киеве с Украиной и царства Московского с королевством Польским миру совершение быти крепко.

Всесильного бога милостию, заступлением пресвятыя богородицы о многочудотворной обители Киевской со всей Украиной, идеже изволила пресвятая богородица впредь быти во владении. Сего ради там всчелась страшная война с королевством Польским в Украине. А для умирения, хотя любовь показать, ис царства Московского были великие послы у короля во Львове, бояре князь Борис Александрович да Богдан Матвеевич с товарищи, чтоб по присяге своей короля Киева в вере насилуваньем не отгоняли и с ним умирились. И послом московским с жесточью отказали: «Мы, де, своими вольны владеть как хотим». И по многому кровопролитию Московского царства с королевством, было посольство с Москвы у польского короля во Львове же и тогда склонность учела быть к миру. И тогда начали съезды быть от Москвы за Смоленском на рубеже и в крепости вступили вечные. А что в первом Львовском посольстве от московских послов королю польскому было извещено, что оне, короли, на корунование королевства своего греческие веры было ненасиловать, а есть ли Киеву с Украиной гонение в греческой вере руским людям, и церквам восточным бесчестье от каталицкой веры будет — и вся Украина от того насилья от потданства впредь свободны. И за Смоленском на съездах посольских, розсмотрев гораздо опасно, чтобы королевство Польское по Украине в том их насилуванье и совсем к турку не отгонить, удержено. И для того, за помощию всесильного бога, заступлением пресвятыя богородицы, в мирные записи союзом к царству Московскому и королевство Польское, укреплением украинские народы во всех ссорах и междоусобиях от королевства Польского за крестным целованием, по крепостей посольским, во всем прощены. И после тех крепких утвержений, в нынешнее настоящее время, имея у царства Московского с королевством Польским по соединению от салтана турецкого и от Крыму великое опасение от войны и с стороны царства Московского к миру ко общему с салтаном и с ханом против крепостей мирных во всем верно без нарушенья, а с стороны королевства Польского общие крепости мирные в договорах бузсурман царству Московскому нарушены в деле мирном явно есть. И ныне прилежно с салтаком турецким царству Московскому искать крепково миру, а королевство Польское от совету общего не отлагать, чтобы от королевства царству Московскому против крепостей мирных к нарушенью причины ни в чем не было. И ныне с стороны царства Московского крепко стать и держатца о Киеве со всей Украиной вечно всех королей польских увольнением в вере и посольских крепостей, что

совершилось царству Московскому в крепость Киев с Украиной непоручимо. А что от Московского царства королевство Польское за прошедшую войну, в надежду вечного нерозарванного миру, многими тысячами денежною казною сверх уступленных великих городов — и то в надежду по крепостей в вечной мир непременно и нескончаемо вовеки будет.

Да царству ж Московскому ныне с салтаном турским мир крепкой и надежной чинить от королевства Польского неопасно для того, что преступление учинено против мирных договоров крепостей миру с королевские стороны и в явном обличении стала Польша, когда польские послы, соверши посольство на съездах, Ян Гнинской с товарищи на остатней комиссии в Смоленском уезде с Офонасьем Нащокиным. И очищая о Киеве с Украиной отдаче договорные статьи, по совету с обеих сторон послы, писали послы в Киев и в Украину, чтоб по воле своей отписали на комиссию. И оне к послом крепко писали и волю свою в подданстве впредь к здержанию объявили и осторожство царского величества с стороны впредь крепко к послом написали, а те листы в Посольском приказе. И с тое комиссии он, Ян с товарищи, для подтверждения договоров был на Москве для подтверждения договоров и союз государскими особами на обе стороны подтвержен. И возвратясь с Москвы в Польшу тот же посол Ян Гнинской посылам к салтану турецкому для миру. И противно всем договорам и союзу, утаясь от Московского царства, салтану Каменец-Подольской со всем Подолем отдали, по прежнему своему разорению над Киевом и нате всей Украиной, чтоб царству Московскому впредь не владеть, а им бы, Польше, у салтана перекупить Киев себе. И ныне страшен король с Польшею тот договор и крепость с турком показать. И от царского величества таят, ведая, что от всех государей на свете страшным и зазорным быть. И крепко ныне дошло время вскоре промысл чинить неотлагая, с салтаном с обеих сторон послам в Украине миритца и от украинских народов великое и неоцененное в крепости мирной будет споможенье и вечно содержите промыслом тамо надежным. А потом по Украине, что смежна с Молдавскою землею через Днестр, а потом через Дунай и до Царягорода, болгары и серпи к вечной помочи содержания миру с турком, для себя имея с Московским царством соединения веры, неотступно спомочны будут. А что королевство Польское, утаясь, турку Каменец и Подолье уступили и на отвращение от турка в том к полякам не приставать и в том им впрямь отказать, что они учинили, составлявая зло царству Московскому и до конца хотя разорить в Киеве благочестие. А сия на них жалоба и к посторонним государям надобно писать и наслушать, а

за их непостоянной умысел то им явное обличение перед всем светом от всесильного Господа Бога. И сие извещение милостиво принять в чем вера положена, когда был в великих посольствах, покамест жив, за собою недержать. И великому государю его царскому величеству челобитье на себя поднес с первого дни, чтобы в прошедших делах распрошен был во всех своих винах. И того не дождав, боясь смертного часу, за живота своего сие извещаю. И о том как великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу всеа Великия и Малый и Белыя Росии самодержцу милостивый Бог известит.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Л. ОРДИНА-НАЩОКИНА

1606 — в семье опочецкого помещика Лаврентия Гавриловича Ордина-Нащокина родился сын Афанасий.

1621 — записан в «полковую службу» в Пскове.

1621–1622 — в ходе «разбора служивых городов» в декабре 1621 года «нович» Ордин-Нащокин «поверстан денежным и поместным окладом», поступил на госслужбу в Пскове.

Между 1625 и 1630 — женитьба на Пелагее, дочери псковского дворянина Василия Колобова.

1642, январь — участие в межевом съезде по урегулированию российско-шведских пограничных проблем.

1643 — миссия в Молдавию для проверки сведений о готовящемся нападении турецких и польских войск на Русь.

1644 — отчет в Москве о делах молдавского посольства, возвращение в Псков.

1645 — кончина царя Михаила Федоровича, восшествие на престол его сына Алексея.

1650 — служит в воеводском управлении Пскова, поддерживает связь с влиятельным московским боярином М. В. Шереметевым. Бунт в Пскове («псковская гиль»), попытки его умиротворения, бегство в Москву с последующим пожалованием в московские дворяне. Участие в переговорах по пограничным вопросам с руководством шведской администрации в Ливонии. Возглавляет переговоры со шведами в Пскове.

1654–1656 — участие в войне с Польшей, штурме Витебска, осаде Динабурга, назначение воеводой в город Друя.

1656 — начало войны против шведов в Ливонии, Дрисская операция, безуспешный штурм Риги. Назначен воеводой в Кокенгаузен (Царевич-Дмитриев).

9 сентября — подписание договора о дружбе и союзе с Курляндией. Установление по инициативе Ордина-Нащокина регулярной почтовой связи с Польшей и Курляндией.

1658, апрель — назначен полномочным представителем на переговорах со Швецией, пожалован чином думного дворянина.

1 декабря — подписание Валиесарского перемирия, по которому Россия на три года получила доступ к побережью Балтийского моря.

1658–1659 — попытки мирных переговоров со шведами в Торрорфе, сдача позиций на побережье Балтики, разрыв перемирия в Валиесари.

1660 — бегство сына Ордина-Нащокина Воина за границу.

1661, июль — Кардисский мирный договор со Швецией.

1662, январь — 1663, май — участие в российско-польских переговорах во Львове с участием Яна Казимира, короля Польши.

1665, январь — назначен воеводой Пскова.

Октябрь — пожалован чином окольничьего, передал воеводство в Пскове князю И. А. Хованскому, назначен главой посольства на переговорах с Речью Посполитой.

1666, февраль — март — подготовка переговоров с поляками.

1666, март — 1667, январь — глава русской делегации на переговорах в Андрусове.

1667, 10 января — подписание российско-польского договора.

1 февраля — торжественная встреча российской делегации в Москве.

Июнь — удостоен титула «Царственные большие печати и государственных посольских дел сберегатель», назначен главой Посольского и Малороссийского приказов.

4 декабря — ратификация Андрусовского договора в Москве.

23 декабря — ратификация договора в Варшаве.

1668 — установление по инициативе Ордина-Нащокина постоянной почтовой связи Руси с европейскими державами. Поездка в Курляндию для заключения торгового соглашения.

1669 — на верфи в селе Дединове на Оке спущен на воду первый российский корабль «Орел», на котором впервые поднят трехцветный флаг, разработанный по проекту Ордина-Нащокина.

1670, апрель — договор с Крымским ханством о мирном урегулировании двухсторонних проблем.

1671, февраль — отставка Ордина-Нащокина.

1672, 21 февраля — отправляется в Крыпецкий монастырь близ Пскова, где принял монашеский постриг под именем инок Антония.

1672–1680 — послушник Крыпецкого монастыря, монах-строитель Никольского монастыря в Любятове близ Пскова. Пишет политическое завещание «Ведомство желательным людям».

1679, октябрь — вызов в Москву для подготовки переговоров с Польшей, возвращение в монастырь.

1680 — кончина Ордина-Нащокина. Похоронен на Псковщине, могила

не сохранилась.

ИЛЮСТРАЦИИ

Іоанн Сидоровъ Намодѣ

Алексей Михайлович Романов, царь и великий князь всея Руси

Древний Псков, где начал государеву службу Афанасий Ордин-Нащокин

Московский Кремль в XVII веке.

Картина А. М. Васнецова

Боярская дума при Михаиле Романове.

Картина А. П. Рябушкина

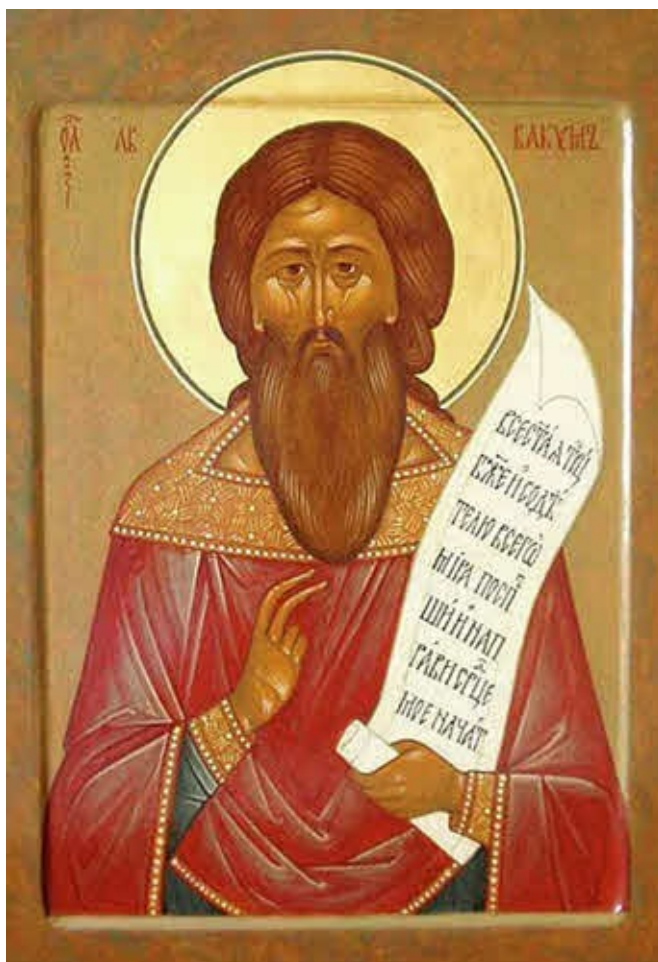

Соляной бунт в Москве 1648 года.

Картина Э. Лиснера

Подлинник Соборного уложения 1649 года, хранящийся в Оружейной палате

Протопоп Аввакум.

Старообрядческая икона

Патриарх Никон

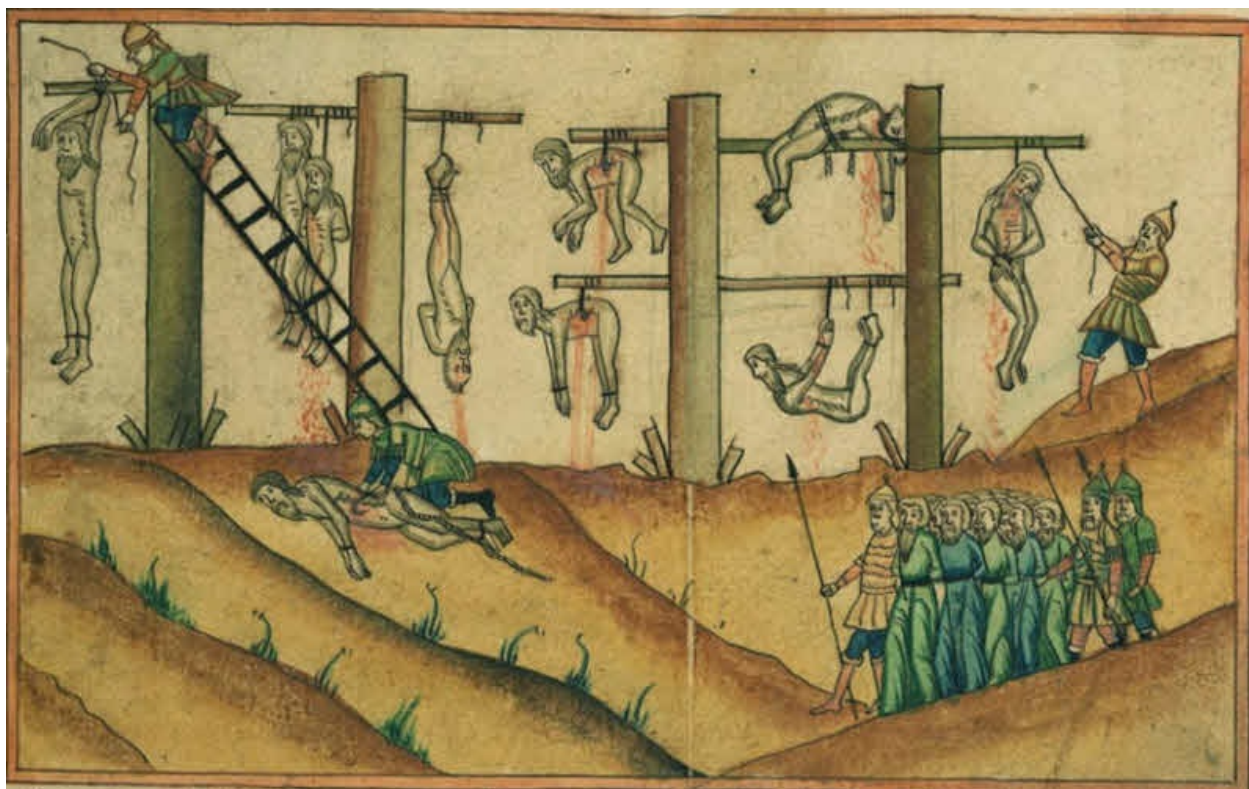
Церковный собор 1654 года.

Картина А. Кившенко

Различия между старыми и новыми обрядами.

Старообрядческая миниатюра

Казнь соловецких иноков.

Рисунок из рукописи XVIII в. «Об отцах Соловецкого монастыря»

Русские крестьяне.

Гравюра из книги Адама Олеария

Медный бунт в Москве в 1662 году.

Картина Э. Лиснера

Богдан Хмельницкий, гетман реестровых казаков

Ян II Казимир, король Речи Посполитой

Алексей Михайлович принимает капитуляцию Смоленска в 1654 году

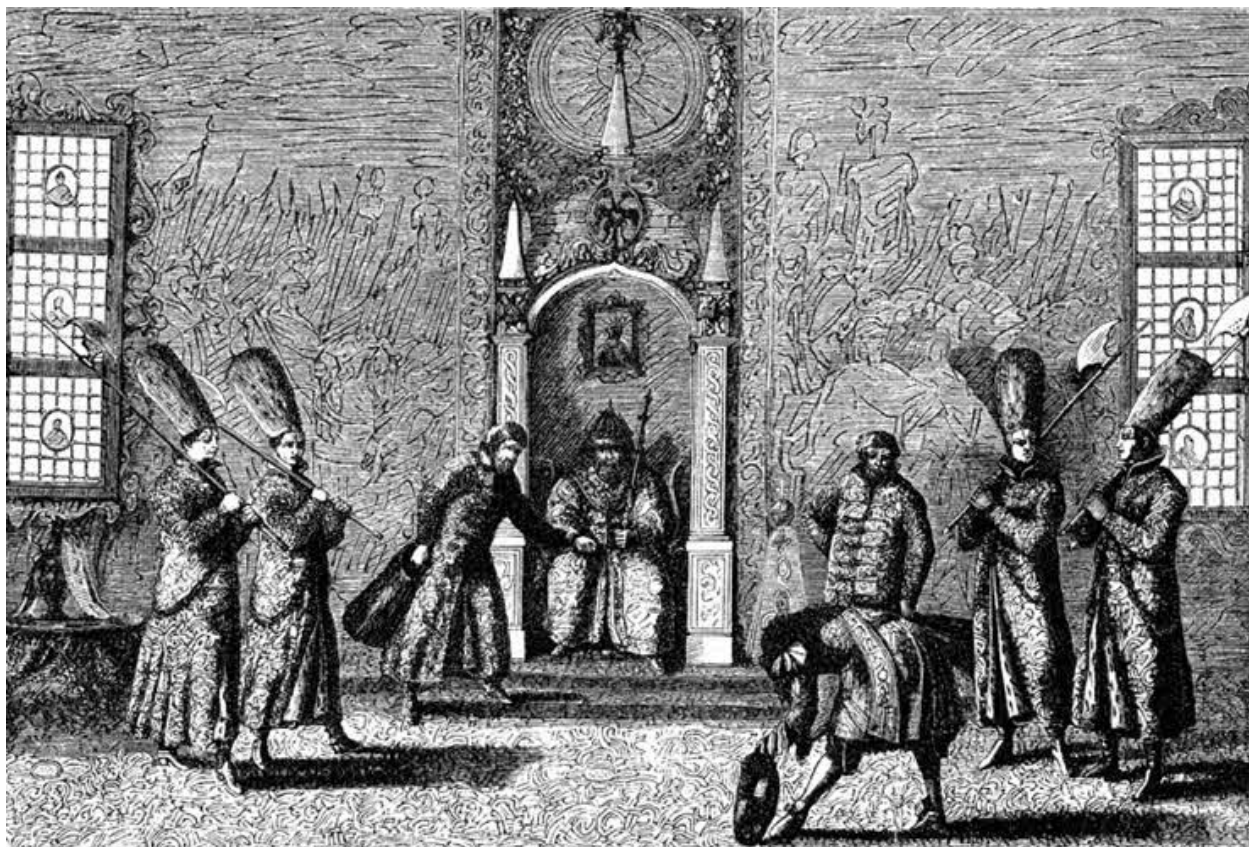
Князь Никита Одоевский

Князь Иван Хованский

Артамон Матвеев

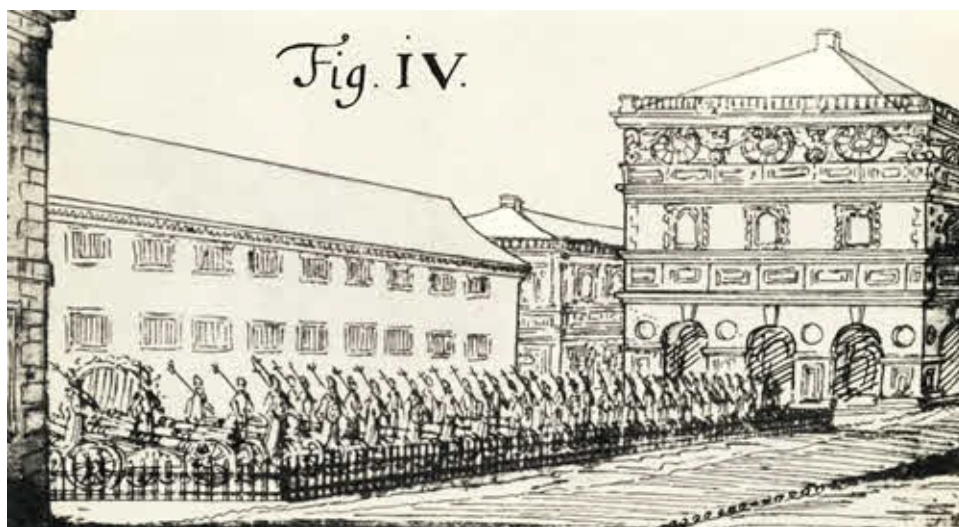

Прием Алексеем Михайловичем шведского посольства.

Рисунок Э. Пальмквиста, 1673 г.

Памятный знак на месте заключения Андрусовского перемирия 1667 года

Здание Посольского приказа в Москве.

Гравюра из книги Адама Олеария, 1647 г.

Посольский двор.

Рисунок В. Шереметева, 1912 г.

Фрегат «Орел» — первый в России военный корабль, построенный по инициативе Ордина-Нащокина

Большая царская печать, «оберегателем» которой был Ордин-Нащокин

Русское посольство к императору Максимилиану II в Регенсбурге.

Ксилография (раскрашенная гравюра) 1576 г.

Царь Федор Алексеевич

Князь Василий Голицын

Крыпецкий монастырь близ Пскова, куда Ордин-Нащокин удалился на покой в 1672 году

Храм Святителя Николая в бывшем Николо-Любятковском монастыре, где прошли последние годы старца Антония Нащокина

Почтовая марка, посвященная Ордину-Нащокину — одному из основателей российской почты

Памятник «Тысячелетие России» в Великом Новгороде

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М., 2006.
- Аракчеев В. А. Средневековый Псков. Псков, 2004.
- Верх В. Н. Ордин-Нащокин // Новоселье. 1845. Ч. I. С. 395–402.
- Буганов В. И. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 60–81.
- Галактионов И. В. Ранняя переписка А. Л. Ордина-Нащокина (1642–1645 гг.). Саратов, 1968.
- Галактионов И. В., Чистякова Е. В. А. Л. Ордин-Нащокин: Русский дипломат XVII в. М., 1961.
- Иконников В. С. Ближний боярин А. Л. Ордин-Нащокин // Русская старина. Т. X–XI. 1883.
- Ключевский В. О. Исторические портреты. М., 1990. С. 114–132.
- Ключевский В. О. Сочинения. Т. III // Курс русской истории. Ч. III. М., 1988.
- Копреева Т. Н. «Ведомство желательным людям». Из автобиографических материалов А. Л. Ордина-Нащокина // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 333–349.
- Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 2. М., 2004.
- Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884.
- Постников А. Б. Добрый человек старой Руси А. Л. Ордин-Нащокин. Псков, 2010.
- Соловьев С. М. Древняя Россия. М., 2004.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 10–12. М., 1961.
- Тереженко А. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. Ч. I. СПб., 1837. С. 31–68, 225–237.
- Утверждение династии. М., 1997.
- Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013.
- Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661). М., 2010.
- Чистякова Е. В., Галактионов И. В. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин // «Око всей великой России»: Об истории русской

дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989.

Эйнгорн В. О. Отставка А. Л. Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. XI.

Лопатников В. А.

Л 77 Ордин-Нащокин. Опередивший время / Виктор Лопатников. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 299[5] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1675).

ISBN 978-5-235-04033-5

УДК 94(47)(092)"16"

ББК 63.3(2)45

знак информационной продукции 16+

Лопатников Виктор Алексеевич

ОРДИН-НАЩОКИН. ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ

Редактор *В. В. Эрлихман*

Художественный редактор *Е. В. Кошелева*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректор *Т. И. Маляренко*

Сдано в набор 22.06.2017. Подписано в печать 19.07.2017.
Формат 84х108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 15,96+0,84 вкл. Тираж 3000 экз.
Заказ № 1713040.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Суцеская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль,

ул. Свободы, 97

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Л. Данилкин «ЛЕНИН»
В. Бондаренко «ЛЕГЕНДЫ БЕЛОГО ДЕЛА»
А. Вдовин «ДОБРОЛЮБОВ»
А. Коровашко «МИХАИЛ БАХТИН»
И. Фаликов «ЕВТУШЕНКО»
М. Макеев «НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ»
А. Сенкевич «БУДДА»
В. Антонов «ЭЙТИНГОН»
П. Ренуччи «КЛАВДИЙ»
А. Кулагин «ШПАЛИКОВ»
А. Куланов «ОЩЕПКОВ»
Н. Старосельская «КАВЕРИН»

notes

Примечания

Российская Федерация сегодня. 2013. № 3. С. 27.

Койвисто М. Русская идея. М., 2002.

Созданию этого памятника посвящено немало монографий, исследований, книг, статей. Одна из них, изданная в Великом Новгороде, представляет особый интерес: *Смирнов В. Россия в бронзе. Памятник Тысячелетию России и его герои. Новгород, 1992.*

Берх В. Н. Ордин-Нащокин // Новоселье. 1845. Ч. I. С. 396.

Галактионов И. В., Чистякова Е. В. А. Л. Ордин-Нащокин: Русский дипломат XVII в. М., 1961; Галактионов И. В. Ранняя переписка А. Л. Ордина-Нащокина (1642–1645 гг.). Саратов, 1968; Чистякова Е. В., Галактионов И. В. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин // «Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989.

Мейерберг А. Путешествие в Московию // Утверждение династии. М., 1997. С. 85.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 2. М., 2004. С. 238.

Утверждение династии. С. 224.

Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 264.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 10. С. 496.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 10. С. 496.

Там же. С. 497.

Там же. С. 500.

Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. М., 1995. С. 186.

Лихачев Д. С. Древний Новгород как столица // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы чтений по древнерусской литературе. 16–19 мая 1995 г. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1995. С. 16.

Лихачев Д. С. Земля родная. М., 1983. С. 74–75.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 10. С. 564.

Аракчеев В. А. Средневековый Псков. Псков, 2004. С. 227.

Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб., 2010. С. 307.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 10. С. 628.

Там же. С. 633.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 11. С. 45.

Мейерберг А. Указ. соч. С. 82.

Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина.
М., 2013. С. 36–37.

Постников А. Б. Добрый человек старой Руси. С. 16.

Иконников В. С. Сын ближнего боярина А. Л. Ордина-Нащокина // Русский архив. 1886. № 12. С. 522.

Иконников В. С. Указ. соч.

Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 58.

Там же.

Котошихин Г. Указ. соч. С. 59.

Соловьев С. М. Древняя Россия. М., 2004. С. 76.

Там же. С. 58.

Соловьев С. М. Древняя Россия. С. 51.

Мейерберг А. Указ. соч. С. 93.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 11. С. 125.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 11. С.127.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 2. М., 2004.

Котошихин Г. Указ. соч. С. 130.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 11. С. 66.

Там же. С. 64.

Там же. С. 64–65.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 11. С. 67.

Мейерберг А. Указ. соч. С. 89.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 12. С. 277.

Ключевский В. О. Исторические портреты. М., 1990. С. 128.

Галактионов И. В., Чистякова Е. В. А. Л. Ордин-Нащокин: Русский дипломат XVII в. М., 1961. С. 44.

«Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 8.

Россия начала XVII века. М., 1982. С. 160.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 3. Стб. 1082. СПб., 1854.

«Око всей великой России». С. 28.

Коллинс С. Нынешнее состояние России // Утверждение династии. М., 1997. С. 220.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 12. С. 247–248.

Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 433.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 12. С. 249.

Коллинс С. Указ. соч. С. 214.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 12. С. 276.

Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 3. М., 1987. Курс русской истории. С. 109.

Иконников В. С. Ближний боярин А. Л. Ордин-Нащокин // Русская старина. 1883. Т. XI.

Постников А. Б. Добрый человек старой Руси А. Л. Ордин-Нащокин.
С. 37.

Там же. С. 46.

Постников А. Б. Указ. соч. С. 38.

См. приложение.

Постников А. Б. Указ. соч. С. 39–72.

Блюш Ф. Ришелье. М., 2006 (серия «ЖЗЛ»).

Ключевский В. О. Исторические портреты. С. 316.

Ключевский В. О. Исторические портреты. С. 318.

К истории Андрусовского перемирия 1667 г. // Исторический архив. 1959. № 6. С. 82–90.

Здесь и далее речь идет о договорах между Русью и Швецией — Валиесарском 1658 года, Оливском 1660 года и Кардисском 1661 года.

Речь идет о договоре, заключенном послом курфюрста бранденбургского Йонасом фон Эйленбургом в сентябре 1656 года под Ригой. По его условиям курфюрст обязался соблюдать нейтралитет в войнах Руси с Польшей и Швецией. Энбленг — город Эльбинг (ныне Эльблонг), который оспаривали Бранденбург и Польское королевство.

В духе своей враждебности по отношению к Швеции Ордин-Нащокин преувеличивает роль шведских агентов в разжигании войны между Русью и Польшей. Главной причиной этой войны, как уже говорилось, была помощь русского правительства восставшим против польско-католического господства жителям Украины. К войне с Русью призывали польско-литовские магнаты, деятели католической церкви и эмиссары ряда европейских стран, в первую очередь Франции.

Речь идет о восстании в Москве 25 июля 1662 года, известном как Медный бунт.

РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Д. 105. Л. 1.

Копреева Т. Н. «Ведомство желательным людям». Из автобиографических материалов А. Л. Ордина-Нащокина // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 333–349.

1675 или 1676 год.

Имеется в виду конвокационный сейм (от лат. *convocatio* — созыв), решающий вопросы выборов короля Речи Посполитой.

Стефан Медекша — ковенский земский староста, посол Речи Посполитой на переговорах о мире в 1666–1667 годах.

Имеется в виду не Коран, а некая книга или документ на арабском языке.

Шерть — клятва верности, которой сопровождались договоры татарских ханств с Русским государством.

Имеются в виду сенаторы — члены верхней палаты сейма Речи Посполитой.

Имеется в виду ливонская крепость Кокенгаузен (ныне Кокнесе в Латвии), переименованная русскими в Царевич-Дмитриев.

В 1678 году сын Богдана Хмельницкого Юрий (Юрась) появился с турецким войском на Правобережной Украине и стал на короткое время ее гетманом.

Неизвестная записка А. Л. Ордина-Нащокина о русско-польских отношениях 2-й пол. XVII в. // Проблемы источниковедения. Т. IX. 1961. С. 213–218.